This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 30 597
DK
511
V95S6

Digitized by Google

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

Digitized by Google

Digitized by Google

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII

EX LIBRIS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

ИСТОРІЯ

ВЯТСКАГО ГЛАВНАГО

НАРОДНАГО УЧИЛИЩА.

(1786—1811 г.г.).

Составилъ А. Спицынъ

Перепечатано изъ Календаря Вятской губерніи на 1891 г

ИЗДАНІЕ ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1891.

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Печатано по постановленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 27-го ноября 1890 года.

MILIUKOV LIBRARY

Digitized by Google

DK511
V9556

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

ИСТОРІЯ ВЯТСКАГО ГЛАВНАГО НАРОДНАГО УЧИЛИЩА.

(1786—1811 г.г.).

I. Открытіе въ г. Вяткѣ главнаго народнаго училища.

Кто изъ русскихъ людей первой половины XVIII в. считалъ грамоту дѣломъ полезнымъ или нужнымъ для своихъ дѣтей, въ каждомъ городѣ, селѣ, въ каждой значительной деревнѣ безъ всякаго затрудненія находилъ лицъ, которыя за весьма дешевую плату вполнѣ успѣшно могли научить ихъ и чтенію, и письму. То были бѣдные церковники, грамотные бобыли и частью солдаты. Учили они азбукѣ, письму, псалтири и часослову, впослѣдствіи даже катихизису. Школы, разсчитанной на болѣе широкій курсъ знаній, претендующей на внесеніе въ жизнь болѣе изысканныхъ теоретическихъ и практическихъ интересовъ, словомъ школы правительственной, распространяющейся и руководимой силою авторитета власти, еще не было, и не чувствовалось въ ней потребности. Петръ Великій сдѣлалъ попытку создать такія школы, но его „цыфирныя школы“ не привились: чрезъ 6 л. послѣ указа о нихъ онъ принужденъ былъ освободить горожанъ отъ обязанности посылать въ нихъ дѣтей учиться. Нѣсколько позднѣе, духовный регламентъ настойчиво требовалъ учрежденія школъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, но несмотря даже на новые подтвердительные указы о томъ школы не открывались, а открывшіяся возбуждали сильный ропотъ въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, какъ учрежденія ненужныя и обременительныя. Правительство совершенно отказалось отъ мысли о народныхъ школахъ и усиленно слѣдило только за тѣмъ, чтобы не оставались неученными дѣти священно-служителей, для которыхъ почти всюду были открыты и усердно поддерживались греко-латинскія школы, прототипъ будущихъ семинарій. Но вотъ развилось, расши-

№303217

Digitized by Google

рилось и окрѣпло просвѣтительное движеніе второй половины XVIII в.; съ стремительной быстротой охватило оно и Россію. Это движеніе, это духовное „возрожденіе“ прошлаго вѣка въ основѣ своей имѣло горячее, фанатическое поклоненіе разуму и сердцу человѣческому. Культъ свободнаго отъ предубѣжденій разума и культъ чувства, не подчиненнаго традиціи и авторитету, создали увлекательныя теоріи воспитанія, ясныя и возвышенныя по цѣли, которыя сразу пріобрѣтали массу дѣятельныхъ поклонниковъ не только въ средѣ руководителей умственнаго движенія тогдашняго времени, но и въ руководящихъ классахъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Идея просвѣщенія путемъ науки и школы слѣпыхъ массъ, коснѣющихъ среди всякаго рода суевѣрій, серьезно заняла мысль философовъ и политическихъ дѣятелей. Увлеченіе ихъ не знало и не признавало никакихъ препятствій въ осуществленіи завѣтныхъ стремленій, и только такое увлеченіе могло породить и частью осуществить столь грандіозный планъ общественнаго перевоспитанія путемъ школы, какой созданъ и проведенъ у насъ волею и заботами Императрицы Екатерины II. Заявивъ торжественно, что по ея мнѣнію „корень всему добру и злу воспитаніе“, что „держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается — произвести способомъ воспитанія новую породу отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами“, что воспитаніе должно идти по новымъ педагогическимъ правиламъ, сообразно природѣ человѣка, Императрица положила одною изъ важнѣйшихъ задачъ своего царствованія поставить на твердую почву общественное воспитаніе среди врученнаго ей судьбою народа, и со свойственной ей неспѣшной настойчивостью принялась осуществлять свое намѣреніе цѣлымъ рядомъ соотвѣтственныхъ мѣропріятій. Сперва они имѣли болѣе или менѣе частный или случайный характеръ, но въ 1782 году императрица учредила особую комиссію о народныхъ училищахъ, къ которой умѣла привлечь достойныхъ дѣятелей и которая чрезъ три года усиленныхъ занятій составила замѣчательный проэктъ открытія народныхъ школъ сразу во всѣхъ городахъ и селеніяхъ имперіи и приготовилась осуществить его, надѣясь, при условіи дѣятель-

Digitized by Google

наго содѣйствія со стороны Императрицы, дать школамъ и средства, и учителей, и разработанныя программы преподаванія, даже учебники, даже преодолѣть то пассивное сопротивленіе или въ лучшемъ случаѣ равнодушіе, которыя неизбѣжно слѣдовало ожидать со стороны еще неподготовленнаго общества. Императрица утвердила предположенія комиссіи и съ достойной уваженія твердостію занялась ихъ осуществленіемъ. Конечно, не все оказалось возможнымъ сдѣлать, что было предположено, но и то, что было выполнено, составляетъ ея личную и весьма значительную заслугу. Руководимой ею комиссіи выпала на долю задача болѣе чѣмъ трудная — создать традиціи свѣтскаго образованія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было и гдѣ это образованіе считалось за лишнее или было непонятно, ей пришлось создать самую идею правительственной школы, и если она не пала подъ бременемъ своей задачи, то потому лишь, что была только исполнительнымъ органомъ въ рукахъ сильной и дѣятельной власти.

Въ 1786 г. комиссія нашла возможнымъ приступить къ открытію главныхъ народныхъ училищъ, на первое время въ 25 губернскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Вяткѣ. Школы рѣшено было открыть съ особенною торжественностью и всѣ одновременно, именно въ день коронованія Императрицы (22 сентября), „дабы сей день, въ блаженствѣ Россіи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенію“. Въ августѣ 1786 г. казанскій генералъ-губернаторъ кн. Мещерскій получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ заключалось увѣдомленіе о рѣшеніи комиссіи и которымъ требовалось, чтобы онъ приготовилъ къ назначенному дню все необходимое къ открытію между прочимъ и въ Вяткѣ главной народной школы и нѣсколькихъ малыхъ по уѣзднымъ городамъ, а также отыскалъ бы средства на ихъ содержаніе изъ доходовъ городскихъ и приказа обществ. призрѣнія, впрочемъ безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія для другихъ полезныхъ заведеній *). Кн. Мещерскій поспѣшилъ тотчасъ же увѣдомить о волѣ Императрицы вятскаго намѣстника Желтухина и предложилъ

*) **Юрьевъ.** Народное образованіе въ Вятской губерніи въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Вятка 1887 г. стр. 7—9. Рескриптъ Мещерскому и предложеніе послѣдняго Желтухину см. въ сборн. „Столѣтіе Вятск. губ.“ т. I, 237.

Digitized by Google

ему немедленно войти въ сношенія съ городскимъ обществомъ, озаботиться отысканіемъ удобнаго помѣщенія подъ училище, затребовать отъ обывателей записки, кто именно и кого изъ дѣтей желаетъ отдать въ школу, и 22 сентября открыть ее. Желтухинъ съ своей стороны не упустилъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры: пріискалъ свободный домъ для помѣщенія училища, „силою своей власти“ *) записалъ въ число будущихъ учениковъ болѣе 30 мальчиковъ, дѣтей городскихъ обывателей, и представилъ къ утвержденію въ должности директора одного изъ своихъ чиновниковъ, бывшаго нѣкогда преподавателемъ семинаріи; комиссія училищъ въ то же время прислала необходимыя пособія **) и учителей,—и въ показанный срокъ Вятское главное народное училище торжественно было открыто. „Сей всевожделѣнный день, день въ роды родовъ незабвенный, ознаменованъ благодаренія и хваленія отъ чувствительныхъ сердецъ вѣрноподданныхъ при духовной церемоніи, которую совершалъ преосв. Лаврентій, епископъ Вятскій, въ присутствіи правителя намѣстничества Ѳ. Ѳ. Желтухина съ чиновными особами, купечествомъ и прочими согражданами“. За нѣсколько дней до открытія училища чрезъ управу благочинія объявлено было жителямъ г. Вятки, что 22 сентября, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, будетъ открыто главное народное училище. Въ назначенный день „все благородное общество и чиновники, на службѣ состоявшіе, собрались въ 9 час. утра въ губернаторскій домъ, и, по указанію намѣстника, именитое купечество и прочіе первенствующіе горожане, вмѣстѣ съ учителями и поступившими въ училище дѣтьми, отправились въ каѳедральный соборъ для слушанія литургіи и произнесенія молебствія“. Вслѣдъ затѣмъ въ соборъ прибыли правитель намѣстничества и чиновенство. „По окончаніи священно-служенія, процессія въ томъ же порядкѣ двинулась въ назначенное для училища зданіе“, куда вскорѣ прибылъ преосвященный Лаврентій съ городскимъ духовенствомъ. По совершеніи молебствія и окропленія всѣхъ святою водою училище объявлено открытымъ ***).

*) Выраженіе, заимствованное изъ Исторической записки 1808 г.

**) На 426 руб.

***) Церемоніалъ открытія главнаго училища извѣстенъ лишь въ краткомъ изложеніи (Столѣтіе Вят. губ. I, 288). Насколько онъ былъ торжественъ въ дру-

Digitized by Google

Пышный церемоніалъ достигъ своей цѣли: поразилъ воображеніе гражданъ и показалъ всѣмъ, какъ серьезно относится правительство къ дѣлу учрежденія школъ. Перестали гудѣть вятскіе ребята въ школѣ отставнаго писца Глухихъ, мѣщанина Ланскихъ, солдатки Васильевой, дьякона Покровской церкви Луппова и другихъ двухъ *)...

II. Администрація главнаго училища. Попечители. Приказъ обществ. призрѣнія. Директора. Попечитель Казанскаго учебнаго округа. Отчетность.

Непосредственное наблюденіе за ходомъ преподаванія въ школахъ уставомъ 1786 г. было возложено на директора; ему же дано право опредѣлять и увольнять учителей, но съ разрѣшенія попечителя училища и съ вѣдома приказа. Чтобы предупредить со стороны директора злоупотребленіе своею властью, уставъ найсточиво указываетъ, что онъ съ учителями долженъ поступать „яко съ носящими на себѣ трудныя и важныя должности воспитанія сыновей отечества, ласково, и не оставлять ихъ дѣломъ и совѣтомъ какъ въ классахъ, такъ и въ собственныхъ ихъ нуждахъ, особливо же не покидать ихъ въ болѣзни“. Директоръ назначался генералъ-губернаторомъ, по представленію намѣстника, и по уставу „долженъ быть любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія“. Директору поручено было также наблюденіе за малыми училищами, частными пансіонами и домашними школами; по дѣламъ, касающимся училищной части, онъ засѣдалъ въ приказѣ съ правомъ голоса.

На директоровъ Вятскому главному училищу, можно сказать, посчастливилось. Первымъ директоромъ былъ назначенъ Ив. *Стефановичъ*, кончившій курсъ въ кіевской академіи и послѣ бывшій учителемъ въ псковской и казанской семинаріяхъ и нѣкоторое время даже префектомъ послѣдней, но въ послѣдней должности онъ пробылъ не долго и попалъ въ свѣтскую службу, сперва казначеемъ въ яранскую воеводскую

гихъ мѣстахъ, можно судить по описанію открытія училища въ Перми. См. **Фирсова**, открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губер. Пермскій Сборникъ т. I. 1859 г.

*) Всѣ частныя школы по требованію Желтухина были закрыты. Учениковъ въ нихъ было 61. **Юрьевъ**, стр. 15 и 41.

Digitized by Google

канцелярію, былъ отмѣченъ намѣстниками, въ 1786 г. состоялъ уже предсѣдателемъ губернскаго магистрата и въ то же время исполнялъ должность совѣтника губернскаго правленія *). Это былъ уже пожилой человѣкъ, но еще бодрый, если судить по тому, что онъ съ такимъ успѣхомъ и достоинствомъ несъ свою службу въ продоженіи 14 л. (съ небольшимъ перерывомъ), а главное—это былъ несомнѣнно одинъ изъ образованнѣйшихъ вятчанъ того времени. Въ 1797 г. Стефановичъ, чувствуя утомленіе, испросилъ себѣ отставку, но назначенный на его мѣсто совѣтникъ губернскаго правленія Насѣдкинъ оказался столь не подходящимъ къ своей должности, что первымъ дѣломъ новаго губернатора Зиновьева, два года спустя, было вновь пригласить на службу Стефановича, „въ наукахъ человѣка заслуженнаго и поведенія добропорядочнаго“, причемъ ему же были поручены въ приказѣ обязанности губернскаго предводителя. Два года спустя, въ 1800 году, при вступленіи въ должность губернатора Латышева, Стефановичъ, вѣроятно въ слѣдствіе чьихъ-нибудь происковъ, былъ вновь уволенъ, даже безъ прошенія. Очень обиженный такой отставкой, Стефановичъ обратился съ жалобой къ ревизующимъ тогда губернію сенаторамъ Спиридову и Лопухину. Сенаторы, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, убѣдились, что Стефановичъ обиженъ напрасно, и предлагали ему вновь занять мѣсто директора, но онъ отказался, хотя по мнѣнію сенаторовъ не такъ былъ старъ, чтобы не могъ нести еще далѣе эти обязанности (ему было не болѣе 60 лѣтъ) и къ тому же обладалъ большою живостью духа и значительнымъ здоровьемъ. Спиридовъ и Лопухинъ дали весьма лестный отзывъ о Стефановичѣ, какъ о человѣкѣ знающемъ и благонравномъ, служащемъ образцомъ въ нравахъ для учащихся. „За долгъ усердія къ пользѣ губерніи почитаемъ изъявить сожалѣніе, что школы ея лишены столь достойнаго директора. При осмотрѣ нашемъ, видѣли мы оныя трудами искусства его, г. Стефановича, приведенныя въ наилучшее состояніе... Предметъ школъ столь есть важенъ, а г. Стефановичъ столь отличныя имѣетъ способности управлять оными и столь не легко найти въ сію должность подобнаго ему, что мы... конечно бы сочли за нужное поправить отрѣшеніе г.

*) Юрьевъ стр. 11.

Digitized by Google

Стефановича, но при всѣхъ убѣжденіяхъ не соглашается паки принять здѣсь ту должность“ *). Вполнѣ довѣряя свидѣтельству сенаторовъ о благопріятномъ положеніи вятскихъ школъ подъ управленіемъ Стефановича, мы лишь прибавимъ, что онъ, опытный въ служебныхъ дѣлахъ человѣкъ, при другихъ своихъ душевныхъ качествамъ, очевидно обладалъ большою осмотрительностью и умѣлъ вслѣдствіе этого ладить съ попечителями и съ приказомъ. Новый директоръ на первое время былъ не такъ въ этомъ отношеніи счастливъ.

Какъ было трудно найти достойнаго преемника Стефановичу, видно изъ того, что избранный губернаторомъ Зиновьевымъ на должность директора въ 1797 г. совѣтникъ губернскаго правленія Насѣдкинъ оказался совершенно несостоятельнымъ въ ней. Новый губернаторъ, Тютчевъ, „желая самолично отъ учителей узнать подробно состояніе училища и споспѣшествовать благосостоянію онаго“, въ 1799 г. отрѣшилъ Насѣдкина отъ должности. Составитель отчета за этотъ годъ, Стефановичъ, обсуждая причины малаго количества учениковъ отчетнаго года, иронически замѣчаетъ: „и надзоръ надъ онымъ въ отношеніи директора, который, не имѣя счастія быть знакомъ съ музами, слѣдовательно со знаніями и науками, съ сею должностью сопряженными, а посему уже не въ состояніи былъ предупреждать или отклонять упадокъ, въ училищѣ послѣдовать имѣющій“.

Неудача опредѣленія на должность директора училищъ лица, не имѣющаго спеціальной подготовки, привела губернатора Латышева къ мысли представить къ утвержденію въ этой должности старшаго учителя главной школы ***Рапинова***, извѣстнаго ему за человѣка знающаго и усерднаго, который и занималъ ее съ 1801 г. въ теченіи 10 л., до преобразованія училища въ гимназію въ 1811 г. **) и даже оставался на нѣкоторое время первымъ директоромъ ея. Какъ **homo novus**, человѣкъ, выдвинувшійся только благодаря отсутствію достойныхъ соперниковъ, Рапиновъ дорожитъ своимъ положеніемъ, усердно относится къ своему дѣлу и послѣ небольшихъ столкновеній устанавливаетъ удовлетворительныя отношенія къ при-

*) Отзывъ приведенъ въ статьѣ г. **Нурминскаго** О народныхъ школахъ (Стол. Вятск. губ. т. II, 672. **Юрьевъ**, стр. 11, 71, 75, 80.

**) Рапиновъ, какъ и другіе учителя, былъ воспитанникомъ семинаріи (казанской) и затѣмъ кончилъ курсъ въ петербурской учительской гимназіи.

Digitized by Google

казу. Попечитель округа Румовскій былъ доволенъ исправною дѣятельностью Рапинова и возлагаетъ на него заботу о преобразованіи училища въ гимназію, хотя въ отзывѣ о немъ министру и выражается очень сдержанно. Вѣроятно, Рапиновъ былъ добросовѣстный, но не увлеченный и не талантливый педагогъ и выдвинулся быть можетъ лишь потому, что въ удобную минуту занималъ мѣсто старшаго учителя. Такъ какъ Главное правленіе не могло найти учителя математики взамѣнъ Рапинова, то онъ долгое время продолжалъ заниматься въ IV кл., не получая впрочемъ за это особаго вознагражденія. Онъ нѣсколько разъ хлопоталъ о прибавкѣ жалованья за математическій классъ, но попечитель умѣлъ отклонять его требованія, и только въ 1809 г. „въ уваженіе трудовъ“ ему назначено добавочное вознагражденіе, но въ то же время попечитель отказался хлопотать о выдачѣ ему жалованья за всѣ прошлые годы: „по удостоеніи правленія за сіе награждены вы настоящимъ чиномъ ранѣе узаконенныхъ лѣтъ, чѣмъ и должно почитать вамъ себя удовлетворительно возданнымъ“, писалъ ему Румовскій въ отвѣтъ на его новыя просьбы. Выдающіеся труды заслужили бы большаго вниманія.

По штату директора получали 500 р. асс. въ годъ жалованья, кромѣ того разъѣздныя и квартирныя, и ихъ положеніе было несравненно обезпеченнѣе, чѣмъ учительское.

По выраженію одного отчета, „до года милиціи въ училищѣ всѣмъ распоряжался приказъ обществ. призрѣнія“, но послѣ того онъ „не имѣлъ надъ народными училищами никакого распоряженія“, кромѣ, конечно, хозяйственнаго. Опредѣленіе и увольненіе учителей, отчасти наблюденіе за ходомъ преподаванія и за дѣятельностью директора, вообще учебная и административная сторона школъ съ открытія ихъ на нѣкоторое время составила не предусмотрѣнное уставомъ, но допускаемое практикой право и обязанность приказа. Повидимому, это право возникло вслѣдствіе распоряженія, чтобы годичные отчеты представлялись въ Комиссію училищъ чрезъ приказъ и съ его заключеніемъ. Между директоромъ и приказомъ случались столкновенія, и во всѣхъ столкновеніяхъ этихъ приказъ обращается къ директору, какъ лицу подчиненному. Въ 1802 г. Комиссія училищъ обратилась въ при-

Digitized by Google

казъ съ требованіемъ доставить ей историческія записки о состояніи народныхъ училищъ въ губерніи за все время ихъ существованія. Приказъ требовалъ составленія этихъ записокъ отъ директора Рапинова, и когда тотъ отвѣтилъ, что подобныя записки доставляются имъ въ приказъ ежегодно и не можетъ ли приказъ послать съ нихъ копіи, приказъ отвѣтилъ ему: „чтобы онъ, директоръ, историческія записки за всѣ годы, какъ требуетъ комиссія, сочинивъ во всѣхъ частяхъ, подалъ въ приказъ немедленно, причемъ объявляетъ ему, чтобы впредь отъ подобныхъ прихотливыхъ представленій, къ единому только приказа затрудненію, удержался, *не доводя себя до непріятныхъ послѣдствій*“. Нѣсколько позднѣе тотъ же директоръ былъ вызванъ въ приказъ, и въ присутствіи ему сдѣланъ выговоръ за то, что онъ въ формулярѣ своемъ помѣтилъ, что состоитъ членомъ приказа въ должности губернскаго предводителя, тогда какъ уже не состоялъ въ этой должности; сдѣлано было замѣчаніе съ подтвержденіемъ, чтобы впредь поступалъ осмотрительнѣе, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ взысканія по законамъ *). Съ какою осторожностью само начальство относилось къ мѣстнымъ приказамъ, о томъ даетъ хорошее понятіе одинъ характерный случай. Въ 1805 г. директоръ Рапиновъ жаловался попечителю округа Румовскому на невыдачу приказомъ учителю математики полнаго жалованья за его занятія въ другомъ классѣ. Румовскій отвѣтилъ, что „въ подобныхъ случаяхъ приказы дѣлаютъ затрудненія“, и просилъ подождать того времени, когда суммы будутъ находиться въ завѣдываніи управляющихъ школами.

Хотя директоръ и учителя и находились подъ нѣкоторой опекой приказа и не могли устранить возможность непріятныхъ столкновеній съ нимъ, все же онъ оказалъ училищу существенную услугу, принявъ на себя нелегкую задачу доставлять ему необходимое содержаніе въ теченіе всего времени его существованія.

Попечителемъ народныхъ училищъ по уставу 1786 г. состоялъ мѣстный губернаторъ, который, въ качествѣ предсѣдателя приказа общественнаго призрѣнія, долженъ былъ принимать всѣ зависящія отъ послѣдняго мѣры къ улучше-

*) **Юрьевъ**, стр. 88—89.

Digitized by Google

нію устройства школъ, но главною его обязанностью, особенно въ началѣ, считалось открытіе новыхъ школъ; кромѣ того въ число спеціальныхъ его обязанностей входила забота о библіотекѣ и кабинетахъ школъ, которые могли процвѣтать лишь на столько, на сколько губернаторъ успѣвалъ вызвать на нихъ частныя пожертвованія. Губернаторамъ рекомендовалось во время ревизій посѣщать и мѣстныя учебныя заведенія „какъ не менѣе другихъ въ себѣ пользы заключающія".

Попечителями сперва были намѣстники Желтухинъ (1786—1796) и Зиновьевъ (1796—1798), послѣ губернаторы Тютчевъ (1798—1800), Латышевъ (1800—1802), Руничъ (1802—1804), Болгарскій (1804—1808) и Брадке (1808—1811). Вятское главное училище одолжено изъ этихъ лицъ болѣе всего кажется Желтухину, на долю котораго выпала главная забота объ изысканіи средствъ для него и о привлеченіи къ нему сочувствія общества. Другіе губернаторы, напр. Зиновьевъ, Латышевъ, Руничъ и Брадке, заняты были искорененіемъ огромныхъ злоупотребленій, открывшихся въ Вятской губерніи и не имѣли времени быть полезными школѣ. Вниманіе попечителей къ школѣ выражалось изрѣдка въ посѣщеніяхъ ея во время школьныхъ занятій и въ неизмѣнномъ присутствованіи на ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ, которыя иногда кончались казовымъ осмотромъ школы и ея кабинетовъ. Чрезъ два года по открытіи, 3 мая 1788 г., главное училище посѣтилъ Желтухинъ „съ фамилій и ближними чиновниками". Посѣщеніе было внезапное. Губернаторъ осмотрѣлъ помѣщеніе и слушалъ преподаваніе. Въ 1800 г., при вступленіи въ должность, посѣтилъ училище новый губернаторъ Латышевъ *). Замѣтивъ, что помѣщеніе училища крайне тѣсно и неудобно, онъ распорядился перевести его въ каменный корпусъ присутственныхъ мѣстъ. Генералъ-губернаторы, какъ главные попечители школъ, тоже время отъ времени посѣщали главное училище. На другой годъ послѣ открытія, училище было посѣщено кн. Мещерскимъ, который „выслушавъ испытаніе, оказалъ учителямъ благоволеніе", въ 1806 г. — Модерахомъ, который также „слушалъ отвѣты, осмотрѣлъ кабинеты и все нашелъ въ добромъ устроеніи". Столь

*) Произведенный изъ командировъ Кляземскаго гарнизона „за правду". Любопытно, что Латышевъ былъ малограмотенъ.

Digitized by Google

же поверхностный полу-осмотръ полу-ревизію сдѣлали еще ранѣе сенаторы Салтыковъ и Пестель (1801 г.), посѣтившіе уроки во всѣхъ классахъ, произведшіе небольшое испытаніе и также кончившіе свое обозрѣніе благодарностью къ учителямъ за успѣшность. Губернаторъ Болгарскій любилъ давать учителямъ ученаго характера порученія, напр. послалъ директора осмотрѣть одинъ любопытный обвалъ земли въ Уржумскомъ уѣздѣ, въ другой разъ прислалъ образчикъ руды для испытанія ея качествъ. По дѣламъ видно, что очень серьезное вниманіе обращалъ на училище губернаторъ Руничъ, вскорѣ произведенный въ сенаторы.

Во все время существованія главнаго училища попечителемъ Казанскаго учебнаго округа состоялъ ***Румовскій***, достойнѣйшій человѣкъ. Умный, осторожный и деликатный, онъ въ то же время былъ чрезвычайно внимателенъ къ порученному ему дѣлу и ко всѣмъ нуждамъ своихъ подчиненныхъ. Румовскій все зналъ и ничего не забывалъ. Кажется, большинство бумагъ онъ писалъ собственноручно, и всѣ онѣ изложены образцовымъ по точности, силѣ и красотѣ слогомъ. Попечитель, будучи членомъ Главнаго правленія училищъ, все время жилъ въ Петербургѣ, и всѣ отношенія къ нему директора училищъ ограничивались оффиціальной перепиской, притомъ же обыкновенно чрезъ посредство Совѣта университета.

Согласно уставу 1786 г., директоръ ежегодно, съ помощью доставляемыхъ ему ежемѣсячно рапортовъ и экзаменныхъ вѣдомостей, составлялъ отчетъ, который отправлялъ въ приказъ, откуда, оставивъ копію, пересылали его въ Главное правленіе, а съ учрежденіемъ округовъ еще и попечителю округа. Приказъ присоединялъ къ отчету свое заключеніе о дѣятельности учителей и обо всемъ, что имѣло отношеніе къ школьному дѣлу; кромѣ того каждую треть года приказъ отсылалъ въ Правленіе вѣдомость о своихъ постановленіяхъ по училищной части, а въ январѣ кромѣ того годичный денежный отчетъ.

Современемъ въ Главное правленіе стали посылать только „Историческія записки“ (чрезъ попечителя округа), которыя въ Вятскомъ училищѣ аккуратно велись съ 1786 г. и представляютъ цѣнный историческій матеріалъ. Въ нихъ по-

Digitized by Google

Въ концѣ семисотыхъ годовъ въ большомъ ходу было обученіе грамотѣ по Ланкастерскому способу взаимнаго обученія. Этотъ способъ усердно поддерживался правительствомъ, проникъ въ наши школы и долго держался въ нихъ. Когда и какъ освоилось съ нимъ главное училище, изъ дѣлъ не видно.

Повидимому, обученіе грамотѣ шло въ училищахъ довольно успѣшно, потому что въ теченіе того же перваго года ученики успѣвали прочесть и изучить Правила для учащихся, Сокращенный катехизисъ, Краткую священную исторію и Руководство къ чистописанію. „Правила для учащихся“ заключаютъ въ себѣ указанія и на то, какъ ученикъ долженъ вести себя дома, въ семействѣ. Катихизисъ и Священная исторія изложены очень кратко, но не всегда ясно. Особыхъ уроковъ Закона Божьяго не было.—Христоматія для чтенія на урокахъ русскаго языка составляетъ явленіе уже новой школы. Мы увидимъ далѣе, что старая школа заботилась какъ можно болѣе передать ученикамъ реальныхъ, фактическихъ свѣдѣній, и образованіе формальное ею не было преслѣдуемо. Христоматіею служили всѣ школьные учебники, читаемые и объясняемые въ классѣ такъ, какъ читаются нынѣшнія книги для чтенія. Наша школа оставила этотъ порядокъ занятій, и уроки уже не читаются по учебнику, а разсказываются, лектируются, но многія соображенія ведутъ къ мысли, что старый порядокъ занятій не столь страненъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ, и что возвращеніе къ нему въ той или другой формѣ не заставитъ себя долго ждать.

Молитвословъ не читался, но главныя молитвы заучивались также въ I кл. по описанному ниже пріему посредствомъ письма начальныхъ буквъ.

Со второго полугодія начиналось письмо по прописямъ и даже изученіе начальныхъ правилъ орѳографіи по таблицамъ. Прописи ученики имѣли передъ глазами на партѣ или списывали буквы, написанныя учителемъ для образца на доскѣ. Предварительныхъ письменныхъ упражненій не существовало. Письмо буквъ было расположено въ строгой постепенности отъ простыхъ по начертанію къ сложнымъ. Графической сѣтки не было, но сперва писали межъ двумя линія-

Digitized by Google

ми, потомъ по одной. Письмо подъ тактъ едва ли существовало. Послѣ письма буквъ шло списываніе съ рукописей дѣлового содержанія и письмо подъ диктовку учителя, который при этомъ, пользуясь случаемъ, сообщалъ правила орѳографіи и диктовалъ на нихъ примѣры. Правила эти заучивались и отдѣльно, по особымъ таблицамъ. Когда правила были уже усвоены, дозволялось ученикамъ писать отъ себя, что имъ придетъ желаніе, или задавались легкія темы въ видѣ современныхъ сочиненій.

Переходя во II кл., ученикъ вмѣсто „Правилъ для учащихся“ получалъ „Книгу о должностяхъ человѣка и гражданина“, вмѣсто Краткаго катихизиса пространный, повторялъ и оканчивалъ учебникъ Священной исторіи, продолжалъ упражненія въ чистописаніи и орѳографіи и начиналъ занятія ариѳметикой.

„Книга о должностяхъ“, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, редактировалась самою Императрицею и слѣдовательно ей придавалось особенное значеніе. Она заключаетъ въ себѣ цѣлый кодексъ обязанностей, личныхъ и общественныхъ. Книга начинается изложеніемъ нѣкоторыхъ психологическихъ терминовъ, затѣмъ даются опредѣленія разныхъ добродѣтелей (праводушія, любочестія, спокойствія духа, любовѣдѣнія, дружелюбія, услужливости, искренности, честности, порядка, трудолюбія) и пороковъ (самолюбія, спеси, неучтивости, хвастовства, лжи и пр.), даются медицинскія наставленія „о здравіи“ и правила благопристойности, далѣе идетъ рѣчь о супружескомъ союзѣ и семьѣ, о гражданскихъ обществахъ и государственномъ устройствѣ, о любви къ отечеству, о наукахъ, художествахъ и ремеслахъ, наконецъ курсъ этой оффиціальной этики завершается разнаго рода хозяйственными совѣтами. Конечно, книга такого содержанія не могла быть понята дѣтьми и вѣроятно предполагалось, что съ содержаніемъ ея дѣти освоятся современемъ и безсознательно, какъ въ началѣ безсознательно усваиваются молитвы и заповѣди. По отзывамъ разсматривавшихъ ее лицъ, она скучна, суха, нравоучительна и очень утилитарна.

Пространный катихизисъ отъ краткаго отличался многорѣчивыми объясненіями и примѣненіями практическихъ положеній къ жизни. Составленъ былъ Янковичемъ, образован-

Digitized by Google

нимъ сербомъ, много потрудившимся въ качествѣ члена учебной комиссіи, а можетъ быть митрополитомъ Платономъ.

Ариѳметика проходилась менѣе подробно, чѣмъ нынѣ, и потому-то, вѣроятно, изученіе ея начиналось во второй годъ ученья. Во II кл. проходились правила 4-хъ дѣйствій (при 6 недѣльныхъ урокахъ). Судя по „Руководству для учителей", главнѣйшія занятія ариѳметикою были сосредоточены на механизмѣ счисленія; задачъ давалось мало и притомъ лишь послѣ того, какъ механизмъ счета былъ уже вполнѣ усвоенъ.

Правила орѳографіи, судя по тому, какъ они изложены въ „Руководствѣ для учителей", на нашъ современный взглядъ кажутся очень неточными, неполными и почти ни на чемъ не основанными. Къ правописанію въ старину относились очень не строго, если судить по тому, что самъ директоръ Вятскаго главнаго училища дѣлалъ грубыя ошибки. Въ старую пору хорошая орѳографія была не столько результатомъ добраго ученья, сколько дѣломъ навыка и постоянной практики.

Въ III кл. изучался вновь Пространный катихизисъ, на этотъ разъ съ доказательствами изъ священнаго писанія, читалось евангеліе съ толкованіями, заканчивалась ариѳметика, систематически проходилась русская грамматика, начиналось преподаваніе исторіи и географіи.

„Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій" должно было читать на урокахъ катихизиса и предъ обѣднею въ праздники и воскресенья. Чтенія расположены съ Пасхи. Учитель долженъ былъ предварительно прочесть подлинный евангельскій текстъ, объяснить непонятныя слова, перевести порусски, и уже тогда ученики обращались къ книгѣ „Изъясненій", гдѣ они находили тотъ же текстъ въ русскомъ переводѣ, разчлененный на мелкія части по содержанію, далѣе „изъясненіе", т. е. толкованье и разъясненіе текста, „христіанское ученіе"—догматическія положенія на основаніи текста, и „нравоученіе"—нравоучительный выводъ для жизни. Книжка эта производитъ хорошее впечатлѣніе, какъ по мысли, такъ и по выполненію.

„Краткая россійская грамматика", употребляемая въ училищахъ, состояла изъ несложнаго курса этимологіи. При

Digitized by Google

прохожденіи ея повторялись правила орѳографіи, усвоенныя въ I и II кл. по таблицамъ. Комиссія училищъ съ трудомъ нашла охотника составить русскую грамматику (ее составилъ проф. Сырейщиковъ), и едва ли это руководство не было худшимъ изъ всѣхъ, изданныхъ ею. Для другихъ учебниковъ (кромѣ катихизиса) она пользовалась австрійскими учебными книгами.

Въ III кл. по исторіи проходилась исторія древнихъ народовъ, каждаго въ отдѣльности, по руководству, изданному Комиссіей училищъ „Всемірная исторія, изданная для народныхъ училищъ ч. I". Преподаваніе сопровождалось показываніемъ мѣстъ историческихъ событій по картѣ и составленіемъ особой хронологической таблицы *).

Изъ географіи въ III кл. проходилось введеніе во всеобщую географію, заключающее весьма скудный курсъ физической и математической географіи на 19 стр. малаго формата, и „Краткое землеописаніе Россійскаго государства", состоящее изъ небольшого общаго обозрѣнія государства и списка всѣхъ русскихъ городовъ съ кратчайшими примѣчаніями о каждомъ, нерѣдко только въ родѣ того, что такой-то городъ стоитъ на такой-то рѣкѣ. Учебникъ очень не великъ по объему, но былъ настолько труденъ для изученія, что проходился еще вторично въ слѣдующемъ классѣ. Учителямъ было предоставлено право при повтореніи книги дополнять ее изъ несравненно болѣе подробнаго изданія „Пространное землеописаніе Россійскаго государства".

Въ курсѣ IV кл., продолжавшемся два года, ученики проходили: русскую географію и грамматику (повтореніе), всеобщую исторію (II ч., т. е. исторію Пруссіи и сѣверныхъ и южныхъ европейскихъ государствъ, III ч., т. е. исторію Соединенныхъ Штатовъ, остальныхъ европейскихъ государствъ, а также важнѣйшихъ азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ), исторію Россіи, далѣе проходились: всеобщая и математическая географія, основанія естественной исторіи, геометрія, физика, механика и архитектура съ черченіемъ.

*) Таблица состояла изъ черной доски, раздѣленной на графы по числу изучаемыхъ народовъ, имена которыхъ надписывались сверху графъ; сбоку были написаны вѣка. Во время чтенія исторіи ученикъ долженъ былъ заносить на соотвѣтственное мѣсто доски имена и года событій. Это въ первообразѣ извѣстный впослѣдствіи пріемъ Язвинскаго.

Digitized by Google

Кромѣ этихъ предметовъ преподавалось еще рисованіе, одновременно для учениковъ III и IV кл.

Грамматика въ IV кл. повторялась съ упражненіемъ въ „общежительныхъ“ сочиненіяхъ, т. е. вѣроятно сопровождалась сочиненіемъ писемъ, прошеній, отчетовъ и пр. Идею авторства школа почему-то не поддерживала.

Учебникъ всеобщей исторіи *), какъ и всѣ вообще руководства, изданныя Комиссіею, отличается краткимъ, энциклопедическимъ, справочнымъ характеромъ. Много фактовъ, но нѣтъ между ними связи. Это доказывается уже тѣмъ, что въ учебникѣ нѣтъ подраздѣленія на древнюю, среднюю и новую исторію, нѣтъ указаній на одинаковыя движенія среди нѣсколькихъ народовъ, а историческія судьбы каждаго народа изображены отдѣльно. Такой порядокъ изложенія мы могли бы признать весьма удобнымъ, если бы составителями учебниковъ сдѣланы были кой-какія уступки прагматичности повѣствованія.

Русская исторія проходилась по руководству „Краткая Россійская исторія“ съ дополненіями изъ двутомной „Исторіи Россійскаго государства“ Стритера. Краткая русская исторія, по указанію Шлёцера, была первымъ сноснымъ систематическимъ руководствомъ, обнимающимъ всю исторію народа, такъ какъ исторія Ломоносова составляла только хронологическій перечень событій.

„Краткое руководство къ математической географіи и къ познанію небеснаго шара“ составляетъ собственно объяснительный текстъ къ глобусамъ земному и небесному. „Всеобщее землеописаніе ч. I и II“ **) отличается тою же краткостью изложенія и непонятнымъ обиліемъ фактическаго матеріала. Въ I ч. помѣщена географія Европы, во II-й—другихъ частей свѣта.

„Начертаніе естественной исторіи“ состоитъ изъ двухъ небольшихъ книжекъ мелкой печати и составляетъ руководство довольно наивное въ научномъ смыслѣ, но крайне интересное практическими свѣдѣніями. Это самая занимательная

---

*) Вторая и третья части этого учебника составлены воспитанникомъ Вятской семинаріи, извѣстнымъ Яковкинымъ.

**) Вторая часть составлена Яковкинымъ.

Digitized by Google

книга изъ всѣхъ тогдашнихъ учебниковъ. Текстъ приноровленъ къ природѣ Россіи.

Геометрія понималась буквально какъ землемѣріе и имѣла вполнѣ практическій, примѣнимый къ жизни характеръ. Поэтому теоретическая часть ея слаба и доказательства основаны главнымъ образомъ на очевидности, наложеніи и наглядности. Многія числовыя формулы совсѣмъ не доказываются. Къ числу особенностей „Краткаго руководства къ геометріи“ относится между прочимъ то, что предъ курсомъ дается рядъ математическихъ аксіомъ, ученіе о равенствѣ треугольниковъ отнесено къ планиметріи, въ курсъ геометріи отнесены основные пріемы черченія и пр. Особыхъ задачъ при учебникѣ не приложено.

„Руководство къ механикѣ“ составляетъ значительною развитую въ практическомъ направленіи часть современнаго курса физики. Формулъ и сложныхъ доказательствъ здѣсь не дается, зато примѣнимость основныхъ механическихъ законовъ къ жизни указывается гдѣ только можно. Много занимаетъ мѣста теорія мельницъ. Весьма интересна глава объ источникахъ силы.

„Краткаго руководства къ физикѣ“ мы не нашли, но по отзыву гр. Толстаго эта книга составлена весьма толково. Позднѣе это руководство замѣнено было физикою Гиляровскаго.

„Краткое руководство къ гражданской архитектурѣ“ хотя и составлено по нѣмецкому учебнику и примѣнительно къ широкому хозяйству и домостроенію (помѣщено даже полное ученіе объ архитектурныхъ орденахъ), но въ разныхъ частяхъ своихъ даетъ интересныя и практическія свѣдѣнія. Въ концѣ книги даются указанія относительно черченія плана и фасада зданій *).

Въ виду возможнаго поступленія нѣкоторыхъ учениковъ въ гимназіи, уставомъ предполагалось ввести въ курсъ главныхъ народныхъ школъ латинскій и нѣмецкій языки и даже даны подробныя указанія о пріемахъ изученія ихъ. Въ 1788 г. въ Вятскомъ училищѣ начато было преподаваніе латинскаго языка, но „по нежеланію родителей“ было вскорѣ оставлено. Новая попытка, сдѣланная въ 1796 г. была столь же неудачна.

*) О пройденномъ въ 1804—1809 г.г. см. въ архивѣ книгу Историч. Записокъ стр. 58, 79, 108, 131, 235, 242, 250, 263, 271 и 275.

Digitized by Google

Рапиновъ въ IV кл. иногда проходилъ съ учениками начальныя основанія алгебры и пополнялъ курсъ физики новыми свѣдѣніями.

Каждая осмысленная, расчитывающая на долговѣчность школа должна примкнуть къ одному изъ двухъ школьныхъ типовъ—реальному или формальному. Реальное образованіе направлено на изученіе всякаго рода фактическихъ данныхъ, будь это факты изъ внѣшняго міра или догматы человѣческихъ вѣрованій, реальная школа учитъ, научаетъ тому, что людямъ извѣстно въ мірѣ дѣйствительномъ и въ мірѣ идей: формальное же образованіе имѣетъ въ виду культуру духа человѣческаго и главнымъ образомъ культуру его воли, формальная школа наставляетъ и совершенствуетъ. Формальная школа агитируетъ среди учениковъ, реальная даетъ имъ знанія. Присматриваясь къ курсу главныхъ народныхъ училищъ, не можемъ не видѣть, что они примыкаютъ къ реальному училищному типу, и въ этомъ отношеніи они даже много послѣдовательнѣе современныхъ реальныхъ училищъ, сдѣлавшихъ значительныя уступки формальному образованію. Весь курсъ главныхъ училищъ направленъ къ сообщенію какъ можно большаго количества свѣдѣній, при томъ такихъ, которыя имѣютъ наиболѣе практическое и наименѣе теоретическое значеніе. Въ исторіи и географіи дается огромная масса фактическихъ данныхъ, которыхъ вовсе не требовалось осмыслять, а только усвоить на память; математическія науки, предметъ вполнѣ формальнаго характера, сообщаются почти догматически, безъ доказательствъ и не имѣютъ въ виду развить въ учащихся методъ прилежанія математическихъ теоремъ и формулъ къ рѣшенію разнообразныхъ задачъ; даже и элементарный курсъ алгебры опущенъ; совершенно отсутствуетъ изученіе литературы какъ искусства и какъ выразительницы идей извѣстнаго времени; изученіе родного языка слабо до того, что въ школѣ даже нѣтъ никакой христоматіи; самостоятельно существуютъ прикладныя науки въ родѣ механики, архитектуры, домоводства, медицины (естественная исторія). Такою и должна быть школа при своемъ зарожденіи, пока въ общество не проникнетъ потребность широкой умственной, философской дѣятельности, находящей удовлетвореніе въ самой себѣ независимо отъ ея практическаго при-

Digitized by Google

ложенія, пока не явилось пресыщенія массою механически и безцѣльно соединенныхъ между собою знаній.

Имѣя лишь одно стремленіе—сообщать свѣдѣнія, учебники главныхъ народныхъ училищъ избѣгаютъ давать ученикамъ трудныя задачи для ихъ мысли и потому всѣ безъ исключенія отличаются замѣчательною простотою и ясностью изложенія. Изъ книгъ почти совершенно устраняется характеръ живого разсужденія, характеръ доказательности, и они представляютъ собою въ сущности, какъ мы сказали выше, энциклопедію знаній, справочную книжку по разнымъ отраслямъ знанія, для большей ясности раздѣленную даже на параграфы. Всѣ учебники написаны старательно и хорошо, но во всѣхъ ихъ проходитъ одинъ и тотъ же взглядъ.

Ясно, какого рода пріемы преподаванія должны были развиться на почвѣ такого курса. Если я не имѣю въ виду никакихъ формальныхъ цѣлей, въ видѣ напр. передачи навыка въ самостоятельной мысли, развитія памяти, воображенія, то приму на себя единственную заботу коротко и ясно передать извѣстный рядъ свѣдѣній; достаточно отмѣтить въ учебникѣ, что ученики должны въ извѣстное время пройти, и потребовать, чтобы они это усвоили и запомнили. Въ главномъ народномъ училищѣ учитель никогда не „разсказывалъ", не разъясня́лъ урока, а только читалъ его съ учениками по книжкѣ и заставлялъ пересказывать тутъ же въ классѣ, до тѣхъ поръ, пока все не будетъ усвоено. Учитель въ лучшихъ случаяхъ еще принималъ на себя кой-какой контроль надъ пониманіемъ учениками того, что напечатано въ учебникѣ, но никакой переработкѣ, никакимъ логически-формальнымъ экспериментамъ текста учебника онъ не подвергалъ. Каждый урокъ прочитывалось и запоминалось извѣстное число параграфовъ учебника – и все кончено, ученикъ и учитель исполнили свою обязанность *).

Все же въ дѣлѣ разработки пріемовъ преподаванія училищный уставъ 1786 г. дѣлаетъ большой шагъ впередъ. Такъ „Руководство учителямъ народныхъ училищъ" рекомендуетъ, чтобы ученики занимались не каждый порознь, а всѣ вразъ однимъ и тѣмъ же (иначе говоря, требуетъ чтобы ве-

*) Принципъ: „L'école c'est le maitre" есть созданіе новой школы. Старая школа сказала бы: „Школа—хорошее руководство".

Digitized by Google

лось „совокупное наставленіе“, принятое теперь во всѣхъ школахъ, но ранѣе составлявшее видную педагогическую новинку) и чтобы каждая статья читалась хоромъ учениками по 10—18 разъ, такъ чтобы они „научились разумѣть и почти выучили наизусть непримѣтнымъ образомъ *всѣ тѣ нужныя и полезныя познанія, которыя въ книгахъ для чтенія употребляемыхъ находятся*“ *). Кромѣ того руководство указываетъ слѣдующіе два, очень любопытные методическіе пріема: изображеніе чрезъ начальныя буквы и таблицы. Первый состоялъ въ томъ, что заучиваемый наизусть текстъ записывался на классной доскѣ первыми буквами каждаго слова и до тѣхъ поръ былъ повторяемъ по этимъ знакамъ, пока окончательно не заучивался. Этотъ пріемъ предоставлялось примѣнять и при катихизисѣ, и при письмѣ (орѳографіи), и при ариѳметикѣ. Таблицы писались на классной доскѣ двумя способами: уступами (какъ нынѣ пишутся планы сочиненій) или при помощи скобокъ; текстъ записывался начальными буквами. Чтобы слѣдить, понимаетъ ли ученикъ текстъ и помнитъ ли его, требовалось прибѣгать къ „вопрошенію“, т. е. къ мелкимъ, дробнымъ вопросамъ, причемъ полагалось дополнять не достаточно усвоенное учениками. Впрочемъ „отмѣтокъ“ въ ту пору вовсе не существовало **), и ученикъ не имѣлъ основанія трепетать за каждую фразу своего отвѣта. Развѣ только побранитъ учитель, или же приметъ мѣры отеческаго внушенія: порядокъ выгодный для учениковъ и весьма невыгодный для учителя, почему изобрѣтеніе цифровыхъ отмѣтокъ и экзаменовъ составляетъ великое явленіе въ жизни собственно учительской. Новая школа сдѣлала и дальнѣйшія завоеванія въ области обученія къ выгодѣ обучающихъ. Екатерининская школа не имѣла понятія о домашнемъ приготовленіи уроковъ, столь облегчающемъ въ настоящее время учительскій трудъ. Никакими силами и мѣрами нельзя было

*) Очень характерное выраженіе.

**) По уставу учитель ежедневно долженъ былъ отмѣтить въ особой таблицѣ небытіе учениковъ, ихъ лѣность и прилежаніе, поздній приходъ и въ концѣ мѣсяца подавать ее въ видѣ рапорта о занятіяхъ директору. Въ томъ же рапортѣ дѣлались замѣтки о способностяхъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ въ видѣ такихъ произвольныхъ характеристикъ: „остръ, понятенъ, забывчивъ, нерадивъ, посредственъ, забіячливъ, рѣзвъ, хорошъ“ и пр.

Digitized by Google

заставить учениковъ взяться за книжку дома *). Ученье, состоявшее изъ безконечнаго заучиванья огромной массы фактовъ, могло имѣть только принудительный, насильственный характеръ, и нужно было постоянное и близкое присутствіе карающей десницы, чтобъ поддерживать къ нему вниманіе. „Учились“ въ старое доброе время только въ школѣ, подъ надзоромъ „учителя“, и потребовался цѣлый вѣкъ, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить этотъ, ставшій традиціоннымъ взглядъ на школьныя занятія—перенести центръ обученія изъ школы на домъ. Въ погонѣ за облегченіемъ своего труда учителя въ наше время такъ далеко ушли, что замѣтно начинается реакція въ пользу учениковъ, и потому вопросъ о постановкѣ исключительно классныхъ занятій въ старой школѣ имѣетъ для насъ современный живой интересъ.

Полагалось шесть часовъ учебнаго труда въ день, три до обѣда, три послѣ обѣда. Такъ какъ, повторимъ еще, не было идеи формальнаго развитія, а преслѣдовалось лишь усвоеніе знаній, то не существовало свойственнаго современной школѣ стремленія разнообразить занятія; ученика не отрывали отъ его дѣла до тѣхъ поръ, пока всѣ въ классѣ не усваивали положеннаго на одинъ разъ. Конечно, при различіи способностей учениковъ усвоеніе одного и того же текста было дѣломъ очень мѣшкотнымъ, и потому каждый урокъ длился по 3 часа сразу; такимъ образомъ въ день назначались для занятій только два предмета **). Перемѣнъ не существовало.

По существу противъ такого порядка занятій трудно возражать, такъ какъ онъ очевидно имѣетъ значительныя достоинства, но нельзя не видѣть, что выполненіе его требуетъ значительной талантливости со стороны учителя. Нужно, чтобы онъ обладалъ способностью передавать свой предметъ вполнѣ ясно, чтобы онъ прекрасно владѣлъ классною дисциплиною и умѣлъ экономно распоряжаться временемъ; отъ него требуется спокойствіе, ровное настроеніе духа и настойчивость. Конечно, весьма рѣдкіе учителя того времени имѣли

*) Казенныя книги такъ и оставались всегда въ школѣ. Каждый урокъ начинался раздачею этихъ книгъ бѣднѣйшимъ ученикамъ.

**) Такъ было въ Вятскомъ главномъ училищѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Въ другихъ мѣстахъ на урокъ полагалось обыкновенно два или даже полтора часа, особенно въ низшихъ классахъ.

Digitized by Google

эти достоинства. Начать съ того, что хотя всѣ они были воспитанниками учительской семинаріи, гдѣ обучались новымъ пріемамъ преподаванія, которыми требовалось разъяснять ученикамъ текстъ и заставлять всѣхъ работать одновременно, въ дѣйствительности они вводили въ школу порядки пройденной ими раньше бурсы и домашней школы: смѣшно взрослому человѣку растолковывать съ малыми ребятами о томъ, что такъ само по себѣ просто и ясно—далъ имъ книжку, далъ указку, и учись! Насъ такъ же учили, и выучили же. Добрыя указанія „Руководства для учителей“ оставались втунѣ, и въ школѣ въ сущности царила зубрежка: она проще для учениковъ и легче для учителя. Учитель ограничивался отмѣчиваніемъ урока по книгѣ и спрашиваніемъ выученнаго; наиболѣе добросовѣстный дѣлалъ это самъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ выспрашиваніе возлагалось на старшихъ учениковъ, и учитель, ходя по классу, слѣдилъ лишь затѣмъ, чтобы всѣ были заняты дѣломъ. Чѣмъ этотъ порядокъ занятій отличался отъ бурсы или старой дьячковской школы? *). Многіе, ослѣпляемые публичными испытаніями, долгое время думали, что все обстоитъ благополучно, тѣмъ болѣе, что непосредственнаго надзора за преподаваніемъ не было. Только въ 1810 г. министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій открыто заявилъ попечителямъ, что вмѣсто осмысленнаго усвоенія наукъ онъ замѣчаетъ въ школахъ одно механическое зубреніе ихъ, и очень удачно объясняетъ это явленіе тѣмъ, что такой ходъ занятій легче для учителей. По этому случаю онъ предписалъ, чтобы директора и визитаторы обратили особое вниманіе на это обстоятельство, чтобы на испытаніяхъ требовались осмысленные отвѣты и спрашивались бы ученики посторонними лицами и другими учителями и чтобы при назначеніи учителей обращалось вниманіе на то, насколько они усвоили разумные методы занятій. Но новому суждено было сложиться лишь вдолгѣ послѣ того, такъ какъ ничто значительное въ жизни не слагается разомъ.

Вотъ картинка зимнихъ послѣобѣденныхъ занятій въ

*) Даже въ самомъ „Руководствѣ“ мы находимъ фразу: „При совокупномъ наставленіи дѣти научатся скорѣе и легче, а учитель не имѣетъ больше нужды на недѣлающихъ ничего **столь часто кричать**“ (стр. 5).

Digitized by Google

Вятской главной школѣ, какъ она представляется нашему воображенію. Передъ нами тѣсная, грязная комната съ нѣсколькими тѣсно уставленными, длинными предлинными убогими „партами", исчерканными и исполосованными во всѣхъ направленіяхъ; на партахъ разсѣлось плечо о плечо 50 *) живыхъ мальчугановъ, скованныхъ присутствіемъ учителя и учебникомъ. Въ засаленныхъ и истрепанныхъ своихъ книжкахъ они уже отмѣтили то, что задалъ учитель выучить, и уже отбываютъ свою работу—зубрятъ, заботясь лишь о томъ, чтобы при помощи испытанныхъ неоднократно ухищреній взять поскорѣе заданное на память и дать себѣ затѣмъ какой-нибудь отдыхъ, или по крайней мѣрѣ выучить настолько, чтобы избѣжать на сегодня наказанія; гулъ стоитъ въ школѣ отъ молодыхъ голосовъ, такъ какъ зубрить не возможно про себя, да и учитель требуетъ непрерывнаго голошенія. Вечеромъ не такъ шалится ученикамъ, какъ утромъ, но, посмотрѣвъ на увлеченныхъ своимъ занятіемъ дѣтей, вы подумали бы, что всѣ они либо разыгриваютъ какую-нибудь странную роль, каждый свою, либо шалятъ изысканнымъ образомъ, либо всѣ находятся въ какомъ-нибудь непокойномъ болѣзненномъ расположеніи: всякій учится по своему, всякій, стараясь помочь себѣ голосомъ и тѣлодвиженіями, разнообразитъ ихъ на свой манеръ. Одинъ раскачивается всѣмъ маленькимъ своимъ тѣломъ, другой зубритъ закрывъ глаза и покачивая въ тактъ головою, третій крѣпко опирается на сосѣднюю парту спиною и прячетъ въ карманы свои руки, четвертый устремилъ глаза на одну точку и безпокойно перебираетъ руками, хватаясь за себя и за парту гдѣ ни попало, пятый сидитъ странно неподвижно, шестой мозолитъ и теребитъ листы книги... Каждый занятъ своимъ дѣломъ, и нѣтъ между этими дѣтьми ничего общаго, кромѣ парть, ихъ соединяющихъ и одной и той же страницы учебника, каждый занимается про себя и для себя, общей классной умственной работы нѣтъ. Ученикамъ немного мечтается, но въ тоже время они сами довольны, что ведутъ себя благонравно. На самомъ дѣлѣ это благонравіе только сравнительное—дѣти пользуются и теперь всякимъ случаемъ развлечься, а когда такихъ случаевъ нѣтъ, толкаются и послѣ жалуются другъ

*) Такое число учениковъ рѣдко бывало въ одномъ классѣ.

Digitized by Google

на друга, лазятъ подъ партами; но все это только легкая рябь въ бурномъ школьномъ морѣ, и учитель не можетъ не быть доволенъ поведеніемъ своихъ учениковъ. Учитель, сидя за своимъ столомъ и расхаживая по классу, лишь слегка слѣдитъ за учениками; онъ радъ нѣкоторому затишью и занятъ не столько ими, сколько житейскими думами и мечтами о постороннемъ. Учитель твердо помнитъ, что его обязанности есть только обязанности контролера: все, что надо знать, написано въ книгѣ, и ему нѣтъ никакой нужды что нибудь объяснять или дополнять—это и не въ привычку, и не нужно, и слишкомъ много будетъ, и произведетъ лишь безпорядокъ. Когда прилежные ученики кончили зубреніе и уже начали сильно скучать и даже пошаливать, учитель увидѣлъ, что онъ долженъ приступить къ важнѣйшему акту своихъ контролерскихъ обязанностей—выспрашиванію. По требованію его классъ смолкаетъ, и начинается переспрашиванье выученнаго, каждаго ученика въ одиночку, съ первой строки до послѣдней; отъ остальныхъ учениковъ требуется только одно—чтобы они сидѣли тихо и ждали своей очереди быть спрошенными. Ученики болѣе или менѣе выспрошены, классъ близится къ концу и наконецъ учитель даетъ приказаніе собираться домой, которое исполняется чрезвычайно поспѣшно и охотно. Безучастно и спѣшно читаютъ молитву, выходитъ учитель, а за нимъ, шумя и толкаясь, ученики. Классъ опустѣлъ. Сторожъ подметаетъ на полу и тушитъ свѣчки. Со свѣчами ему немного возни, такъ какъ ихъ приказъ отпускаетъ лишь такое количество, безъ котораго совершенно не можно быть. Ни учитель, ни ученики не думаютъ объ урокѣ, какъ счастливцы, благополучно кончившіе обязательное дѣло. Учитель даже доволенъ, такъ какъ урокъ былъ добрый.

По средамъ и субботамъ послѣ обѣда „въ видѣ отдохновенія“ шли по два часа уроки рисованія, во всѣхъ классахъ (кромѣ перваго) одновременно.

IV. Открытыя испытанія и переводные экзамены.

Необходимость дѣятельнаго наблюденія за ходомъ занятій въ училищѣ, невозможнаго для высшаго начальства, и важность привлеченія къ школьному дѣлу общественнаго вниманія создала любопытное, неизвѣстное современнымъ шко-

Digitized by Google

ламъ явленіе—такъ называемыя открытыя испытанія. Почти для той же цѣли въ старыхъ академіяхъ и семинаріяхъ введены были драматическія представленія, но и „открытыя испытанія“ заключали въ себѣ изрядную долю театральности.

Оффиціальныя представленія, называемыя открытыми испытаніями, давались два раза въ годъ—зимою, до Рождества или послѣ него, и лѣтомъ, около Петрова дня, и составляли самое значительное событіе въ годичной жизни, почему училище и готовилось къ нимъ самымъ тщательнымъ образомъ. Еще задолго до опредѣленнаго срока учителя садились за составленіе рѣчей и стиховъ для себя и для учениковъ, ученики начинали самымъ отчаяннымъ образомъ зубрить назначенные отдѣлы изъ учебниковъ, спѣваться и репетировать рѣчи. Наконецъ директоръ докладывалъ губернатору, что все готово, и просилъ назначить время испытанія. Переговоривъ съ губернаторомъ, онъ отправлялся въ приказъ и просилъ разослать чиновникамъ города и важнѣйшимъ изъ гражданъ повѣстку съ извѣщеніемъ о назначенномъ днѣ, что приказъ и исполнялъ сперва черезъ своихъ служителей, а позднѣе черезъ полицію. Далѣе директоръ являлся къ преосвященному, къ архимандриту Успенскаго монастыря и къ ректору семинаріи съ приглашеніемъ посѣтить училище и затѣмъ дѣлалъ необходимыя приготовленія въ помѣщеніи училища для пріема гостей. Парты выносились и замѣнялись мебелью.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ публичныя испытанія происходили по праздникамъ послѣ обѣда, но потомъ установился другой порядокъ—стали назначать ихъ по утрамъ съ 10 ч., выбирая для этого наиболѣе свободные дни.

Такъ какъ учрежденіе школъ было дѣломъ совершенно оффиціальнымъ и вызвано волею правительства, то должностныя лица города посѣщеніе ихъ во время открытаго испытанія считали одною изъ своихъ непремѣннѣйшихъ обязанностей, являлись сюда довольно аккуратно и въ мундирахъ. Кромѣ того, при отсутствіи въ городѣ развлеченій и однообразіи общественной жизни, актъ въ училищѣ какъ своеобразное зрѣлище не могъ не привлекать самъ по себѣ, а примѣръ начальства значилъ еще болѣе. Губернаторъ былъ первымъ и непремѣннымъ посѣтителемъ открытыхъ испытаній,

Digitized by Google

какъ попечитель училища, порученнаго нѣкоторой его заботливости. Насколько присутствіе начальника губерніи было необходимостью, настолько участіе въ открытомъ испытаніи преосвященнаго и важнѣйшаго духовенства украшало его. Какъ спеціалисты дѣла, неизмѣнными посѣтителями были также учителя семинаріи. Хотя испытанія были открыты для всѣхъ, но осмѣливались являться на нихъ далеко не всѣ— именно почти совершенно отсутствовалъ элементъ гражданства, купцовъ и мѣщанъ. Школьные отчеты постоянно жалуются, что родители учащихся не вознамѣрились посѣтить училище въ день испытанія ихъ дѣтей, хотя и были извѣщены черезъ послѣднихъ. Впрочемъ само собой установилось такъ, что чиновенство присутствовало болѣе на лѣтнемъ испытаніи, а родителямъ гражданъ предоставлялось зимнее, имѣвшее менѣе оффиціальный характеръ и считавшееся менѣе важнымъ *). Ученики, возможно принаряженные заботливостью матерей, въ ожиданіи своей очереди отвѣчать, стояли шпалерами вдоль стѣнъ и вѣроятно очень тѣснились. Иногда губернаторъ, въ видѣ особенной любезности училищу (это было въ началѣ, напр. въ 1789 и 1790 г.г.), назначалъ испытанія у себя на дому въ „тронной“ залѣ, иногда для той же цѣли уступалъ свое помѣщеніе приказъ, и въ этихъ случаяхъ тѣснота не такъ чувствовалась, хотя въ тоже время перемѣна привычной обстановки не могла не отразиться на толковости отвѣтовъ учениковъ и даже на развязности учителей. Учителя являлись на испытаніе въ лучшихъ своихъ кафтанахъ и вѣроятно становились каждый съ своимъ классомъ.

Обыкновенно испытаніе начиналось привѣтственною рѣчью къ посѣтителямъ или такого же содержанія стихами, которые произносилъ директоръ, учитель или лучшій ученикъ. Иногда привѣтственно-благодарственная рѣчь замѣнялась какимъ-нибудь разсужденіемъ, преимущественно на тему объ образованіи, но какую бы тему ни избралъ произносившій рѣчь, онъ долженъ былъ сумѣть вставить въ нее горячую благодарность монархинѣ, матери отечества, или императору

*) Въ Вятскомъ главномъ училищѣ зимнія испытанія вообще проходили вяло, такъ какъ публики собиралось вслѣдствіе „нестерпимой“ стужи въ помѣщеніи училища очень мало.

Digitized by Google

Александру Павловичу. Выражаясь слогомъ оффиціальныхъ отчетовъ, рѣчи и стихи эти „содержали благодарное изліяніе сердецъ юношества къ щедротамъ великія Императрицы и къ почтеннымъ посѣтителямъ удовольствованное чувствованіе“. Вообще рѣчей посѣтители открытыхъ испытаній слышали много, и всѣ онѣ были такъ кратки, что не утомляли вниманія и такъ туманны въ тоже время, что оставляли выгодное впечатлѣніе. Второй директоръ училища, Рапиновъ, старался блеснуть болѣе всего рѣчами, но первый, Стефановичъ, умѣлъ экзаменное представленіе разнообразить пѣніемъ и музыкой. При немъ вмѣсто первой рѣчи шло пѣніе спеціально сочиненнаго канта.

Послѣ той или другой увертюры, начиналось самое испытаніе, предъ которымъ директоръ раздавалъ посѣтителямъ печатную программу испытанія, служившею для нихъ вещественнымъ воспоминаніемъ объ актѣ, какъ меню съ парадная обѣда. Программа представляла собою листъ синей, почти обыкновеннаго писчаго формата бумаги, на первомъ листѣ котораго помѣщался какой-нибудь текстъ, а на второмъ указаніе порядка и темъ испытанія. Вотъ текстъ программы 1807 г., не болѣе темный и загадочный, чѣмъ обыкновенно.

„Смертный, божественною благодатію воззванный на позорище свѣта, всегда стремитъ свои склонности и понужденія къ тому, дабы собирать удовольствія земныя. Естественная сила влеченія его есть всеобщая цѣль бытія человѣческаго, въ вихрѣ которой вращается онъ безпрерывно по различнымъ направленіямъ,—по различнымъ путямъ въ вертепѣ жизни его; даже самая смерть ловитъ его на томъ бѣгу еще за чѣмъ-нибудь, чего онъ имѣть надѣялся.

„Сей великій урокъ, заданный ему отъ природы, чѣмъ болѣе въ продолженіи жизни занимаетъ его, тѣмъ болѣе распаляетъ его воображеніе; и нерѣдко, смѣсивъ оное, располагаетъ ходъ его по зыбкимъ, по опаснымъ стезямъ. Таково есть стремленіе тирановъ, сильно напрягаемое корыстолюбіемъ, славою завоеванія, славою обладанія, которой трофеи суть постыдная тиранніа, также и несносное порабощеніе человѣчества.

„Въ грядущій вѣкъ всѣ народы ясно увидѣли сего тантала, жаждущаго многокорыстныхъ обладаній. Мудрые цари

Digitized by Google

Digitized by Google

Торжество испытанія было не полно, если присутствующая публика устами губернатора или другихъ почетныхъ посѣтителей не выразила учителямъ благодарности за успѣхи, и сами маленькіе актеры уходили неудовлетворенными, если имъ не похлопали. Въ документахъ вы постоянно встрѣчаете заботливое упоминаніе, что „въ продолженіи испытанія его превосходительство и вся почтенная публика, бывъ растроганы въ сердцахъ своихъ успѣхами обучающагося юношества, изъявили свою признательнотть директору и учителямъ и учащимся и запечатлѣли оную истинною своею благодарностью". Послѣ небольшого совѣщанія между подлежащими лицами, директоръ торжественно читалъ фамиліи отличившихся учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ тутъ же награждались книгами, купленными на счетъ щедрости кого-нибудь изъ почетныхъ посѣтителей или приказа. При бѣдности тогдашней нашей литературы, ученики получали въ награду нерѣдко очень неподходящія книги, въ родѣ „Жизнь Маріи Терезіи", „Прочти меня на досугѣ", „Письмо бар. Гольберта о сраженіи Петра Великаго съ Карломъ XII" или даже „О дубовыхъ желудяхъ" *). При выборѣ книгъ, вѣроятно, много значила и сравнительная цѣна ихъ, такъ какъ награждаемыхъ всегда было много, а для награжденія назначалось обыкновенно 25 руб. асс. Кромѣ книгъ ученики награждались иногда и иначе, напр. платьемъ, но лучшей наградой для нихъ было, конечно, вниманіе начальства, благодаря которому бѣднымъ ученикамъ можно было разсчитывать тотчасъ же на полученіе мѣста въ той или другой канцеляріи.

Испытаніе заканчивалось чаще всего „диссертаціею" на ученую тему одного изъ учителей, иногда заключительнымъ словомъ директора, обращеннымъ и къ посѣтителямъ, и къ учителямъ, и заключающимъ въ себѣ благодарность тѣмъ и другимъ. Изрѣдка обращался съ приличною рѣчью къ ученикамъ преосвященный; иногда испытаніе заканчивалось пѣніемъ канта, и уже болѣе ничего не слѣдовало. Если публика не была слишкомъ утомлена (обыкновенно испытанія продолжались 3 часа) и дозволяло время, директоръ показывалъ кабинеты училища, стараясь расположить къ нимъ присутствующихъ.

*) **Юрьевъ**, стр. 57.

Digitized by Google

поразумѣли, что умыслилъ надмѣнный галлъ? и воспламенились совокупно защищать священныя права человѣчества и благоденствія своихъ народовъ, такъ какъ и нашъ всемилостивѣйшій монархъ Александръ благополучно отражаетъ того всемірнаго рушителя спокойствія. Онъ по безпримѣрной любви своей къ роду человѣческому возложилъ на рамена свои всю тяжесть судьбы народовъ и является самъ на марсовомъ полѣ, гдѣ бурный колоссъ готовится пожинать лавры побѣды.

„О вы, сыны Россіи, благоденствующіе подъ скипетромъ мудраго царя вашего, стремите свои добрыя склонности на пріобрѣтеніе собственнаго своего счастія, благополучія. Геній любезнаго отечества нашего, обильно изливая благость свою на насъ, паче еще умножитъ благоденствіе наше во дни мира“.

Испытывались ученики сначала младшихъ классовъ и наконецъ IV-го. Предъ испытаніемъ каждаго класса было обыкновеніе либо учителю этого класса, либо—что бывало чаще—одному изъ лучшихъ учениковъ говорить рѣчь или читать стихи. Въ этихъ рѣчахъ ученики обыкновенно описывали мрачными красками свое прежнее невѣжество и обращались къ посѣтителямъ съ приглашеніемъ посмотрѣть, какъ они теперь успѣли въ наукахъ. По смыслу открытаго испытанія предлагать ученикамъ вопросы могъ каждый изъ присутствующихъ, но вѣроятно развѣ только изрѣдка вмѣшивался преосвященный, губернаторъ или кто-нибудь изъ почетнѣйшихъ и образованнѣйшихъ посѣтителей. Ученикъ подходилъ къ столу, бралъ свой билетъ и отвѣчалъ на него, по возможности смѣло, четко и весело, и, выслушавъ въ заключеніе обычное: „довольно“! уходилъ, уступая свое мѣсто другому. Кому отвѣчалъ ученикъ и какое именно участіе принималъ въ испытаніи самъ учитель, мы не знаемъ.

Открытое испытаніе ничуть не имѣло характера переводнаго или выпускнаго экзамена, назначаясь лишь для показанія избранныхъ плодовъ просвѣщенія, и потому для него готовился не весь курсъ, а одни „избранныя, только интереснѣйшія и привлекающія вниманіе познанія и науки“. Интересъ публики сосредоточивался преимущественно на отвѣтахъ учениковъ IV кл., которые и завершали самое испытаніе.

Digitized by Google

Торжество испытанія было не полно, если присутствующая публика устами губернатора или другихъ почетныхъ посѣтителей не выразила учителямъ благодарности за успѣхи, и сами маленькіе актеры уходили неудовлетворенными, если имъ не похлопали. Въ документахъ вы постоянно встрѣчаете заботливое упоминаніе, что „въ продолженіи испытанія его превосходительство и вся почтенная публика, бывъ растроганы въ сердцахъ своихъ успѣхами обучающагося юношества, изъявили свою признательнотть директору и учителямъ и учащимся и запечатлѣли оную истинною своею благодарностью". Послѣ небольшого совѣщанія между подлежащими лицами, директоръ торжественно читалъ фамиліи отличившихся учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ тутъ же награждались книгами, купленными на счетъ щедрости кого-нибудь изъ почетныхъ посѣтителей или приказа. При бѣдности тогдашней нашей литературы, ученики получали въ награду нерѣдко очень неподходящія книги, въ родѣ „Жизнь Маріи Терезіи", „Прочти меня на досугѣ", „Письмо бар. Гольберта о сраженіи Петра Великаго съ Карломъ XII" или даже „О дубовыхъ желудяхъ" *). При выборѣ книгъ, вѣроятно, много значила и сравнительная цѣна ихъ, такъ какъ награждаемыхъ всегда было много, а для награжденія назначалось обыкновенно 25 руб. асс. Кромѣ книгъ ученики награждались иногда и иначе, напр. платьемъ, но лучшей наградой для нихъ было, конечно, вниманіе начальства, благодаря которому бѣднымъ ученикамъ можно было разсчитывать тотчасъ же на полученіе мѣста въ той или другой канцеляріи.

Испытаніе заканчивалось чаще всего „диссертаціею" на ученую тему одного изъ учителей, иногда заключительнымъ словомъ директора, обращеннымъ и къ посѣтителямъ, и къ учителямъ, и заключающимъ въ себѣ благодарность тѣмъ и другимъ. Изрѣдка обращался съ приличною рѣчью къ ученикамъ преосвященный; иногда испытаніе заканчивалось пѣніемъ канта, и уже болѣе ничего не слѣдовало. Если публика не была слишкомъ утомлена (обыкновенно испытанія продолжались 3 часа) и дозволяло время, директоръ показывалъ кабинеты училища, стараясь расположить къ нимъ присутствующихъ.

*) Юрьевъ, стр. 57.

Digitized by Google

Какого результата достигали публичныя испытанія, стоившія столь напряженнаго труда и такой траты времени для учащихъ и для учащихся? Оправдывались ли надежды, возлагаемыя на нихъ уставомъ? Можно сказать, что да. Несмотря на всю театральность, такія испытанія дѣйствительно поддерживали вниманіе къ школѣ мѣстныхъ жителей, ярко выставляя предъ ними ея жизненность, составляли довольно хорошій контроль надъ школами со стороны всего общества, держа цѣлый годъ учениковъ и учителей въ напряженіи, и кромѣ того были полезны тѣмъ, что выдвигали изъ среды учениковъ способнѣйшихъ.

Вотъ нѣкоторыя дополнительныя данныя для исторіи публичныхъ испытаній въ Вятскомъ главномъ училищѣ за разное время. Въ концѣ перваго года открытаго испытанія не было „за тѣснотою училищнаго дома", но присутствіе генералъ-губернатора сдѣлало то, что зимнія испытанія слѣдующаго учебнаго года уже состоялись. Кромѣ кн. Мещерскаго, Желтухина и епископа Лаврентія на испытаніи этомъ присутствовало много гражданъ. „По окончаніи испытанія—читаемъ мы въ отчетѣ о немъ—слышенъ былъ отъ всѣхъ присутствующихъ особъ благодарный отзывъ. Родители же и ближніе, взирая на оныхъ птенцовъ сихъ, кои прежде сего по стогнамъ града въ превратномъ и жалостномъ видѣ къ общему устыденію пресмыкалися, а нынѣ уже иные изъ нихъ въ чтеніи, письмѣ, искусствѣ рисовальномъ упражняются, а другіе ариѳметикѣ, геометріи, географіи, катихизису и исторіи обучаются,—восхищались, благодаря Творца и Бога, что во дни Екатерины II-й для преобразованія сердецъ и разума открыта дорога" *). Епископъ Лаврентій тутъ же пожаловалъ учителямъ 25 руб. черезъ директора въ видѣ подарка. Зимнее испытаніе 1790 г. происходило также въ присутствіи кн. Мещерскаго, въ домѣ намѣстника. Публика явилась только избранная. Директоръ Стефановичъ произнесъ рѣчь о виновницѣ россійскаго блаженства. „Дѣти, восхищаясь посѣщеніемъ знаменитыхъ особъ, одинъ передъ другимъ старались оказать себя въ знаніи успѣшными". Кажется, что съ этого года инструментально-вокальная часть испытаній становится обычною во все продолженіе директорства Стефано-

*) **Юрьевъ**, стр. 20.

Digitized by Google

вича. Лѣтнее испытаніе 1790 г. происходило въ тронной залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Началось оно инструментальною и вокальною музыкою и тѣмъ же кончено. Рѣчи говорились учителемъ IV кл. и учениками всѣхъ классовъ. Тема рѣчей—благодѣянія Императрицы. Для музыки вновь сочинены были два канта. На лѣтнемъ испытаніи 1791 г. также пѣлись канты. Одинъ изъ нихъ начинается словами: „Сто кратъ блаженный градъ, блаженна Вятка нынѣ“; блаженство ея заключается въ томъ, что „всякъ полъ и всякій родъ течетъ во храмъ ученья, исполненъ ревности, исполненъ и веселья“. Второй кантъ, спѣтый въ концѣ испытанія, патетически восклицаетъ: „что драгоцѣннѣе на свѣтѣ быти можетъ, какъ зрѣти чадъ своихъ перерожденныхъ вновь“? *).

Въ 1792 году на публичномъ испытаніи кромѣ рѣчей, чтенія стиховъ, кантовъ и разговоровъ между учениками, былъ еще для удовольствія сограждан и „*удивленія единоплеменниковъ*“ представленъ эстампъ, разрисованный сухими красками. Вотъ его описаніе: „При сіяніи, изъ облаковъ простирающимся отъ вензелеваго имени виновницы (Екатерины), среди склонившейся долу равнины, представленъ былъ глобусъ и вокругъ его разнаго званія дѣти, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ орудія наукъ: иной держалъ циркуль, которымъ дѣлалъ на глобусѣ измѣренія для означеннаго искомаго имъ пространства на ландкартѣ, другой, разсматривая сферу, примѣчалъ круговое обращеніе планетъ, третій, окруживъ себя математическими тѣлами и держа въ рукахъ квадрантъ, занимался геометрическими упражненіями; иной со вниманіемъ смотрѣлъ сквозь поставленную астролябію, и, поддерживая ее одной рукой, въ другой имѣлъ книгу съ перомъ, въ которую вносилъ какъ бы то, что находилъ достойнаго вниманія, другой углубился въ компасъ и казался былъ въ великомъ удивленіи, что нужное это изобрѣтеніе было слѣдствіемъ усовершенствованія кораблеплаванія... Другой показывалъ себя разсматривающимъ термометръ, при домѣ на открытомъ воздухѣ висящій для разузнаванія разности погодъ. По сторонамъ, въ виду юношества означенный законъ доказывалъ положенные труды для благовоспитанія гражданина и мраморный монументъ,—представляющій вкусъ въ зодче-

*) Напечатаны вполнѣ у **Юрьева**, стр. 50.

Digitized by Google

ствѣ и непоколебимость мѣстопребыванія своего,—означалъ просвѣщеніе. Домъ представлялъ храмъ, наукамъ посвѣщенный. Каскадъ,—простирающійся обильными струями и орошающій безплодную при корени стоящую часть древа, которое, питательною влагою и теплотою солнечною будучи оживотворено, пускало цвѣтущіе отпрыски,—изображалъ: что Россія, облаготворенная щедротами Екатерины, въ молодыхъ своихъ сочленахъ узрѣла свѣтъ новаго преобразованія. Въ отдаленной нѣсколько долинѣ на обучающееся юношество съ любопытствомъ взираетъ собраніе людей, изъ коихъ двое поселянъ, достигнувшіе глубокой старости, но будучи невѣжественны, узрѣвъ молодыхъ своихъ соотичей, завидовали блаженной участи Росса"... Въ верху эстампа подъ вензелевымъ именемъ надпись:

„Что дѣдъ или отецъ за чудо почиталъ,
„То внукъ иль сынъ въ Екатерининъ вѣкъ узналъ"...

Кантъ этого года между прочимъ говоритъ: „Россъ ужъ нынѣ просвѣтился, суевѣръ прочь удаленъ, образъ мыслей премѣнился, храмъ наукъ всѣмъ отворенъ. Воинъ, жрецъ тамъ съ дворяниномъ, земледѣлецъ съ мѣщаниномъ образуются въ предметахъ" *).

На эстампѣ 1795 г. изображенъ былъ храмъ, сводъ коего, озаренный свыше свѣтомъ, представлялъ кругообращеніе планетъ системы солнечной, поддерживаемой 4-мя столбами, съ означеніемъ стихій, изъ коихъ Зиждитель составилъ чудную и стройную міра сего громаду. По сторонамъ храма изображены были время и вѣчность. По срединѣ храма на жертвенникѣ разогнутыя лежали 2 книги: книга ***природы*** и книга ***откровенія***. Благодѣтельствующіе геніи рукою указываютъ на книги, съ таковымъ изреченіемъ: ***возри, разумѣвай и умудрись***. Эстампъ представлялъ сіянье изъ облаковъ простирающееся, въ которомъ видимо изображеніе еврейскими буквами „*Іегова*", подъ нимъ надпись: „Всякъ даръ совершенъ свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ". Долу сего озаренное онымъ сіяніемъ, среди равнины, утвержденное на 7-ми столбахъ великолѣпнѣйшее съ отворенными дверями зданіе, съ разогнутою на столѣ книгою, знаменующею Уставъ народнымъ училищамъ уложенный,—означало храмъ, премудрости

*) **Юрьевъ**, стр. 58.

Digitized by Google

посвященный, съ надписью надъ верхомъ его: „Премудрость создала себѣ храмъ и утверди столбовъ седьмь“. Съ одной стороны храма изображеніе курившагося жертвенника, вдали отъ него несчастные люди—означало то пагубное зло, каковое есть суевѣріе, которое въ прежніе вѣка, подъ предлогомъ приношенія всеблагому Богу, предопредѣляло тѣхъ несчастныхъ гибели. За симъ, яко единый источникъ, напоящій умъ и сердце полезными наставленіями, изображено было благочестіе въ видѣ женской особы, ведущей одной рукой юное дитя съ книгою, а другой—показывающей на храмъ премудрости. Съ другой стороны храма изображенный миръ съ атомами,—означалъ положеніе древнихъ софистовъ, которые мнили, что миръ содѣлался изъ матеріи, и все происходитъ въ ономъ по случаю. Существенное содержаніе эстампа заключала надпись внизу: „Се храмъ, посвященный премудрости, въ которомъ научается смертный познавать: *кто онъ, гдѣ онъ, откуда онъ* и *что будетъ онъ*...

Насколько успѣхъ публичнаго испытанія зависѣлъ отъ личности директора, видно изъ исторіи испытаній за время директорства Насѣдкина. На актѣ 1797 г. чиновниковъ было весьма мало, а изъ гражданъ не было никого. На слѣдующее испытаніе обычные посѣтители были вновь приглашены чрезъ полицію, т. е. управу благочинія, но и тогда явились они въ маломъ числѣ.—На эстампахъ 1799 г. были характерно представлены четыре темперамента *).

На испытаніи 1800 г. крестьянскимъ мальчикомъ Пойловымъ были произнесены слѣдующіе стихи:

Нѣтъ мочи ужъ молчать, что чувствую я здѣсь!
(Указываетъ рукой на грудь).
Позвольте мужичку хоть пять словъ произнесть!
Пахать, жать, молотить—на то вить я родился,
И въ сей работѣ вѣкъ, вѣкъ долго бы трудился,
Теперя я учусь, учусь читать, писать,
Учусь еще тому, какъ жить, какъ Бога знать.
Какъ это хорошо, вся братья наша знаютъ,
За то Творца сихъ благъ всѣ чтутъ и величаютъ **).

Отъ времени директорства Рапинова до насъ дошли до-

*) Описаніе ихъ у **Юрьева**, стр. 94.
**) Ипокрена или утѣхи любословія 1800 г., ч. VI.

Digitized by Google

вольно подробныя описанія публичныхъ испытаній и очень многія рѣчи и стихи въ подлинникахъ. Инструментально-вокальная часть испытаній ему была не по силамъ, но искусство произношенія рѣчей при немъ процвѣтало, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ его даровитаго сотрудника Вештомова. На лѣтнемъ испытаніи 1801 г. главная рѣчь была произнесена учителемъ III кл. Дамаровымъ, „училищнымъ ораторомъ“, на тему—„о началѣ и успѣхахъ наукъ и искусствъ, преобразующихъ разумъ человѣка и приводящихъ его къ тому, на что онъ произведенъ природою“. Рѣчь Дамарова представляетъ собою краткое, но талантливое описаніе постепенныхъ успѣховъ наукъ, начиная со времени халдеевъ и египтянъ и кончая XVIII в., при чемъ онъ съ наибольшею подробностью останавливается на заслугахъ императора Петра Великаго и особенно Екатерины II. „Да будетъ, восклицаетъ съ паѳосомъ Дамаровъ въ концѣ рѣчи, на неизгладимыхъ скрижаляхъ величественный образъ Екатерины II у всѣхъ послѣдующихъ народовъ великою и милосердою между самодержцами, героинею въ бранѣхъ, Минервою среди музъ и матерью отечества среди насъ“! *). На томъ же испытаніи директоръ засвидѣтельствовалъ публично объ усердіи учителей. Вообще актъ 1801 г. такъ удался, что о немъ чрезъ попечителя возвѣщено было въ газетахъ. Испытаніе началось рѣчью ученика IV кл., въ которой была выразительно изображена цѣль человѣка, въ политическомъ обществѣ существующаго, и изліяно было чувствованіе къ добродѣтельнѣйшему монарху. „Удовлетворительные отвѣты учениковъ и довольное ихъ познаніе въ преподаваемыхъ предметахъ произвели удовольствіе всей публикѣ, а родителямъ сладкое упоеніе отъ щедротъ монарха“ **). На зимнемъ испытаніи 1802 года большую привѣтственную рѣчь говорилъ ученикъ I кл., а заключилъ актъ благодарственною рѣчью къ посѣтителямъ учитель I кл. Княгинъ. На этомъ же испытаніи преосвященный Амвросій обратился къ ученикамъ съ краткою рѣчью о значеніи образованія. На лѣтнемъ испытаніи 1802 г. въ первый разъ присутствовалъ губернаторъ Руничъ, оказывавшій во все краткое время пребыванія своего

*) Юрьевъ, стр. 86.

**) Дѣло архива гимназіи № 1 стр. 146.

Digitized by Google

въ Вяткѣ особенное вниманіе къ училищу. На этотъ разъ онъ обратился къ учителямъ съ небольшою, но торжественною рѣчью, въ которой, благодаря ихъ за успѣхи, выражалъ надежды, что они еще болѣе будутъ трудиться при воспитаніи юношества и будутъ служить для него образцомъ честнаго и добраго поведенія. Послѣ испытанія публика обозрѣвала кабинеты училища *). Зимнее испытаніе 1803 г. началось рѣчью Вештомова и кончено благодарственнымъ обращеніемъ директора къ посѣтителямъ. Вотъ начало программы этого испытанія: „Какъ безплодная праздность никогда не производила пользъ для существованія человѣческаго, но паче воспитывала въ себѣ тѣ постыдныя страсти, которыя подобно бурямъ всегда увлекали смертныхъ отъ тихаго и надежнѣйшаго въ жизни пристанища: такъ, напротивъ, дѣятельность и трудолюбіе всегда сопрягало его съ тѣмъ счастіемъ, которое онъ имѣть надѣялся, а посему дѣятельность человѣка есть главнѣйшая пружина въ колесѣ его жизни. По истинѣ такъ отъ судебъ Божіихъ предписано смертному, что она есть его опредѣленіе, она его тотъ вѣрный компасъ, по которому онъ безмятежно, неропотно и благополучно преплылъ понтъ жизни своей“. Губернаторъ пожертвовалъ на этомъ испытаніи двумъ бѣднымъ солдатскимъ дѣтямъ 25 руб. на одежду **). Лѣтнее испытаніе 1803 г. ознаменовано было тѣмъ, что учитель III кл. Дамаровъ вовсе не явился на него „по слабости своей“, и экзамена по исторіи не было ***). Въ 1806 г. посѣтителей явилось очень мало „по причинѣ холодныхъ покоевъ“. Въ 1807 и 1809 г.г. зимнія испытанія почему-то продолжались по три дня; на испытаніи 1809 г., кажется, вовсе не было посѣтителей или такъ мало, что если приготовленныя въ привѣтствіе ихъ рѣчи были произнесены, то онѣ не произвели никакого эффекта. Послѣднимъ открытымъ испытаніемъ было лѣтнее испытаніе 1811 г.; на немъ присутствовала многочисленная публика. Видимо, въ училище вливался новый духъ, и это испытаніе уже значительно отличается отъ прежнихъ. Рѣчи произносились не только на русскомъ, но и на татарскомъ языкѣ (кн. Мамена?), назначенъ былъ діалогъ

*) Тамъ же, стр. 158 об.
**) Тамъ же, стр. 160.
***) Ibid. 171 об.

Digitized by Google

между четырьмя учениками изъ географіи о любопытномъ и пріятномъ, ученики испытывались въ распознаваніи рудъ и растеній, по коллекціямъ, собраннымъ новымъ учителемъ Некрасовымъ, который и закончилъ испытаніе своего класса рѣчью. Такъ какъ на испытаніе учениковъ IV кл. уже не достало времени, то онъ былъ отложенъ на другой срокъ, и тоже былъ почтенъ посѣтителями.

Открытыя испытанія, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, были не болѣе какъ своеобразнымъ представленіемъ для публики, отзвукъ семинарскихъ традицій. Для домашнихъ, дѣйствительныхъ испытаній назначались приблизительно черезъ недѣлю особые дни, когда и былъ производимъ экзаменъ изъ всего пройденнаго курса. Переводные экзамены шли подъ наблюденіемъ директора и производились двумя учителями: кромѣ учителя соотвѣтственнаго класса, присутствовалъ еще учитель слѣдующаго, который и принималъ отъ него учениковъ. Такъ какъ никому не хотѣлось принимать учениковъ, дурно подготовленныхъ, то экзамены были строги. Такъ напр. въ 1801 г. изъ 36 учениковъ I кл. переведено въ слѣдующій 24, изъ 29 учениковъ II кл.—14, изъ 15 учениковъ III кл.—13, изъ 7 учениковъ IV кл. выпущено 5.

Въ поощреніе ученикамъ, иногда фамиліи успѣвшихъ произносились торжественно на открытыхъ испытаніяхъ. Съ 1806 г. упоминается награжденіе „тиснутыми“ похвальными листами *). Уставъ 1786 г. кромѣ провозглашенія именъ отличныхъ учениковъ рекомендуетъ еще записываніе ихъ именъ въ особую книгу, но мы такой книги въ дѣлахъ Вятскаго училища не нашли.

Вакатъ продолжался не болѣе мѣсяца, и въ первое время назначался попечителемъ училища. Въ 1802 г. ваката совсѣмъ не было, такъ какъ испытаніе произведено было поздно и впереди предстояло много праздниковъ.

---

*) Характерный образецъ похвальнаго листа Тобольскаго главнаго училища: „Въ 1793 лѣто отъ Р. Х. въ 31 годъ благополучнаго и славнаго царствованія Великія Екатерины II, во время бывшаго въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ публичнаго испытанія въ знакъ отличныхъ подвиговъ въ наукахъ и поведеніи дано сіе свидѣтельство яко даръ и воздаяніе“. (См. Исторію Тобольск. гимн. **Замахаева** и **Цвѣтаева** стр. 33.

Digitized by Google

V. Учителя.

„Руководство для учителей“ говоритъ подробно объ ихъ обязанностяхъ и рисуетъ такой идеалъ учителя. Онъ долженъ быть искренне благочестивъ, имѣть отеческую любовь къ дѣтямъ, быть постоянно добрымъ, терпѣливымъ, долженъ довольствоваться своимъ матеріальнымъ положеніемъ и быть неизмѣнно прилежнымъ къ своему дѣлу. Чтобъ имѣть авторитетъ и значеніе въ школѣ, онъ долженъ внушить къ себѣ среди учениковъ уваженіе, почтеніе, любовь и подобострастіе (любовь, соединенную съ боязнью). Чтобы относиться къ ученикамъ справедливо и безпристрастно, онъ долженъ примѣняться къ особенностямъ каждаго, къ однимъ быть снисходительнѣе, къ другимъ требовательнѣе *). Не исполняя своихъ обязанностей, учитель согрѣшаетъ предъ Богомъ, предъ правительствомъ, предъ родителями, предъ дѣтьми и предъ самимъ собою. Учитель обязанъ заниматься по оффиціальнымъ учебникамъ и по указаннымъ пріемамъ, долженъ заранѣе готовиться къ занятіямъ. Въ отношеніи учениковъ онъ долженъ быть снисходительнымъ и не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Слѣдующія средства поддержанія классной дисциплины и наказанія считаются достаточными: увѣщанія, предостереженія, угрозы и наказанія, изъ которыхъ допускаются только два—лишеніе пріятнаго и устыженіе. Тѣлесныя наказанія безусловно отвергаются, хотя бы даже въ видѣ стоянія въ углу или на колѣняхъ. Выражаясь коротко, Руководство говоритъ, что учитель долженъ въ школѣ принять на себя нравственныя обязанности отца, равно какъ и его права.

Широко, красиво и симпатично обрисованная „Руководствомъ“ дѣятельность учителя въ дѣйствительности, конечно, оставалась неосуществимою.

При общемъ строѣ учебныхъ занятій, на самомъ дѣлѣ отъ учителя требовалось только одно—прилежаніе, а отъ лич-

*) „Руководство“ по этому случаю даетъ интересныя указанія объ ученическихъ типахъ. Оно замѣчаетъ, что ученики въ отношеніи способности къ ученію бываютъ: 1) такіе, что все скоро усваиваютъ, хорошо помнятъ и умѣютъ примѣнять свои познанія, 2) такіе, что одарены хорошею памятью, но лишены дара сознательнаго пониманія, 3) такіе, что имѣютъ слабую память и 4) такіе, которые плохо понимаютъ: въ отношеніи нрава ученики бываютъ: веселые и бодрые, боязливые и застѣнчивые, лѣнивые и сонливые, упорные и склонные къ злобѣ; поведенія они бываютъ то хорошаго, то посредственнаго, то худого (стр. 88—94).

Digitized by Google

ныхъ его качествъ тоже лишь одно—добропорядочность. Учитель на дѣлѣ былъ не болѣе, какъ туторъ. Отъ него требовались не обширныя знанія въ предметѣ или талантливость, а одно единственное—усердіе и усердіе. Входя въ школу, учитель вступалъ не въ царство мысли и живого знанія, а на безконечно-длинную, узкую дорогу зубренія однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ, роковыхъ фактовъ и страницъ. Въ классъ входилъ онъ надзирателемъ, а не воспитателемъ и учителемъ. Ни въ одномъ отчетѣ ни про одного учителя Вятскаго главнаго училища не найдете отзыва, что это человѣкъ знающій или авторитетный въ нравственномъ смыслѣ, и неизмѣнно про каждаго отмѣчено, „усерденъ“ онъ или нѣтъ. Самая „трезвенность“ учителей, о которой такъ заботилось начальство, не потому ли особенно требовалась, что „нетрезвенность“ ихъ должна была прежде всего отразиться на ихъ „усердіи“?

Второе качество, весьма цѣнимое въ учителѣ начальствомъ, была его добропорядочность. Школа была вновѣ, ученики собирались туго, средствъ не доставало,—и вотъ почему главною заботою правительства было всѣми средствами завлечь какъ можно болѣе прозелитовъ ученья, а также покровителей и защитниковъ училищъ; разъ къ школѣ является доброе отношеніе, успѣхъ ея обезпеченъ. Правительство хорошо понимало, что успѣхъ школы вполнѣ зависитъ отъ личности ея дѣятелей, и вотъ почему обращало на ихъ недостатки большое вниманіе. Между тѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ русская жизнь въ глухихъ провинціяхъ страдала многими грубоватостями и шероховатостями. Откуда было взять такихъ учителей, которые стали бы выше общаго нравственнаго уровня, могли бы для учениковъ служить живымъ примѣромъ, внушить довѣріе къ себѣ со стороны родителей? Намъ, современнымъ провинціальнымъ учителямъ, при упорядочившейся и осложнившейся общественной жизни, не трудно воздержаться отъ соблазновъ и найти нравственную поддержку, но тогда надо было быть либо очень сильнымъ духомъ, либо совершенно ничтожнымъ и мелочнымъ, чтобъ не быть тѣмъ, чѣмъ были другіе. Учительское званіе было лямкой, тягломъ, обязанностью, отъ которой, разъ за нее взялся, не было средствъ освободиться. Учитель умиралъ учителемъ,

Digitized by Google

все на томъ же своемъ 300-рублевомъ жалованьѣ, такъ какъ выходъ въ другое званіе ему былъ почти невозможенъ. Однообразіе упорнаго механическаго труда, отсутствіе надеждъ и поощреній, постоянная матеріальная нужда, лишенная цѣли и смысла жизнь, невозможность живой умственной дѣятельности, окружающій соблазнъ—вели всѣхъ живыхъ людей къ чаркѣ. Человѣку время отъ времени необходимъ какой-нибудь нравственный подъемъ, сильное движеніе духа, иначе онъ застаивается, мельчаетъ и падаетъ, и чѣмъ однообразнѣе жизнь, тѣмъ такая „встряска“ необходимѣе; кому она была въ такой же мѣрѣ нужна, какъ учителю главнаго училища, замкнутаго навсегда въ какой-то заколдованный кругъ? Кто въ большей мѣрѣ жилъ по пословицѣ: „дѣла не дѣлаю, отъ дѣла не бѣгаю“—т. е. въ самомъ невыносимомъ для человѣческой души состояніи? И выходило, что рѣдкій изъ учителей находилъ въ себѣ силы воздержаться отъ „нетрезвенной“ жизни. Довольно часто директоръ долженъ былъ, скрѣпя сердце и ставя себя въ затруднительное положеніе, представлять учителей къ увольненію, хотя каждый учитель былъ для него драгоцѣнностью. Первымъ потерпѣлъ Тихомировъ, чрезъ 3 года послѣ открытія училища уволенный Приказомъ „за слабостью и обращеніемъ въ пьянство“; въ 1793 г. „за слабость“ уволенъ учитель Серебряниковъ; въ 1796 г. директоръ Стефановичъ доносилъ Приказу, что учитель III кл. Мышкинъ „обращаясь въ пьянствѣ, нерадивъ къ должности своей, такъ что иногда недѣли по три и болѣе не бываетъ въ классахъ“, на что Приказъ учинилъ слѣдующую характерную резолюцію: „Для исправленія Мышкина посадить на гауптвахту на недѣлю, а потомъ въ присутствіи Приказа сдѣлать ему наистрожайшее подтвержденіе, ежели и за симъ онъ окажетъ себя въ тѣхъ же порокахъ, то онъ отосланъ будетъ къ отправленію воинской службы. А сколько не былъ времени въ классѣ, учинить вычетъ, дабы могъ впредь, по уменьшеніи жалованья, восчувствовати порокъ и исправить себя“. Хотя съ Мышкина было, въ силу регламента, вычтено жалованье за цѣлую треть, но Приказу такъ и не удалось исправить его: въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ донести о Мышкинѣ въ Комиссію училищъ, и та, утвердивъ увольненіе его Приказомъ, кромѣ того опредѣлила отдать его въ солдаты,

Digitized by Google

„поелику онъ породою изъ церковниковъ и ни къ какой иной службѣ, по невоздержности своей, болѣе не годится". Несчастный учитель былъ въ числѣ рекрутъ подъ крѣпкимъ карауломъ высланъ въ Казань и помѣщенъ тамъ на службу въ мѣстный полкъ *). Почти весь 1795 г. вмѣсто Мышкина въ III кл. занимался директоръ, пока тотъ не былъ уволенъ и не назначенъ на его мѣсто Комиссіею училищъ Дамаровъ. Этотъ Дамаровъ въ отчетахъ директора также фигурируетъ съ помѣткою „нетрезвой жизни", „мало старается и по слабости своей не былъ на публичномъ экзаменѣ". Въ 1803 г. Дамаровъ умеръ. О другихъ учителяхъ нетрезвенной жизни скажемъ ниже, но всѣхъ превзошелъ учитель Непыловъ, пробывшій на должности всего два мѣсяца и уволенный „за развратное и пьянственное состояніе, нерадѣніе къ дѣлу и дурное и противное благонравію обращеніе съ учениками въ классѣ". Вскорѣ, проѣзжая по Орловскому уѣзду, онъ не заплатилъ ямщикамъ денегъ, оскорбилъ бранью ротнаго командира Фокина, вмѣстѣ съ волостнымъ головой и писаремъ, и еще самъ же принесъ на Фокина въ губернское правленіе жалобу, что тотъ отнялъ у него аттестатъ. Вѣроятно, директоръ отъ души радовался, что поспѣшилъ уволить такого отчаяннаго забіяку.

Конечно, далеко не всѣ же учителя предавались невоздержной жизни, даже очень вѣроятно, что учителя, какъ наставники юношества, чувствуя себя на извѣстной нравственной высотѣ, были значительно умѣреннѣе, чѣмъ могли бы быть. Веселой жизни предавались преимущественно молодые и холостые учителя низшихъ классовъ, учителя же старшихъ, люди вообще семейные и дорожащіе своимъ сравнительно привиллегированнымъ положеніемъ, были несравненно сдержаннѣе. Трезвую жизнь вели Рапиновъ, Вештомовъ и Колбекъ. Изъ нихъ Рапиновъ былъ занятъ дѣлами дирекціи, Вештомовъ увлекся учеными трудами, а Колбекъ былъ, вѣроятно, по натурѣ своей скромный и воздержный человѣкъ.

Содержаніе учителямъ, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ, было назначено очень скромное: старшіе учителя (III

*) Отдача Мышкина въ солдаты не единичный случай,—это общая мѣра исправленія и наказанія, практиковавшаяся нѣкогда, какъ извѣстно, въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

Digitized by Google

и IV кл.) получали по 400 р, ассигнаціи въ годъ, младшіе по 200 и 150 р., учитель рисованія 150 р. Этого было слишкомъ мало, особенно для семейнаго человѣка *), и мы въ дѣлахъ читаемъ непрерывныя сѣтованія учителей на необезпеченность своего положенія. Рапиновъ въ 1811 году писалъ: „Благородные и благовоспитанные имѣютъ больше стремленія входить въ статскую службу по причинѣ труднаго содержанія жалованьемъ по старому штатному положенію. Мною въ продолженіе 25-лѣтняго служенія замѣчено, что *всѣ* учители, служащіе на старомъ положеніи, были всегда бѣдны и претерпѣвали великой недостатокъ, нынѣ же по дороговизнѣ всѣхъ вещей еще болѣе увеличилась ихъ бѣдность и доводитъ иныхъ до крайности. Я всегда *скорбѣлъ* и нынѣ скорблю душею, взирая на бѣднаго трудолюбца. Мыслю, что можно имъ *удвоить* жалованье законнымъ образомъ, на счетъ Приказа, яко пекущагося о призрѣніи тѣхъ, кто обществу есть полезенъ и нуженъ“ **). Нечего прибавлять къ этимъ краснорѣчивымъ строкамъ человѣка, отдавшаго учебному дѣлу всю свою жизнь.

Изъ всѣхъ учителей особенно нуждался обремененный семьею Вештомовъ. Учителямъ тѣмъ было труднѣе сводить концы съ концами въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ, что жалованье выдавалось по третямъ (а квартирныя даже по полугодіямъ); только по особому расположенію Приказа небольшія суммы выдавались подъ росписку ранѣе срока. Въ облегченіе положенія учителей, по уставу 1786 г. имъ полагались казенныя квартиры, но въ дѣйствительности имѣлъ такую только директоръ. Воспользовавшись присутствіемъ въ Вяткѣ сенаторовъ Салтыкова и Пестеля (въ 1800 г.) учителя главнаго училища рѣшились заявить, что вслѣдствіе этого обстоятельства они „терпятъ великой недостатокъ для приличнаго ихъ званію содержанія“. По настоянію сенаторовъ, съ этого времени Приказъ сталъ выдавать квартирныя деньги (по 50 р., учителямъ I кл. и учителю рисованія по 40 р.), чѣмъ много облегчилъ ихъ нужды. До этого учителя полу-

*) Въ 1811 г. въ Вяткѣ пудъ муки стоилъ 1 р. 40 к. асс., пудъ крупы 2 р., фунтъ мяса 12—15 коп., сажень дровъ 2 р. 20 к., фунтъ свѣчъ 30 коп. Цѣны на матеріи и бакалейные товары были совершенно недоступныя.

**) Въ архивѣ гимназіи дѣло 1811 г. № 15 стр. 507.

Digitized by Google

чали отъ Приказа только свѣчи, притомъ лишь въ зимніе мѣсяцы (по 6 фунт. старшіе и по 4 младшіе, натурою) *).

Дурное матеріальное положеніе учителей дѣлало то, что когда приходилось удалить того или другого учителя, то найти новаго директору и попечителю стоило большихъ трудовъ. Самые неспособные, пьяницы и дурные въ нравственномъ отношеніи учителя удерживались на мѣстѣ до послѣдней возможности, и только крайность могла побудить окончательно разстаться съ ними; нерѣдко даже и послѣ увольненія съ дурными аттестами учителя вновь принимаемы были на службу. Какіе ни были учителя, все же это были учителя, и ими приходилось дорожить. Комиссія училищъ распорядилась, чтобы приказы не увольняли учителей ни подъ какимъ видомъ безъ ея разрѣшенія „поелику люди сіи по крайнему въ нихъ недостатку въ государствѣ нарочно къ званію сему приготовлялись съ немалымъ трудомъ и иждивеніемъ, и Комиссія съ тѣмъ и образованіе ихъ предпринимала, дабы имъ въ другой родъ службы безъ воли ея не переходить и ни къ какому безъ увольненія отъ нея не приниматься, что по докладу ея въ 1793 г. и утверждено“ **). Вотъ нѣкоторые примѣры того, насколько учительскій вопросъ былъ тягостенъ и для Комиссіи, и для директора, и для самихъ учителей. Въ 1800 г. для исправленія нетрезвенной жизни переведенъ изъ Котельнича въ главное училище Княгинъ. Хотя директоръ въ отчетахъ послѣ этого времени пишетъ, что этотъ учитель нерадивъ вслѣдствіе нетрезвой жизни, онъ всетаки продержался на должности въ продолженіе 4 л., пока наконецъ не былъ уволенъ, все по причинѣ той же нетрезвости. Когда въ томъ же 1803 г. умеръ учитель Дамаровъ, Княгинъ пытался вновь поступить на мѣсто учителя и едва не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ ни Главное правленіе училищъ, ни директоръ не могли отыскать учителя для III кл. ***). За отсутствіемъ учителя, классъ этотъ былъ порученъ учителю другого класса и и вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ получилъ предписаніе отыскать достойнаго кандидата. Въ крайности, Рапиновъ попытался переманить изъ семинаріи учителя информаторіи Тукмачева;

*) **Юрьевъ**, стр. 83.

) **Юрьевъ, стр. 26.

***) Княгинъ временно всетаки послужилъ въ училищѣ, именно въ 1811 г., по найму.

Digitized by Google

завязалась огромная переписка о Тукмачевѣ между директоромъ, попечителемъ, министромъ, синодомъ, семинаріей, но синодъ не согласился на увольненіе его изъ духовнаго званія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ нуженъ семинаріи, и всѣ труды Рапинова пошли даромъ. Наконецъ попечитель послалъ въ Вятку учителя новгородскаго Боровицкаго малаго училища Непылова, который оказался несравненно хуже и Княгина, не могъ быть терпимъ ни въ какомъ случаѣ, чрезъ 2 мѣсяца былъ уволенъ, и директору вновь пришлось приняться за поиски учителя въ Вяткѣ, такъ какъ Главное правленіе не имѣло кандидата.

Еще въ 1796 г. учителю рисованія Черепанову за нерадивость и пьянство было отказано, но вслѣдъ затѣмъ онъ вновь приглашенъ Приказомъ, такъ какъ занявшій его мѣсто учитель Анисимовъ скоро отказался отъ должности за болѣзнью. Въ началѣ Черепановъ отмѣченъ въ отчетахъ отзывомъ „хорошъ, поведенія хорошаго“, но въ 1803 году про него говорится уже, что онъ „посредственъ, въ поведеніи не одобряется, лѣнивъ, нетрезвой жизни“. Въ 1804 г. попечитель Румовскій писалъ директору, чтобы онъ объявилъ Черепанову предостереженіе, увѣривъ отъ его имени, что будетъ исключенъ съ худымъ аттестатомъ, если не исправится, „о лѣности и нетрезвой жизни котораго дошли до меня свѣдѣнія“. Выговоръ временно подѣйствовалъ, и директоръ въ отчетѣ за тотъ же годъ пишетъ, что Черепановъ „исправляется и на будущее время какъ въ прилежаніи, такъ и въ поведеніи показываетъ надежду“, но въ слѣдующемъ 1805 г. онъ же доноситъ, что исправленіе Черепанова по закоченѣлости невозможно, и тогда многотерпимый, но невозможный учитель наконецъ увольняется, и то по докладѣ попечителя министру.

Учителей надежныхъ попечителю приходилось удерживать силою. Вештомовъ подалъ прошеніе объ увольненіи еще въ концѣ 1807 г., и директоръ въ отчетѣ своемъ выражалъ надежду, что онъ уволенъ будетъ безъ замедленія; попечитель отвѣтилъ, что Вештомовъ можетъ выйти въ отставку лишь тогда, когда на его мѣсто будетъ пріисканъ способный учитель, да и самъ Вештомовъ, вѣроятно, потерпѣвъ неудачу въ своихъ разсчетахъ на другое мѣсто, проситъ отсрочку

Digitized by Google

отставки его на годъ, до сентября 1809 г. Попечитель на донесеніе объ этомъ директора пишетъ, что Вештомовъ не только можетъ, но и долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Въ январѣ 1810 г. Вештомовъ повторяетъ „настоятельное“ желаніе быть у другихъ дѣлъ, о чемъ и донесено попечителю, но тотъ неспѣша отвѣчаетъ, что „не можетъ принять на свой отчотъ“ испрашиваемаго увольненія, вслѣдствіе чего Вештомовъ подаетъ прошеніе объ оставкѣ уже на имя Главнаго правленія училищъ. Имѣя въ виду недвусмысленный отвѣтъ попечителя, директоръ не принимаетъ этого прошенія, и только въ іюлѣ 1810 г. Вештомовъ получаетъ увольненіе, кажется, уже слишкомъ поздно, чтобы можно было разсчитывать на какое-нибудь другое мѣсто.

Никто въ учительское званіе охотою не шелъ, и правительству приходилось прибѣгать къ своеобразнымъ мѣрамъ, чтобы постоянно имѣть ихъ достаточное количество. Чтобы организировать штатъ учителей для первыхъ 25 главныхъ народныхъ училищъ, вытребовано было изъ семинарій 100 учениковъ въ Петербургъ въ учительскую семинарію *); къ такому же „набору“ прибѣгали всякій разъ, когда начиналъ чувствоваться особый недочетъ учителей, но почему-то нѣкоторое время семинарія была въ забросѣ **), и тогда въ учителяхъ ощущался крайній недостатокъ.

Уставъ 1786 г., очевидно въ видахъ сокращенія расходовъ, держится классной системы распредѣленія занятій между учителями. Впрочемъ дѣлались нѣкоторыя исключенія для трехъ старшихъ классовъ, именно учитель II кл. продолжалъ въ III кл. занятія катихизисомъ, учитель III кл., начавшій занятія исторіей и географіей, велъ ихъ и въ IV кл., взамѣнъ чего учитель послѣдняго бралъ на себя уроки ариѳметики и грамматики въ III кл. ***). Такимъ образомъ классная система была перемѣшена съ предметной.

Въ разное время въ разныхъ классахъ Вятскаго главнаго училища были слѣдующіе учителя:

---

*) Въ 1803 г. семинарія переименована въ гимназію, а въ 1804 г. въ Педагогическій институтъ.

**) Объ этомъ см. въ статьѣ гр. Толстого.

***) Существовали спеціальныя названія для классовъ: историческій (III кл.), математическій (IV кл.) и рисовальный.

Digitized by Google

I кл.	II кл.
1786—1788. Виглинскій.	1786—1788. Тихомировъ.
1788—1793. Серебряниковъ.	1788—1799. Виглинскій.
1797—1799. Анисимовъ.	1800—1806. А. Вештомовъ.
1800—1803. Княгинъ.	1806—1811. Колбекъ.
1803—1807. Колбекъ.	III кл.
1807—1809. Ѳ. Савиновъ.	1786—1796. Мышкинъ.
1809—1811. П. Вештомовъ.	1796—1803. Дамаровъ.
	1803—1810. А. Вештомовъ.

IV кл.

1786—1811. Рапиновъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ учителей главнаго народнаго училища былъ Александръ *Вештомовъ*, память котораго въ своей запискѣ мы и должны почтить особымъ вниманіемъ. Въ 1790 г. Вештомовъ былъ вытребованъ черезъ губернатора изъ Вятской семинаріи вмѣстѣ съ двумя другими воспитанниками для приготовленія при главномъ училищѣ къ учительской должности въ малыхъ народныхъ училищахъ. По окончаніи здѣсь занятій, онъ былъ назначенъ учителемъ Сарапульскаго училища, гдѣ тотчасъ обратилъ на себя вниманіе своею дѣятельностью и при первой открывшейся вакансіи въ 1800 г. „за постоянное прилежаніе“ былъ переведенъ въ Вятское главное училище учителемъ II кл. Еще будучи въ Сарапулѣ, онъ женился, и такъ какъ получаемаго имъ жалованья стало не доставать на содержаніе, то онъ обратился (1796 г.) къ губернатору со смѣлою просьбою назначить ему жалованье полное по штату, вмѣсто неправильно высылаемыхъ Приказомъ 120 р.—150 р. „Нынѣ содержусь я съ немалою нуждою, и на семъ количествѣ не въ силахъ пропитаться безъ самой крайней нужды, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ дороговизна на всѣ къ пропитанію человѣка необходимые припасы и вещи противъ прошедшихъ годовъ время отъ времени возвышаются, и какъ ни стараюсь располагать себя съ семействомъ, чтобъ миновать крайней нужды въ пропитаніи при настоящемъ 120 р. жалованьѣ, но при всемъ томъ во многихъ онаго частяхъ и видахъ встрѣчаемъ бываю недостатками и нуждами“ *). Губернаторъ Зиновьевъ оставилъ прошеніе безъ послѣдствій, и Вештомовъ получилъ недопла-

*) **Юрьевъ**, стр. 68—69.

Digitized by Google

ченное ему жалованье только въ 1801 г., уже будучи учителемъ въ Вяткѣ, когда при губернаторѣ Латышевѣ сенаторы предложили Приказу увеличить содержаніе учителей. Въ отчетахъ директора Вештомовъ всегда былъ отмѣченъ особенными похвалами за свою учительскую дѣятельность: „весьма прилеженъ, благонравенъ“, „рачителенъ съ похвалою, хорошаго поведенія“, „рачителенъ и честнаго поведенія“. Будучи спокоенъ со стороны хода службы, Вештомовъ до увеличенія семейства былъ сравнительно обезпеченъ и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ кромѣ жалованья за III кл. (450 р.), въ который онъ былъ за отличіе переведенъ въ 1803 г., онъ получалъ еще и за занятія во II кл. въ продолженіе трехъ лѣтъ по 200 р. Даровитый преподаватель, совершенно освоившись съ преподавательскою дѣятельностью и привыкнувъ къ ней, искалъ приложенія своихъ богатыхъ способностей къ другому дѣлу. Нѣкоторое время онъ принужденъ былъ ограничиваться чтеніемъ книгъ изъ порученной его надзору училищной библіотеки и сочиненіемъ замысловатыхъ рѣчей для произнесенія на публичныхъ испытаніяхъ да въ сочиненіи историческихъ записокъ объ училищахъ, пока обстоятельства не вызвали его къ болѣе широкой литературно-ученой дѣятельности. Новый училищный уставъ (1803 г.) рекомендовалъ учителямъ изученіе мѣстной исторіи, статистики и этнографіи и всѣми мѣрами поощрялъ ихъ посылать статьи и замѣчанія въ официальныя изданія. У учителей Вятскаго главнаго училища долгое время не доставало рѣшимости выступить съ учеными работами. Отчетъ 1804 г. отмѣчаетъ, что „никто изъ учителей не представилъ записокъ касательно исторіи, топографіи и статистики Вятской губерніи“, да кажется ни директоръ, ни попечитель и не настаивали на непремѣнномъ исполненіи § 52 Устава, тѣмъ болѣе, что онъ относился къ гимназіямъ, а не къ главнымъ училищамъ. Воздѣйствіе на учителей неожиданно оказано было съ другой стороны. Губернаторъ Болгарскій, желая привести въ дѣйствіе Высочайшій указъ 1802 г. о составленіи описанія губерніи, которому до него не было дано хода, подыскивалъ подходящаго для такой работы человѣка и обратилъ вниманіе на Вештомова. Въ 1805 г. онъ поручилъ ему описаніе губерніи, обѣщаясь съ своей стороны доставить чрезъ под-

Digitized by Google

чиненныя учрежденія всѣ необходимыя свѣдѣнія. Вештомовъ съ жаромъ принялся за работу, но оказалось, что „премногія свѣдѣнія“ невозможно было достать даже чрезъ посредство губернатора, и работа остановилась, тѣмъ болѣе, что Болгарскій вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ должности. Въ 1808 г. Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія обратился къ директору Рапинову съ запросомъ, кому изъ учителей, на основаніи устава, поручилъ онъ составленіе описанія губерніи. Рапиновъ, „усмотря по этому запросу, что исполненіе по 52 § устава учебныхъ заведеній быть должно необходимое, хотя и не предписано о томъ отъ г. попечителя“ и не имѣя самъ особенной склонности къ ученымъ трудамъ, исполненіе требованія Департамента предложилъ Вештомову, оттѣнивъ свое порученіе лестными выраженіями: „Мнѣ очень пріятно будетъ, писалъ онъ Вештомову, ежели вы по важности и полезности тово на васъ возложенія достигнете существеннаго исполненія—тѣмъ болѣе, что вы по склонности вашей къ общимъ пользамъ приняли на себя достойный васъ трудъ составить описаніе земледѣлію и сельскому хозяйству по здѣшней губерніи“. Вештомовъ оффиціально отвѣтилъ директору, что его предложеніе онъ пріемлетъ съ готовностью и что, имѣя уже подготовленные матеріалы, хотя и очень неполные, онъ беретъ на себя описаніе: 1) естественнаго состоянія всей губерніи—состава почвы, водъ, климата и трехъ царствъ природы, 2) хозяйственнаго и промышленнаго ея состоянія, 3) вывозимыхъ изъ губерніи и привозимыхъ въ нее продуктовъ. Предполагаемому описанію почему-то такъ и не удалось осуществиться, и даже неизвѣстно, куда исчезли тѣ матеріалы, которые собралъ для него Вештомовъ; онъ продолжалъ ихъ собирать, какъ намъ извѣстно по документамъ, еще и въ 1810 г., когда требовалъ черезъ директора свѣдѣній о числѣ умершихъ, родившихся и бракосочетавшихся. Не покидая вовсе этой работы, Вештомовъ принялся за составленіе монументальной „Исторіи вятчанъ“, которую кончилъ къ началу 1809 г. и представилъ чрезъ директора попечителю. Когда трудъ этотъ былъ полученъ отъ попечителя обратно, Вештомовъ передалъ его на храненіе въ библіотеку гимназіи вмѣстѣ съ лестнымъ отзывомъ о немъ г. попечите-

Digitized by Google

ля *). Директоръ отвѣчалъ ему письменною благодарностью за этотъ цѣнный подарокъ. Въ тоже время, пользуясь экземпляромъ Петербургской флоры Соболевскаго, Вештомовъ принялся за изученіе вятской флоры, употребилъ на это дѣло лѣто 1809 г. и зимою представилъ попечителю два тома рисунковъ, за которые и удостоился „въ награжденье“ отъ Главнаго Правленія училищъ денежнаго подарка въ 500 р. Вниманіе начальства сильно поощрило Вештомова, а деньги были особенно кстати, такъ какъ въ это время онъ уже сильно нуждался, и онъ немедленно дѣлаетъ заявленіе, что будетъ продолжать занятія вятскою флорой, хотя бы и не состоялъ въ должности учителя. Въ самомъ дѣлѣ, къ двумъ томамъ флоры, присланнымъ изъ Главнаго Правленія и переданнымъ также въ библіотеку, Вештомовъ осенью того же 1810 г. прибавилъ еще третій, именно описаніе 114 видовъ тайнобрачныхъ. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ давно ожидаемую отставку, принялся за устройство своихъ незавидныхъ матеріальныхъ средствъ, но разстроился отъ разнаго рода неудачъ и уже не продолжалъ своихъ такъ талантливо начатыхъ работъ. Имѣя большую семью **), Вештомовъ съ свойственной ему предпріимчивостью пытался найти себѣ другое, болѣе доходное занятіе, чѣмъ учительство, но всѣ старанія его получить отставку были, какъ мы видѣли, неудачны, и она дана ему была слишкомъ поздно. Вештомовъ не нашелъ себѣ дѣла, впалъ въ крайнюю нужду и, говорятъ, что отъ заботъ и огорченій сошелъ съ ума и кончилъ жизнь въ домѣ умалишенныхъ въ 1825 г. ***). Что стало съ его семьей, мы не знаемъ, извѣстна только отчасти судьба его старшаго сына Платона, который, по ходатайству отца, въ очень молодыхъ еще лѣтахъ назначенъ былъ учителемъ I кл., пытался потомъ перейти въ Казанскій учительскій институтъ, но неудачно, вѣроятно съ огорченія, запилъ и кончилъ очень бурно—кражей изъ минцъ-кабинета монетъ. Что Вештомовъ—отецъ былъ

*) Вештомовъ намѣревался посвятить свой трудъ Румовскому, но тотъ частнымъ письмомъ „приказалъ изъять посвященіе“, не считая себя заслуживающимъ его, хотя и благодарилъ за вниманіе. Вештомовъ сдалъ рукопись въ библіотеку училища „по предположенію моему, для храненія и употребленія“, какъ онъ выражается въ своемъ письмѣ.

**) Въ 1809 г. у него было три сына и три дочери, и только старшій сынъ (17 л.) не нуждался въ помощи отца.

***) Столѣтіе Вятск. губ. II, 620.

Digitized by Google

человѣкъ совсѣмъ не заурядный, это доказывается между прочимъ его крупнымъ пожертвованіемъ на народную милицію 1807 г.: онъ пожертвовалъ на нее 100 руб., т. е. четвертую часть годоваго своего жалованья. Миръ тебѣ, честный и даровитый труженикъ!

Учителемъ IV кл. все время, въ продолженіе 25 лѣтъ, былъ Тим. Тит. *Рапиновъ*, не покидавшій преподаванія и послѣ назначенія директоромъ. Рапиновъ былъ сынъ мамадышскаго священника; по окончаніи курса въ Казанской семинаріи попалъ въ учительскую гимназію, хорошо въ ней кончилъ курсъ и былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ Вятское главное училище, гдѣ и служилъ все время никуда не выѣзжая. Какъ директоръ, Рапиновъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, хотя и не выдавался такъ, какъ его предшественникъ, Стефановичъ. При вступленіи въ должность директора онъ имѣлъ 44 г. Вышедши въ отставку и вскорѣ овдовѣвши, Рапиновъ велъ жизнь отшельника: набожный и скромный, онъ постоянно ходилъ въ церковь ко всѣмъ службамъ, а дома молился или читалъ священныя книги. Большую часть своей пенсіи (800 р.) онъ раздавалъ бѣднымъ; имъ же онъ завѣщалъ и все оставшееся у него имущество, а книги—въ церковь *). Умеръ въ 1848 г. и погребенъ въ Вяткѣ на Богословскомъ кладбищѣ. Изъ отчетовъ Рапинова какъ директора видно, что онъ былъ человѣкъ крайне доброжелательный.

Учителями III кл. были: Мышкинъ (1786—1796), Дамаровъ (1796—1803) и Вештомовъ (1803—1810). *Мышкинъ* былъ сынъ священника с. Кырмыжскаго Нолинскаго уѣзда, учился сперва въ Вятской семинаріи, потомъ въ учительской гимназіи. Причину увольненія его отъ должности мы видѣли выше. *Дамаровъ* былъ уроженецъ Кіевской губерніи. По окончаніи курса въ Петербургской гимназіи, онъ нѣкоторое время не находилъ себѣ мѣста, временно былъ назначенъ учителемъ I кл. Петербургскаго главнаго училища, а въ 1796 г. переведенъ въ Вятку. Умеръ въ Вяткѣ еще молодымъ человѣкомъ, можетъ быть отъ неумѣренной жизни.

Учителями II кл. были: Тихомировъ (1786—1788), Виглинскій (1788—1799), Вештомовъ (1800—1806), Колбекъ (1806—1811). *Тихомировъ* былъ изъ воспитанниковъ Москов-

*) Столѣтіе Вятск. губ. II, 619.

Digitized by Google

ской семинаріи, и пробылъ въ главномъ училищѣ всего два года, будучи уволенъ Приказомъ за нетрезвость. По всѣмъ признакамъ, Приказъ на первое время былъ большимъ пуристомъ по отношенію къ учителямъ и увольнялъ ихъ безъ особеннаго разбора. Тихомировъ былъ въ чахоткѣ и умеръ въ бѣдности у родныхъ *). *Виминскій*, воспитанникъ Невской семинаріи, а потомъ учительской гимназіи, былъ назначенъ сперва въ первый классъ, а послѣ увольненія Тихомирова занялъ его мѣсто. О Виглинскомъ ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ видимо ничѣмъ особеннымъ не выдавался. Умеръ въ Вяткѣ. Мѣсто его, по назначенію директора, занималъ нѣкоторое время практикантъ *А. Черепановъ*, который затѣмъ уступилъ его Вештомову, а самъ отправился на мѣсто послѣдняго въ Сарапулъ. *Колбекъ* изъ харьковскихъ дворянъ, кончилъ курсъ въ мѣстномъ главномъ училищѣ, гдѣ между прочимъ учился геодезіи и нѣмецкому языку, поступилъ на службу въ I кл. Вятскаго главнаго училища 19 лѣтъ, по назначенію Главнаго Правленія. Колбекъ былъ добросовѣстнымъ учителемъ и въ отчетахъ всегда помѣчается похвальными отзывами: „старается“, „хорошаго поведенія“, „очень старается“, „одобряется“, „прилеженъ“. Кажется, имѣя въ виду преобразованіе училища, Колбекъ просилъ въ 1803 году объ увольненіи, такъ какъ въ этомъ году директоръ, по требованію попечителя, искалъ ему замѣстителя. Замѣстителя не нашлось, и Колбекъ прослужилъ до преобразованія училища, состоя съ 1806 г. учителемъ II кл.

Въ I кл. учителями послѣдовательно были: Виглинскій (1786—1788), Серебрянниковъ (1788—1793), Аниcимовъ (1797—1799), Княгинъ (1800—1803), Колбекъ (1803—1806), Непыловъ (1806), Ѳ. Савиновъ (1807—1809), Пл. Вештомовъ (1809—1811). Какъ видно, рѣдкіе изъ учителей I кл. оставались въ немъ болѣе двухъ лѣтъ: хорошіе учителя переводились въ слѣдующіе классы, а плохіе скоро были увольняемы. *Серебрянниковъ* былъ лучшимъ изъ 4 первыхъ практикантовъ 1787 г. Онъ кончилъ курсъ въ Вятской семинаріи и потомъ изучалъ въ главномъ училищѣ ариѳметику, алгебру и учебный способъ, гдѣ и былъ оставленъ учителемъ I кл. Уволенъ за нетрезвость, однако послѣ пятилѣтней службы. *Ани-*

*) Столѣтіе Вятск. губ. II, 619.

Digitized by Google

симовъ—практикантъ 1791 г. Ему временно поручались уроки рисованія послѣ уволеннаго въ 1796 г. Черепанова, но къ этой должности онъ оказался неспособнымъ. Анисимовъ одинъ только изъ учителей главнаго училища успѣлъ пристроиться къ другому дѣлу, именно опредѣленъ былъ землемѣромъ. Вмѣсто него временно занимался практикантъ *Костровъ*. *Савиновъ* былъ сынъ заслуженнаго учителя Слободскаго малаго училища *), учился сперва въ школѣ отца, потомъ кончилъ курсъ въ Вятскомъ главномъ училищѣ, и по благопріятной аттестаціи всѣхъ учителей, назначенъ 16 л. учителемъ въ I кл. Впрочемъ онъ недолго служилъ въ Вяткѣ, такъ какъ на его мѣсто прочили сына Вештомова, Платона, и онъ волей неволей долженъ былъ согласиться на переводъ въ Нолинскъ, на мѣсто уволеннаго учителя Плетнева. Въ качествѣ нолинскаго учителя онъ въ 1811 году характеризуется такъ: „по нетрезвенному житію къ продолженію службы малоспособенъ“. Тогда ему было всего 22 года отъ роду. *Пл. Вештомовъ* былъ практикантомъ въ 1809 г. и послѣ того нѣкоторое время служилъ копіистомъ въ Вятской оберъ-форшмейстерской канцеляріи. Несмотря на расположеніе къ нему директора, опредѣленіе его учителемъ затруднилось молодостью (ему было всего 16 л.). Рапиновъ, дѣлая представленіе попечителю, не скрылъ этого обстоятельства, но обѣщалъ, что за нимъ будетъ надзоръ со стороны отца и его самого, директора. Осторожный и справедливый Румовскій сдѣлалъ прежде всего запросъ, согласенъ ли на переводъ Савиновъ, и утвердилъ Вештомова лишь послѣ благопріятнаго для него отвѣта. Когда въ Казани открылся Учительскій институтъ, и въ Вяткѣ получено было приглашеніе, не желаетъ ли кто изъ кончившихъ курсъ въ училищѣ поступить туда, вызвались двое—Вештомовъ и Антроповъ. Антроповъ попалъ, а Вештомовъ былъ удержанъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ Румовскій обязывалъ его найти замѣстителя, а такового не находилось. Повидимому, и будучи учителемъ, Вештомовъ оставался вполнѣ еще наивнымъ юношей, и послѣ выхода отца въ отставку изъ легкомыслія онъ рѣшился на такой поступокъ, на который всегда смотрятъ очень серьезно—унесъ изъ училищнаго кабинета всѣ монеты, серебряныя и мѣдныя. Онъ

*) **Лаврентьевъ**, „Слободское городское училище“ въ Вятск. Календ. 1888 г.

Digitized by Google

сдѣлалъ это очень искусно, но распорядился съ утаенными вещами болѣе чѣмъ наивно—раздарилъ ихъ своимъ пріятелямъ ямщикамъ, а часть оставилъ у себя. Ему не удалось скрыть своей выходки отъ отца, который отобралъ у него что нашлось и немедленно возвратилъ все директору. Поднялся переполохъ, пошли розыски, слѣдствіе, сношенія съ полиціей, Главнымъ Правленіемъ и т. д. Вештомовъ тотчасъ же былъ уволенъ.

Впрочемъ исторія этого учителя можетъ быть изложена подробнѣе, и такъ какъ она даетъ довольно яркое освѣщеніе нѣкоторымъ сторонамъ тогдашняго училищнаго быта, то вполнѣ воспроизводится нами по сохранившимся документамъ. Въ ноябрѣ 1810 г. Платону Вештомову была предъявлена журнальная записка за подписью Рапинова и Некрасова, требующая отъ него болѣе аккуратнаго посѣщенія классовъ. На слѣдующій же день Рапиновъ получаетъ горячій отвѣтъ отъ него, написанный вѣроятно отцомъ, въ которомъ говорилось, что Пл. Вештомовъ всегда приходилъ въ классы нетолько не позднѣе, но даже раньше другихъ учителей, особенно Рапинова, „который частовременно по нѣсколько дней сряду не является въ училище“, что такихъ журнальныхъ записокъ „въ порядкѣ училищномъ никогда не бывало“, что этотъ случай составляетъ явную нападку директора изъ какихъ-то личныхъ видовъ, „предлогъ притѣсненія и угнетенія“, что зимою никто изъ учителей не приходитъ ранѣе 9 час. и занятія кончаются нѣсколько ранѣе положеннаго, вслѣдствіе сумерекъ, что городскіе часы слишкомъ далеко отъ него и пр. Вештомовъ требуетъ донести объ этомъ случаѣ высшему начальству. Отзывъ написанъ въ язвительномъ тонѣ, прямо набѣло, очевидно въ сильномъ возбужденіи. Изъ прошенія Рапинова къ губернатору мы узнаемъ, что въ тотъ же день, какъ Платону Вештомову приказано было чрезъ сторожа вмѣсто перваго пропущеннаго урока заняться лишній часъ, отецъ его явился въ училище съ полицейскимъ чиновникомъ Лефебромъ и, безъ дозволенія занимавшагося въ классѣ Некрасова, „съ дерзновеніемъ и наглостью прервалъ продолжающееся ученіе и вниманіе, въ азартѣ яростнымъ голосомъ чинилъ допросу у учениковъ и домогался изъ нихъ: „ходитъ ли мой Платонъ въ училище“? Одинъ изъ уче-

Digitized by Google

никовъ отвѣтилъ, что иногда ходитъ, иногда нѣтъ.—„Былъ ли самъ директоръ въ эти дни“? Другой ученикъ отвѣчалъ, что онъ занятъ дѣлами по случаю своего отъѣзда. „За симъ угрожалъ г. Вештомовъ, что онъ сдѣлаетъ доносъ самому Разумовскому на всѣхъ учителей и директора, которые сами приходятъ поздно въ классы, ибо я самъ знаю, какіе учителя не ходятъ въ классы, и директоръ самъ дни съ три не былъ, да и теперь можетъ быть, съ позволенія сказать, дома пьянъ и спитъ“. Училище просило защитить и охранить „оное священное государственное учебное заведеніе какъ отъ сего настоящаго, такъ и отъ подобныхъ сему, впредь произойти могущихъ случаевъ и поступить съ онымъ тит. сов. Вештомовымъ яко нарушителемъ тишины и спокойствія во время законно продолжающагося тогда въ главномъ училищѣ ученія, какъ законы повелѣваютъ“. Чѣмъ кончилось это обращеніе къ защитѣ губернатора и послано ли оно было, не знаемъ. Извѣстно только, что чрезъ два мѣсяца послѣ того главное училище возвратило Вештомову его объясненіе съ надписью, что училище „даетъ знать на замѣчаніе учителю I кл. Вештомову въ слѣдующемъ. Поелику училищемъ замѣчено, что ты, учитель Вештомовъ, дѣйствительно опаздывалъ приходомъ своимъ въ классы, въ чемъ неоднократно замѣчалъ тебѣ въ особенности самъ директоръ, который и напоминалъ тебѣ неоднократно о выполненіи должности, какъ уставомъ предписано; почему оное училище и приписываетъ то твоему въ сознательности упрямству, свойственному только незрѣлымъ лѣтамъ“, и находитъ, что намеки на мнимую неисправность директора „ясно обнаруживаютъ характеръ духа, склоннаго входить не въ принадлежащее“, что о непорядкахъ директора „безъ свойственной грубости и строптивости сказать тебѣ невозможно бы было, потому что члены, коимъ ввѣрено зависимое управленіе учебныхъ заведеній, сознаютъ въ немъ совершенный порядокъ, и всѣ учители, внимая гласу справедливости, съ ревностью проходятъ свои должности. Ты же, учитель I кл., забылъ должное уваженіе къ начальству, съ грубостью противорѣчишь справедливому постановленію главнаго училища, къ исполненію тебя принуждающаго. Вслѣдствіе того предписывается тебѣ, учитель I кл. Вештомовъ, чтобы впредь ты безотговорочно исполнялъ повелѣнія г. ди-

Digitized by Google

ректора, что подлежать будетъ до должности учительской, отъ грубыхъ же и обидныхъ выраженій настрожайше подтверждается тебѣ воздерживаться впредь".—Но на молодого Вештомова, спѣшно катившагося по наклонной плоскости, ни выговоры начальства, ни сѣтованія отца уже не дѣйствовали. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ уличенъ былъ въ похищеніи монетъ. „Сего 15 марта тит. сов. Ал. Вештомовъ, пришедши въ училище, съ горестнымъ состраданіемъ объявилъ мнѣ и учителю Ал. Некрасову, что сынъ его, учитель I кл. Пл. Вештомовъ, похитилъ изъ казеннаго кабинета серебряныя и другихъ качествъ медали, монеты и абдрукп". При своемъ заявленіи Вештомовъ-отецъ представилъ 145 разысканныхъ имъ монетъ. Оказалось, что большой висячій замокъ у дверей чулана сбитъ, но повѣшенъ былъ такъ искусно, что казался запертымъ, печать и шнуръ оставались неповрежденными. Кромѣ того справки показали, что въ тотъ день Пл. Вештомовъ утромъ куда-то уходилъ изъ школы и скоро воротился. Очевидно, откровеннымъ сознаніемъ Вештомовъ хотѣлъ по возможности смягчить вину сына и можетъ быть кромѣ того въ тайнѣ разсчитывалъ, что директоръ не дастъ этому дѣлу оффиціальнаго хода. Но тотъ не рискнулъ принять на себя отвѣтственности и принялъ требуемыя его положеніемъ мѣры. Пл. Вештомовъ, почуявъ бѣду, скрылся изъ дому, но былъ найденъ и посаженъ въ арестантскую при полиціи. Начались усердные розыски недостающихъ монетъ. Всѣхъ болѣе старался объ этомъ самъ Вештомовъ: каждый день ему удавалось возвращать по нѣсколько экземпляровъ. Почтмейстеръ Горбуновъ доставилъ нѣсколько монетъ, отобранныхъ имъ у ямщиковъ, и въ концѣ концовъ растраченными осталось лишь незначительное количество мѣдныхъ монетъ, не имѣющихъ важности. Чѣмъ кончилось дѣло Вештомова, намъ неизвѣстно, но о немъ чрезъ директора и попечителя округа донесено было и министру *).

Учителями рисовальнаго класса были: Ѳ. Черепановъ (1787—1796 и 1797—1806) и Егоръ Чарушинъ (1806—1811). Въ первый годъ уроки рисованія велъ Рашиновъ. *Черепановъ* былъ въ началѣ нѣкоторое время учителемъ рисованія и чистописанія въ мѣстной семинаріи, которая разсталась съ

*) См. книгу исходящихъ стр. 54—59 и дѣло 1811 г. № 14.

Digitized by Google

нимъ, вѣроятно, безъ большаго сожалѣнія. Учителемъ, какъ мы видѣли, Черепановъ былъ плохимъ и разъ былъ уволенъ изъ училища, но за недостаткомъ учителей вновь былъ принятъ Приказомъ. Исторію его увольненія мы уже знаемъ. *Чарушинъ* происхожденіемъ былъ изъ мѣстной купеческой семьи, кончилъ курсъ въ Вятскомъ училищѣ. Чарушинъ былъ извѣстнымъ въ свое время вятскимъ живописцемъ, имѣлъ много иконописныхъ заказовъ и былъ очень хорошимъ учителемъ. Ученики его въ самое короткое время оказали большіе успѣхи. „Чарушинъ весьма старается при честномъ поведеніи“—говоритъ объ немъ одинъ отчетъ. Самъ Чарушинъ очень привыкъ къ училищу, но преобразованіе послѣдняго въ гимназію заставило его подать въ отставку. Попечитель высказывался за оставленіе его при гимназіи, но все-таки онъ въ 1811 г. долженъ былъ перейдти во вновь открывшееся уѣздное училище; послѣ онъ попалъ въ гимназію, но уже много позднѣе.

Сколько-нибудь серьезныхъ ревизій Вятскаго главнаго училища за все время его 25-ти лѣтняго существованія не было, и потому мы лишены возможности составить болѣе или менѣе точное понятіе объ успѣхахъ въ немъ школьнаго дѣла. Оффиціальные отзывы попечителей и сенаторовъ бывали всегда благопріятны для училища. Изъ такихъ отзывовъ самымъ цѣннымъ мы должны считать мнѣніе о школѣ губерн. Рунича, человѣка компетентнаго и умѣвшаго цѣнить образованіе. Въ 1803 г., побывавъ на публичномъ испытаніи, Руничъ благодарилъ учителей за успѣхи и даже выразилъ особенную благодарность имъ торжественно, въ присутствіи Приказа. Самъ директоръ, сознавая успѣшность занятій въ училищѣ, иногда рѣшался благодарить учителей за успѣхи, какъ было напр. на публичномъ испытаніи 1808 г. Въ отчетѣ 1809 г. онъ пишетъ: „Всѣ учители главнаго училища честнымъ своимъ поведеніемъ и благонамѣренными склонностями своими, влекущими ихъ къ радѣтельному образованію юношества, заслуживаютъ предъ начальствомъ одобреніе“. Слова обычные, но они звучатъ для насъ и правдою, если мы припомнимъ, что въ это время учителями были лучшіе учителя за все время существованія училища—Рапиновъ, А. Вештомовъ, Колбекъ и еще Савиновъ. Въ послѣднемъ отче-

Digitized by Google

тѣ Рапиновъ пишетъ: „Всѣ учители съ ревностью проходятъ свои должности; благородный образъ мыслей и обращеніе всего духа ихъ на образованіе дѣтей кажется удостовѣряетъ меня, что при благихъ намѣреніяхъ будемъ видѣть всегда добрую жатву".

VI. Учащіеся.

Правительство, создавъ вразъ такую массу школъ, въ тоже время старалось, въ интересахъ просвѣщенія, привлечь къ нимъ какъ можно болѣе учащихся, не разбирая ни сословія, ни возраста, ни даже пола. Каждый новый ученикъ въ глазахъ завѣдующихъ народнымъ воспитаніемъ лицъ былъ находкою. Училищный уставъ очень настойчиво указываетъ, что учителя должны принимать въ школу всѣхъ желающихъ, отнюдь не воспрещая ходить въ классъ, что не должно пренебрегать и бѣдными учениками, „чтобы пріуготовить члена общества". Для увеличенія числа учениковъ, правительство рѣшилось привлекать въ школу дѣтей гражданъ волей и неволей. Устраивались блестящіе публичные экзамены, гдѣ ученики въ обиліи получали награды, а родители ихъ видѣли къ своимъ дѣтямъ ласковое вниманіе высшей духовной и свѣтской мѣстной власти, бѣднымъ ученикамъ выдавались безденежно учебныя пособія *) и даже стипендіи, кончившимъ курсъ даны особыя права: гдѣ же всѣ эти средства оказывались недостаточными, тамъ долженъ былъ оказывать свое вліятельное воздѣйствіе попечитель школъ, мѣстный губернаторъ. Мы видѣли также, что съ цѣлью внушить болѣе уваженія и довѣрія къ школѣ, начальство внимательно слѣдило за репутаціею учителей.

Ядро учениковъ главнаго училища составили ученики закрытыхъ по приказанію генералъ-губернатора частныхъ школъ. Вѣроятно, безъ этого мѣропріятія училище открылось бы при самомъ незначительномъ количествѣ учениковъ. Требованія при поступленіи были самыя незначительныя, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что училище открылось прямо въ составѣ трехъ классовъ. Въ I кл. принято было 28 учен., во II кл. 10 и въ III кл. 5, всего 43 уч. **).

*) Въ 1809 г. безплатныя книги выдавались 20 ученикамъ.

**) Юрьевъ стр. 18. По другимъ свѣдѣніямъ въ I кл. поступило 18, во II кл. — 18, въ III кл.—7 уч., всего 38 уч. Дѣло арх. гимн. № 1, 181 об.

Digitized by Google

Половину учениковъ дали солдаты и разночинцы, четвертую часть мѣщане (5) и крестьяне (6), дѣтей купцовъ поступило 8, благородныхъ 2. По имѣющимся за 10 послѣднихъ лѣтъ даннымъ о сословіи учениковъ мы видимъ, что наиболѣе устойчивое отношеніе къ училищу оказали чиновники, для которыхъ оно составляло очень опредѣленную потребность. Число учениковъ изъ этого сословія колебалось между 20—30 ежегодно, что приблизительно составляло четвертую часть общаго числа учащихся. Сравнительно значительное количество дѣтей чиновниковъ было особенно пріятно для училища потому, что почти они одни имѣли охоту и возможность оканчивать полный курсъ. Почти тѣмъ же количествомъ выражалось число учениковъ изъ мѣщанъ; въ общемъ ихъ было больше, чѣмъ учениковъ изъ „благороднаго“ сословія, но число ихъ подвергалось большимъ колебаніямъ. Мѣщане на ученье дѣтей своихъ въ школѣ смотрѣли какъ на средство выдвинуть ихъ въ люди и охотно держали ихъ въ училищѣ до конца курса, но сами ученики изъ этого сословія не дорожили ученьемъ, составляли въ школѣ самый лѣнивый и безпокойный элементъ и рѣдко доучивались. Какъ бы то ни было, тонъ школѣ задавали, конечно, именно они. Число учениковъ изъ купеческаго сословія колебалось между 10—25. Почти по равному количеству (между 5 и 15) училось въ школѣ дѣтей солдатъ и приказныхъ, число которыхъ тоже подвергалось весьма сильнымъ колебаніямъ и не показывало надежнаго увеличенія. Не велико было и число крестьянскихъ дѣтей въ училищѣ, но за то весьма любопытно, что оно очень замѣтно и надежно увеличивалось годъ отъ году. Приводимъ самую таблицу движенія числа учащихся по сословіямъ за 1800—1811 г. *)

Года.	Чиновниковъ.	Приказныхъ	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Крестьян.	Солдатъ.	Всего.
1800	30	7	13	39	10	17	116
1801	23	2	15	26	7	10	83
1803	16	4	19	29	4	8	80
1804	20	13	20	21	7	10	92

*) Составлена на основаніи дѣлъ гимназіи и не совсѣмъ согласна съ таблицею г. Юрьева (стр. 93).

Digitized by Google

Года.	Чиновниковъ.	Приказныхъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Солдатъ.	Всего.
1805	27	11	13	17	7	13	88
1806	17	8	10	23	11	6	75
1807	20	15	17	22	13	8	95
1808	25	7	16	28	22	8	106
1809	18	12	10	26	19	14	99
1810	26	11	21	31	15	8	112
1811	29	8	26	25	26	8	122

Количество учениковъ въ Вятскомъ главномъ училищѣ вообще было не велико, и можно даже видѣть, что успѣхъ его въ этомъ отношеніи былъ менѣе значителенъ, чѣмъ успѣхъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ малыхъ училищъ, напр. Слободского и Нолинскаго, даже не сравнительно, а абсолютно *). Причины малаго количества учениковъ въ главномъ училищѣ отчетомъ 1797 г. выставлялись слѣдующія: „Здѣшніе обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя училища. Можетъ быть, сіе происходитъ отъ закоренѣлаго ихъ обычая, какой ихъ предки имѣли: ибо многіе лучше хотятъ ихъ заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются. Также многіе, имѣя своемысліе и не имѣющую наклоненія ни на какія убѣжденія, отдаютъ дѣтей своихъ для обученія по церковнымъ книгамъ къ причетникамъ, восхищаясь, когда дѣти ихъ могутъ читать въ церквахъ часословъ и псалтырь, не думая того, что они подобятся тогда попугаямъ. Также многіе берутъ въ уваженіе причину, что дѣти ихъ, приходя въ училище до учителя, портятъ свои нравы, поелику ни одинъ учитель не живетъ при училищѣ“ **). Другіе отчеты указываютъ, между прочимъ, на то, что училище имѣетъ тѣсное помѣщеніе и находится далеко отъ центра города. Конечно, все же главная причина, почему избѣгали школы даже тѣ родители, которые хотѣли

*) Такъ въ 1809 г. въ Вятскомъ главномъ училищѣ было 112 уч., въ Слободскомъ маломъ 122, въ Нолинскомъ 126.

) **Юрьевъ, стр. 73—74.

Digitized by Google

видѣть дѣтей своихъ грамотными, была та, что открытыя правительствомъ училища имѣли своеобразный характеръ, внося широкое свѣтское образованіе въ среду, въ которой воспитался и взлелѣялся взглядъ на грамотность какъ на путь къ болѣе вдумчивой религіозности, а на науки какъ на суетное и легкомысленное занятіе. Хлыновцевъ тянуло въ привычную церковную школу, за направленіе которой можно было быть спокойнымъ и которая давала все, въ чемъ они нуждались. Прикрытыя въ началѣ, частныя школы скоро опять возникли. Отчетъ 1806 г. прямо пишетъ: „имѣются такія частныя школы, въ которыхъ малолѣтнѣйшихъ мужскаго и женскаго пола дѣтей вмѣстѣ обучаютъ частные духовные чтенію и письму, наблюдая старинное обыкновеніе выучивать часословъ и псалтырь“. Второю важною причиною малаго количества учениковъ была боязнь заботливыхъ родителей, что дѣти ихъ въ училищѣ избалуются, и нельзя не видѣть, что боязнь эта имѣла серьезныя основанія. Однако какъ ни медленно проникало свѣтское образованіе въ среду вятскихъ гражданъ, всетаки въ теченіе четверти вѣка оно сдѣлало рѣшительные успѣхи: старыя понятія волей-неволей должны были уступить духу времени. Еще въ 1802 г., подводя итоги успѣхамъ главной школы, директоръ Рапиновъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ надежное увеличеніе въ ней числа учениковъ: „граждане въ тѣхъ городахъ, говоритъ онъ, въ которыхъ открыты школы, болѣе чѣмъ прежде рождаютъ охоты ко изученію дѣтей своихъ. Въ Вяткѣ же замѣтно довольно учениковъ изъ класса купцовъ, приказныхъ и солдатъ, и что они уже почитаютъ за должное и какъ бы за необходимое образовать въ ученіи дѣтей своихъ; класса же мѣщанъ частью довольно, а крестьянъ мало стремится къ реченной цѣли“ *). Какъ бы то ни было, но фактъ меньшаго числа учениковъ въ главномъ училищѣ сравнительно съ нѣкоторыми уѣздными малыми остается необъяснимымъ и страннымъ.

Пріемъ учениковъ былъ очень облегченъ: одинаково принимались дѣти и великовозрастные, мальчики и дѣвочки **), подготовка требовалась незначительная (напр. кто умѣлъ

*) **Юрьевъ**, стр. 90.

**) Впрочемъ въ Вятскомъ главномъ училищѣ дѣвочекъ совсѣмъ не было, такъ какъ въ немъ учились уже взрослые ученики.

Digitized by Google

„средственно читать и писать“, того садили во II кл.), принимали во всякое время года. Почему-то во второе полугодіе учебнаго года число поступающихъ бывало даже болѣе: напр. въ 1802 г. въ первое полугодіе поступило 5 учен., во второе—34. Въ 1809 г. были установлены два срока пріема—январь и августъ; „однако нерѣдко дѣти поступаютъ и не въ срочное время“, неизмѣнно повторяетъ каждый отчетъ, а нѣкоторые прибавляютъ при этомъ: „и въ томъ имъ препятствія не чинится“.

Движеніе учениковъ за разные годы видно изъ слѣдующей таблицы:

Года.	Прибыло.	Убыло		Всего	Къ концу учебн. года было				Всего.
		Окончк. курсъ.	Неокончк.		I	II	III	IV	
1786	38	—	—	—	18	13	7	—	38
1787	47	?	?	19	26	21	13	6	66
1788	39	?	?	34	27	22	13	9	71
1789	22	?	?	37	17	15	12	12	56
1790	31	5	6	11	?	?	?	13	76
1791	31	9	16	25	37	13	20	12	82
1792	30	12	26	38	28	25	11	10	74
1793	16	7	12	19	28	15	16	12	71
1794	33	11	30	41	24	14	12	13	63
1795	65	6	37	43	25	33	11	16	85
1796	82	7	37	44	56	37	15	15	123
1797	—	15	29	44	32	32	7	8	79
1798	21	4	25	29	29	18	15	9	71
1799	45	3	12	15	56	29	13	13	111
1800	30	16	9	25	51	28	16	11	116
1801	42	62	10	72	36	29	15	7	87
1802	39	31	4	35	26	21	16	10	80
1803	38	21	6	27	37	18	21	12	91
1804	29	37	9	46	—	—	—	—	74
1805	33	2	1	21	38	23	14	11	86
1806	35	35	11	46	—	—	—	—	75
1807	36	22	5	27	26	31	16	11	84
1808	47	26	5	31	45	23	20	12	100
1809	38	21	5	26	38	45	16	13	112
1810	—	—	—	--	—	—	—	—	122

Приведенная таблица даетъ намъ возможность сдѣлать

Digitized by Google

весьма любопытныя заключенія о ходѣ занятій въ Вятской школѣ: 1) въ началѣ число учениковъ, выбывшихъ до окончанія курса, было весьма значительно, доходя иногда до $^1/_4$ всего наличнаго числа, но современемъ, особенно къ самому концу 25-ти лѣтія, число это дошло до очень незначительнаго процента; 2) число окончившихъ курсъ, въ началѣ столь незначительное, со втораго 10-ти лѣтія стало замѣтно увеличиваться и наконецъ дошло до необыкновенно благопріятнаго процента, такъ что былъ напр. годъ (1806), когда число окончившихъ полный курсъ въ училищѣ равнялось числу вновь принятыхъ учениковъ. Такіе результаты представляются намъ поистиннѣ необыкновенными. Даже если взять отношеніе всего числа принятыхъ за все время существованія училища къ числу выпущенныхъ съ аттестатами, то оказывается, что послѣднихъ было не менѣе 45%! Очевидно, что столь откровенное самовосхваленіе, поражающее въ отчетахъ объ училищѣ Рапинова, имѣло основаніе. Изъ таблицы видно также, что пріемъ учениковъ за все 25-лѣтіе очень мало колебался, доходя до 30—45 съ годъ. Почему то въ 1795 и 1796 г. былъ особенно большой приливъ учащихся, такъ что въ 1796 г., за недостаткомъ помѣщенія, пріема вовсе не было.

У насъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, какъ обращались учителя Вятскаго главнаго училища съ учениками. Мы склонны даже думать, что особыхъ жестокостей въ этомъ отношеніи не допускалось, особенно у лучшихъ учителей, которыми училище не оскудѣвало, но судя по аналогіи съ извѣстными намъ случаями уѣздныхъ малыхъ училищъ предполагаемъ, что ученье безъ болѣе или менѣе суровыхъ мѣръ не обходилось, какъ вообще не можетъ обойтись безъ нихъ школа, основанная на зубреніи массы фактовъ. Но наказанія не соотвѣтствовали гуманному взгляду на воспитаніе правительства, и потому имъ неоднократно обращаемо было вниманіе областного и мѣстнаго учебнаго начальства на необходимость искоренить замѣчаемое мѣстами жестокое обращеніе съ учениками *).

*) Таково напр. предписаніе Министра отъ 18 марта 1811 г. Оно было объявлено учителямъ гимназіи и содержательницѣ пансіона Альбергъ.

Digitized by Google

ности ума и сердца, чѣмъ могло привлечь училище учениковъ? Въ дѣлахъ училища временами встрѣчаются прямыя указанія, что ученики охотно пользовались всякою возможностью отбыть школьнаго ученія, и не было мѣръ заставить ихъ посѣщать школу аккуратно. „По причинѣ частыхъ отлучекъ учениковъ попеременно то изъ того разряда, то изъ другаго, ученія предписаннымъ порядкомъ продолжать никакъ невозможно, а потому и предметы надлежащимъ образомъ окончить будетъ невозможно: потому что сегодня троихъ нѣтъ, завтра другихъ пятерыхъ, и такъ сегодня дожидаемся тѣхъ, а завтра другихъ, а между тѣмъ время проходитъ напрасно. Когда же у учениковъ спросишь причину отлучки, то говорятъ, что родители туда посылали, либо другое приказывали дѣлать, а по справкѣ оказывается, что дѣти въ глазахъ родителей занимались рѣзвостями, а они имъ не воспрещаютъ, а дѣти, имѣя сіе, не ходятъ, а тѣмъ самымъ какъ себя лишаютъ пользы, такъ и у другихъ оную похищаютъ“ *) Въ отчетахъ отмѣчается довольно значительное количество исключенныхъ за нехожденіе, и надо замѣтить, что это главнѣйшая причина исключенія, такъ какъ мы не встрѣчали указанія, чтобы ученики принуждены были выйти по малоуспѣшности. Очевидно, они терпимы были до послѣдней крайности, и въ случаѣ неудачи въ занятіяхъ оставлялись не только на второй годъ, но и на третій и далѣе. Шаловливость учениковъ признавалась также недостаточною причиною для увольненія: уставъ народныхъ училищъ требуетъ, чтобы въ случаѣ неисправности ученика онъ „многократно“ увѣщеваемъ былъ учителемъ, если это не поможетъ, учитель долженъ донести директору и тотъ предупреждаетъ родителей, и ужъ въ самомъ крайнемъ случаѣ „директоръ по довольномъ и зрѣломъ уваженіи, основываясь на правилахъ кротости и человѣколюбія“, подвергаетъ ученика исключенію, каждый разъ донося объ этомъ Приказу, съ точнымъ указаніемъ причины увольненія.

Въ видахъ привлеченія учениковъ въ школы, уставъ даетъ кончившимъ въ училищѣ курсъ съ аттестатомъ нѣкоторыя привиллегіи, именно указываетъ, чтобы они были предпочитаемы предъ другими при опредѣленіи на мѣста. Но такъ какъ эти мѣста были преимущественно должности пис-

*) **Юрьевъ**, стр. 54.

Digitized by Google

цовъ, которыя при протекціи и настойчивости можно было получить всякому грамотному, даже и далеко не прошедшему весь курсъ главнаго училища, разсчитанный на пять лѣтъ, и такъ какъ бѣдные родители нуждались въ помощи дѣтей, лишь только тѣ выходили изъ отроческаго возраста, то въ началѣ для большинства ученье въ школѣ оканчивалось почти тѣмъ же, какъ и ученье у причетниковъ—грамотностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, пріобрѣтеніемъ практическаго навыка въ чтеніи и письмѣ. До IV кл. оставались почти лишь одни дѣти достаточныхъ родителей. Отчетъ 1806 г. говоритъ, что ученики очень рѣдко оканчиваютъ курсъ, такъ какъ спѣшатъ найти какое-нибудь мѣсто, а солдатскія дѣти требуются начальствомъ. Въ 1789 г. визитаторъ Козодавлевъ писалъ: „число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго... ибо хотя науки и каждому полезны, однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, почему и невозможно ожидать, чтобы многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы". Однако мы видимъ, что Вятская школа современемъ завоевала себѣ прочное положеніе въ мѣстномъ обществѣ, и случаи преждевременнаго выхода изъ нея учениковъ становились рѣже и рѣже. Такъ въ первые 12 лѣтъ училище выпускало съ аттестатами среднимъ числомъ всего по 9 учениковъ въ годъ, а во вторые—по 25, т. е. втрое больше. Очевидно, школа самымъ фактомъ своего существованія сдѣлала то, что уровень требованій отъ молодыхъ людей при поступленіи ихъ на службу въ мѣстныя присутственныя учрежденія значительно повысился, и кромѣ того ясно, что солидные учителя, въ родѣ Рапинова и Вепхомова, успѣли своею долговременною дѣятельностью внушить большое довѣріе къ школѣ.

За нѣсколько лѣтъ у насъ есть свѣдѣнія о томъ, куда поступали кончившіе курсъ ученія ученики, но свѣдѣнія эти такъ неопредѣленны и случайны, что трудно извлечь изъ нихъ какіе-либо выводы. Чаще всего по окончаніи курса ученики поступали въ гражданскую и военную службу, кромѣ

Digitized by Google

дѣтей купцовъ, остававшихся въ своемъ состояніи. Есть указанія, что нѣкоторые, весьма немногіе, ученики поступали въ Кадетскій корпусъ, семинарію, въ благородный пансіонъ, т. е. тѣмъ или другимъ путемъ продолжали ученіе. Въ 1810 г. попечитель предложилъ лучшимъ ученикамъ Вятскаго училища поступать въ Казанскій учительскій институтъ, чѣмъ и воспользовался Антроповъ, бывшій потомъ первымъ окружнымъ инспекторомъ округа.

Нѣкоторое время въ главномъ училищѣ учились какіе-то богадѣленные мальчики, присланные для того губернскимъ начальствомъ. Учились они плохо, и потому директоръ долженъ былъ просить губернатора Брадке взять ихъ обратно.

Правительство, рѣшившееся для воспитанія „новой породы людей“ создать совершенно закрытые институты, не только дозволяло учителямъ держать у себя воспитанниковъ въ качествѣ пансіонеровъ, но даже поощряло ихъ къ тому, предполагая, что они будутъ оказывать благотворное вліяніе на учениковъ, „удерживая отъ всякаго суевѣрія, баснословныхъ и развратныхъ дѣлъ“. На сколько знаемъ, такихъ пансіонеровъ у учителей Вятскаго главнаго училища небыло.

Практиканты. По уставу, всѣ, желающіе имѣть право преподаванія въ народныхъ школахъ, были допускаемы для практическихъ занятій въ главное училище, гдѣ они изучали пріемы преподаванія (чаще всего въ теченіе года), давали затѣмъ пробный урокъ, послѣ чего директоръ, по особому опредѣленію Приказа, выдавалъ соотвѣтственное свидѣтельство. Такими практикантами бывали кончившіе курсъ въ училищѣ, но ихъ всегда было недостаточно, и потому въ число практикантовъ чаще поступали ученики семинаріи, вызванные Приказомъ по сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ. Практиканты тотчасъ же получали мѣста, какъ бы молоды ни были.

Въ 1787 г. въ училищѣ приготовлялись къ учительскому званію семинаристы, взятые изъ философскаго класса: Ѳ. Серебренниковъ, Д. Хрулевъ, Д. Савиновъ и И. Кочкинъ; изъ нихъ первый былъ оставленъ при училищѣ. Въ 1790 г. были вытребованы изъ семинаріи съ аттестатами: Вештомовъ, Плетневъ и Зыковъ, въ 1791 г.—М. Анисимовъ и М. Княгининъ, въ 1796 г.—Костровъ и Черепановъ. Въ 1807 г. прак-

Digitized by Google

тикантомъ былъ сынъ учителя Слободской школы Ѳ. Савиновъ, въ 1809 г.—мѣщанинъ Кошкаревъ, купеческаго званія И. Чарушинъ и Платонъ Вештомовъ. Практиканты получали отъ училища казенное содержаніе, именно по 2 руб. въ мѣсяцъ, и платье *); по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ.

VII. Содержаніе.

Заботы о содержаніи училищъ были возложены на Приказъ общественнаго призрѣнія, а въ случаѣ недостатка суммъ, особенно на первое время, попечитель училища, губернаторъ, долженъ былъ привлечь къ содѣйствію городскія думы и вызвать частныя пожертвованія. Но Вятскій приказъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ на первое время всего 15000 руб. асс., на которые кромѣ училищъ долженъ былъ содержать бѣдныхъ, престарѣлыхъ и вообще неимущихъ людей по всей губерніи, а между тѣмъ расходовъ по одному главному училищу требовалось около 2000 руб. ежегодно. Поэтому уже при самомъ открытіи училища пришлось прибѣгнуть къ обязательному содѣйствію городскаго общества. Въ силу городового положенія, дума должна была передать въ распоряженіе Приказа всѣ остатки отъ 1% сбора съ питейныхъ домовъ, по удовлетвореніи нуждъ магистрата. На первое время такой суммы набралось 640 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ располагалъ Приказъ, этого было недостаточно, и губернаторъ Желтухинъ долженъ былъ обратиться къ сбору частныхъ пожертвованій. Эта мѣра имѣла успѣхъ: къ 1 марта 1787 г. пожертвованій собралось 2151 р., и такимъ образомъ первыя нужды училища были удовлетворены. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ остаткомъ прошлаго года, собралось на содержаніе училища почти такая же сумма (2167 р.), но въ 1788 г. Приказъ располагалъ для того только 880 руб. Это былъ тяжелый годъ для училища.

Князь Мещерскій въ частномъ письмѣ извѣщалъ Желтухина, что „всѣ чины и купечество Казани сложили подаянія въ Приказъ общественнаго призрѣнія 1200 р., да сверхъ того И. П. Осокинъ въ пріѣздъ сюда вноситъ при письмѣ въ пользу училищъ 200 р. и обязуется ежегодно по телику же вносить въ январѣ мѣсяцѣ. Сложеніемъ тѣмъ нынѣ и го-

*) Юрьевъ, стр. 19.

Digitized by Google

доваго съ Казенной палаты городовому магистрату, по силѣ городоваго положенія, дачею до 1000 р., содержаніе по штату о училищѣ главномъ, директора, учителей и надлежательностей прочихъ, почти составилось уже. Порадуйте меня по Вяткѣ, чтобы видѣлъ я составленіе годовой для училища надобности денегъ". Но порадовать по Вяткѣ было рѣшительно нечѣмъ,—напротивъ того, вятскій городской голова Хохряковъ, отъ 20 марта 1788 г., доносилъ Приказу, что „вятское купечество и мѣщанство учинило приговоръ, коимъ приговорило на содержаніе училища на одинъ нынѣшній 1788 г., по добровольной подпискѣ,—купцы 70 р. 35 к., а мѣщане генерально отъ всего общества 50 р., а впредь къ подаянію какъ изъ купцовъ, такъ и мѣщанъ, никто желанія не объявилъ". Правитель намѣстничества, читаемъ въ дѣлахъ, неоднократно приглашалъ гражданъ къ себѣ, „поощряя ихъ примѣромъ къ благотворенію училища, видя же ихъ нерѣшимость, принужденнымъ нашелъ себя дать уже письменное предложеніе градскому головѣ обще съ городовымъ магистратомъ, представилъ имъ въ полномъ видѣ изящество доброты отъ воспитанія и просвѣщенія дѣтей проистекающей; но, къ сожалѣнію его, не обрѣлъ ревнительныхъ о пользѣ общей согражданъ". Дѣло дошло наконецъ до того, что учителя за майскую и сентябрьскую треть 1788 г. и январьскую 1789 г. вовсе не могли получить жалованья. На представленіе вятскаго намѣстника Желтухина генералъ-губернатору о бѣдственномъ состояніи училищныхъ средствъ, отъ послѣдняго получено было предложеніе: „чтобъ, по неимѣнію въ Вятской губерніи жительствующихъ дворянъ и по отказу вспомоществованія къ содержанію училища того гражданъ, прибѣгнуть къ снисканію помощи отъ поселянъ, кои изъявятъ желаніе на подаяніе доброхотное". Вслѣдствіе такого предложенія правитель намѣстничества, въ маѣ 1789 г., обратился чрезъ земскіе суды и городничихъ къ поселянамъ и гражданамъ „на доброхотное подаяніе на пользу училища". „Поелику крестьяне Вятскаго намѣстничества отмѣнное свое усердіе и раченіе къ сооруженію каменныхъ церквей и ихъ благолѣпію довольно оказали, то и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они благотвореніе сіе общественное, яко дѣло благоугодное въ пользу училищъ, по своей волѣ, имуществу и избыткамъ

Digitized by Google

воимъ оказанное, почли за тягостное". Въ скоромъ времени
ю всѣхъ селеніяхъ Вятскаго намѣстничества стали на мір-
кихъ сходахъ составляться приговоры о добровольныхъ по-
ертвованіяхъ на дѣло народнаго образованія. Въ этомъ дѣ-
ѣ приняли участіе также и инородцы здѣшняго края: вотя-
и, черемисы и татары. Послѣдніе съ общаго согласія по-
тановили съ каждой души (по 4-й ревизіи) дать по 2 коп.
Благодаря этому участію жителей губерніи, къ концу 1789 г.
ыло собрано въ пользу главнаго училища 9190 руб. При-
азъ общественнаго призрѣнія „посредствомъ сего, на чело-
ѣколюбіи основанномъ пособіи, не токмо удовлетворилъ учи-
елей выдачею полнаго жалованья, но и послалъ во градъ
в. Петра до 110 р. на покупку книгъ и пособій". Въ 1794 г.
убернаторъ Желтухинъ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ
спытанному уже средству—къ обращенію чрезъ городничихъ
нижнихъ земскихъ судовъ къ жителямъ городовъ и селе-
ій Вятскаго намѣстничества съ приглашеніемъ „къ добро-
ольному подаянію на содержаніе главнаго губернскаго и ма-
ыхъ народныхъ училищъ". „Долгомъ своимъ поставляю
редложить паки,—пишетъ въ своемъ приглашеніи Желту-
инъ,—городничимъ и земскимъ судамъ, дабы городничіе чи-
овникамъ и другимъ въ городахъ обитающимъ, а судовъ
ныхъ земскіе исправники и присутствующіе ко всѣмъ посе-
янамъ употребили прошенія свои, присоединяя къ тому и
ою просьбу къ обитателямъ губерніи Вятской о сложеніи
уммы къ доброхотному подаянію на содержаніе главнаго на-
одного училища и уѣздныхъ. Но, дабы при семъ не могло
акое-либо вкрасться злоупотребленіе и не представить бы
бывателямъ такой ихъ произвольной благости въ видѣ ка-
ого-либо сбора или принужденія, то внушить имъ на мір-
кихъ сходахъ съ истолкованіемъ яснымъ, что таковое дая-
іе должно быть изъ единой ихъ доброй воли, и кто сколько
зъ своего избытка дать пожелаетъ, а непринужденно, при-
ять то съ благодареніемъ и учтивостью. Въ противномъ же
лучаѣ, дерзнувшій употребить коварный предлогъ для ко-
ыстолюбія и хищничества своего восчувствуетъ всю строгость
аконовъ... Сверхъ же сего предписать имѣю: какъ извѣстно
инѣ, что въ округѣ имѣются владѣльческіе заводы, крестьяне
иновѣрцы, то и въ тѣхъ селеніяхъ находятся помѣщики,

Digitized by Google

то самимъ въ небытности, прикащиковъ ихъ испросить по точности же выписаннаго предписанія въ подаяніе народнаго училища денегъ. Относительно же до иновѣрцевъ, то хотя и не пользуются они отъ сихъ училищъ науками, кромѣ Слободскаго училища, въ коемъ и мусульманскія дѣти обучаются предметамъ, но благотворительное ихъ подаяніе, ежели сами они дать захотятъ, послужитъ на пропитаніе бѣдныхъ увѣчныхъ и престарѣлыхъ. Слѣдовательно, изъ сего могутъ присутствующіе въ земскихъ судахъ заключить, что всякое насиліе и наклоненіе подъ предлогомъ какимъ бы то ни было строгостью законовъ воспрещается, а должны просить убѣдительно съ тихостью и благодареніемъ безъ всякой суровости, не дѣлая ни малѣйшаго огорченія даже и тѣмъ поселянамъ, кои подать не возжелаютъ, какого бы они рода и званія ни были". На этотъ разъ дѣло не обошлось, однако, безъ злоупотребленій. Нолинскій округи засѣдатель Чепурныхъ, который допустилъ вымогательство съ корыстною цѣлью, былъ „поноснѣйшимъ образомъ наказанъ публично кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и отлученіемъ на вѣчно въ каторжную работу". Жертвованія шли хотя и не такъ успѣшно, какъ въ 1789 г., но все-таки къ концу 1794 г. Приказъ общественнаго призрѣнія располагалъ уже суммою въ 2608 р. Добровольныя жертвованія продолжались и въ слѣдующемъ году, когда они достигли до 6771 руб. Насколько эти пожертвованія были добровольны—сказать трудно, но едва ли указанный выше случай съ Нолинскимъ засѣдателемъ былъ единиченъ. Всей собранной на этотъ разъ суммы достало на содержаніе народныхъ училищъ только на два года; такъ въ счетной вѣдомости, учиненной за 1797 г., значилось въ приходѣ вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года 1813 руб., а расходу по всѣмъ училищамъ сдѣлано 2942 руб., такимъ образомъ перерасходовано было болѣе приходу на 1129 руб. „Да и на будущее время, по несостоянію училищныхъ суммъ, читаемъ въ той вѣдомости, употребляться будетъ на всѣ по народнымъ училищамъ издержки собственная сумма Приказа общественнаго призрѣнія" *). Борьба за существованіе кончилась, и съ этого времени попечители народныхъ училищъ

*) **Юрьевъ**, стр. 28—37 и Столѣтіе Вятск. губ. I, 249—251 и II, 616.

Digitized by Google

уже не прибѣгали къ сбору частныхъ пожертвованій на нужды открывшихся школъ; Приказъ покрываетъ всѣ издержки изъ собственныхъ суммъ, хотя со скупостью, но безъ большихъ затрудненій. Городъ сталъ уплачивать все менѣе и менѣе, и временами Приказъ ничего не могъ получить съ него, пока, на основаніи новаго распоряженія министра, наконецъ не потребовалъ аккуратнаго выплачиванія ежегодно опредѣленной суммы. Ссылаясь на недостатокъ доходовъ, дума въ 1809 г. постановила выдавать на содержаніе главнаго училища всего лишь по 100 руб. въ годъ.

Сбора за право ученія въ главномъ училищѣ не существовало, и потому оно не могло располагать такъ называемыми спеціальными суммами.

Расходы по Вятскому главному училищу простирались до 1890 руб. асс. въ годъ, причемъ учителямъ на жалованье шло 1000 руб., квартирныхъ имъ же 180 р., на дрова, свѣчи и бумагу 70 руб., сторожу 40 руб. Жалованье выдавалось по третямъ. Съ 1804 г. учителя добились хоть того, что оно стало выдаваться черезъ директора, а не прямо изъ Приказа.

Приводимъ свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ на содержаніе одного главнаго и трехъ малыхъ училищъ Вятской губерніи *).

Годы.	Приходъ	Расходъ.	Годы.	Приходъ	Расходъ.
1786	2151	671	1799	—	3168
1787	2167	1882	1800	—	2444
1788	880	820	1801	—	2003
1789	9190	2177	1802	—	2828
1790	7990	1954	1803	—	2293
1791	6466	2242	1804	—	2753
1792	4461	2267	1805	1270	1222
1793	2384	2327	1806	1889	1937
1794	2608	2207	1807	1840	1823
1795	5369	2203	1808	1949	1948
1796	3666	2236	1809	2128	2128
1797	2042	1813?	1810	2758	2752
1798	—	2453	1811	2223	1875

*) Малыя училища требовали до 1850 р. въ годъ собственно на жалованье учителямъ. Въ таблицѣ съ 1805 года указанъ приходъ и расходъ исключительно Вятскаго главнаго училища.

Digitized by Google

На основаніи распоряженія 1809 г., повѣрка суммъ и вещей производилась въ началѣ каждаго мѣсяца, и рапорты о состояніи суммъ доставлялись попечителю.

VIII. Помѣщеніе.

Уставъ народныхъ училищъ проэктировалъ очень удобныя помѣщенія для нихъ; именно предполагалось выстроить или нанять для каждаго главнаго училища двухъэтажный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго 4 комнаты должны были занять классы и 4—библіотека и кабинеты, а въ нижнемъ предполагалось размѣстить учителей, такъ чтобы для учителя старшихъ классовъ приходилось по 3 комнаты съ кухней, а для учителей младшихъ по 2. Вятское главное училище такъ и не дождалось такого роскошнаго помѣщенія. На первое время для него былъ нанятъ первый попавшійся домъ, такъ какъ выжидать или выбирать не было времени. Домъ архіерейскаго пѣвчаго Котлецова, нанятый для училища по 40 руб. въ годъ, находился близъ городского вала, между нынѣшними Вознесенскимъ мостомъ и молочнымъ рядомъ и состоялъ изъ четырехъ комнатъ, но былъ такъ холоденъ, что черезъ два года (1788 г.) училище должно было перебраться въ другое помѣщеніе—въ сравнительно большій домъ пономаря Царевской церкви Ник. Окишева, находившійся въ срединѣ города, гдѣ оно и пробыло цѣлый годъ *), пока въ 1789 г. городское общество не передало въ вѣдѣніе Приказа общественнаго призрѣнія весь верхній этажъ дома, въ которомъ помѣщался до того губернскій магистратъ **). Здѣсь училище пробыло въ теченіе 11 лѣтъ, т. е. почти половину всего времени своего существованія; это помѣщеніе было столь тѣсно, что въ 1800 г. губернаторъ Латышевъ приказалъ перевести училище въ помѣщеніе только что упраздненнаго Верхняго земскаго суда, въ каменный корпусъ присутственныхъ мѣстъ, во второй этажъ ихъ, гдѣ оно оказалось въ сосѣдствѣ съ Совѣстнымъ Судомъ, Удѣльной Экспедиціей и Городской Полиціей. Хотя новое помѣщеніе было обширнѣе, за то представляло другія неудобства: оно находилось на

*) По преданію, сохранившемуся въ семьѣ Калининыхъ, это нынѣшній домъ Ермолиныхъ, что на Никитской улицѣ близъ Городского училища.

**) О чемъ было въ свое время напечатано въ Московскихъ вѣдомостяхъ „для свѣдѣнія почтенной публики".

Digitized by Google

краю города, вслѣдствіе чего случаи опаздыванія и нехожденія учениковъ и учителей участились, и кромѣ того было такъ холодно, что даже учителя съ трудомъ выносили свои обязательные три часа ученья, а вовсе зимнія публичныя испытанія почти не посѣщались чиновниками и горожанами; по замѣчанію отчета 1802 г., „въ осеннее и зимнее время выбывало болѣе учениковъ безвременно за холодомъ". И еще было существенное неудобство: классы не были снабжены перегородками, такъ что слова учениковъ и учителей сливались въ общій шумъ, въ которомъ трудно было что-нибудь разобрать. Объ этихъ неудобствахъ директоръ Рапиновъ доносилъ Приказу и губернаторамъ почти ежегодно, и добился наконецъ того, что постройка спеціально для училища приноровленнаго помѣщенія была признана необходимою; однако средствъ для нея не находилось. На выручку училищу пришелъ пожаръ, случившійся въ помѣщеніи училища 20 марта 1809 г., на другой день послѣ отъѣзда директора на ревизію. Произошелъ онъ по невозможной ветхости училищныхъ печей *): сторожъ, сильно протопивъ печи, ушелъ домой, и ночью полъ затлѣлся. Отъ огня выгорѣла вся внутренность помѣщенія училища и вся мебель; библіотека и кабинеты были спасены единственно благодаря смѣлости и находчивости купца Веретенникова, который и получилъ за это послѣ благодарность отъ начальства. Пожаръ имѣлъ тотъ результатъ, что для училища отведено было новое помѣщеніе (въ деревянномъ дому близъ Царевской церкви, гдѣ Приказъ сдѣлалъ всѣ нужныя поправки и новую мебель). Въ то же время, по требованію директора, Приказъ назначилъ для училища второго сторожа. Одновременно попечитель потребовалъ, чтобы наблюденіе за помѣщеніемъ было кромѣ директора поручено еще одному изъ учителей **) и чтобы назначены были учительскія дежурства въ училищѣ ***). Въ новомъ помѣщеніи было 4 комнаты для классовъ и 1 для сторожа, 2 чулана (одинъ взятъ подъ кабинетъ, другой для библіотеки). Партъ въ эту пору было 24.

*) Двѣ были до того плохи, что даже не топились.

**) Поручено было Колбеку.

***) Нѣкоторыя изложенныя здѣсь свѣдѣнія извлечены изъ статьи Юрьева, стр. 38, 40, 82 и 90.

Digitized by Google

Изъ переписки по случаю заказа новой мебели мы узнаемъ, что потребовалось сдѣлать 24 ученическіе стола (съ ящиками и скамейками), каждый для 5 учениковъ, 4 учительскіе стола, 8 кожаныхъ стульевъ, 4 черныя доски на треножникахъ и большой столъ для электрической машины и другихъ надобностей. Мастеръ Калининъ брался сдѣлать все это за 50 руб. Въ 1797 г. училищный инвентарь былъ слѣдующій: въ I кл. 9 партъ, столъ и стулъ для учителя, во II кл. 8 партъ и мебель для учителя, въ III кл. 3 парты, въ IV тоже, кромѣ того: кочерга, ковшъ, 4 щипцовъ для снимания со свѣчей и 2 висячихъ замка *). Другихъ свѣдѣній объ училищномъ имуществѣ мы не имѣемъ.

По Уставу сторожей для училища должно было быть двое, но до 1809 г. Приказъ изъ экономіи нанималъ одного, платя ему 40 руб. въ годъ жалованья. Въ 1799 г. директоръ Стефановичъ временно выпросилъ у Приказа еще второго сторожа, поручивъ ему впрочемъ очень своеобразныя обязанности.

„Какъ при главномъ народномъ училищѣ находится одинъ только сторожъ для топленія печей и чистоты дома, то за нужное почитаю при училищномъ домѣ быть еще человѣку состоянія добропорядочнаго изъ военнослужащихъ, который бы имѣлъ смотрѣніе во всякое время надъ воспитанниками, дабы они, собираяся до приходу учительскаго, допускаемы не были ни до какихъ предосудительныхъ поступковъ, предосудительныхъ рѣзвостей, кольми паче ссоры и драки. А притомъ справлялся бы съ родителями или родственниками учениковъ о причинѣ нехожденія ихъ въ классы. Репортовалъ бы директору, а въ случаѣ его отбытія, въ Приказъ общественнаго призрѣнія каждый день, *есть ли учителя при своихъ должностяхъ и въ предписанные часы уставомъ, а буде кого изъ нихъ нѣтъ, то почему.* Ходилъ бы съ учениками при учителѣ въ праздничные и другіе по обряду христіанскому установленные дни во святой храмъ. А потому, не угодно ли будетъ Приказу общественнаго призрѣнія, явившагося отставного изъ военной службы капрала Іуду Ефимова приставить къ училищному дому для надлежащаго во

*) **Юрьевъ**, стр. 72.

Digitized by Google

всѣхъ прописанныхъ частяхъ присмотра". Капралъ Іуда оказался далеко не на высотѣ своего призванія: „какъ находящійся при вятской школѣ смотритель Іуда Ефимовъ обращается въ пьянствѣ и буйственныхъ поступкахъ, какіе при воспитаніи дѣтей терпимы быть не могутъ, а потому и приказали: оному унтеръ-офицеру за обращеніе въ пьянствѣ и буйственныхъ поступкахъ отъ смотрительской должности отказать". Вѣроятно, знаменитый капралъ не очень жалѣлъ, что разстается со школою, такъ какъ за исполненіе своихъ сложныхъ и священныхъ обязанностей онъ получалъ всего 20 руб. *).

IX. Библіотека и кабинеты. Продажа при училищѣ книгъ.

По уставу 1786 года при училищѣ должны были состоять въ качествѣ необходимыхъ для преподаванія пособій: библіотека, естественно-историческій кабинетъ (преимущественно мѣстнаго характера) и собраніе физическихъ, механическихъ и архитектурныхъ предметовъ.

Библіотека долгое время состояла большею частью изъ учебниковъ, въ количествѣ экземпляровъ, достаточномъ для раздачи бѣднымъ ученикамъ во временное пользованіе и пріобрѣтаемыхъ Приказомъ, но затѣмъ она понемногу стала пополняться офиціальными изданіями и книгами, которыя время отъ времени высылались безплатно изъ Главнаго Правленія училищъ. Пожертвованіями библіотека пополнялась чрезвычайно скудно, такъ какъ въ ту пору въ городѣ у частныхъ лицъ книги составляли еще рѣдкое явленіе. Въ общемъ библіотека была даже къ концу существованія училища такъ мала, что помѣщалась на нѣсколькихъ полкахъ въ чуланѣ и частью тутъ же въ сундукѣ. Въ большемъ количествѣ томовъ имѣлось Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, Труды Вольно-Экономическаго общества и Кругъ хозяйственныхъ знаній. Составъ книгъ былъ совершенно случаенъ и мало интересенъ; изъ числа лучшихъ назовемъ: Обозрѣніе Россіи Плещеева, Исторія Стриттера, Записки касательно русской исторіи, Извѣстіе о

*) Юрьевъ, стр. 77—79.

Digitized by Google

старообрядцахъ, Лѣтопись Нестора, Статистическій журналъ Германа, Курсъ высшей математики Безу, Сочиненія Карамзина, Минералогія Севергина, Математика Кеплера, Исторія Тацита. Въ 1809 г. всѣхъ книгъ было лишь 55 названій! Кажется, что до 1804 года библіотека вмѣстѣ со складомъ учебниковъ находилась въ помѣщеніи Приказа и, кажется, безъ призору. Рапиновъ доносилъ Приказу въ этомъ году, что библіотекарю очень трудно отыскивать требуемую книгу, такъ какъ всѣ онѣ лежатъ кучами, и къ тому же отъ постояннаго перебиранья книги портятся, и потому просилъ сдѣлать для книгъ шкафы и перенести ихъ въ помѣщеніе училища. Губернаторъ Руничъ охотно исполнилъ эту просьбу, но сдѣлалъ директору довольно чувствительный выговоръ за то, что онъ не доносилъ о печальномъ положеніи библіотеки ранѣе *). Все время своей службы въ училищѣ библіотекаремъ состоялъ Вештомовъ.

Натуральный кабинетъ былъ лучше библіотеки, благодаря случайной покупкѣ въ 1799 году чьего-то цѣлаго собранія, состоящаго изъ 385 минераловъ, 313 монетъ, 127 раковинъ и разныхъ морскихъ диковинокъ. Послѣ этого кабинетъ пополнялся очень медленно и исключительно образцами минераловъ. Нѣтъ свѣдѣній, какимъ образомъ и отъ кого пріобрѣтенъ былъ этотъ любительскій кабинетъ, но нельзя не замѣтить, что для своего времени онъ составленъ былъ весьма недурно. Минераллы имѣлись въ немъ характерныхъ породъ и притомъ изъ наиболѣе красивыхъ; были тутъ топазы, аметисты, ониксы, сердолики, халцедоны, бериллы, хрусталь, яшма разныхъ сортовъ, агаты, опалы, янтарь, малахитъ, колчеданы и другія мѣдныя, свинцовыя и желѣзныя руды и пр. Самая опись кабинета составлена знающею рукою. Еще болѣе цѣнна коллекція медалей, въ которую входили русскія и иностранныя монеты, иногда очень рѣдкія, напр. монеты римскихъ императоровъ I—III в.в., монеты старыхъ русскихъ князей, азіатскихъ владѣтелей, монеты XVIII в. иностранныя, разные жетоны и абдруки **). Въ 1804 г. на лѣтнемъ публичномъ испытаніи принесъ въ даръ

*) **Юрьевъ**, стр. 102—104.

) Нѣкоторыя монеты описаны у **Юрьева (стр. 100), а полное описаніе см. въ дѣлѣ № 1, стр. 91—95. Тамъ же подробное описаніе всей коллекціи.

Digitized by Google

училищу 7 образцовъ вятскихъ рудъ и голову ископаемаго животнаго изъ сибирской шахты Никитинъ, засѣдатель уголовной палаты. Въ 1806 году кабинетъ получилъ 31 образчикъ минераловъ отъ сарапульскаго учителя Кострова. Сильно пополняться натуральный кабинетъ сталъ только со времени открытія гимназіи, благодаря личнымъ трудамъ ея преподавателей. Натуральный кабинетъ находился также въ завѣдываніи Вештомова. По выходѣ Вештомова въ отставку минцъ-кабинетъ, какъ мы видѣли выше, былъ цѣликомъ похищенъ его сыномъ, учителемъ I кл. Монеты вмѣстѣ съ предметами натуральнаго кабинета тогда хранились въ чуланѣ, запираемомъ на замокъ, и въ ящикѣ, также запертомъ. Похитителю удалось незамѣтно отпереть замки во время ученья. Всѣ серебряныя монеты были найдены, а мѣдныхъ утрачено было 62 экз., по придирчивой расцѣнкѣ Главнаго Правленія училищъ на 50 руб. асс.

Собраніе физическихъ, механическихъ и архитектурныхъ предметовъ было очень незначительно. Въ 1809 году въ немъ были: электрическая машина, 2 термометра, испорченный барометръ, ватерпасъ, 2 камеръ-обскуры (одна негодная къ употребленію), 2 готовальни и 14 геометрическихъ моделей.

Кромѣ того при библіотекѣ находились: земной и небесный глобусы, географическія карты, фигуры для естественной исторіи, рисунки для рисовальнаго класса. Термометръ и барометръ служили для метеорологическихъ наблюденій директора Стефановича, предпринятыхъ имъ по желанію тогдашняго губернатора. Самъ Стефановичъ объ этомъ писалъ такъ: „Его Превосходительство, яко попечитель народныхъ училищъ, по случаю воздушныхъ превратностей, не преминулъ своимъ разсужденіемъ подать поводъ директору къ замѣчанію состоянія погодъ здѣшняго климата“. Съ 1783 г. Стефановичъ велъ свои наблюденія по 1795 г., помѣщая ихъ въ „Памятникахъ объ училищахъ“, т. е. въ историческихъ запискахъ, кстати занося сюда еще свѣдѣнія о нѣкоторыхъ примѣчательныхъ событіяхъ, въ родѣ постройки общественныхъ зданій, перемѣны чиновниковъ и пр. *).

Наибольшее количество географическихъ и другихъ

*) Юрьевъ, стр. 39.

Digitized by Google

учебныхъ пособій пріобрѣтено, кажется, въ 1790 г., по случаю удачнаго сбора пожертвованій *).

Съ 1809 г., по требованію попечителя, цѣлость кабинетовъ въ опредѣленное время повѣрялась директоромъ и старшимъ учителемъ.

Продажа книгъ при училищѣ. По неимѣнію въ Вяткѣ книжной торговли, учебники выписывались Приказомъ изъ Канцеляріи Главнаго Правленія, при которомъ современемъ открытъ былъ книжный магазинъ. По полученіи въ Приказѣ книгъ, онѣ сдавались директору для продажи. Вырученная сумма поступала въ Приказъ. Черезъ директора пересылались книги для продажи и по малымъ училищамъ. Книги получались вообще своевременно, но иногда ихъ не доставало, напр. въ 1798 г.

Съ 1807 г., для облегченія въ перепискѣ, были установлены прямыя сношенія по выпискѣ книгъ Главнаго Правленія съ директоромъ.

Нерѣдко дирекція обременялась порученіями Главнаго Правленія о продажѣ тѣхъ или другихъ книгъ не изъ числа учебниковъ. Такъ въ 1804 г. попечитель просилъ директора принять участіе въ продажѣ книгъ, изданныхъ Главнымъ Правленіемъ и не имѣющихъ сбыта, напр. Сочиненій объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, статистики Германа, Книги о правѣ народномъ и проч. Время отъ времени разсылались для продажи и частныя изданія, покровительствуемыя начальствомъ, напр. Лицей Мартынова, Сѣверный Вѣстникъ и проч.**). Всѣ эти порученія были весьма обременительны для директора и учителей.

X. Итоги.

Общее обозрѣніе судебъ Вятскаго главнаго народнаго училища приводитъ насъ къ отрадному заключенію. Правда, курсъ училища былъ слишкомъ реаленъ и даже непосиленъ, учебники страдали недостатками, школьные порядки на нашъ современный взыскательный взглядъ не представляются вполнѣ симпатичными, составъ учителей былъ далеко не всегда уда-

*) **Юрьевъ**, стр. 38.

) О продажѣ книгъ въ малыхъ училищъ есть интересныя свѣдѣнія въ упомянутой статьѣ г. **Лаврентьева.

Digitized by Google

ченъ и положеніе ихъ было тяжелое, содержаніе училища было скудное, помѣщеніе дурное, и всетаки историкъ покидаетъ изученіе прошлаго этого училища съ удовлетвореннымъ чувствомъ: въ теченіи цѣлой четверти вѣка оно держалось замѣчательно бодро и увѣренно и, несмотря на всѣ неудобства и препятствія, завоевало для школы право на существованіе; оно умѣло привлечь до 900 учащихся, изъ которыхъ до 400 успѣло побудить кончить полный курсъ. Мы видимъ, какъ трудно первымъ дѣятелямъ училища достался ихъ успѣхъ, и нельзя не удивляться ихъ выносливости и мужеству, ихъ увѣренности въ своемъ дѣлѣ; особенно удивляетъ и радуетъ насъ сила духа и неустанное трудолюбіе тѣхъ изъ нихъ, которые вынесли училище на своихъ плечахъ—Стефановичѣ, Рапиновѣ, Вештомовѣ и Колбекѣ. Не забудемъ также, что успѣхъ училища находится вмѣстѣ съ тѣмъ въ полной зависимости отъ той энергичной поддержки, которая оказана была ему со стороны правительства. Можемъ съ увѣренностью сказать, что Вятское главное училище вполнѣ оправдало великую рѣшимость Императрицы Екатерины *).

А. Спицынъ.

---

*) Настоящая статья составляетъ какъ бы введеніе въ предпринятую нами исторію Вятской гимназіи. Матеріаломъ для нея послужили дѣла архива гимназіи и не разъ упоминаемая въ сноскахъ книжка **В. П. Юрьева**, имѣющая темою исторію вятскихъ народныхъ школъ, преимущественно же Вятской главной, и составленная по дѣламъ Приказа общественнаго призрѣнія, хранящимся въ архивѣ Губернскаго правленія. Сохраняя авторскія права нашего уважаемаго предшественника, мы старательно отмѣчаемъ всѣ заимствованія изъ его труда. Историческая записка о Вяткомъ главномъ училищѣ, составленная въ 1864 г. письмоводителемъ гимназіи В. С. Лопатинымъ въ свое время имѣвшая значеніе и напечатанная въ 1881 г. съ нѣкоторыми дополне ніями въ сборн. „Столѣтіе Вятской губерніи“ т. II. 613—622, для нашей работы дала очень немногое. Совсѣмъ никакого значенія для нея не имѣла статья по исторіи училища, составленная послѣ 1881 г. г. Кочкинымъ, оставшаяся при дѣлахъ гимназіи въ рукописи.

Digitized by Google

Digitized by Google

A. A. Spitsyn

I.

МѢСТНОЕ И ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ НА ВЯТКѢ

ДО XVIII ВѢКА.

II.

КЪ ИСТОРІИ ВЯТСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Составилъ А. Спицынъ.

ВЯТКА.

Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета.

Губернская Типографія.

1888.

Digitized by Google

Печатано по постановленію Губернскаго Статистическаго Комитета 8 и 19 ноября 1888 года.

MILUKOV LIBRARY

Digitized by Google

МѢСТНОЕ И ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ НА ВЯТКѢ ДО XVIII В.

I. Мѣстное управленіе на Вяткѣ до окончательнаго покоренія ея въ 1489 году.

Будучи заселена съ Устюга и Двины, Вятка въ теченіе перваго вѣка своего существованія до 1489 г. сохраняла то устройство, которое въ это время было общимъ для всего сѣверо-востока и создалось подъ непосредственнымъ новгородскимъ вліяніемъ. Такъ мы знаемъ, что въ серединѣ XV в. она управлялась тѣми же *земскими воеводами, ватаманами и подвойскими*, какими въ это время видимъ и въ Устюгѣ [1]). Быть можетъ вятскимъ земскимъ воеводой былъ новгородскій бѣлецъ *Михаилъ Розсохинъ*, съ которымъ вятчане въ 1417 г. по приказу великаго князя ходили на Двину и при которомъ въ слѣдующемъ 1418 г. произошло несчастное избіеніе устюжанъ подъ Хлыновымъ. Грамота 1452 или 1455 г. перечисляетъ трехъ вятскихъ земскихъ воеводъ (вѣроятно, по числу тогдашнихъ вятскихъ городовъ): *Якова Пушина, Ашку и Юрья Алексѣевичей Мышкиныхъ* [2]). Въ шестидесятыхъ годахъ XV в. мы видимъ на Устюгѣ намѣстниковъ великаго князя, и едва-ли не намѣстникомъ же былъ на Вяткѣ *Борисъ Слѣпецъ*, съ которымъ вятчане по приказу великаго князя въ 1464 и 1471 г.г. ходили на Двинскую землю. Еще вѣроятнѣе предположить, что вятскимъ же намѣстникомъ былъ тотъ *Григорій Перхушковъ*, который за посулы вятчанъ въ 1458 г. успѣлъ защитить ихъ предъ воеводами великаго князя. Въ 1471 г. вятскимъ земскимъ воеводою былъ *Костя Юрьевъ*; въ этомъ году онъ ходилъ съ вятчанами на Сарай, и походъ этотъ былъ очень удачный. Въ 1486 г. вятчане заставили его силою вести ихъ на Устюгъ, но Юрьевъ изъ-подъ Осиновца успѣлъ убѣжать въ Москву къ великому князю, зная что вятчане дѣлаютъ неправое и опасное дѣло. О другихъ вятскихъ воеводахъ и намѣстникахъ до 1489 г. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

[1]) Древніе акты, 11. [2]) Тамъ же, 8.

Digitized by Google

Какое значеніе имѣли на Вяткѣ упоминаемые въ святительских грамотахъ *ватаманы* и *подвойскіе*, мы не знаемъ. Грамота митроп. Іоны указываетъ на Вяткѣ еще *бояръ*; вѣроятно, она имѣетъ въ виду бывшихъ сюда двинскихъ бояръ, которые, можетъ быть, и здѣсь играли значительную роль, пока вмѣстѣ съ другими «большими людьми» не были выведены изъ Хлынова въ другіе города.

II. Мѣстное управленіе съ 1489 по 1615 г.

Со времени окончательнаго подчиненія Вятки московскому единодержавію и до конца смутной поры, въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія, она управлялась посылаемыми изъ Москвы *намѣстниками*. Намѣстники имѣли власть преимущественно судебную, но на нихъ же возлагалась обязанность слѣдить за правильнымъ сборомъ всѣхъ податей и за отправленіемъ посошной и городовой службы. На содержаніе намѣстниковъ собирался спеціальный «намѣстничій кормъ», отъ котораго можно было освободиться только по особой царской грамотѣ [1]); по укоренившемуся обычаю, намѣстники имѣли также право свободно, безъ зову, навѣщать всѣ пиры и братчины [2]). Дворы намѣстничьи ставились міромъ [3]). «На кормъ хлыновскимъ намѣстникамъ» дано было отъ казны нѣсколько пожень и деревень, оставшихся пустыми отъ сведенцовъ послѣ 1489 г., именно: 1) «княжья и тіунова» пожня рядомъ съ Тороповской у Плоской верховины [4]), переданная послѣ земскимъ старостамъ, а отъ нихъ перешедшая къ Рязанцеву [5]), 2) земля близъ Хлынова, часть которой подъ названіемъ пустоши Семена Прошлецова отдана въ 1580 г. въ Успенскій монастырь [6]), 3) три деревни въ Спенцинскомъ стану, перешедшія въ 1586 г. во владѣніе того же монастыря [7]). Впослѣдствіи всѣ намѣстничьи земли и пожни были почему-то заброшены.

На Вяткѣ намѣстники были не только въ Хлыновѣ, но также и въ другихъ городахъ, напр. въ Слободскомъ и Котельничѣ. Въ 1555 г. хлыновскимъ намѣстникомъ былъ *Бор. Ив. Сукинъ*, вѣроятно, братъ управлявшаго тогда Вяткою царскаго назначея О. И. Сукина [8]). Въ 1581, 1589 и 1595 г.г. упоминается въ Хлы-

---

[1]) Такъ около 1546 г. отъ него были освобождены шестановцы. Древніе акты, 20 и 21. [2]) Древніе акты, 29. [3]) Тамъ же, 28. [4]) Тамъ же, 33. [5]) Рязанц. акты № 1. [6]) Тамъ же, 34. [7]) Тамъ же, 38. [8]) Вят. Вѣд. 1886. 80.

Digitized by Google

новѣ намѣстникъ (*Вас. Аѳан. Овцинъ* [1]), при которомъ была первая перепись вятскихъ земель и который извѣстенъ своимъ покровительствомъ пр. Трифону и вновь основанной имъ обители. Въ Слободскомъ въ 1546 г. намѣстникомъ былъ князь *Дан. Дан. Ухтомскій* [2]); изъ котельническихъ намѣстниковъ мы не знаемъ никого, но еще въ 1629 г. въ городѣ существовало «пустое намѣстничье мѣсто» [3]). Вообще хлыновскіе намѣстники упоминаются въ актахъ подъ 1555 г. [4]), вятскіе подъ 1557 г. [5]). Намъ неизвѣстно, шли ли вятскіе намѣстники непрерывнымъ рядомъ или посылались лишь время отъ времени.

Ближайшею къ намѣстникамъ властью были *тіуны*, получавшіе содержаніе, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, какъ и намѣстники, и также имѣвшіе свои пожни. Для сбора мыта и явки назначались особые *пошлинники*, для исполненія судебныхъ постановленій *приставы*, *праветчики* и *доводчики*. Праветчики и доводчики пользовались «поборами» съ уѣздныхъ людей [6]), а доводчики кромѣ того взимали въ свою пользу особое «осматривальное» [7]).

Для преслѣдованія и отысканія воровъ и разбойниковъ посылались *обыскники* и *недѣльщики* [8]). Для письма при намѣстникахъ состояли *земскіе дьячки*, главная обязанность которыхъ состояла въ составленіи различныхъ крѣпостей и въ засвидѣтельствованіи ихъ въ качествѣ послуховъ. Въ 1576 г. хлыновскимъ земскимъ дьячкомъ былъ Никита Ѳед. Обабковъ, въ 1595 г. Лука Ив. Поповъ [9]). Кажется, кромѣ земскихъ дьячковъ при намѣстникахъ для письмоводства состояли еще *дьяки съ приписью*; въ 1593 г. такимъ дьякомъ былъ Мих. Одинцовъ, а въ 1595 г. Сем. Бредухинъ; первый оставилъ свою припись въ книгѣ оброчныхъ дачъ, второй закрѣпилъ своимъ именемъ одну владѣнную грамоту [10]).

Для раскладки и сбора податей (кромѣ мыта и явки) и для доставленія ихъ воеводѣ или въ Москву, вообще для попеченія о земскихъ повинностяхъ издавна стали избираться земскіе старосты, цѣловальники, сотскіе и десятскіе, первые для посадовъ, вторые и третьи для становъ и волостей. Главнымъ между *земскими старостами* считался хлыновскій; его имя во всѣхъ грамотахъ,

---

1) Древніе акты, 40 и 116 и въ друг. источникахъ. 2) Древніе акты, 20 и Рязанц. акты № 1. 3) См. писцовую книгу 1629 г. 4) Древніе акты, 28. 5) Тамъ же, 31. 6) Тамъ же, 22, 28 и 31. 7) Тамъ же, 29. 8) Тамъ же, 17. 9) Тамъ же, 25 и 41. 10) *Юрьевъ*, Вятка въ рукоп. памятн. стр. 13 и 28.

Digitized by Google

челобитныхъ и наказахъ ставится первымъ [1]). Кромѣ заботы о сборѣ податей, земскіе старосты берутъ на себя и другія обязанности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно земское представительство: бьютъ челомъ объ отводѣ земель монастырю [2]), о защитѣ вятскихъ жителей отъ притѣсненій [3]), сносятся вмѣстѣ съ приказными людьми даже о военныхъ дѣлахъ [4]), принимаютъ на себя сыскъ бѣглыхъ тяглецовъ [5]) и проч.; досмотръ отдаваемыхъ на оброкъ или вообще всѣхъ отводимыхъ кому бы то ни было земель и поносовъ поручался всегда старостамъ, одному или нѣсколькимъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ съ участіемъ городоваго приказчика [6]). На имя земскихъ старостъ писались всѣ указы, когда въ извѣстной мѣстности не было болѣе значительнаго представительства, напр. судей, городовыхъ приказчиковъ или слободчиковъ [7]); но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно когда требовалось обратиться спеціально къ земской власти, грамоты писались на имя старостъ и тогда, если въ волости или городѣ были болѣе значительные приказные и земскіе люди.

Кажется хлыновскимъ земскимъ старостой около 1542 года былъ *Дм. Ив. Болезинъ* [8]), въ 1574 г. *Иванъ Шелонъ*, тотъ самый, который, отправляясь въ Москву съ государевыми книгами, такъ опасался своей поѣздки, что рѣшился написать заранѣе духовное завѣщаніе [9]), въ 1580 г. *Сем. Александровъ* [10]). Въ 1589 г. старостами были *Матвѣй Гавриловъ* и *Яковъ Носовъ*, въ 1600 г. *Өед. Горощинъ*, въ 1607 г. *Ив. Морововъ* [11]), въ 1606 г. упоминается котельническій земскій староста *Куршановъ*, кайгородскій *Ст. Яковлевъ*, въ 1599 г. слободской *Осип Өед. Богдановъ*, въ 1580, 1588, 1609 и 1611 г.г. старосты всей земли, въ 1595 г. хлыновскій и слободской, въ 1609 г. кайгородскій, кайгородскій и зюздинскій [12]).

Цѣловальники были помощниками старостъ и въ актахъ упоминаются постоянно вмѣстѣ съ ними. Кажется, можно утвердительно сказать, что ихъ было по одному на каждый тяглый и оброчный станъ. Въ мѣстныхъ грамотахъ вятскіе цѣловальники упоминаются съ 1580 г. [13]). Въ Волковскомъ станѣ въ 1583 году

---

[1]) Древніе акты, 56. [2]) Тамъ же, 34. [3]) Тамъ же, 56. [4]) Тамъ же, 68 и 102. [5]) Тамъ же, 120. [6]) Тамъ же, 42. [7]) Тамъ же, 81. [8]) Шестаковскіе акты № 2 въ Вят. Вѣд. 1888, 82. [9]) Древніе акты, 31. [10]) Тамъ же, 35. [11]) Тамъ же, 40, 46 и 56. [12]) Тамъ же, 52, 34, 38, 68, 102, 42, 62, 81, 51, 55. [13]) Тамъ же, 84.

Digitized by Google

цѣловальникомъ былъ Русановъ, въ Яранскомъ въ 1601 г. Гр. Лагунъ, въ Каю въ 1609 г. Ник. Клишевъ [1]). *Сотскіе* и *десятскіе* упоминаются съ 1540 г. [2]).

Со второй половины XVI в. начинаются большія ограниченія власти намѣстниковъ вслѣдствіе того, что въ тоже время многимъ городамъ и волостямъ монастырскимъ, даже частнымъ лицамъ даются права самоуправленія и свободы отъ суда. Несудимыя грамоты на Вяткѣ получаетъ Успенскій монастырь, причтъ Никольскаго собора и каринскіе татары; слободскія льготныя грамоты пріобрѣтаютъ шестаковцы, вотяки Сырьянской волости, кукаряне, зюздинцы; разбойные головы, земскіе судьи, городовые приказчики появляются во многихъ мѣстахъ.

Успенскому монастырю несудимую грамоту пожаловалъ еще патр. Іовъ. Въ ней, между прочимъ, говорилось, «что въ монастырь къ нимъ не въѣзжати никому, и до крестьянъ монастырскихъ дѣла нѣтъ никому же, и подъ судъ не ходити, а судимы они на Москвѣ» [3]). Такъ какъ приказные люди и пріѣзжавшіе на Вятку посланники не слушали этой грамоты, то въ 1597 г. хлыновскій городовой приказчикъ получилъ отъ царя Ѳедора Ивановича приказаніе оберегать монастырь отъ всякихъ сборщиковъ и судей, что было впослѣдствіи не разъ подтверждено. Причтъ церкви Николы Великорѣцкаго получилъ несудимую грамоту въ 1555 г., по случаю пребыванія чудотворнаго образа въ Москвѣ. Судъ на причтъ положенъ въ Москвѣ у митроп. Макарія. Намѣстникъ могъ въѣзжать въ церковничьи дворы только въ случаѣ душегубства [4]). Каринскимъ татарамъ несудимая грамота дана, быть можетъ, еще въ 1489 г., когда они были испомѣщены на Вяткѣ; впослѣдствіи грамота эта тоже не разъ подтверждалась, напр. въ 1548, 1556 г.г. и пр. Присудъ каринскимъ татарамъ былъ положенъ однако не на Москвѣ, а у хлыновскаго намѣстника [5]).

Слободскія грамоты выдавались на опредѣленный, обыкновенно небольшой срокъ и освобождали мѣстность отъ податей и суда. Въ 1557 г. грамоту «копити слободу вверхъ р. Вятки на рч. на Василковѣ и церковь въ той слободѣ поставить» получили 17 семей новокрещенныхъ вотяковъ Сырьянской волости, срокомъ на три года. Оберегать новую слободу назначены были, по просьбѣ самихъ вотяковъ, вятчане Слободскаго городка Баку-

---

[1]) Древніе акты, 33 и 48. [2]) Тамъ же, 17, 21 и 28. [3]) Тамъ же, 44. [4]) Тамъ же, 28. [5]) Тамъ же, 28.

Digitized by Google

левъ и Филипповъ, а приставовъ они должны были выбрать самн изъ своей среды [1]). Около 1546 г. слободскую грамоту на пять лѣтъ получили шестановцы, ставившіе у себя для безопасности городъ. Имъ дана была льгота расчищать лѣсъ, ставить дворы и принимать къ себѣ вольныхъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ они были освобождены отъ пошлинъ, а для суда получили право избрать слободчика. Шестановцамъ не удалось спокойно отсидѣть на льготѣ урочные годы. Чрезъ нѣсколько лѣтъ слободской намѣстникъ отнялъ у нихъ грамоту и принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе, а въ то же время кредиторы стали требовать у нихъ занятыя для постройки города деньги, и шестановцы оказались въ такомъ положеніи, что принуждены были бросать пашни и разбѣжаться кто куда могъ. По этому случаю въ 1546 г. они били челомъ о новой слободской грамотѣ и получили ее къ прежними льготами даже на болѣе продолжительный срокъ—на 10 лѣтъ [2]). Въ 1609 г. слободскою грамотою пользовалась Кукарка, вѣроятно только что заселенная. Слободчикомъ въ это время былъ здѣсь какой-то *Аѳанасій*, судя по его поведенію въ смутное время, человѣкъ достойный [3]). *Слободчики* были властью выборною и назначались для суда [4]).

Въ 80-хъ годахъ XVI в. и въ началѣ XVII в. на Вяткѣ въ различныхъ мѣстахъ упоминаются *земскіе судьи* и *волостные судейки*, замѣнявшіе на время намѣстниковъ. Въ 1580 г. въ Хлыновѣ выборными судьями были Яковъ Носковъ и Яковъ Телятниковъ съ товарищи, выборные же судьи здѣсь упоминаются и въ 1582 г.; въ 1609 г. земскій судья Тер. Дементьевъ упоминается въ Кайгородкѣ [4]). Въ 1607 г. крестьяне Зоздинской волости били челомъ великому государю на притѣсненія кайгородцевъ, которые пріѣзжали въ Зоздино за сборомъ пошлинъ и чинили имъ излишніе налоги и насильства, хотя и знали, что зоздинцы въ писцовыхъ книгахъ написаны были отдѣльно. На челобитье зоздинцевъ имъ было разрѣшено платить всѣ сборы отдѣльно отъ кайгородцевъ, привозя Москву, а для ихъ волостныхъ дѣлъ дозволено выбрать въ судьи на полгода человѣка добра, кого они между себя излюбятъ, причемъ требовалось, чтобы выбиравшіе составили особый приговоръ выборную за своими руками, а выбранный долженъ былъ приведенъ къ крестному цѣ-

1) Древніе акты, 19. 2) Тамъ же, 20—22. 3) Тамъ же, 68 и 72. 4) Тамъ же, 34, 36 и 62.

Digitized by Google

лованіе, «какъ иные судейки» [1]). Изъ актовъ видно, что нѣкоторое, впрочемъ очень недолгое время, земскіе судьи на Вяткѣ имѣли большое значеніе, замѣняя собою намѣстниковъ, такъ на ихъ имя посылались на Вятку царскія грамоты, напр. объ отводѣ жаловавшихся землъ [2]). Извѣстно, что земскіе судьи и волостные судейки изъ-гдѣ существовали до конца XVII в.; какъ долго были они на Вяткѣ, изъ актовъ не видно, но надо думать, что очень короткое время, такъ какъ кромѣ приведенныхъ выше скудныхъ свѣдѣній о нихъ мы болѣе ничего не знаемъ. При поселеніи въ Хлыновѣ городовыхъ приказчиковъ вмѣстѣ съ нами упоминаются какіе-то *судейскіе старосты*. [3]). Не знаемъ, были ли это тѣ же земскіе судьи, или новое судебное учрежденіе съ уменьшенной властью.

Въ срединѣ XVI в. въ вятскихъ городкахъ, станахъ и волостяхъ временно существовали особые *разбойные головы* для суда надъ ворами и разбойниками. Въ 1540 г. ихъ дозволено было выбрать въ Слободскомъ уѣздѣ, а два года спустя во всѣхъ остальныхъ, каждый разъ по особому челобитью земскихъ людей. Разбойныхъ головъ выбирали по 3—4 человѣка на станъ и волость, да въ помощь имъ *старостъ* и *десятскихъ* изъ лучшихъ крестьянъ человѣкъ 5—6. Заручные выборы посылались въ Москву, а всѣ дѣйствія разбойныхъ головъ записывались въ особыя книги писцами [4]).

Земская власть еще болѣе расширилась, когда первое мѣсто между выборными заняли *городовые приказчики*, выборные съ характеромъ и отвѣтственностью приказной власти. Въ первое время, какъ впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и послѣ, приказчики эти вѣроятно даже не выбирались, а назначались, откуда идетъ и самое названіе ихъ приказными людьми. Можно думать что городовые приказчики явились въ Хлыновѣ впервые между 1580 и 1582 годами. Это мы основываемъ на томъ, что въ 1580 г. земли для Успенскаго монастыря отводятъ еще земскіе судьи и старосты, а въ 1582 г. тоже самое дѣлаетъ уже единолично хлыновскій городовой приказчикъ [5]). Характеръ и размѣръ власти городовыхъ приказчиковъ въ разное время чрезвычайно измѣнялся. Въ началѣ они замѣняютъ намѣстниковъ со всей ихъ

---

[1]) Древніе акты, 54. [2]) Тамъ же, 34. [3]) Тамъ же, (38. [4]) Подробныя инструкціи разбойнымъ головамъ см. въ Древн. актахъ, стр. 17—20 и въ Шестаковск. актахъ № 2 (Вят. Вѣд. 1888, 32). [5]) Древніе акты, 34—36.

Digitized by Google

компетенціей, кромѣ суда (для котораго по прежнему остаются выборные судьи), а послѣ, проходя черезъ весь XVII в., они вѣдаютъ главнымъ образомъ только городскими укрѣпленіями. Хлыновскій городовой приказчикъ въ 1597 г. по особому государеву указу, охраняетъ отъ притѣсненій арѣзскихъ пошлинниковъ Успенскій монастырь [1]), яранскій въ 1601 г. при приказномъ человѣкѣ завѣдуетъ государевою житницею [2]), но чаще всего въ актахъ городовые приказчики упоминаются при отводѣ земель и переписи; такъ хлыновскій городовой приказчикъ въ 1582 г. отводитъ два озерка въ монастырь [3]), въ 1588 г. онъ же вмѣстѣ съ старостами, цѣловальниками и лучшими людьми отводитъ деревню [4]), въ 1589 г., также съ выборными земскими людьми, рыбныя ловли, въ 1595 г. городовому приказчику велѣно вмѣстѣ съ лучшими земскими людьми ѣхать въ Вобловицкую волость, переписать ее и отвести въ Успенскій монастырь [5]). При всѣхъ этихъ отводахъ земскіе люди участвуютъ лишь какъ понятые, свидѣтели съ оффиціальнымъ характеромъ. Въ 1600 г. хлыновскій городовой приказчикъ завѣдуетъ дачею на оброкъ покосовъ [6]). Пока городовые приказчики были приказною, не выборною властью, они, какъ и намѣстники, назначались, вѣроятно, на неопредѣленное время. Первымъ хлыновскимъ городовымъ приказчикомъ былъ, можно думать, *Аѳанасій Лобановъ*, упоминаемый въ этомъ званіи въ 1582 и 1588 г. [7]); послѣ него въ 1589 году упоминается приказчикомъ *Аѳанасій Зеленовъ* [8]), а въ 1595 и 1600 гг. *Ѳед. Арт. Рязанцевъ*. Кажется, Рязанцевъ былъ послѣднимъ хлыновскимъ городовымъ приказчикомъ; если это такъ, то городовые приказчики въ Хлыновѣ существовали не болѣе 20 лѣтъ. Въ 1601 г. упоминается яранскій городовой приказчикъ Иванъ *Рамейковъ*, братъ котораго былъ также въ званіи боярскаго сына [9]), въ 1606 г. — котельничскій Ефимъ *Дементьевъ* [10]).

Въ смутное время управленіе вятскими городами поручено было вмѣсто городовыхъ приказчиковъ особымъ *приказнымъ людямъ*, назначаемымъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ. Власть они имѣли, можно думать, исключительно военную. Въ 1609 г. на Вяткѣ было двое такихъ приказныхъ людей: князь

[1]) Древніе акты, 43. [2]) Тамъ же, 48. [3]) Тамъ же, 36. [4]) Тамъ же, 38 и Тамъ же, 40. [6]) Тамъ же, 46. [7]) Тамъ же, 36 и 38. [8]) Тамъ же, 40. [9]) Не слѣдуетъ ли отсюда, что и Иванъ Рамейковъ былъ назначенъ изъ боярскихъ дѣтей? Древніе акты, 48, 74 и др. [10]) Тамъ же, 52.

Digitized by Google

Мих. Ѳед. *Ухтомскій* и Вас. *Ивановъ*. Они наблюдаютъ за Вяткою и ссылаются отписками какъ равные съ пермскими, устюжскими и яранскими приказными людьми. Ивановъ иногда лично отъ себя [1]). Въ слѣдующемъ 1610 г. ихъ смѣнили Дмит. Юрьев. *Пушечниковъ* и Ив. Ѳедот. *Поздѣевъ*, и кромѣ того съ спеціальнымъ порученіемъ оберегать вятскую землю отъ яранскихъ воровъ посланъ былъ Петръ Иванов. *Мансуровъ* [2]). До 1601 г. въ Яранскѣ сидѣлъ сосланный туда князь Александръ *Репнинъ* [3]), въ 1602 г. туда былъ посланъ Андрей *Ислентьевъ*, испомѣщенный тамъ же деревнею [4]); въ 1609 г. яранскимъ приказнымъ человѣкомъ былъ боярскій сынъ Асанчукъ *Горихвастовъ*, а послѣ него Петръ *Глухово*, котораго воровскіе люди силою увели въ полки Лжедимитріи, а яранцы вмѣсто него выбрали міромъ въ приказные прежняго приказнаго Горихвостова, давъ ему для письма соборнаго дьячка Мокѣева. Въ Уржумѣ въ 1610 г. приказными людьми были Вас. *Веньяминовъ* и Юрья *Змѣевъ*, въ Царевосанчурскѣ въ 1601 г.—Богданъ *Путиловъ*, а въ 1614 г. Дм. *Жедринскій*, въ Котельничѣ въ 1609 г. промышлять противъ яранскихъ бунтовщиковъ поручено сотнику, сыну боярскому Зах. *Панову* [5]). Приказные люди сидѣли въ Приказной избѣ, которая носитъ также названіе Судной [6]). Для письмоводства при нихъ находились *подьячіе*, иначе *писчики*; въ 1601 г. такимъ писчикомъ въ Яранскѣ былъ Мих. Камасевъ, а послѣ Мокѣевъ и кто-то еще другой [7]).

Въ срединѣ XVI в. Вятка находится въ управленіи *царскихъ казначеевъ*. Отъ времени между 1551 и 1557 г. до насъ дошло нѣсколько царскихъ грамотъ на Вятку съ подписомъ царскаго казначея Ѳед. Иван. *Сукина*, того самаго, которому прежде всего была явлена великорѣцкая икона св. Николая, принесенная изъ Хлынова въ Москву въ 1555 г. [8]). Въ 1580—89 г.г. Вяткою управляетъ *четь дьяка Андрея Щелкалова* [9]), въ 1595 г. грамоты посылаются на Вятку съ подписомъ дьяка Вас. *Щелкалова*, въ 1599 г.—Ив. *Нармоцкаго* [10]), въ 1607 г. подати доставляются уже въ *Новгородскій приказъ*, въ вѣдѣніи котораго Вятка вмѣстѣ съ

---

[1]) Древніе акты, 60, 66 и 91. [2]) Тамъ же, 102, 108 и 98. [3]) Тамъ же, 48. Приговоръ бояръ о Репнинѣ см. въ Акт. Истор. II, 37. [4]) Тамъ же, 47. [5]) Тамъ же, 67, 74, 85, 47, 98, V. [6]) Тамъ же, 47, 219, 223. [7]) Тамъ же, 48. [8]) Тамъ же, 24, 27, 31 и Вят. Вѣд. 1886, 80. [9]) Тамъ же, 35, 37, 116. [10]) Тамъ же, 116 и 35.

Digitized by Google

другими поморскими городами находится до самого XVIII ст. [1]). Въ 1608 г. дьякомъ здѣсь упоминается Григорій Елизаровъ [2]).

III. Мѣстное управленіе при воеводахъ (XVII в.).

Воеводы. Мы видѣли, что въ XVI в. мѣстное управленіе на Вяткѣ, какъ и повсюду въ то время, носило вполнѣ личный характеръ. Государь поручалъ управленіе Вятскою областью то своему казначею, то Шелкалову, то тому дьяку, то другому, указывалъ быть на Вяткѣ то намѣстникамъ, то выборнымъ судьямъ, то городовымъ приказчикамъ, то снова намѣстникамъ, то приказнымъ людямъ, смотря по тому, кому въ данное время и при данныхъ условіяхъ удобнѣе всего было поручить областное и мѣстное управленіе. Намѣстники, городовые приказчики и иныя стоящія во главѣ мѣстнаго управленія власти точно также выполняли возлагаемыя на нихъ обязанности помощью тѣхъ лицъ, усердіемъ которыхъ въ данную минуту всего легче и цѣлесообразнѣе можно было воспользоваться. Механизмъ управленія не былъ регламентированъ; каждый шагъ дѣятельности тогдашней администраціи опредѣлялся особыми указами и памятями, безъ которыхъ ни одно служащее лицо не осмѣливалось дѣлать не только что-либо новое, а даже необходимое, не терпящее проволочки. Этотъ же характеръ личнаго управленія проходитъ и черезъ весь XVII в. до учрежденія сената и губерній, но всетаки за это время оно замѣтно упорядочивается и приводится къ единству. Самый значительный шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ въ началѣ XVII в. назначеніемъ послѣ смутнаго времени по всѣмъ городамъ *воеводъ*, совмѣстившихъ въ своемъ лицѣ обязанности намѣстниковъ, судей и городовыхъ приказчиковъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивается власть военная, судебная, финансовая и административная надъ всѣмъ уѣздомъ. Воевода дѣйствовалъ именемъ государя и былъ его представителемъ, довѣреннымъ лицемъ; только въ судебныхъ дѣлахъ посадскіе и уѣздные люди могли бить челомъ государю на рѣшеніе воеводы. Кругъ воеводскихъ обязанностей составляли: сборъ податей и пошлинъ, раздача пустыхъ земельныхъ участковъ и угодій на оброкъ и въ тягло, дозоры и досмотры уѣздовъ, судъ гражданскій и уголовный, сборъ льготныхъ построекъ городовъ и наблюденіе за ними, выборъ земскихъ людей, выдача церквамъ руги, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

[1]) Древніе акты, 54. [2]) Тамъ же, 35.

Digitized by Google

(между прочимъ въ понизовыхъ городахъ) верстанье служилыхъ людей помѣстьями и многое другое. Воевода принимаетъ всевозможныя челобитья на государево имя и разсматриваетъ ихъ. При существованіи столь сильной власти, въ XVII в. право самоуправленія дается весьма рѣдко. Словомъ, въ лицѣ воеводы правительство пріобрѣло сильный и вліятельный мѣстный органъ, съ помощью котораго объединеніе областей и введеніе всюду одинаковыхъ порядковъ пошло очень успѣшно.

Воеводы назначались изъ числа испомѣщенныхъ землями служилыхъ людей и служили не получая особаго денежнаго жалованія, но такъ какъ въ дѣйствительности воевода всегда могъ разсчитывать на посторонніе доходы, то служилые люди охотно напрашивались на воеводства, и даже платили въ Разрядъ не малыя суммы за назначеніе въ тотъ или другой богатый городъ. Далекій Хлыновъ едва ли могъ быть особенной приманкой для ищущихъ поживы воеводъ; нерѣдко сюда назначались даже прямо опальные служилые люди, или тѣ лица, которыхъ правительство почему нибудь желало удалить. Назначеніе воеводъ составляло обязанность и привиллегію Разряднаго приказа, но вѣроятно, что оно совершалось не безъ участія тѣхъ приказовъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоялъ тотъ или другой городъ; такимъ образомъ для вятской украины выборъ воеводъ могъ состояться не безъ вѣдома дьяковъ Новгородскаго приказа или приказа Казанскаго дворца.

Воеводы назначались въ извѣстный городъ не болѣе какъ на 2—3 года. Столь частая смѣна воеводъ вызывалась главнымъ образомъ обиліемъ неиспомѣщенныхъ служилыхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она одобрялась въ свое время какъ надежное средство контроля надъ воеводами, какъ средство оберечь жителей отъ воеводскихъ притѣсненій, а также какъ возможность доставить служилымъ людямъ развить административныя способности при разнообразныхъ условіяхъ; быстрое перемѣщеніе изъ города въ городъ, конечно, давало также хорошее знаніе страны людямъ, которые могли впослѣдствіи занять въ государствѣ значительное положеніе.

Тремя старѣйшими вятскими городами: Хлыновымъ, Котельничемъ и Орловымъ, какъ близко другъ къ другу расположенными, завѣдовалъ одинъ воевода. Только разъ въ Хлыновъ были посланы два воеводы, именно въ самомъ началѣ, когда Разрядъ

Digitized by Google

еще не имѣлъ опредѣленныхъ свѣдѣній о потребностяхъ края въ административномъ отношеніи. Нѣкоторое время хлыновскій воевода управлялъ также и другими вятскими пригородами: Слободскимъ и Шестаковымъ; но быстрый ростъ Слободскаго побудилъ назначить для него и для Шестакова отдѣльное воеводство. Въ понизовые вятскіе города: Малмыжъ, Уржумъ, Яранскъ и Царевосанчурскъ, какъ они ни были сами по себѣ незначительны, всегда назначались въ каждый городъ особые независимые другъ отъ друга воеводы, подчиненные общей власти воеводы казанскаго. Такое вниманіе къ этимъ сравнительно новымъ и малолюднымъ городамъ объясняется ихъ значеніемъ какъ важныхъ военныхъ пунктовъ въ землѣ безпокойныхъ инородцевъ.

Для письмоводства при воеводахъ, иногда совершенно безграмотныхъ [1], состояли особые *дьяки* или *подьячіе съ приписью*. Дьяки въ Хлыновѣ бывали впрочемъ очень рѣдко. Такъ какъ въ началѣ было невозможно найти на мѣстѣ людей вполнѣ знакомыхъ съ дѣлопроизводствомъ въ Съѣзжей избѣ, то первые воеводы привозили подьячихъ съ собою изъ Москвы, впослѣдствіи же въ Хлыновѣ образовалось цѣлое сословіе подьячихъ, хорошо знакомыхъ съ порядками судебнаго и административнаго судопроизводства, такъ что воевода если и привозилъ съ собою подьячихъ, то не по необходимости, а лишь по желанію дать это мѣсто тому или другому изъ своихъ знакомыхъ или просителей. Со средины XVII в. даже замѣтно устанавливается такой порядокъ, что воеводы находятъ удобнымъ удерживать при себѣ подьячихъ, уже служившихъ при ихъ предшественникахъ.

Хлыновскими воеводами и подьячими при нихъ въ теченіе XVII в. были [2]:

1) 1615—1616 г. Князь *Ѳедоръ Андреевичъ Звенигородскій* и

---

[1]) Воеводы никогда не подписывались въ грамотахъ, а вмѣсто того прикладывали печать, каждый свою. Оброчныя же и дозорныя книги въ случаѣ безграмотности воеводы скрѣплялись почетнѣйшимъ духовнымъ лицомъ города. [2]) Списокъ воеводъ нами составленъ на основаніи Разрядныхъ книгъ (извлеченіе изъ нихъ нами сдѣлано въ Вят. Вѣд. 1887, 101, 102 и 103), Древнихъ актовъ, Записной книги Московскаго стола (въ Русск. Истор. Библ. т. I), брошюры г. Юрьева «Вятка въ рукописныхъ памятникахъ старины» и различныхъ другихъ изданныхъ и неизданныхъ источниковъ. Если имя воеводы упоминается помимо Разрядныхъ книгъ въ мѣстныхъ актахъ, мы старательно отмѣчаемъ число, мѣсяцъ и годъ, когда оно упоминается въ первый и когда въ послѣдній разъ.

Digitized by Google

Василій Терентьевичъ (Богдановичъ) *Жемчужниковъ*. Дьякъ *Михаилъ Ордынцевъ*. Звенигородскій былъ, кажется, довольно книжный человѣкъ; такъ мы знаемъ, что для него въ 1615 г. была переписана толковая псалтырь дьячковскимъ сыномъ Бобинской волости Никиф. Өед. Баженкомъ [1]). Въ слѣдующемъ 1617 г. Звенигородскій былъ назначенъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ, а послѣ воеводою въ Арзамасъ.

2) 1616—1619 г. Князь *Александръ Даниловичъ Приимковъ-Ростовскій*, съ 1624 г. бывшій объѣзжимъ головою въ Москвѣ. Дьякъ *Иванъ Порошинъ*.

3) 1618—1621 г. *Өедоръ Витовтовъ*. Этотъ воевода не упоминается въ Разрядныхъ книгахъ, а въ матеріалахъ г. Юрьева указанъ въ Хлыновѣ въ 1618—19 г.г. при Приимковѣ-Ростовскомъ, и потому мы лишь предполагаемъ, что онъ былъ воеводою и притомъ именно въ это время.

4) 1621—1623 г. *Семенъ Звенигородскій*.

5) 1623—1626 г. *Петръ Ивановичъ Мансуровъ*, уже бывшій на Вяткѣ въ 1610 г. въ качествѣ приказнаго человѣка. Въ 1634 г. былъ воеводою въ Казани, изъ чего слѣдуетъ, что Мансуровъ былъ на счету въ Москвѣ.

6) 1627—1628 г. *Семенъ Ивановичъ Чемодановъ*. Подьячій *Игнатій Лукинъ*.

7) 1628—1629 г. Князь *Никита Петровичъ Барятинскій*. Упомин. 17 окт. 1628 г. Подьячій сперва тотъ же Лукинъ, а потомъ *Нефедій Замочниковъ*. Служба Барятинскаго была выдающеюся; онъ занималъ не послѣднее мѣсто въ польской войнѣ и былъ на одномъ изъ видныхъ воеводствъ—въ Верхотурьѣ. На Вятку онъ посланъ былъ или вслѣдствіе старости, или по немилости; здѣсь онъ въ 1629 г. и умеръ.

8) 1629—1631 г. *Гавриилъ Васильевичъ Хлоповъ*. Былъ воеводою на Уфѣ, потомъ въ Вяткѣ и наконецъ стоялъ для береженья въ Москвѣ у Тверскихъ воротъ. Подьячимъ сперва былъ *Замочниковъ*, а потомъ *Важенъ Васильевъ*.

9) 1632—1633 г. Князь *Петръ Андреевичъ Хилковъ*, изъ московскихъ объѣзжихъ головъ, а раньше былъ воеводою въ Суздалѣ и Галичѣ. Упомин. 5 сент. 1632—27 дек. 1633 г. Подьячій *Иванъ Чоловковъ*.

[1]) Описаніе рукописей гр. Толстаго, Строева и Калайдовича отд. II № 214

Digitized by Google

10) 1633—1634 г. *Никифоръ Даровской.* Подьячій *Тимовей Семеновъ.*

11) 1634—1635 г. *Василій Петровичъ Чевкинъ.* Былъ воеводой въ Переяславлѣ Рязанскомъ и въ Пронскѣ, а до 1632 г. находился на службѣ въ полкахъ. Упомин. 4 іюля 1634 г., а въ Разрядной книгѣ даже въ 1636 г. Подьячій *Дорогой Одинцовъ.*

12) 1636—1637 г. *Григорій Меньшой Волынскій.*

13) 1638—1639 г. *Михаилъ Ѳедоровичъ Еропкинъ.* Дьякъ *Григорій Левдевъ.*

14) 1640—1641 г. *Семенъ Глѣбовъ.*

15) 1642—1643 г. *Дмитрій Андреевичъ Франсековъ,* бывшій въ 1630—1633 г.г. воеводою въ Яранскѣ (иначе Францбековъ и Франзовковъ). При немъ *Иванъ Ураковъ(?).*

16) 1644 г. *Иванъ Колычевъ.* Въ 1676 г. онъ, уже въ чинѣ стольника, пріѣзжалъ въ Хлыновъ гонцомъ съ вѣстью о воцареніи Ѳедора Алексѣевича.

17) 1645—1647 г. *Михаилъ Алфимовъ.* Упомин. въ іюлѣ 1645 г. и въ 1647 г.

18) 1648—1649 г. Князь *Иванъ Ухтомскій.*

19) 1649—1651 г. *Никифоръ Ѳедоровичъ Леонтьевъ.* Упомин. 10 авг. 1649 г. Подьячій *Иванъ Ураковъ.*

20) 1651—1654 г. *Иванъ Ѳедоровичъ Соковнинъ.* Упоминается 15 сент. 1651 г.—7 марта 1654 г.

21) 1654—1656 г. Стольникъ князь *Алексѣй Норисовичъ Полтевъ.* Упомин. (вмѣстѣ съ Соковнинымъ) 7 марта 1654 г.—3 марта 1656 г.

22) 1656—1658 г. Князь *Иванъ Ивановичъ Дашковъ.* Упом. 22 мая 1656 г.—1 марта 1658 г.

23) 1659—1662 г. Стольникъ *Софронъ Аверкіевичъ* (Алферьевичъ) *Хитрово.* Упомин. 7 сент. 1662 г.

24) 1662—1663 г. Стольникъ *Иванъ Михайловичъ Кайсаровъ.* Упомин. 3 марта 1663 г.

25) 1664—1668 г. Князь *Григорій Аѳанасьевичъ Козловскій.* Кажется, Козловскій пріѣхалъ еще въ 1663 г. При немъ опальный бояринъ князь *Михаилъ Ивановичъ Лыковъ.*

26) 1668—1670 г. Думный дворянинъ *Богданъ Ивановичъ Ордынъ-Нащокинъ.* Не задолго предъ тѣмъ былъ въ товарищахъ у А. Л. Ордынъ-Нащокина при заключеніи андрусовскаго мира

Digitized by Google

съ Польшею и на Вятку посланъ по немилости. Подьячій *Аванасій Денисовъ.*

27) 1670—1672 г. Стольникъ *Венедиктъ Андреевичъ Змѣевъ.* Пріѣхалъ въ Хлыновъ 27 окт. 1670 г. Подьячій сперва *Денисовъ*, а послѣ *Корнилій Песковъ.*

28) 1673—1675 г. *Василій Поликарповичъ Нарышкинъ.* Упом. 17 іюня 1673 г. Сдалъ должность 8 февр. 1675 г., причемъ доплатилъ за свое сидѣнье въ казну 322 р.

29) 1675—1679 г. Стольникъ *Петръ Семеновичъ Прозоровскій.* Подьячій *Степанъ Рязанцевъ.*

30) 1679—1680 г. Думный дворянинъ *Алексѣй Ивановичъ Ржевскій.* Упомин. 25 окт. 1681 г.

31) 1680—2682 г. Князь *Козма Іосифовичъ Грушецкій* (Грушевскій). Упомин. 24 марта 1680 г. Дьякъ *Борисъ Михайловъ*, въ 1681 г. подьячій *Иванъ Лобковъ.*

32) 1682—1684 г. Извѣстный малорусскій гетманъ *Петръ Дорофеевичъ Дорошенко.* Упомин. 20 іюня 1682 г. Сдалъ воеводство 10 февр. 1684 г. При немъ голова Д. М. Платуновъ и дьякъ *Василій Макарьевъ.*

33) 1684—1685 г. Князь *Михаилъ Ивановичъ Лыковъ*, бывшій въ Хлыновѣ 20 лѣтъ тому назадъ при воеводѣ Козловскомъ. Дьякъ *Вас. Макарьевъ.* Упомин. 25 янв. 1685 г.

34) 1686—1688 г. Стольникъ *Алексѣй Аванасьевичъ Сабакинъ.* Упомин. 27 мая 1686 г. Дьякъ *Вас. Макарьевъ.*

35) 1688—1690 г. Думный дворянинъ *Андрей Ивановичъ Леонтьевъ.*

36) 1690—1692 г. Ближній стольникъ князь *Михаилъ Яковлевичъ Хилковъ.* Сдалъ должность 29 Февр. 1692 г. Дьякъ *Савва Сандыревъ.*

37) 1692—1694 г. Стольникъ *Андрей Леонтьевичъ Римскій-Корсаковъ.* Сдалъ должность въ 1694 г. Дьякъ *Степанъ Рязанцевъ.*

38) 1694—1696 г. Ближній окольничій *Иванъ Аванасьевичъ Матюшкинъ.* Умеръ въ Хлыновѣ 17 сент. 1696 г. Дьякъ *Иванъ Ивановъ*, подьячій *Андрей Рязанцевъ.*

39) 1696—1698 г. Ближній стольникъ *Алексѣй Никитичъ Урусовъ.* Упомин. 18 ноября 1698 г. Дьякъ тотъ же.

40) 1698—1700 г. Стольникъ *Петръ Васильевичъ Бутурлинъ.* Упомин. въ іюлѣ 1698 г. Дьякъ *Степанъ Рязанцевъ.*

Въ 1615 г. въ Хлыновѣ было два воеводскихъ двора въ

Digitized by Google

острогѣ на посадѣ, по числу воеводъ. Въ 1629 году воеводскій дворъ мы видимъ уже въ городѣ, вмѣстѣ съ съѣзжей избой, въ 1646 и 1678 г.г. вновь на посадѣ. Воеводскіе дворы ставились по наряду крестьянами всего уѣзда.

Слободскіе и Шестаковскіе воеводы:

1627—1629 г. *Максимъ Лихаревъ*. Въ 1629 г. ему велѣно «служить съ городомъ», т. е. въ полкахъ съ даточными слободскими людьми.

1629—1631 г. *Алексѣй Тимоѳеевичъ Борзеновъ*, строившій въ 1624 г. городъ въ Можайскѣ. Послѣ воеводства на Вяткѣ былъ посланъ въ прибылой полкъ въ Пронскѣ въ 1635 г. и на другой годъ отпущенъ въ Москву.

1632—1633 г. *Федоръ Дмитріевичъ Загоскинъ*.

До 1635 г. *Иванъ Андреевичъ Кожинъ*.

1635—1636 г. *Борисъ Васильевичъ Приклонскій*.

Уржумскіе воеводы и приказные люди.

1610 г. Приказные люди *Василій Веняминовъ* и *Юрій Змѣевъ*.

1615 г. *Никита Дмитріевичъ Воробьинъ*, бывшій послѣ воеводою на Бѣлой, на Осколѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Романовѣ. 13 августа 1615 г. икону св. Николая въ Уржумѣ встрѣчалъ, по церковнымъ свѣдѣніямъ, какой-то воевода Дмитрій.

1616 г. *Иванъ Юрьевичъ Нелединскій*. Былъ потомъ въ Можайскѣ, въ Царицынѣ и у житницъ патріарха Филарета.

1617—1618 г. *Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ*.

1619—1620 г.г. *Иванъ Лукьяновичъ Опухтинъ*. До Уржума былъ въ Луху и въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, а послѣ Уржума въ Алатырѣ и Чебоксарахъ.

1621 г. Воевода *Сергѣй Семеновичъ Чоглоковъ*, посланный въ декабрѣ 1621 г. и до того бывшій въ Царевококшайскѣ и на Кольскомъ острогѣ. Въ 1622 г. посланъ для сыску въ Казань; на мѣсто его присланъ изъ Казани казанецъ *Петръ Опухинъ*, очевидно на время.

1623 г. *Петръ Никитичъ Бунаковъ*, бывшій въ Бѣлевѣ и Путивлѣ.

1624 г. *Князь Василій Михайловичъ Болховскій*, до Уржума бывшій въ Арзамасѣ, а послѣ во Владимірѣ и даже въ Москвѣ.

1625 г. *Гаврилъ Хотунскій*, бывшій воеводою въ Арскѣ въ 1620—1622 г. Съ нимъ первымъ были посланы въ Уржумъ

Digitized by Google

стрѣльцы; по крайней мѣрѣ здѣсь они упоминаются при немъ первомъ.

1626 г. Коломнетинъ *Петръ Хотунской.*

1627 г. *Гаврило Хотунской,* подьячій Адексѣй *Шаховъ.*

1628 г. *Сила Зеленой,* подьячій тотъ же. С. Зеленый былъ назначенъ изъ Казани.

1629 г. *Василій Аѳанасьевичъ Кирекрѣйскій,* назначенный изъ Яранска.

1630—1631 г. *Тимоѳей Никифоровичъ Безобразовъ,* подьячій *А. Шаховъ.*

1632 г. Князь *Борисъ Щепинъ,* посланный послѣ въ Каргополь.

1633 г. Снова *Т. Н. Безобразовъ.*

1636 г. Стольникъ князь *Тимоѳей Васильевичъ Долгорукій,* вскорѣ вызванный въ Москву, а на мѣсто его посланъ *Василій Васильевичъ Кречетниковъ.*

1644 г. *Василій Александровичъ Кюржбокъ.* Отпущенъ въ Москву въ іюнѣ 1644 г.

1647 г. Воевода *Василій Еверлановъ.*

1648 г. Воевода *Иванъ Наумовичъ Елизаровъ.*

Малмыжскіе воеводы и приказные.

1615 г. *Иванъ Горихвостовъ,* бывшій послѣ въ Тетюшахъ.

1619 г. *Петръ Аѳанасьевичъ Башмаковъ.*

1628—1629 г. *Максимъ Полибинъ,* посланный потомъ въ Царево-санчурскъ и Лаишевъ. При немъ уже были стрѣльцы.

1630—1631 г. *Дементій Хлоповъ,* быть можетъ братъ хлыновскаго воеводы.

1632 г. Казанецъ *Андрей Ивановичъ Болтинъ.*

1633 г. *Дементій Хлоповъ.*

1635 г. *Андрей Болтинъ.*

1636 г. *Романъ Аѳанасьевичъ Чебышевъ,* вскорѣ отпущенный. Вмѣсто него посланъ казанецъ *Семенъ Львовъ.*

1645 г. Зубчанинъ *Василій Леонтьевичъ Семичовъ.* Отпущенъ въ Москву въ февралѣ этого года.

1662 г. *Иванъ Ивановичъ Сергіевскій.*

1663 г. *Федоръ Люткинъ.*

1665 г. *Федоръ Григорьевичъ Христовъ.*

1668 г. *Михаилъ Ивановичъ Кашкадамовъ.*

1669—1670 г. *Петръ Григорьевичъ Сонинъ.*

Digitized by Google

1675 г. *Григорій Степановичъ Соковнинъ.*

Яранскіе приказные и воеводы.

1615 г. *Терюшной Левонтьевичъ Облязовъ.* Послѣ былъ въ Пошехоньѣ, въ Можайскѣ, велъ осадную службу за Яузою. Съ нимъ были стрѣльцы.

1616 г. Воевода *Петръ Васильевичъ Волынскій.* До Яранска былъ воеводою въ Царевѣ-кокшайскомъ, а послѣ въ Мангазеѣ, Вологдѣ, Устюгѣ, съ 1633 г. въ Слободскомъ и Шестяковѣ.

1617—1618 г. *Юрій Ловчиковъ,* бывшій до того воеводою у Покровскихъ воротъ въ Москвѣ.

1619 г. Воевода *Борисъ Никифоровичъ Давыдовъ.*

1620—1621 г. Князь *Григорій Борятинскій.*

1622 г. *Семенъ Борисовичъ Левонтьевъ,* посланный въ мартѣ 1622 г. Былъ до этого воеводой въ Крапивнѣ и Лебедяни.

1623—1624 г. Князь *Ѳедоръ Самойловичъ Вяльскій.* Послѣ былъ на Тарѣ.

1625—1626 г. *Семенъ Александровичъ Марновъ.*

1627. *Петръ Матвѣевичъ Безобразовъ,* бывшій до того въ Стародубѣ Сѣверскомъ и Карагалѣ, а послѣ въ Козмодемьянскѣ, у Флоровыхъ воротъ и въ смоленскомъ походѣ.

1628 г. *Василій Аѳанасьевичъ Кирекрѣевскій.* Былъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, Бѣлевѣ и Романовѣ, въ 1629 г. переведенъ въ Уржумъ.

1629 г. Коломнетинъ *Назаръ Хотунскій.*

1630—1633 г. *Дмитрій Андреевичъ Францбековъ,* бывшій послѣ воеводою въ Хлыновѣ.

1636 г. Князь *Василій Петровичъ Кропоткинъ,* потомъ *Никита Ивановичъ Заболотскій,* бывшій воеводою въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Кропоткинъ былъ воеводою въ Бѣжецкомъ верху, Ладогѣ, Устюгѣ.

1645 г. *Яковъ Ивановичъ Арбузовъ.* Посланъ въ октябрѣ 1645 г.

Въ **Царевосанчурскъ** въ іюнѣ 1648 г. посланъ *Максимъ Алексѣевичъ Сабакинъ.* Въ 1635 г. здѣсь упоминается князь *Андрей Ѳедоровичъ Шаховской.*

Въ **Каю** въ 1678 г. воеводою былъ князь *Яковъ Борятинскій.* Въ 1645 г. сюда посланъ былъ *Михаилъ Андреевичъ Еропкинъ.*

Вся мѣстность между Вѣей, Вяткой и Камой находилась въ

Digitized by Google

Казанскомъ уѣздѣ и управлялась непосредственно *казанскими воеводами*, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующихъ:

1607 г. Степ. Алекс. *Волоцкій* и Богданъ *Бѣльскій*, 1614 г. Ив. Мих. *Воротынскій* и Юр. Петр. *Ушатаго*, 1648 г. Ив. Наум. *Елизаровъ*, 1659 г. Ѳед. Вас. *Бутурлинъ*, 1660 г. Дм. Алекс. *Долгоруковъ* и Як. Тим. *Хитрово*, 1663—1666 г. Гр. Сем. *Куракинъ* и Мих. Петр. *Головинъ*, 1676 г. Юр. Ив. *Ромодановскій*, 1677 г. Ив. Вор. *Милославскій*.

Въ 1616 г. *въ Сарапулѣ* упоминаются приказные люди, вмѣстѣ съ земскими старостами [1]. Въ 1646 г. въ дворцовомъ селѣ Сарапулѣ былъ уфимецъ Кириллъ Тимоѳ. *Нармацкой*. Въ дворцовомъ селѣ *Кукаркѣ* въ 1645 г. упоминается уфимецъ *Еремѣй Козловскій*, отпущенный въ Москву въ февралѣ этого года.

О вятскихъ воеводахъ мы имѣемъ въ мѣстныхъ грамотахъ самыя ничтожныя свѣдѣнія; тѣмъ интереснѣе тѣ немногія данныя, какія въ нихъ всетаки могли быть найдены. Такъ мы имѣемъ свѣдѣнія, сколько воеводамъ можно было получить отъ спорныхъ земельныхъ дѣлъ. Покровскій причтъ, предъявляя воеводѣ Дорошенко свою челобитную, подноситъ ему большой калачъ (т. е. хлѣбъ) въ 10 ден., по тогдашнимъ цѣнамъ въ цѣну полвоза сѣна. Послѣ ему же несенъ былъ калачъ въ 10 ден., чтобы приказалъ приложить свою печать къ грамотѣ. Воеводѣ Лыкову несенъ былъ большой калачъ при челобитной о доправной памяти, и калачъ въ 8 ден. за приложеніе къ ней печати. Воеводѣ Сабакину несенъ большой калачъ «что онъ помѣтилъ на челобитной выписать изъ Уложенья и взять къ дѣлу». При новомъ оборотѣ дѣла, когда стало яснымъ, что оно можетъ рѣшиться не въ пользу причта, расходы на подарки воеводамъ значительно увеличились. Воеводѣ Урусову вначалѣ несено было свѣжей рыбы на 10 алтынъ и вторично на 10 алт. 4 ден. Чтобы воевода взглянулъ благосклонно на вывезенную изъ Москвы грамоту, ему несено было въ почесть батманъ меду. Нѣсколько спустя, занявъ 10 руб. на очень не выгодныхъ условіяхъ, причтъ изъ нихъ половину поднесъ все тому же воеводѣ, такъ какъ отводъ спорной пожни все не могъ состояться, и ему же вскорѣ несли въ почесть два рѣзные гребни слоновой кости городоваго привозу въ

[1]) Древніе акты, VII.

28 алт. 2 ден. [1]). Таким образом обычаем повидимому было установлено, что воевода получал от просителей большой калач каждый раз, безъ исключенія, когда приходилось обращаться къ нему, за чѣмъ бы то ни было: съ подачей челобитной, съ просьбой о помѣтѣ на ней, при приложеніи печати и пр. Въ сомнительныхъ дѣлахъ подарки очень значительно усугублялись.

Въ срединѣ XVII в. дворъ воеводъ и приказныхъ людей въ Малмыжѣ состоялъ изъ бѣлой и черной горницъ съ двумя сѣнями при нихъ. Во дворѣ былъ поставленъ погребъ съ напогребницею, 2 конюшни, поварня (кухня), житница (амбаръ) и баня съ передбанцемъ. Заплотъ былъ срубленъ «въ городъ», т. е. изъ тесаныхъ бревенъ, и имѣлъ ворота. Обстановка неприхотливая и вполнѣ соотвѣтствующая бѣдности и убогости всѣхъ вообще старинныхъ нашихъ построекъ. Только одно окно, крайнее въ бѣлой горницѣ, имѣло слюдяной переплетъ,—остальныя были затянуты пузырями [2]).

Въ Казанскихъ пригородахъ: Уржумѣ, Малмыжѣ, Ярмскѣ, Царевосанчурскѣ, а также въ Елабугѣ, Сарапулѣ и Каракулинѣ, поставленныхъ въ землѣ безпокойныхъ инородцевъ и близкихъ къ восточной степной украинѣ, при воеводахъ постоянно имѣлись отряды стрѣльцовъ; въ Хлыновѣ и его пригородахъ стрѣльцовъ не было, а были одни пушкаря. Вообще состояніе боевыхъ средствъ въ разныхъ вятскихъ городахъ за XVII в. представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ Хлыновѣ въ 1615 г. мы видимъ двухъ пушкарей, Ос. Ляпунова и Сем. Сокола, въ 1629 г. здѣсь было 5 пушкарскихъ дворовъ (Ос. Ляпунова, Андр. Самсонова, Неф. Костромитина, Дм. Наговицына), въ 1646 г. мы знаемъ здѣсь пушкаря Сем. Ос. Ляпунова, сына прежняго пушкаря Ос. Ляпунова. По случаю смутнаго времени всѣ пушки, ружья и порохъ изъ пригородовъ были сосредоточены въ Хлыновѣ и съ той поры здѣсь постоянно хранились [3]). Въ 1692 г. здѣсь были 3 большія мѣдныя пищали по сажени въ длину и по 15—13 пуд. вѣсу (ядро для нихъ вѣсило по 9 золотн.), 42 затинныхъ пищалей, 500 мушкетовъ, 35 ручныхъ пищалей безъ ложъ и замковъ, 290 бердышей, 202 топора, 360 насаженныхъ на древко ножъ, 12 багровъ, 9 кро-

[2]) Исторія Покровской церкви въ Вят. Епарх. Вѣдом. 1888, 18.
[2]) Книга г. Малмыжа Вят. Губ. Вѣд. 1884, 41. [3]) По расписному списку 1678 г., хранящемуся въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Digitized by Google

ковъ; кромѣ того имѣлось 5 крутлыхъ и 8 длинныхъ спускныхъ козелъ, 2 берендеры (брандеры?), 2 калыпа для литья мушкетныхъ пуль, 20 дубленыхъ калитокъ для пороху, 2 пушечныя и 2 мушкетныя трещети, 4 жагры для заталкиванія пушекъ, 4 напарьи. Старого пороху въ это время имѣлось въ Хлыновѣ въ двухъ лаговкахъ 4 п. 12 ф. съ лаговками [1]). Въ *Котельничѣ* въ 1609 г. было въ казнѣ всего 14 затинныхъ попорченныхъ (горѣлыхъ) пищалей. Приказный Пановъ нанялъ поправить ихъ въ Котельничѣ же кузнеца Петрушку; «и онъ двѣ затинныхъ росковалъ на подѣлку и три затинныхъ подѣлалъ и выстрѣлилъ изъ нихъ, и онѣ годятца» [2]). Въ 1629 г. здѣсь были 2 пушкарскіе двора. Въ томъ же году въ *Орловѣ* было 3 двора пушкарскихъ, въ *Слободскомъ* 4 двора (Вогд. Черного, Карп. Платуновъ, Богд. Якимовъ и Том. Супинъ).

Въ *Уржумѣ* въ первый разъ постоянное стрѣлецкое войско упоминается въ 1625 г. при воеводѣ Хотунскомъ. До средины XVII в. здѣсь всегда было: боярскихъ дѣтей съ головою 18—19 чел., стрѣльцовъ 200 (при нихъ 2 головы), нѣмцевъ, литвиновъ, поляковъ, черкасъ, русскихъ выходцевъ съ Литвы, гайдуковъ 65—24 чел. (болѣе всего бывало черкасъ и нѣмцевъ), новокрещеновъ 70—21 чел.; при отрядѣ было всегда 3 толмача, 3 пушкаря, 2 воротника, 1 кузнецъ, всего же каждый годъ бывало отъ 300 до 360 чел. Весьма часто нѣкоторое количество стрѣльцовъ посылалось на службу въ понизовые города: Саратовъ, Черный Яръ и пр., а особенно въ Астраханъ; чаще стрѣльцы посылались на годъ, а иногда и на постоянное житье. Въ послѣднемъ случаѣ воевода долженъ былъ прибрать въ убылое число новыхъ стрѣльцовъ. Живя въ своемъ городѣ, стрѣльцы не получали особаго содержанія, а надѣлялись пашней и сѣнокосомъ; денежное же и хлѣбное жалованье они получали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ходили въ Казань или другіе поволжскіе города. Когда предстояла большая ковальная служба, то собирались даточные люди отъ всѣхъ уржумскихъ исачныхъ черемисъ отъ 3 дворовъ по человѣку. До 1629 г. черемисы ходили на службу: съ 1553 дв., въ 1629 г. и позднѣе съ 1607 дв. [3]). Въ 1614 г. 100 чел. уржумскихъ стрѣльцовъ было послано къ стрѣ-

[1]) Древніе акты, 229. [2]) Тамъ же, 67. [3]) Вят. Вѣд. 1887, 103. Уржумскіе стрѣльцы на службѣ упомин. въ А. И. III, 443.

Digitized by Google

лецкимъ головомъ, отправленнымъ промышлять надъ Заруцкимъ; всѣ они назначены были для доставки донесеній о результатѣ похода казанскому воеводѣ Одоевскому [1]).

Въ *Малмыжѣ* въ 1628—1636 г.г. было по 40 чел. стрѣльцовъ, 8—10 чел. черкасъ, толмачъ, воротникъ, пушкарь, иногда кормовые нѣмцы (6 чел.). На 60 чел. отряда посадскихъ людей въ Малмыжѣ въ это время было всего 43 чел. Изъ числа черкасъ 5 обыкновенно посылались въ Астрахань на годовую службу. При царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ стрѣльцовъ въ Малмыжѣ было всего 20 чел. [2]). Въ серединѣ XVII в. въ Малмыжѣ была на башнѣ мѣдная пушка, 12 пядей длиною, а при ней 237 ядеръ по 3 фунта, 14 желѣзныхъ затинныхъ пищалей (при нихъ 600 шт. ядеръ), 46 стрѣлецкихъ пищалей (изъ нихъ было выдано на руки только 21, остальныя были въ запасѣ), 2 жел. заступа, 12 жел. забойниковъ, свинцу въ это время было 3 пуд. 5 фун., зелья—болѣе 9 пуд. Воеводами старательно записывалась каждая мелочь въ приходѣ и расходѣ боевыхъ средствъ, и мы имѣемъ напр. слѣдующія подробныя свѣдѣнія о состояніи ихъ въ Малмыжѣ за 1662—1669 г.г. Въ 1662 г. въ день Крещенія была стрѣльба изъ пушки, затинныхъ пищалей и мелкаго ружья, причемъ пороху было издержано $5^1/_2$ гривенокъ (фунтовъ). Около того же времени поставлены два новые стрѣльца и выдано имъ по пищали. 11 іюня стрѣльцы посланы были за ворами и дано имъ пороху 2 гр., свинцу полгривенки. 17 августа получено изъ Казани 5 пуд. мушкатнаго (болѣе мелкаго) зелья и столько же свинцу. 2 сентября 1663 г. велѣно было изъ Казани принять мѣры на счетъ предполагавшагося нападенія башкиръ, и по этому случаю было выдано зелья пушкарю пудъ, стрѣльцамъ 26 гр., да свинцу 24 гр. Все это въ свое время было взято обратно въ казну, такъ какъ башкирцы не явились. 4 іюля было прислано 2 пуда пороху и 50 стрѣлецкихъ самопаловъ и топоровъ, 27 іюля—9 жел. пушки, 100 жел. ядеръ, 3 пуда мушкатнаго и 2 пуда пушечнаго пороху [3]). При перевѣскѣ пороху въ 1668 г. оказалось 9 пуд. пушечнаго и 8 пуд. мушкетнаго пороху. 1 августа 1669 г. во время крестнаго хода на воду была «для чищенія ружья» и для пробы новыхъ двухъ пушекъ произведена пальба

[1]) Древніе акты, V. [2]) По свѣдѣніямъ Вештомова. [3]) На зарядъ въ пушку число 3 гр., въ затинную пищаль 3 гр. безъ четверти, на 40 пищалей требовалось вразъ 2 ф.

Digitized by Google

изъ 3 мѣд. и 2 жел. пушекъ и изъ мелкаго ружья, по два выпуска, вышло пороху того и другого сорта 30 гривенъ. Тоже повторилось въ день Богоявленія и 1 августа 1700 г. Въ 1675 г. велѣно выслать отсырѣлое зелье въ Казань для перекрутки, вслѣдствіе чего было отправлено съ площадными подъячими и стрѣльцомъ 2 пуда пороху и 27 мушкетовъ и самопаловъ, для почистки. *Воротниками*, исполнявшими вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣтное мастерство, въ Малмыжѣ были: въ 1662—1665 г. Як. Неустроевъ, получавшій въ годъ (въ два срока—Сергіевскій и Благовѣщенскій) 1½ руб., по 25 алт. въ полугодіе, въ 1665—1667 г. Сидоръ Словцовъ, въ 1667 г. Ерем. Тимоѳеевъ, въ 1670—1674 г. Як. Ворсинъ, всѣ съ тѣмъ же жалованьемъ. Жалованье выдавалось неаккуратно, иногда оно затягивалось, иногда выдавалось въ разъ за годъ. Въ 1665 г. *толмачомъ* былъ мѣстный остякъ Ив. Степан. Вотяковъ, грамотный, въ 1664—1671 г. Потаповъ, съ 10 ноября 1668 г. по 1673 г. тотъ же Ив. Вотяковъ. Толмачи получали въ годъ жалованья 4 руб., тоже въ два срока [1]).

Въ *Ярамск* уже въ 1601 г. упоминаются стрѣльцы, дѣти боярскіе и пушкари [2]). Въ 1609 г. ярамскіе стрѣльцы куда-то были посланы, и на всю черемисскую землю оставалось только до 60 чел. царевосанчурскихъ и козмодемьянскихъ стрѣльцовъ, да и то у нихъ вовсе не было огненнаго боя, а только ручной [3]). Въ 1625—1636 г.г. здѣсь войска было нѣсколько менѣе, чѣмъ Уржумѣ, именно 200 чел. стрѣльцовъ съ головою и двумя сотниками, 11—13 боярскихъ дѣтей съ особымъ головою, городовой приказчикъ, 7 пушкарей, 2 воротника, 2 толмача, литвы, черкасъ, новокрещенъ и тархановъ отъ 8 до 24 чел., кромѣ того иногда бывали плотники и дворники-сторожа. Всего въ Ярамскѣ собиралось до 260 чел. Изъ этого числа по нѣскольку десятковъ стрѣльцовъ часто бывало на службѣ въ Астрахани, Саратовѣ, въ Черномъ Яру; иногда они тамъ и оставались на житье. Черемисы въ случаѣ надобности ходили по наровѣку съ трехъ дворовъ. Въ 1625 г. ясачныхъ ярамскихъ черемисъ считалось 929 дв., въ 1627 г. 1226 дв., въ 1636 г. 1304 дв.

Въ началѣ XVII в. стрѣлецкій отрядъ стоялъ еще въ *Царевосанчурскѣ*. Въ 1614 г. отсюда по указу велѣно быть въ Кла-

[1]) Въ 1663 г. онъ по особой челобитной получилъ за заплетное мастерство полтину. [2]) Книга г. Малмыжа Вят. Вѣд. 1854, 41 и 47. [3]) Древніе акты, 48. [4]) Тамъ же, 60.

Digitized by Google

ной службѣ подъ Астраханью 100 стрѣльцамъ съ сотникомъ Тим. Клевопинымъ. По этому поводу царевосанчурскіе стрѣльцы заявляли приказному человѣку Жедринскому, что мѣсто то бѣдное, никто не умѣетъ дѣлать рогатинъ, что не у кого купить зендевеи на прапоры. Самъ Жедринскій писалъ въ Казань, что у стрѣльцовъ нѣтъ 9 пищалей, а въ Царевосанчурскѣ даже худыхъ пищалей нѣтъ, не то что добрыхъ. Отпуская стрѣльцовъ, Жедринскій не далъ имъ ни пороху, ни свинцу, отзываясь тѣмъ, что въ городѣ и такъ почти ничего не остается [1]).

Городовые приказчики. Характеръ приказной власти и при воеводахъ имѣли *городовые приказчики*, продолжавшіе существовать на Вяткѣ почти до самаго конца XVII в. Характеръ ихъ дѣятельности продолжаетъ быть весьма разнообразнымъ и неопредѣленнымъ. Котельническій городовой приказчикъ завѣдуетъ въ 1678 г. оружіемъ и государевыми житницами; въ 1634 г. хлыновскій приказчикъ принимаетъ ближайшее участіе въ постройкѣ новаго города вмѣсто сгорѣвшаго [2]); въ 1662—65 г.г. хлыновскому городовому приказчику Каркину вмѣстѣ съ подьячимъ Съѣзжей избы поручена была перепись церковныхъ земель. Въ срединѣ XVII в. городовые приказчики являются ближайшими помощниками воеводъ въ пригородахъ хлыновскихъ: «воеводы и приказные люди на Вяткѣ живутъ въ Хлыновѣ, а въ пригородѣхъ не бываютъ, *а для всякихъ дѣлъ пишутъ въ пригороды городничимъ*». Изъ челобитной 1682 г. мы узнаемъ, что въ пригородахъ городовые приказчики имѣютъ между прочимъ власть судебно-полицейскую: «хлыновскіе воеводы въ пригородѣхъ за далнымъ разстояніемъ не бываютъ, а между ими посадцкими и уѣздными людми въ торгѣхъ и во всякихъ дѣлѣхъ бываютъ многіе ссоры, а расправы межъ ими чинить некому, и въ Хлыновъ для челобитья въ малыхъ дѣлѣхъ имъ ѣздить далеко, и въ тѣхъ городѣхъ безъ городничихъ никоторыми дѣлы быть имъ не возможно» [3]). Городовые приказчики назначались для пригородовъ хлыновскими воеводами изъ боярскихъ дѣтей или просто изъ подьячихъ Съѣзжей избы. Это право составляло прямой ихъ денежный интересъ, такъ какъ при назначеніяхъ имъ предстояла возможность получить хорошій подарокъ, и потому они были весьма недовольны, когда вятчане рѣшились бить че-

[1]) Древніе акты, V. [2]) *Токмаковъ*, сборн. матеріаловъ къ ист. Вятск. губ. вып. I, 8. [3]) Древніе акты, 217.

Digitized by Google

ломъ великому государю о дозволеніи выбирать городничихъ своимъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ по очереди поголно. Земскій староста съ товарищи писалъ въ челобитной, что воеводы посылаютъ къ нимъ (въ пригороды) изъ дворянскихъ дѣтей и изъ подьячихъ для своихъ взятковъ, а они де дворянскіе дѣти и подьячіе, изъ своихъ взятковъ, чинятъ имъ налоги и обиды и тесненье большое, и отъ того разоренья въ конецъ, а уѣзды ихъ пустѣютъ. Доводы вятчанъ были въ Москвѣ приняты во вниманіе, и они получили право выбора городничихъ изъ мѣстныхъ жителей; такое рѣшеніе этого вопроса было тѣмъ болѣе естественнымъ, что еще въ 1667 г. котельничане получили подобное же право и бывшій тамъ приказный городничій былъ отставленъ. Однако воеводы нѣкоторое время продолжали посылать своихъ городничихъ, а выборныхъ не принимали, вслѣдствіе чего вятскій земскій староста въ 1682 г. долженъ былъ еще разъ бить объ этомъ челомъ. Прежнее распоряженіе было подтверждено [1]). — Именъ городовыхъ приказчиковъ мы знаемъ мало. Какъ видно, ихъ дѣятельность хотя и была значительной по компетенціи, но въ то же время касалась незначительныхъ дѣлъ, не отражавшихся въ письменныхъ актахъ. Въ Хлыновѣ въ 1629 г. упоминается въ острогѣ домъ бывшаго городоваго приказчика Рязанцева; въ 1634 г. городовымъ приказчикомъ, выбраннымъ быть можетъ только по случаю построенія новаго острога, былъ Ѳедоръ *Шевелевъ* [2]), въ 1646 г. Савватій Ивановичъ *Лельковъ* [3]), въ 1665 г. Григорій Михайловичъ *Коркинъ*, записанный въ синодикѣ Каѳедральнаго собора подьячимъ, въ 1678 г. Степанъ Фил. *Кокинъ* [4]). Въ 1629 г. изъ вятскихъ пригородовъ городовой приказчикъ былъ только въ Орловѣ (Трофимъ Малковъ), да и тотъ можетъ быть носилъ это званіе болѣе изъ чести, чѣмъ по праву: вѣроятно, онъ не болѣе какъ *бывшій* городовой приказчикъ. Въ 1667 г. въ Котельничѣ городовымъ приказчикомъ былъ Исай *Дмитріевъ*, послѣдній изъ назначенныхъ воеводою.

Городовыхъ приказчиковъ народъ привыкъ называть болѣе сокращеннымъ именемъ *городничихъ*; это названіе современемъ

---

[1]) Древніе акты, 217. [2]) *Токмаковъ*, сборникъ матеріаловъ вып. I, 5. [3]) *Найденовъ*, матеріалы, 35. [4]) *Найденовъ*, 43. Любопытно, что про него говорится: «ходитъ въ приказной избѣ въ приставехъ». Онъ же въ 1660 году былъ приказнымъ дьякономъ.

Digitized by Google

проникло въ акты и наконецъ осталось единственнымъ, но въ актахъ XVII в. все еще безразлично употребляются и то, и другое названіе.

Съѣзжая изба. Канцеляріей и исполнительнымъ органомъ при воеводахъ была такъ называемая Съѣзжая (Приказная, Разрядная) изба, начальникомъ которой состоялъ или дьякъ, или подьячій съ приписью. *Дьяки*, какъ мы видѣли, были при немногихъ воеводахъ, именно при тѣхъ, которые были особенно значительны по своему чину или положенію. Обыкновенно хлыновскіе воеводы, сообразно малому значенію города, имѣли при себѣ *подьячаго съ приписью* и особый штатъ писцовъ, которые носили названіе просто *подьячихъ*. Письмоводство при воеводахъ было сложное и со временемъ оно еще болѣе осложнилось, такъ что въ Съѣзжей избѣ подьячихъ было всегда довольно много. Въ 1647 г. въ хлыновской Съѣзжей избѣ ихъ было 11 челов., но вскорѣ послѣ того число ихъ было уменьшено до пяти, потомъ вновь стало увеличиваться. Главная обязанность подьячихъ состояла въ веденіи книгъ судныхъ, оброчныхъ, даточныхъ, отказныхъ, смѣтныхъ, приходныхъ и пр., въ составленіи отъ имени воеводы разнообразнаго содержанія грамотъ, въ пріемѣ нѣкоторыхъ сборовъ, именно полоняночныхъ, стрѣлецкихъ, ямскихъ и даточныхъ, въ распредѣленіи по городамъ и станамъ всѣхъ денежныхъ сборовъ. Когда власть приставовъ оказывалась недостаточною, подьячіе производили дозоры, сыски и отводы; имъ же время отъ времени давались и другія порученія, напр. переписи церковныхъ земель вмѣстѣ съ городовымъ приказчикомъ и др.[1]

Подьячіе получали особое жалованье изъ государевыхъ доходовъ, притомъ въ разномъ размѣрѣ, смотря по важности своей обязанности и по продолжительности службы. Въ 1647 г. въ хлыновской Съѣзжей избѣ изъ 11 подьячихъ одинъ получалъ 12 р. въ годъ, пять по 8 р., одинъ по 5 р., три по 2 р. и одинъ по 1 руб. въ годъ[2]. Вскорѣ размѣръ жалованья былъ пониженъ, именно съ общаго количества 64 р. на всю избу до 40 р. Если припомнимъ, что въ тоже время сторожамъ Съѣзжей избы платили по 6 р., палачу по 10 р. въ годъ, то вознагражденіе подъячихъ за ежедневный кропотливый трудъ не покажется намъ значи-

[1]) Древніе акты, 128, 148, 180, 185 и пр. [2]) Тамъ же, 121.

Digitized by Google

тельнымъ. Впрочемъ старшіе подьячіе не могли не быть довольны своимъ положеніемъ, такъ какъ ни одинъ изъ многочисленныхъ просителей, по исконнымъ обычаямъ, не являлся въ Съѣзжую избу съ пустыми руками. Вотъ что говоритъ небольшая страничка изъ расходныхъ тетрадей покровскаго причта 1684 и 1696 г.г.: «Просили старшаго подьячего Ѳед. Сунцова сыскать старое дѣло и дать его подьячему Шенину, дали 3 алт. 20 ден. Шенину, державшему въ своемъ столѣ дѣло, былъ несенъ калачъ въ 10 ден. и отправлены два воза сѣна на 6 алт. 4 ден. Послѣ того дьякъ Макарьевъ получилъ въ разное время 3 калача на 5 алт., чтобы дѣло высмотрѣлъ и на дѣлѣ помѣтилъ, и еще калачъ, чтобы велѣлъ написать владѣтельную память. Ему же и Сунцову несли по калачу на 3 алт. 2 ден. для помѣты на дѣлѣ о пошлинахъ. Макарьеву же дано 2 алт. за подпись на отводной, ему же въ почесть, чтобы не задерживалъ дѣла, несено рубль. Роду подьячаго Шмелева, писавшаго начерно владѣтельную выпись и справившаго ее набѣло, записанъ въ синодикъ. Ѳед. Сунцовъ за переписку ея набѣло получилъ 5 алт. Всего издержано было 5 р. 18 алт. Въ 1696 г. за выписку изъ дѣла Ѳед. Сунцову несенъ калачъ въ 10 ден., да ему же доставленъ живой баранъ, да ему же живой гусь. За записку челобитной въ Приказной избѣ дано 4 ден. Составленную для отправленія въ Москву челобитную носили къ Сунцову и поднесли ему при этомъ большой калачъ, а послѣ, въ трудную минуту, 2 р. денегъ 1). Истцы на покровскій причтъ, богатые посадскіе люди Шелемовы, почти раззорилися на веденіе дѣла и кончили его только потому, что у нихъ не оставалось для этого никакихъ средствъ. Покровскій причтъ бралъ деньги изъ большихъ ростовъ въ займы и даже заложилъ лучшій свой колоколъ, потому что расходамъ не предвидѣлось конца. Изъ переписей 1678 г. мы узнаемъ, что имущественное положеніе тогдашнихъ подьячихъ было изъ счастливыхъ. Многіе изъ нихъ имѣли крѣпостныхъ и кабальныхъ людей. У старшаго подьячаго Рязанцова ихъ было 18 чел., у другихъ обыкновенно по 2—3 чел. 2).

Пересматривая фамиліи подьячихъ, видимъ, что подьячество во многихъ семьяхъ было наслѣдственнымъ. Насколько оно было привлекательно, мы видимъ напр. изъ челобитья 1697 г. стараго

1) Исторія Покровской церкви въ Вят. Епарх. Вѣд. 1888, 18. 2) Найденовъ, 41—43.

Digitized by Google

подьячаго Андрея Рязанцева, который указываетъ, что онъ сидѣлъ въ Кыновской Приказной палатѣ у приходу и расходу многіе годы и по усердію своему получалъ 25 р. жалованья, и во вниманіе къ этому же усердію проситъ назначить на его мѣсто сына, съ сохраненіемъ того же жалованья. Просьба его была уважена [1]). Представляя себѣ имущественное положеніе подьячихъ, надо еще помнить, что они могли безъ большаго труда получать на льготу земли, которыя они и умѣли удерживать большими, не платя съ нихъ никакихъ повинностей; на это земскіе старосты много разъ жаловались, но долгое время совершенно безуспѣшно.

Имена дьяковъ и подьячихъ съ приписью намъ уже извѣстны. Въ Кыновѣ подьячими Приказной избы въ разное время были: въ 1615 г. Сид. Лажениціынъ и Сем. Павловъ, они же и въ 1629 г. [2]), въ 1634 г. Тим. Семеновъ, въ 1646 г. Сем. Евд. Варминъ, Мих. Вас. Карпинъ, Сила Стеф. Лажениціынъ, Ив. Ив. Зиновъ, Ив. Богд. Шелевъ, Вас. Сид. Лажениціынъ, въ 1658 г. Ив. Клобуковъ, въ 1654 г. Мих. Васильевъ, въ 1662 г. Герас. Богдановъ, въ 1665 г. Ив. Клобуковъ, въ 1669 г. Аѳан. Денисовъ, Ив. Филимоновъ и Ив. Сѣчниковъ, въ 1678 г. Гр. Пам. Ахмаевъ, Гер. Аѳан. Шелевъ, Андр. Вас. Рязанцевъ, Ив. Ив. Сѣчниковъ, Григ. Мих. Корякинъ, Андр. Тим. Носковъ, Ив. Тим. Филимоновъ, Петръ Сем. Лопатинъ, Гр. Тит. Котельниковъ, Ив. Ив. Весninъ, Трофи. Тер. Ердяковъ, Петръ Вас. Зоботинъ, Бор. Андр. Лажениціынъ, Сем. Вас. Злыгостевъ, Алексѣй Гр. Шенинъ, Ерем. Ив. Клобуковъ, Лар. Ив. Звѣревъ, Ив. Тим. Носковъ, Дм. Ив. Толмачовъ, Петръ Сид. Катогинъ, Коз. Мих. Куклинъ, Ник. Митр. Дружининъ, Степ. Ос. Сунцовъ съ сыномъ Тимошкой, всего 26 чел. [3]), въ 1682 г. Лопатинъ, Толмачевъ, въ 1684 г. Тим. Сунцовъ, Илья Шенинъ, Гер. Шелевъ, въ 1686 г. Андр. Рязанцевъ, Петръ Лопатинъ, Ив. Филимоновъ, Ив. Носковъ, Тр. Ердяковъ, Бор. Сѣчниковъ, Ив. Весninъ, Гр. Титовъ, Петръ Зоботинъ, Ив. Ердяковъ, Ерем. Клобуковъ, Коз. Куклинъ, Сем. Злыгостевъ, Гр. Рогачевъ, Илья Шенинъ, Аѳан. Носковъ, Петръ Катаринъ, Сид. Сунцовъ, Ѳ. Носковъ, Андр. Носковъ, Лар. Симоновъ, Лука Швецовъ, Козма Носковъ, Гр. Зоботинъ, Ос. Мя-

[1]) Рязанцевскіе акты № 12. [2]) Сем. Павловъ извѣстенъ своимъ покровительствомъ слав. Прокопію. [3]) Переписная 1678 г. Всѣ подьячіе были свободны отъ тягла.

Digitized by Google

телевъ, Леонт. Титовъ, Аѳон. Шабалинъ, Аѳ. Звѣревъ, Ѳед. Короткого, всего 29 чел. [1]), въ 1697 г. Мятелевъ, А. Рязанцевъ, въ 1698 г. Ѳед. Сунцовъ, Ос. и Мих. Мятелевы, Козма Куклинъ. Въ Слободскомъ въ 1629 г. мы знаемъ подьячихъ Гр. Аксентьева и Мих. Каркина, перешедшаго потомъ въ Хлыновъ. Въ Малмыжѣ въ 1662 г. подьячимъ былъ Вас. Сем. Потаповъ, получавшій 6 р. жалованья и 6 р. за три чети ржи и овса, по полугодіямъ. 1 р. ему прибавленъ, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба; въ 1664—71 г.г. онъ получалъ по 4 и $4^1/_2$ р. въ годъ.

Для сыску и отводу земель и для всякихъ посылокъ при Приказной избѣ находились *пристава*. Въ Хлыновѣ 1646 г. ихъ было 20 дв. (вмѣстѣ съ пушкарскими, которыхъ было всегда очень не много): Блиновъ, Смышляевъ, Зубковъ, Казаковъ, Братинъ, Ярунинъ, Шагировъ, Санниковъ, Ногавицынъ, Кѣкинъ, Шуравинъ и пр. [2]), въ 1678 г. Степ. Суворовъ, Ѳед. Сроловыгинъ, Старостинъ и пр. [3]), въ 1685 г. Мих. Котельниковъ, въ 1695 г. Степ. Ситниковъ, въ 1697 г. Ив. Ситниковъ. Пристава набирались главнымъ образомъ изъ стрѣльцовъ и пушкарей, почему и мало среди нихъ вятскихъ фамилій. Отъ тягла они не были освобождены, и откуда получали жалованье, намъ неизвѣстно. Отъ истцовъ пристава не получали по закону ничего, но гдѣ можно было, не упускали случая пользоваться взятками. Въ 1696 г. покровскій причтъ имѣлъ слѣдующіе расходы при отводѣ пожни приставомъ: двѣ подводы для пристава и писца наняты были за 2 алт. 4 ден., куплено ведро вина за 13 алт. 2 ден., ситнаго хлѣба на 2 алт. 2 ден., да приставу за сборъ сотенныхъ людей было дано 5 алт. [4]).

Въ началѣ XVII в. нѣкоторыя обязанности приставовъ исполняли такъ называемые *разсыльщики*. Въ Хлыновѣ въ 1615 г. разсыльщиками были Куртѣевъ и Трофимовъ, въ 1629 г. Лебедкинъ, Ив. Балаконцевъ, Гр. Кучкинъ, Коз. Москвитинъ, Гр. Ситниковъ и Пав. Здорникъ, всего 6 дв.

Въ грамотахъ упоминаются сидящіе въ Съѣзжей избѣ *приказные цѣловальники* для сбора подымныхъ, стрѣлецкихъ, ямскихъ и даточныхъ [5]). Въ 1660 г. такими цѣловальниками упоминаются

---

[1]) По сборной книгѣ Вятск. каѳедр. собора. Подьячіе здѣсь расположены по степени ихъ значенія. [2]) *Найденовъ* въ переписной 1646 г. [3]) *Найденовъ*, 54. [4]) Исторія Покров. церкви въ Вят. Епарх. Вѣд. 1888, 18. [5]) *Никитниковъ*, ист. Воскр. церкви, 14—17.

Digitized by Google

Степ. Кѣкинъ, Степ. Урванцевъ и Кос. Чернышевъ, въ 1685 г. Устинъ Малово. Были это особыя лица, или подьячіе, этого мы не знаемъ. Приказные цѣловальники имѣли свои печати.

Въ Хлыновѣ Приказная изба все время находилась въ городѣ, гдѣ она и упоминается во всѣхъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ. Въ 1670 г. Приказная изба перешла въ новое помѣщеніе. Въ 1678 г. въ Хлыновѣ кромѣ Приказной избы была еще изба для сыскныхъ дѣлъ. При избѣ постоянно находились одинъ или два *избные сторожа*, иначе *денщика*. Въ 1647 г. сторожа получали по 6 р. жалованья въ годъ [1]); конечно, они не были освобождены отъ тягла. Кромѣ этихъ лицъ въ городѣ находились еще *городовые* и *тюремные сторожа* и *палачи* (въ 1647 г. получавшіе жалованья по 10 р.). Имена нѣкоторыхъ изъ сторожей и палачей намъ извѣстны [2]).

Не знаемъ, гдѣ занимались такъ называемые *площадные подьячіе*, т. е. публичные писцы. Эти подьячіе имѣли нѣкоторое оффиціальное значеніе, назначались вѣроятно не безъ разбору и находились подъ какимъ-то контролемъ Приказной избы. Обязанностью площадныхъ подьячихъ было главнымъ образомъ составленіе всякаго рода крѣпостей, причемъ они же были послухами и они же подписывались за неграмотныхъ. Кажется, было принято, чтобы каждый имущественный или денежный документъ былъ написанъ непремѣнно какимъ-нибудь подьячимъ и засвидѣтельствованъ другими. «А подлинная купчая», говорится въ купчей, составленной въ уѣздѣ, «написать въ Хлыновѣ площадными подьячими. А до подлинные купчіе запись писалъ Антипка Бяковъ» [3]). Въ началѣ столѣтія площадныхъ дьячковъ въ Хлыновѣ было мало, напр. въ 1629 г. всего 2 двора, въ 1646 г. ихъ видимъ здѣсь шесть, а послѣ до 10. Намъ извѣстны имена многихъ хлыновскихъ подьячихъ, особенно въ концѣ XVII в., изъ нихъ упомянемъ лишь слѣдующихъ: въ 1629 г. Сер. Борняковъ, въ 1646 г. Ив. Ивановъ вологжанинъ, Дьячковъ, Платуновъ, Сид. Гр. Русского, Ер. Моис. Зелейщиковъ, Вас. Як. Трапицынъ, въ 1665 г. Ив. Звѣревъ, Гр. Огородниковъ [4]), Ив. Васнецовъ, Баженъ Ефремовъ, Аѳон. Кольбаевъ, Ив. Скорняковъ, въ 1677 г. Прох. Лебедевъ, Вас. Бобровниковъ, Ив. Звѣревъ, Макс. Лузянинъ, Ив. Михѣевъ.

---

1) Древніе акты, 124. 2) Главнымъ образомъ по матеріаламъ г. Найденова. 3) Документы Ходыревыхъ № 7. 4) На дворищѣ Гр. Огородникова была впослѣдствіи поставлена Царево-Константиновская церковь.

Digitized by Google

Ив. Тряпицынъ, въ 1696 г. Тим. Коровaевъ, Вас. Коробовъ, Алекс. Хрюпцевъ, Тим. Хаустовъ, Вас. Бобровниковъ, Вас. Хаустовъ, Гр. Ѳоминъ, Як. Устюжанинъ, Ив. Загребинъ. Званіе площаднаго подьячаго нерѣдко было наслѣдственно въ семьѣ. Нѣкоторые подьячіе держались въ своемъ званіи очень долго, напр. Вас. Бобровниковъ упоминается площаднымъ подьячимъ въ теченіи 20 лѣтъ. Нѣкоторые изъ площадныхъ подьячихъ поступали на службу въ Приказную избу, нѣкоторые въ Таможенную и Земскую.

Земская изба. Власть *земскихъ старостъ* все болѣе и болѣе сложнялась, дѣлалась болѣе значительною и отвѣтственною. Съ 1678 г., по избѣжаніе злоупотребленій со стороны воеводъ и подьячихъ, завѣдываніе всѣми земскими сборами всецѣло передано земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ; даже выборъ таможенныхъ головъ предоставленъ имъ же [1]). Въ этой роли земскіе старосты держатся весьма независимо и успѣшно борются съ злоупотребленіями всякой приказной власти; ихъ ходатайства объ облегченіяхъ въ податяхъ, предлагаемыя ими мѣры, всякого рода просьбы въ Москвѣ почти всегда уважаются: искренности ихъ привыкли довѣрять.

Старостъ было обыкновенно по одному на городъ и на уѣздъ. Впрочемъ, въ Сарапулѣ въ 1688 г. почему-то были два земскіе старосты, можетъ быть одинъ для дворцовыхъ, другой для тяглыхъ людей [2]). Старосты выбирались на годъ изъ числа лучшихъ посадскихъ людей, въ Земской избѣ. Положеніе ихъ было почетное, но отвѣтственное, такъ какъ при недосмотрѣ легко было поплатиться собственными средствами и личной свободой, и потому этой обязанности старались избѣжать. Только въ одномъ случаѣ накупались на земскія службы, — именно когда служилые люди не хотѣли идти съ насиженнаго мѣста въ полки или другіе города [3]). Хлыновскими земскими старостами были: въ 1649 г. Артемій *Тряпицынъ*, въ 1684 г. Баженъ *Шапочниковъ*, въ 1656 г. Спирид. *Хвостанцовъ*, въ 1662 г. *Рѣдниковъ*, въ 1668 г. Алекс. *Грухинъ*, въ 1670 г. Козма *Тряпицынъ*, въ 1674 г. Петръ *Малоѣ*, въ 1679 г. Сем. *Левашовъ*, въ 1685 и 1686 г. Якимъ *Вагинъ*, въ 1682 г. Евдок. *Никитинъ*, въ 1688 г. Ив. *Хохряковъ*, въ

---

[1]) Древніе акты, 205, 233, 237. [2]) Тамъ же, 123. [3]) Это было, конечно, замѣчено, и въ 1697 г. по этому случаю разосланъ былъ особый указъ. Древніе акты, 230.

1686 г. *Шевцовъ*, въ 1697 г. Ив. *Спицынъ*, въ 1698 г. Аристархъ *Батенковъ*. Въ Котельничѣ въ 1649 г. былъ старостой Ник. *Зайцевъ*, въ 1650 г. Кондр. *Глушковъ*, въ Саранскѣ въ 1638 г. Макс. *Григорьевъ* и Ос. *Алексѣевъ*, въ Кашѣ въ 1636 г. Ян. *Новосевовъ* [1]). Отдѣльные мірскіе старосты бывали въ волостяхъ, напр. въ Кирчанской волости въ 1677 г. старостой былъ М. Ѳедоровъ, въ 1687 г. Сошковъ, въ 1698 г. Максимовъ, въ 1700 г. Ежельниковъ. Отдѣльные старосты бывали даже въ монастырскихъ вотчинахъ.

Земскіе цѣловальники исполняли обязанности старосты въ станахъ и волостяхъ: они принимаютъ въ становую избу и записываютъ въ книги всякаго рода земскіе сборы [2]), даютъ на оброкъ пустыя земли [3]), записываютъ въ станъ вновь прибывшихъ тяглыхъ людей [4]), присутствуютъ при досмотрахъ и переписяхъ [5]), отводятъ земли [6]), доставляютъ собранныя деньги въ Москву [7]). Были выборные отдѣльные цѣловальники для оброчнаго и тяглаго становъ. Цѣловальники собирали только земскія подати, а деньги стрѣлецкія собирались всегда особыми *сборщиками* или *денежными пріемщиками*, назначаемыми отъ приказной избы. Въ городахъ кромѣ старостъ были еще выбираемы *посадскіе цѣловальники*. Были также *сотницкіе* и *бесерменскіе цѣловальники*. [8]). Въ помощь всякаго рода цѣловальникамъ избирались *сотники, пятидесятники, десятники*. Въ 1662 г. въ Сенгилѣевскомъ тягломъ станѣ кромѣ земскаго цѣловальника были 2 сотника, 6 пятидесятниковъ и 24 десятника. Упоминаются *черемисскіе сотники*. [9]). Мы знаемъ довольно много именъ сборщиковъ и цѣловальниковъ, но по незначительности ихъ здѣсь не приводимъ.

Для письмоводства при земскихъ старостахъ и становыхъ цѣловальникахъ состояли *земскіе дьячки* или *подьячіе* и *становые подьячіе*. Въ 1686—1698 г.г. въ Сенгилѣевскомъ станѣ подьячимъ былъ Вас. Алалыкинъ, перешедшій потомъ въ городъ въ площадные подьячіе, въ 1699 г. Андр. Чернятевъ. Одинъ и тотъ же подьячій писалъ расписки отъ имени сборщиковъ и отъ имени цѣловальниковъ.

Старосты и цѣловальники сидѣли въ земской или становой

---

1) Древніе акты, 128, 129, 129. 2) Тамъ же, 147, 48. 3) Тамъ же, 234. 4) Тамъ же, 131. 5) Тамъ же, 184. 6) Покровскіе акты: № 121. 7) Древніе акты, 63 и 237. А. И. III, 496. 8) Тамъ же, 125, 227. 9) Тамъ же, 68 и 98.

Digitized by Google

избахъ, гдѣ хранились также всѣ жалованныя грамоты и архивъ [1]. Для выслушанія царскихъ указовъ они призывались въ приказную избу [2]. Въ Хлыновѣ съѣзжая земская изба находилась постоянно въ острогѣ.

Таможенная изба. Для сбора установленныхъ съ давнихъ поръ мыта и явки, а съ 1653 г. замѣнившей ихъ десятой деньги посадскими и уѣздными людьми съ XVII в. стали избираться *таможенные головы* и *ларешные цѣловальники*, первые посадомъ, вторые уѣздомъ. Съ 1671 г. велѣно указомъ являть всякаго рода купчія крѣпости и кабальныя грамоты въ таможенныхъ избахъ [3]. Купчія вносились въ книгу ларечнымъ, а помѣта на нихъ дѣлалась головою. На имя таможенныхъ головъ пишутся царскіе указы о новомъ торговомъ уставѣ (1654 г.), о новой монетѣ, о товарахъ, объ отмѣнѣ тарханныхъ грамотъ [4]. До 1678 г. выборъ головъ совершался подъ руководствомъ воеводы, но такъ какъ при этомъ могли случаться различныя злоупотребленія, то послѣ того ихъ дозволено было избирать мірскимъ людямъ въ земскихъ избахъ [5]. Обязанность таможеннаго головы соединялась съ большимъ рискомъ, и потому они избирались всего на одинъ годъ.

Въ вѣдѣніи таможенной избы находились также кабаки, «царскія кружала», для которыхъ избирались посадомъ и уѣздомъ особые *кабацкіе цѣловальники*, называемые иногда *ларечными* [6]. Но вообще ларешными назывались товарищи головъ въ пригородахъ [7]. Иногда вино сдавалось на вѣру *вѣрнымъ головамъ*, иногда на откупъ. Въ 1677 г. вѣрные головы и цѣловальники собирали въ Хлыновѣ, Орловѣ, Слободскомъ и Кайгородѣ не только питейную прибыль, но и всѣ таможенныя пошлины [8].

Въ 1634 г. таможенными и кабацкими головами въ Хлыновѣ были братья *Даниловы*, въ 1654 г. Ѳед. *Суницовъ*, въ 1656 г. Ив. *Трапицынъ*, при немъ цѣловальники изъ пяти городовъ, т. е. въ томъ числѣ и Хлынова, въ 1663 г. Мих. *Ешкинъ* съ ларечными 5 городовъ, въ 1672 г. Петръ *Ивановъ*, въ 1676 г. Епиф. *Ивановъ*, въ 1677 г. Матвѣй *Поторочиновъ*, въ 1685 году *Машковцевъ*, пожалованный подаркомъ [9], въ 1687 г. Епиф. *Глу-*

---

1) Древніе акты, 140. 2) Тамъ же, 211. 3) Тамъ же, 212. 4) Тамъ же 148, 137 и 201. 5) Тамъ же, 205. 6) Тамъ же, 198. 7) Тамъ же, 139. 8) Допол. къ Акт. Ист. VII, 309. 9) Серебрянымъ ковшомъ съ надписью «за службу и достославную прибыль казнѣ». Вятск. Календ. 1882, 84.

Digitized by Google

ховъ и Дм. *Ватенковъ*, пожалованный за приборъ денежной казны серебрянымъ ковшомъ [1]), въ 1689 г. Ив. *Исуповъ*, въ 1699 г. Корн. *Валезинъ*. Въ 1629 г. таможенной голова упоминается въ Слободскомъ.

Ларечными съ Хлыновъ въ разное время были: въ 1679 г. Ѳед. Лютинъ, въ 1680 г. Ив. Ѳед. Лютинъ, сынъ предъидущаго, въ 1690 г. Вас. Соломинъ, въ 1693 г. Машковцевъ, въ 1696 г. Прох. Лебедевъ, бывшій площадной подьячій, въ 1697 г. Сила Буторинъ, въ 1699 г. Вас. Глухихъ. Въ Слободскомъ въ 1677 г. упоминается ларешнымъ цѣловальникомъ какой-то Филька.

Для письма при таможенныхъ избахъ и кабакахъ были особые *таможенные* и *кабацкіе дьячки*, или *подьячіе*. До 1682 г. они нанимались отъ казны, и имъ платилось жалованье, въ разныхъ городахъ въ разномъ количествѣ. Въ 1648 г. хлыновскому таможенному дьячку платили 4 руб., а двумъ кабацкимъ по 6 руб., орловскій таможенный получалъ 2 р. 8 алт. 2 ден., истобенскій таможенный 1 р., котельническій 3 р. 16 алт. 4 ден., слободской 6 р. [2]). Въ 1682 г. было приказано подьячихъ таможенныхъ и кабацкихъ выбирать міромъ изъ добрыхъ людей, и служить они обязывались безплатно [3]).

Въ 1615 г. въ Хлыновѣ упоминается кабацкій дьячекъ Пав. Алексѣевъ, таможенный Порф. Гавриловъ, въ 1629 г. Ив. Толмачевъ и Степ. Заребинъ, въ 1646 г. Таможеннымъ подьячимъ былъ здѣсь Сид. Искиндеревъ.

Въ 1634 г. въ Хлыновѣ кромѣ кабацкаго головы (Данилова) и двухъ цѣловальниковъ (Дм. Трегубова и Юр. Попцова) были еще какіе-то *кабацкіе старосты* (Степанъ Колосевъ и Матвѣй Калининъ [4]).

Таможенныя избы находились въ вятскихъ городахъ на посадахъ въ острогѣ.

Пріѣзжіе приказные люди. По тому или другому спеціальному случаю или по заведенному порядку въ Хлыновъ время отъ времени пріѣзжали изъ Москвы различные приказные люди: для сбора сибирскаго хлѣба, для сбора даточныхъ, денежные сборщики, гонцы съ богомольными грамотами, писцы и пр.

---

[1]) Хранится въ слободской Срѣтенской церкви. Описаніе см. въ исторіи этой церкви, составленной св. Замятинымъ (стр. 45—46) и въ Вят. Вѣд. 1857, 25. [2]) Древніе акты, 124. [3]) Тамъ же, 215. [4]) *Толмаковъ*, матеріалы вып. I, 16.

Digitized by Google

Въ Москвѣ не довольно довѣряли воеводамъ и въ особенно важныхъ случаяхъ посылали особыхъ приказныхъ, чаще изъ подьячихъ, дѣтей боярскихъ и купцовъ. Въ 1649 г. для отвода земель городамъ по новому уложенью былъ на Вяткѣ сыщикъ Ѳед. Супоневъ, въ 1689 г. для денежныхъ сборовъ на Вятку и въ другіе города посланъ былъ подьячій приказа Большой казны Андр. Рязанцевъ.

Для посланниковъ во всѣхъ вятскихъ городахъ были поставлены особые дворы, одинъ или даже два; при нихъ постоянно состояли *дворники*.

Патріаршіе десятильники также бывали на Вяткѣ только наѣздомъ. Для нихъ въ 1615 и 1629 г.г. имѣлся на посадѣ въ Хлыновѣ особый дворъ; въ 1646 г. мы видимъ въ Хлыновѣ уже постоянный «патріаршій съѣзжей для патріарховыхъ духовныхъ дѣлъ дворъ», при которомъ упоминается *подьячій духовныхъ дѣлъ* (Петр. Заганиновъ) и *дворникъ*.

IV. Областное управленіе.

Съ начала XVII в. въ судебныхъ и финансовыхъ дѣлахъ Хлыновъ съ пригородами былъ подчиненъ, вмѣстѣ съ другими поморскими городами, *Новгородскому приказу*. Новгородская четь была для Вятки высшимъ апелляціоннымъ судебнымъ учрежденіемъ и сюда же вносились всѣ сборы. Тѣмъ же самымъ для понизовыхъ вятскихъ городовъ (Уржума, Малмыжа, Яранска, Царевосанчурска, Елабуги и Сарапула) былъ *Приказъ Казанскаго Дворца*, находящійся какъ и Новгородскій, въ Москвѣ. Изъ мѣстныхъ актовъ мы узнаемъ, что дьяками и подьчими Новгородской чети въ разное время были: въ 1614 г. Андрей *Ивановъ* и Аѳан. *Евдокимовъ*, въ 1626 г. Андрей *Шитовъ*, въ 1627 г. Сем. Мануйл. *Бредихинъ*, въ 1628—33 г.г. Дементій *Образцовъ* и Андрей *Іевлевъ*, въ 1634 г. Леонтій *Образцовъ*, Дм. *Карповъ* и Ив. Тарас. *Грамотинъ*, въ 1636 г. Григ. *Нечинъ*, въ 1637 г. Леонт. *Полуехтовъ*, въ 1646 г. дьякъ Никифоръ *Демидовъ*, въ 1649 г. думный дьякъ *Воложениновъ*, въ 1654 г. Ив. *Патракѣевъ*, въ 1656 г. Аник. *Чистого*, въ 1662 г. Дм. *Шубинъ*, въ 1665 г. Ефимъ *Юрьевъ*, 1671 г. Ив. *Патракѣевъ*, въ 1673 г. приказомъ завѣдывалъ А. С. *Матвѣевъ*, а дьяками при немъ были: Гр. *Богдановъ*, Як. *Поздышевъ* и Ив. *Евстафьевъ*, въ 1679 Пав. *Симоновъ*, въ 1685 г.

стольникъ Ив. Сав. *Хитрово* и Еф. *Юрьевъ*, въ 1696 г. Андрей *Городецкій*, Емел. *Украинцевъ* и Ив. *Ивановъ*, въ 1697 г. Борисъ Михайловичъ. Уже въ 1646 г. Новгородскій приказъ присоединенъ былъ къ *Посольскому*, для увеличенія его средствъ [1].

Кромѣ Новгородской чети и Приказа Казанскаго Дворца къ Вяткѣ имѣли отношеніе и нѣкоторые другіе приказы. *Приказъ Большой казны* издавна имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи вятскихъ купцовъ гостиной и суконной сотенъ [2]. Въ 1665 г. этотъ приказъ назначаетъ хлѣбное и денежное жалованье вятскому епископу Александру [3]. Въ его же завѣдываніи находились дворцовыя земли [4]. Стрѣлецкими сборами на Вяткѣ завѣдывалъ *Стрѣлецкій приказъ*, имѣвшій съ вятскими воеводами непосредственныя сношенія [5]) съ 1680 г., когда всѣ государевы сборы указано было замѣнить однимъ стрѣлецкимъ сборомъ въ 1 р. 10 алт. со двора и вѣдать его для облегченія вятчанъ въ одномъ Стрѣлецкомъ приказѣ [6]). Сборомъ вятскихъ копейщиковъ, солдатъ и рейтаръ въ 1697 г. завѣдывали *Иноземный* и *Рейтарскій* приказы. По поводу недобора служилыхъ людей въ этомъ году Иноземскій приказъ писалъ въ *Разрядъ*, а уже тотъ въ Новгородскую четь [7]). Приказъ *Сыскныхъ дѣлъ* въ 1649 г. послалъ для примѣненія новаго уложенія на Вятку сыщика Супонева и сносился по этому поводу съ приказомъ Новгородской чети [8]). Изъ приказу *Тайныхъ Дѣлъ* въ 1660 г. въ Хлыновѣ былъ полученъ указъ о перепискѣ семейства взятыхъ на службу даточныхъ [9]). Въ 1679 г. спеціальный полуполтинный сборъ на военныя издержки велѣно было доставить почему-то въ *Ямской* приказъ [10]). *Патріаршій* приказъ въ 1669 требовалъ изъ Новгородской чети свѣдѣній о земляхъ вятскаго Никольскаго собора и, получивъ ихъ, предписалъ непосредственно хлыновскому воеводѣ отвести всѣ никольскія вотчины въ архіерейскій домъ [11]). *Монастырскій* приказъ, подчиненный въ 1677 г. приказу Большаго Дворца, вѣдалъ сборы съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ [12]). Кромѣ приведенныхъ

---

[1]) Русск. Историч. Библіот. т. X, 301. [2]) Рязанцевск. акты № 10. Древніе акты, 213, 1631—1682 г. [3]) Древніе акты, 180. [4]) Тамъ же, 223 и 220. [5]) Тамъ же, 208—210. [6]) Рязанцевск. № 10. [7]) Древніе акты, 230. [8]) Тамъ же, 133. [9]) Покровскіе акты № 76. [10]) Древніе акты, 208. [11]) Тамъ же, 166 и 185. [12]) По свѣдѣніямъ Вештомова въ 1670 г. съ архіерейскаго дому получено было 529 руб., съ Успенскаго монастыря 385 руб.

Digitized by Google

отрывочныхъ данныхъ мы не имѣемъ пока никакихъ другихъ свѣдѣній о подчиненіи вятской области московскимъ приказамъ.

По временамъ въ Москву присылались изъ вятскихъ городовъ выборные дворяне и дѣти боярскіе для государевыхъ и земскихъ дѣлъ напр. въ приказъ Московскаго Стола. Въ 1648 г. такимъ образомъ изъ Яранска былъ посланъ Семенъ Вишняковъ, изъ Уржума Степанъ Голохвастовъ, изъ Санчурина Дмитрій Мохотинъ. Всѣмъ имъ было назначено жалованья по 40 р. [1]).

ДОПОЛНЕНІЯ [2])

Къ стр. 14. *Г. С. Козловскій* былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ боевыхъ воеводъ, и можно бы думать, что на Вятку онъ былъ отправленъ съ спеціальнымъ порученіемъ построить въ Хлыновѣ новыя городовыя укрѣпленія (что онъ и началъ тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ), но слишкомъ продолжительный срокъ службы его здѣсь показываетъ, что назначеніе Козловскаго воеводою на Вятку было въ большей или меньшей мѣрѣ немилостью.—Козловскій былъ на Вяткѣ дѣйствительно съ 1663 г.; 2 мая 1668 г. государь указалъ идти противъ измѣнниковъ черкасъ воеводѣ Г. С. Куракину и въ товарищи ему назначилъ П. И. Хованскаго и Козловскаго, о чемъ послѣдній и былъ извѣщенъ указомъ отъ 6 мая, а велѣно ему тотчасъ быть къ Москвѣ. 21 мая на Вятку былъ назначенъ думный дворянинъ и воевода *Нащокинъ*, а до его пріѣзда велѣно быти на Вяткѣ подьячему съ приписью, который былъ съ княземъ Г. С. Козловскимъ. Нащокинъ отправился изъ Москвы только въ іюнѣ [3]).

Къ стр. 15. *В. П. Нарышкинъ* назначенъ былъ еще въ 1672 г. 21 декабря 1674 г. на мѣсто него былъ назначенъ *Кондратъ Ѳомичъ Нарышкинъ* [4]), но кажется онъ вовсе не былъ на Вяткѣ.

Къ стр. 17. Въ *Уржумѣ* въ 1651 г. воеводами были сперва *Иванъ Наумовичъ Елизаровъ*, а послѣ *Юрій Васильевичъ Бестужевъ*.

Къ стр. 17. Въ *Малмыжѣ* въ 1651 г. былъ казначей *Григорій Ивановичъ Левашовъ*.

[1]) Русск. Истор. Библіот. т. X. [2]) По Дворцовымъ разрядамъ т. III и IV. Спб. 1852—55 г. [3]) Тамъ же, III, 846, 950. [4]) Тамъ же, III, 1149.

Къ стр. 18. Въ *Яранскѣ* въ 1651 г. былъ [illegible] *Семенъ Путиловъ*.

Къ стр. 18. Въ *Царевосанчурскѣ* въ 1651 г. былъ бурмы-[illegible] *Лука Ивановичъ Дубенской*.

Къ стр. 27. Для характеристики имущественнаго положенія хлыновскихъ подьячихъ представляетъ нѣкоторый интересъ нижеслѣдующая грамота 1696 г.:

«Отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича (тит.) на Вятку ближнему стольнику нашему и воеводѣ князю Алексѣю Никитичю Урусову да дьяку нашему Ивану Иванову. Въ нынѣшнемъ 204 году ноября въ 20 д. билъ челомъ намъ великимъ государемъ Вяцкой Приказной избы подьячей Өедоръ Сунковъ: дѣдъ де и отецъ ево работали и онъ работаетъ намъ великимъ государемъ на Вяткѣ въ Приказной избѣ, а имяна де дѣда и отца ево и ево Өедорово написаны въ списку гостиной сотни, а которые де ихъ братья сидятъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ приказѣхъ въ подьячихъ, а торговъ и промысловъ иныхъ у нихъ нѣтъ, и съ тѣхъ подьячихъ въ сотни и въ слободы никакова тягла и податей не берутъ и службы не служатъ, да имъ же за приказную работу даетца нашее великихъ государей годовое денежное жалованье по окладомъ. А которые де въ гостиной сотнѣ старые и прожиточные и оскудалые люди, и съ тѣхъ людей въ нашу великихъ государей службу не выбираютъ и тягло въ нихъ, за ихъ скудостью, не берется, а съ нихъ де емлютъ тягло въ гостиную сотню на всякой годъ напрасно, потому что у дѣда и отца ево и у него прежъ сего и нынѣ торговъ и торговыхъ промысловъ и лавокъ и анбаровъ нигдѣ нѣтъ и не бывало. И дѣдъ и отецъ ево и онъ работали намъ великимъ государемъ на Вяткѣ въ подьячихъ и питаютца отъ приказной работы, а нашимъ великихъ государей денежнымъ жалованьемъ не поверстаны, и съ того приказного писчего промысла, а не съ тяглова двора, положили ихъ на Вяткѣ посадцкіе люди въ тягло съ собою [illegible] напрасно. И по грамотамъ де изъ Новгородцкого приказу, а по ихъ вятчанъ челобитью то вяцкое тягло по окладомъ ихъ на нихъ доправлено жъ, и отъ того де двоеверснаго тягла они разорились и одолжали великими долгами, потому что отецъ ево изъ Приказной избы отъ подьячества за скорбью отставленъ и нынѣ никакимъ промысломъ не промышляетъ, а братья де въ малыхъ лѣ-

техъ. И въ прошломъ де 203 и въ нынѣшнемъ 204 годѣхъ присланы наши великихъ государей грамоты на Вятку изъ Приказу Большіе казны: велѣно гостиной сотни на вяцкихъ жителехъ вмѣсто десятой денги противъ збору 197 году по окладомъ доправити сполна, и по тѣмъ де грамотамъ тѣ денги на Вяткѣ на отцѣ ево безъ него доправлены жъ. И намъ великимъ государемъ пожаловать бы велѣть отъ гостиной сотни и отъ московского тягла и отъ десятой денги и отъ служебъ отца ево за скорбь и ихъ за приказную работу отставить и изъ списка имяна ихъ выписать, и тягло и десятую денгу снять и не велѣть бы на Москвѣ нынѣ и впредь двоевытно платить, а велѣть бы стрѣлецкіе денги платить имъ на Вяткѣ съ своею братьею съ подьячими по указному числу, и о томъ на Вятку дать ему нашу великихъ государей грамоту. А у выписки гостиной сотни староста сказалъ: служебъ де ему Тимоѳею за скудостью въ гостиной сотнѣ служить не возможно, торговъ и никакихъ промысловъ у нихъ нѣтъ, и онъ Тимоѳей устарѣлъ, а сотенного де тягла съ нихъ имано по рублю на годъ, и то по грамотамъ съ великимъ правежемъ, а на иные годы съ нихъ за скудостью ихъ и не имано.—И по нашему великихъ государей указу имъ Тимоѳею Сунцову съ дѣтьми въ гостиной сотнѣ быть и служебъ служить и тягла и всякихъ податей той гостиной сотни съ торговыми людми впредь противъ ево челобитья платить не велѣно. И какъ къ вамъ ся наша великихъ государей грамота придетъ, и вы бъ велѣли имъ Тимоѳею Сунцову съ дѣтьми жить на Вяткѣ по прежнему. И по сему нашему великихъ государей указу и по грамотамъ, каковы имъ даны напередъ сего изъ Новгодцкого приказу, и какъ имъ велѣно быть и тягло платить на Вяткѣ съ подьячими, а зъ гостиною сотнею впредь имъ никакихъ податей платить и служебъ служить не велѣли. А прочетъ сеѣ грамоту... Писанъ на Москвѣ лѣта 7204 генваря въ 26 д.».

На оборотѣ печать великихъ князей, скрѣпа дьяка Ѳедора Еѳимьева, справа Андрюшки Васильева, помѣта, что рубль взято и слѣдующая приписка: «Взять въ столпъ, а подлинную отдать Тимоѳею Сунцову и послать о томъ къ посацкому цѣловалнику память». Кромѣ того на оборотѣ адресъ и помѣта, что грамота подана 23 марта 204 г. подьячимъ Ѳедоромъ Сунцовымъ [1]).

---

[1]) Акты г. Хохрякова № 3.

Digitized by Google

Изъ другихъ грамотъ мы узнаемъ, что у Тимоѳея Сунцова кромѣ Ѳедора были еще дѣти Степанъ, Филиппъ и отъ второй жены Степанъ меньшой; при жизни промысломъ отца занялся только одинъ Ѳедоръ. Дѣтямъ своимъ Тимоѳей Сунцовъ оставилъ пожню въ Якимовскомъ лугу, деревню въ Березовскомъ оброчномъ стану и, вѣроятно, еще какія-нибудь земли.

А. Спицынъ.

КЪ ИСТОРІИ ВЯТСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Вопросъ о разселеніи и древнѣйшей судьбѣ вятскихъ инородцевъ составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ темъ для изслѣдователей исторіи мѣстнаго края, но рѣшеніе его, вслѣдствіе ничтожнаго количества имѣющихся для того данныхъ, настолько затруднительно, что представляется на первый взглядъ совершенно невозможнымъ. Сознавая всю трудность подобной задачи, мы всетаки принуждены были попытаться составить по исторіи мѣстныхъ инородцевъ болѣе или менѣе ясное понятіе, именно по тому поводу, что она имѣетъ самое тѣсное отношеніе къ предпринятымъ нами археологическимъ изслѣдованіямъ. Покончивъ хлопотливые розыски въ доступныхъ намъ изданіяхъ относящагося къ рѣшенію этого вопроса матеріала, мы предлагаемъ его теперь вниманію изслѣдователей. Малое количество данныхъ, ихъ отрывочность, неполнота и мелочность должны были неизбѣжно отразиться на достоинствѣ предлагаемой работы, но несмотря на это мы надѣемся, что она не будетъ безполезною.

Одною изъ древнѣйшихъ и основныхъ народныхъ группъ Вятскаго края слѣдуетъ признать Чудь, имѣвшую здѣсь довольно широкое распространеніе. Новѣйшія археологическія изысканія показали, что чудь жила довольно густою массою по теченію р. Чепцы и ея притокамъ вплоть до р. Косы; кромѣ того она занимала все верхнее теченіе Камы и отдѣльными поселками проникала на сѣверъ, въ лѣсныя лѣса. Найденныя по Чепцѣ монеты свидѣтельствуютъ, что чудь жила здѣсь въ VIII—X вѣкахъ позднѣе, можетъ быть до окончательнаго разрушенія болгарскаго царства. Археологическія данныя предѣлъ распространенія чудскаго племени въ вятскомъ краѣ позволяютъ расширить и далѣе, именно ясные слѣды чудской культуры найдены нами на р. Пижмѣ; новѣйшія наши свѣдѣнія даютъ возможность сдѣлать предположеніе потомъ, какимъ путемъ эта культура могла проникнуть такъ далеко отъ своего центра: въ верховьяхъ р. Вои, составляющей кратчайшій путь отъ р. Косы до Пижмы, найдено нѣсколько городищъ, изъ которыхъ одно, какъ мнѣніе чешскія го-

Digitized by Google

родища, укрѣплено тремя валами. Конечно, Пижма могла быть заселена и со стороны Ветлуги, но во всякомъ случаѣ, культура заселившаго ее племени была аналогична съ чудскою. Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи мы не знаемъ несомнѣнныхъ слѣдовъ типичной чудской культуры, нѣтъ ихъ даже по среднему теченію Камы, гдѣ ихъ предположить было бы всего естественнѣе.

Въ извѣстныхъ письменныхъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о чуди, а народныя преданія говорятъ объ этомъ племени вотъ что.

Имѣющія видъ копей ямы у поч. Булатовскаго по рч. Летькѣ приписываются мѣстнымъ населеніемъ чуди. Появленіе ямъ объясняется слѣдующимъ преданіемъ. Чудя были язычниками, молились пенькамъ, жили въ лѣсу какъ звѣри, въ землянкахъ. Пришелъ къ нимъ Стефанъ-угодникъ, хотѣлъ ихъ окрестить, но чудя заволновалась, не хотѣла вѣру свою водой смывать. Стефанъ-угодникъ пожаловался на нихъ царю, который послалъ на чудю цѣлое войско. Чудя забоялась, ушла въ глухіе лѣса, но и тамъ царскіе разъѣзды нашли ее, стали всячески тѣснить и насильно гнали въ воду. Тогда чудя выкопала себѣ ямы, залѣзла въ нихъ, накрылась жердями и подрубила подставы. Крыша упала и всѣхъ задавила. Такъ и пропала вся чудя и богатство съ собой взяла. Г. Добротворскій, сообщившій это преданіе, передаетъ, что такихъ ямъ много разсѣяно по вятско-вологодскому полѣсью и что онѣ встрѣчаются всегда группами отъ 7—15 шт. Въ ямахъ этихъ иногда находятъ издѣлія изъ желѣза, серебряныя монеты и даже бронзовыя вещи. Окрестные жители, пермяки, думаютъ, что въ ямахъ скрыты клады, но боятся ихъ отыскивать [1].

Г. Ивановъ сообщаетъ, что на верховьяхъ Камы недалеко отъ Сергина виднѣются въ полѣ ямы, наполненныя водой. Старики говорятъ, что когда пришли русскіе, чудь ушла черезъ нихъ въ землю [2].

По вятско-пермскому говору выраженіе «чудскіе» народы произносится «чуцкіе», какъ изъ «молодецки» образовалось «молодчики»; отсюда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣсто слова «чудь»

---

1) Вят. Вѣд. 1883, 13. Мы видѣли эти ямы и находимъ, что онѣ вырыты кладоискателями, а разсказъ о находкахъ въ нихъ считаемъ не точно переданнымъ. Преданіе о чуди на Летьку занесено, конечно, со стороны.

2) Матеріалы для антропол. пермскаго края, 10.

употребляютъ *чучки*. Пермяки глазовскаго уѣзда на вопросъ, что было въ отдаленныя времена, отвѣчаютъ такъ: Прежде всего жили на землѣ чучки. Это былъ народъ сильный, великаны, каждый съ лѣсного, черные; они тоже работали и имѣли для своихъ работъ очень большія орудія (жернова, огнива, кустаны т. е. желѣзныя кирки), которыя до нынѣ находятъ въ землѣ, въ мѣстахъ еще не обработанныхъ, подъ лѣсомъ. Родъ ихъ прекратился, потому что Богъ не сталъ имъ давать приплода. Русскіе начали появляться уже при нихъ, и тѣ сначала съ сожалѣніемъ смотрѣли на этотъ мелкій родъ; потомъ, чтобы покончить съ собой, устраивали на столбахъ крыши, нанашивали на нихъ много земли, сами заходили подъ эти полати, подрубали столбы и потибали задавленные землей [1]). О. Блиновъ, сообщившій намъ это преданіе, въ другомъ мѣстѣ передаетъ любопытнѣйшее указаніе, что въ зюздинскихъ приходахъ до сихъ поръ есть пермяцкое племя, которое называетъ себя чудью; типъ населенія этой мѣстности нѣсколько иной, чѣмъ типъ пермяковъ карсовайскихъ [2]).

Изложенныя выше преданія очевидно занесены на Вятку изъ Перми, или точнѣе изъ Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, подобные разсказы о чуди въ большомъ ходу, но населеніе Вятской губерніи знаетъ не одну только миѳическую чудь: этимъ именемъ оно называетъ также ту народность, которую русскіе встрѣтили при поселеніи своемъ на Камѣ. Чуди приписываются почти всѣ камскія городища, напр. печкинскія, воткинское, бобья-учинское; близъ поч. Заборья Сарап. уѣзда у часовни указываютъ старинное чудское кладбище. На истокахъ Камы есть замѣчательная по величинѣ, по находимымъ на ней вещамъ и по насыпямъ В. Рудная или «чудская» гора. Чудскимъ называется городище, находящееся между Сарапуломъ и с. Яромазскимъ. По преданію, въ сосѣдствѣ

[1]) Вят. Вѣд. 1865, 12 въ статьѣ Блинова. Въ связи съ преданіемъ о чучкахъ пермяцкая философія развиваетъ мрачный взглядъ на настоящее и будущее человѣчества. Настоящіе люди, по словамъ пермяковъ, *тужики*, т. е. такіе, которые вѣкъ живутъ и все тужатъ; послѣ жизнь людямъ сдѣлается еще труднѣе: рѣки высохнутъ, рыба помретъ, питаться будетъ нечѣмъ, и будутъ они погибать. Послѣ нихъ будутъ жить на свѣтѣ *мужики*, — это уже совсѣмъ безсильный народъ: семеро изъ нихъ едва будутъ поднимать соломинку (и то напыжившись, т. е. напрягши всѣ силы), и ужъ конечно погибнутъ отъ своего безсилія. Это повѣрье встрѣчается и у пермяковъ, и даже у русскихъ Пермской и Вятской губерній.

[2]) Вят. Вѣд. 1865, 62.

Digitized by Google

съ обитавшею здѣсь чудью на другомъ берегу Камы жили башкиры, находившіеся съ чудью въ дружественныхъ отношеніяхъ и помогавшіе имъ грабить и нападать на русскія селенія [1]). По разсказамъ крестьянъ Мостовинской волости Сарап. уѣзда, первоначальными обитателями ихъ мѣстности была чудь, чудаки, большая чудь бѣлоглазая. Указывается чудское кладбище и мѣсто поселенія чуди (около городища). Чудаки занимались хлѣбопашествомъ. «Когда начали селиться русскіе крестьяне по Бисарихѣ», разсказываютъ старожилы: «первымъ дѣломъ ихъ было согнать чудь съ занимаемаго ею мѣста. Вышли ссоры. Отличались въ борьбѣ особенно два брата поселенца. Они имѣли огромный ростъ и необыкновенную силу, и чудь боялась ихъ сильнѣе огня. Оба брата, при всякомъ случаѣ, ломали чудакамъ руки и ноги, клали часто въ средину заплотовъ и давили тутъ до смерти. Чудь склалась и оставила свои жилища, а два брата, поселившіеся по Бисарихѣ, оставили своему потомству необыкновенный ростъ, замѣчаемый еще и теперь, силу и фамилію Самохваловыхъ». Старожилы д. Котовой разсказываютъ слѣдующее: «Когда русскіе селились въ Котовой, рядомъ жило нѣсколько чудскихъ семействъ. Чудаки жили въ малыхъ избенкахъ или шалашахъ, какіе и теперь вообще замѣчаются у черемисъ и вотяковъ. Селенія и гумна ничѣмъ огорожены не были, и къ нимъ на гумна повадились котовскія свиньи. Сколько ни убѣждали чудаковъ огородить гумна, чудь не слушала, а придумала истребить свиней особеннымъ образомъ. Чудаки насыпали большіе вороха ржи и гороху и отдали ихъ свиньямъ объѣдятся, дескать, и околѣютъ. А свиньи между тѣмъ пожрали все, и не только не околѣли, а напротивъ необыкновенно разжирѣли. Удивило это чудь. Ушла чудь за Каму, когда къ нимъ сталъ пріѣзжать изъ с. Кигбаева священникъ и уговаривать ихъ креститься [2]).

Чудскихъ копей въ губерніи неизвѣстно. Въ 1881 г. Штукенбергъ и Пономаревъ изслѣдовали китяксія заброшенныя копи (на границѣ мали. и мамад. уѣздовъ), къ которымъ Артемьевъ находилъ возможнымъ пріурочить названіе чудскихъ, но никакихъ слѣдовъ первобытной обработки металловъ въ этой мѣстности не обнаружено [3]). Ямы съ характеромъ копей есть на Бурковой го-

[1]) Вят. Вѣд. 1883, 92. [2]) Вят. Вѣд. 1865, 19. [3]) Отчетъ Каз. Общ. Археол. и пр. 1881—2 г., стр. 20.

Digitized by Google

рѣ въ окрестностяхъ Гидаева, гдѣ предполагается большое чудское поселеніе. Мѣстное преданіе говоритъ, что у чуди вещи были все изъ серебра и золота, но когда пришли русскіе, чудь испугалась всего бѣлаго, сдѣлала ходы въ горахъ, снесла туда все добро и зарылась. По замѣчанію Иванова, преданія о чуди отличаются здѣсь большой опредѣленностью и реальностью. Такъ напр. въ семикъ, когда отцы и матери идутъ на кладбище поминать родителей, гидаевскіе и лонинскіе подростки отправляются на чудскія мѣста съ брагой и пищей, говоря: «вотъ, чудь, мы принесли тебѣ браги и хлѣба, пришли пировать съ тобой», или: «помяни, Господи, чудского дѣдушку и чудскую бабушку!». Г. Ивановъ увѣряетъ, что почти съ именемъ каждаго селенія соединено воспоминаніе о бывшемъ тутъ поселеніи [1]).

Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, на сколько до сихъ поръ извѣстно, преданій о чуди вовсе нѣтъ. Алабинъ, описывая одно яранское городище, съ удивленіемъ отмѣчаетъ, что мѣстное населеніе совсѣмъ не знаетъ объ этомъ народѣ [2]).

Итакъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населенію извѣстно имя чуди, о ней говорятъ или какъ о народѣ очень древнемъ, издавна поселившемся на сѣверѣ губерніи и по истокамъ Камы, или какъ о народѣ сравнительно позднѣйшемъ, жившемъ по среднему теченію Камы до прихода сюда русскихъ, что могло случиться не ранѣе второй половины XVI в.

Указаніе, что зюздинскіе пермяки называютъ себя чудью, имѣетъ большую цѣну въ виду высказаннаго г. Ивановымъ предположенія, что на верховьяхъ Камы до сихъ поръ сохранились остатки стариннаго чудскаго племени, сплотившагося въ XI—XIII вѣкахъ съ болгарами въ одно политическое цѣлое. Г. Ивановъ предполагаетъ, что съ упадкомъ Болгарскаго царства должна была пасть и чудская культура, такъ какъ она не была самостоятельна; чудь должна была подняться по Камѣ на ея верховья [3]). Охотно становимся на сторону этого мнѣнія, хотя и не можемъ поддержать его новыми соображеніями. Дальнѣйшія изслѣдованія разъяснятъ, какую именно народность изъ числа сохранившихся можно считать потомками чуди, но и теперь представляется довольно вѣроятнымъ, что потомками ея придется признать *пермяцко-зырянское* племя, въ Вятской губерніи до сихъ поръ жи-

---

[1]) Ивановъ, 12. [2]) Вят. Вѣд. 1865, 19. [3]) Ивановъ, стр. 13, 26, 32, 34.

Digitized by Google

вущее на верховьяхъ Камы и по Летькѣ. Не имѣютъ ли близкаго отношенія къ чуди и наши *вотяки*, этого въ настоящее время ничѣмъ нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть [1]).

Съ именемъ чуди въ исторіи тѣсно связано имя *болгаръ*. Жизнь того и другого народа была въ такой мѣрѣ одинакова, что культура ихъ по справедливости носитъ общее названіе чудско-болгарской. Вещи несомнѣнно финскаго происхожденія въ обиліи находятся въ болгарскихъ городахъ по Волгѣ, и болгарскія вещи вы всегда встрѣтите на чепецкихъ и камскихъ городищахъ. Если изъ вятскихъ городищъ чудско-болгарской культуры болгарскими считатьтѣ, которыя стоятъ ближе къ Болгарамъ и Биларску, то такимъ мы назовемъ извѣстное елабужское городище. Другихъ болгарскихъ древностей по вятскому побережью Камы мы не знаемъ. Никакихъ преданій о болгарахъ мѣстное населеніе, на сколько извѣстно, не сохранило, только вотяки до сихъ поръ «бигерами», т. е. болгарами, называютъ татаръ.

Вотяки представляютъ собою племя, можно думать, не менѣе старое, чѣмъ чудь. Они заняли вятскій край въ глубокой древности и до сихъ поръ не вышли за его предѣлы. Надо думать, что самое названіе Вятки происходитъ отъ имени одного вотскаго племени.

Нынѣ вотяки живутъ главнымъ образомъ по р. Чепцѣ, а частью въ Сарапульскомъ уѣздѣ и по притоку Кильмези Валѣ, но представляется несомнѣннымъ, что въ старину они занимали иныя мѣстности губерніи. Можно догадываться, что разныя части вотскаго племени испытали различную историческую судьбу. Это слѣдуетъ между прочимъ изъ того, что по языку и образу жизни вотяки въ настоящее время не составляютъ однообразной массы и различіе вотскихъ племенъ на столько велико, что вотяки одной мѣстности понимаютъ съ трудомъ вотяковъ другой. Мѣстные изслѣдователи различаютъ вотяковъ малмыжско-сарапульскихъ, глазовско-сарапульскихъ и елабужскихъ [2]); сами вотяки среди себя называютъ два племени: глазовское *вятка* и малмыж-

---

[1]) Въ Орловскомъ, Слободскомъ, Котельническомъ и даже Нолинскомъ уѣздахъ есть селенія съ названіями, напоминающими о чуди. См. списокъ населен. мѣстъ Вятск. губ. № 4155, 7426, 8974, 11224, 11225, 11279, 11527, 13215, 14550.

[2]) Вят. Вѣд. 1859, 32 и 33.

Digitized by Google

ское *халмэз* [1]). Исторію того и другого вотскаго племени мы постараемся изложить каждаго въ отдѣльности.

Названіе ли племени *вотка* произошло отъ имени р. Вятки, или было наоборотъ, трудно рѣшить, но едва ли можно сомнѣваться, что то и другое названія находятся между собою въ тѣсной связи. Это одно соображеніе, помимо всякихъ другихъ, даетъ намъ право заключить, что глазовскіе вотяки пришли на Чепцу съ р. Вятки и, конечно, изъ ближайшихъ мѣстъ ея, т. е. изъ Хлыновской области. Сохранившіяся преданія вотяковъ подтверждаютъ это предположеніе. Вотяки д. Кулаковой Глазовскаго уѣзда разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся с. Вятка, прежде была вотяцкая деревня съ общественнымъ куалэмъ, т. е. молитвеннымъ шалашомъ. Вытѣснивъ вотяковъ, русскіе принялись разрушать и куалу. Изъ куалы вылетѣлъ голубь; пролетая мимо церкви, онъ, подъ вліяніемъ невидимой силы, присталъ къ ней и оставался такъ до тѣхъ поръ, пока не надонъ. Разрушившіе куалу рѣшили сжечь ее, но когда огонь обхватилъ зданіе, всѣ они ослѣпли. Вотяки предполагаютъ, что на мѣстѣ куалы осталась площадь, такъ какъ строиться тутъ начавъ—неспокойно [2]). Вотяки другой мѣстности разсказываютъ, что они пришли съ западной стороны, изъ за г. Вятки, гдѣ у нихъ было свое царство и свободное внутреннее управленіе. Чѣмъ жили тогда вотяки, не извѣстно, но по преданію сохранилось, что хлѣба они въ ту пору не сѣяли. Когда русскій царь взялъ пограничные съ ихъ царствомъ города, то началъ принуждать вотяковъ креститься и такъ какъ вотяки не согласились на это, царь сказалъ имъ убирайтесь отсюда подальше въ лѣса и живите вмѣстѣ съ лѣсными звѣрями какъ звѣри. Вотяки не хотѣли оставлять своей родины и своего царства, но русскіе вытѣснили ихъ силою на востокъ, гдѣ тогда были непроходимые лѣса. Вмѣстѣ съ вотяками были вытѣснены и живущіе по сосѣдству съ ними черемисы [3]).

Составитель Повѣсти о градѣ Витѣ, писавшій въ концѣ XVII в., внесъ въ свой трудъ со словъ народнаго преданія указаніе, что въ хлыновской области жили издревле вотяки, которыхъ русскіе пришельцы и должны были отсюда изгнать [4]). Де-

[1]) *Гаврилов*, произведенія нар. словесн. вотяковъ, Каз. 1880, стр. 148. Это указаніе подтвердилось моими разспросами. Названіе племени халмезовъ знаетъ и Потанинъ. [2]) Гаврилов, стр. 152. [3]) Гаврилов, 144.
[4]) Нынѣ мѣстное населеніе совершенно не помнитъ о вотякахъ.

Digitized by Google

ревни съ названіемъ «вотская» можно найти и около Вятки, и около Котельнича. Въ 1615 г. въ Березовскомъ стану около Хлынова упоминается Богоявленская вотская пустошь [1]). Въ той же мѣстности есть двѣ рѣчки съ названіемъ «вотская»: одна впадаетъ въ Молому съ восточной стороны, другая въ Вятку пониже с. Вишкиля.

Точныхъ свѣдѣній о столкновеніяхъ русскихъ пришельцевъ съ вотяками мѣстное населеніе уже не сохранило. Предполагаютъ, что одно изъ побоищъ было у часовни, стоящей въ 7 в. отъ Слободскаго (по направленію къ Каю); вотяки не принимаютъ участія въ панихидѣ, которая служится здѣсь въ Дмитріевскую субботу [2]). Были какія-то побоища въ нолинскомъ уѣздѣ [3]), построеніе часовни у Воскресенской Гари преданіе приписываетъ также одному изъ столкновеній клыновцевъ съ вотяками [4]). Въ дер. Тунгусовской около с. Окатьевскаго Котельн. уѣзда есть старинное поселеніе, которое мѣстными жителями называется «карловщиной» [5]); въ этомъ прозваніи довольно ясно звучитъ вотское слово *каръ*. Всего болѣе преданій о столкновеніяхъ у русскихъ съ вотяками въ хлыновской области сохранилъ составитель Повѣсти о градѣ Вяткѣ. Онъ разсказываетъ, что вотяки не дали русскимъ построить церкви въ с. Волковѣ и у устья Просницы, такъ что пришлось церкви эти перенести въ Хлыновъ, говоритъ, что много битвъ было между пришельцами и вотяками, кончавшихся всегда пораженіемъ послѣднихъ. По указанію того же источника, въ память этихъ битвъ установленъ былъ крестный ходъ изъ Волкова въ Хлыновъ, причемъ вмѣстѣ съ иконами носимы были и вотскія стрѣлы. Извѣстно, что стрѣлы эти дѣйствительно составляли своеобразную принадлежность волковскаго крестнаго хода, пока не были въ 1824 г. отобраны по распоряженію гражданскаго начальства [6]). Это обстоятельство позволяетъ предположить, что указанія Повѣсти здѣсь заслуживаютъ довѣрія, хотя въ подробностяхъ ея разсказа и заключаются большія неточности.

---

[1]) *Спицынъ*, земля и люди на Вяткѣ въ XVII ст., стр. 21. Писцовая книга 1629 г. упоминаетъ въ вятскомъ уѣздѣ довольно много деревень съ названіемъ «вотская» или съ такими, которыя прямо звучатъ по вотски, напр. «Чеберовская». [2]) *Куроптевъ*, описан. слободск. уѣзда, 7. [3]) Памятн. книж. Вятск. губ. 1870, 188. [4]) *Микитниковъ*, опис. Воскр. соб., 2. [5]) Вят. Вѣд. 1883, 57. [6]) Памятн. книж. Вят. губ. 1870, 57.

Digitized by Google

Какія именно мѣста хлыновской области занимали въ старину вотяки? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ частью нѣкоторыя письменныя указанія, главнымъ же образомъ археологія. По среднему теченію р. Вятки, между Котельничемъ и устьемъ Чепцы, и по Чепцѣ до впаденія въ нее Косы тянется рядъ городищъ [1]), принадлежащихъ, какъ оказалось по раскопкамъ, одному и тому же народу, притомъ не изъ древнихъ и не чуди. Кто могъ оставить ихъ, какъ не вотяки? Если это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что сѣверное вотское племя жило отъ устья Моломы до Чепцы и вверхъ по Чепцѣ до Косы, т. е. до границы чудскихъ поселеній. Жили ли вотяки также за Моломой, по неимѣнію достаточныхъ данныхъ, трудно сказать. Можно лишь предположить, что если они и жили здѣсь, то въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ названія рѣкъ и деревень въ этой мѣстности вообще русскія и притомъ очевидно не особенно давняго происхожденія. Городищъ по Моломѣ нѣтъ. Въ XVI в. вотяки занимали выше г. Слободскаго Сырьянскую волость [2]) и назывались луговыми людьми, откуда заключаемъ, что жили они преимущественно на лѣвой сторонѣ рѣки, ближе къ Холуницѣ. Далѣе по Вяткѣ вотяки вѣроятно не жили, такъ какъ г. Шестаковъ въ томъ же XVI в. ставился въ лѣсу, на мѣстахъ никѣмъ не занятыхъ [3]). Разспросы мѣстныхъ жителей и филологическія соображенія показали намъ, что вотяки въ старину, впрочемъ можетъ быть не очень отдаленную, заселяли и р. Холуницу, но всего вѣроятнѣе предполагать, что и въ Сырьянскую волость, и на Холуницу вотяки пришли изъ другихъ мѣстностей, что не здѣсь исконное мѣсто ихъ поселеній: городищъ здѣсь нѣтъ, татарскія имена сырьянскихъ вотяковъ показываютъ, что они поднялись выше Слободскаго уже послѣ того, какъ лишились политической самостоятельности.

Если обитателями хлыновскихъ городищъ были дѣйствительно вотяки, то можно сказать, что это былъ жалкій, некультурный народъ, даже не имѣвшій сношеній съ другими народами и очень бѣдный. Занимались они болѣе всего, вѣроятно, земледѣліемъ, такъ какъ предметовъ охотничьяго быта на городищахъ не найдено. Самые городки ихъ такъ малы, что не мог-

[1]) Скорняковское, истобенское, вершининское, подрельское, два вятскихъ, никулицкое, подчуршинское и кріоборское. [2]) Древніе акты Вятск. края, 17 и 30. [3]) Тамъ же, 30.

Digitized by Google

ли служить оборонительными пунктами и вѣроятно имѣли значеніе административно-религіозное.

Можно думать, что Вятка стала заселяться русскими съ конца XIV в.; къ этому времени нужно отнести и постепенное вытѣсненіе вотяковъ изъ хлыновской области. Массоваго движенія русскихъ на Вятку мы не знаемъ и вѣроятнѣе всего, что она впервые начала заселяться небольшими партіями двинскихъ ушкуйниковъ. Если въ старину вотяки были столь же не воинственны, какъ и теперь, то колонизація края даже незначительнымъ количествомъ предпріимчивыхъ смѣльчаковъ не представляетъ ничего невозможнаго; а если въ старину вотяки были столь же добродушны, какъ и теперь, то они могли даже поощрять русскихъ людей къ поселенію на ихъ земляхъ, когда тѣмъ не было цѣли вредить имъ. Никто изъ инородцевъ не оказалъ русскимъ такого слабаго сопротивленія, какъ вотяки, и никто въ такой мѣрѣ не внушаетъ историку чувства сожалѣнія, какъ этотъ странный народъ.

Когда гости стали поработителями, вотяки, народъ подвижный и мало дорожащій землею, стали семьями и родами переселяться изъ подъ Хлынова въ другія мѣстности края. Верховья Моломы не представляли для нихъ особенныхъ удобствъ (къ тому же идти туда значило идти на встрѣчу русской колонизаціи), югъ области былъ занятъ, и вотъ вотяки избираютъ мѣстомъ своего поселенія Чепцу, ея нижнее, а особенно верхнее теченіе. Чепца представляла уже культивированную и брошенную землю, можетъ быть давно извѣстную вотякамъ по своимъ угодьямъ. На верховья Вятки вотяки не пошли, конечно, потому, что они покрыты были непроходимыми лѣсами и для полуземледѣльческаго, полуохотническаго быта не могли казаться удобными. — «Вятцкая» земля упоминается въ лѣтописяхъ въ 1469 г., но въ актахъ и другихъ источникахъ вотяки впервые упоминаются со средины XVI в. Курбскій упоминаетъ среди подчиненныхъ Казани инородцевъ «языкъ войтецкій або арскій». [1]).

Другое вотское племя жило ниже по теченію р. Вятки, по Пижмѣ и въ нынѣшнихъ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, за тѣмъ огромнымъ волокомъ, который тянулся тогда между Котельничемъ и Яранскомъ.

---

[1]) Сказанія I, 38

Digitized by Google

Что вотяки жили въ этой мѣстности до прихода сюда черемисъ, показываютъ прежде всего географическія названія ея населенныхъ пунктовъ и рѣкъ, между которыми много названій чисто вотскихъ: Шуваръ, Лай, Соза, Тукмы, Ицмарушъ, Ширъ, Нарды, Мушъ, Шалъ, Ошца, Дыпъ вотскій и пр. Дер. Одо-сола (Уржум. уѣзда) по черемисски значитъ — босые вотяки. Жители Кузнецовскаго прихода хорошо знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена вотяки, вытѣсненные отсюда черемисами. У вотяковъ здѣсь былъ городъ, гдѣ жилъ царь Ядыгаръ, ушедшій потомъ на другое мѣсто [1]). Вся мѣстность около городища царя Ядыгара называется «вотское». Около с. Ернуръ есть городище, которое черемиса называютъ «одо-лемъ», т. е. вотское жилье, и разсказываютъ, что здѣсь защищались вотяки, пока не были принуждены оставить городокъ и уйти далѣе [2]); недалеко отъ ернурскаго я нашелъ и другой одо-лемъ. Разспросы яранскихъ крестьянъ показали мнѣ, что и у русскаго населенія сохранилась память о томъ, что нѣкогда вотяки занимали ярансій уѣздъ. Но видно, что вотяки уже давно оставили эту мѣстность: черемисы забыли, кто это народъ котораго они отсюда изгнали, и котораго они называютъ *одо*. Видно также, что яранскіе вотяки оказались воинственнѣе хлыновскихъ: здѣсь вотяки уступаютъ свою землю только послѣ борьбы, шагъ за шагомъ. Еще долгое время послѣ заселенія мѣстности черемисами вотяки жили въ ней кой-гдѣ островками, какъ теперь, вкрапленные межъ русскими и татарами, живутъ они въ Казанской губерніи. Городища, приписываемыя вотякамъ въ яранскомъ и уржумскомъ уѣздахъ, столь же безсодержательны, какъ и средне-вятскія. Какое отношеніе яранскіе вотяки имѣли къ гнѣздившейся на Пижмѣ чудско-болгарской культурѣ, этого мы не можемъ сказать.

Въ XV в. русскія лѣтописи знаютъ на нижнемъ теченіи Вятки уже сплошное черемисское населеніе. Очевидно, вотяки были вытѣснены отсюда черемисами ранѣе этого времени, приблизительно тогда же, когда появились первыя поселенія русскихъ около Хлынова, нѣсколько ранѣе, или нѣсколько позднѣе.

Тѣсимые черемисами, вотяки съ праваго берега Вятки перешли на лѣвый, на берега р. Кильмези и ея притока Валы,

---

[1]) Вятск. Вѣдом. 1880, 44. [2]) *Спицынъ*, новыя свѣдѣнія по доист. археол., 34.

Digitized by Google

которая до того времени никѣмъ не была занята и покрыта была дремучими лѣсами. О движеніи своемъ на Валу вотяки сохранили разнаго рода преданія. Крестьяне дер. Бии Малмыж. уѣзда разсказывали о. Гаврилову, что вотяки почему-то пришли на Валу вмѣстѣ съ черемисами. Предводителемъ вотяковъ былъ батыръ Тутой. Ему очень понравилось одно глухое, лѣсистое мѣсто по Валѣ, гдѣ онъ и рѣшился поселить свой народъ, но явились туда же черемисы съ своимъ предводителемъ, и между обоими народами начался споръ. Тутой предложилъ покончить дѣло такого рода оригинальнымъ состязаніемъ съ черемисскимъ вождемъ: кто ногой переброситъ кочку съ одного берега рѣки на другой, тому и остаться. Хотя противникъ Тутоя заранѣе подрѣзалъ свою кочку, но Тутой всетаки взялъ верхъ надъ нимъ, перебросивъ кочку саженъ на 30 далѣе. Черемисы должны были уйти [1]).

Поселившись по обѣимъ сторонамъ Валы, вотяки жили тутъ какъ дикіе звѣри. Нѣкоторые подъ предводительствомъ Тутоя и бывшихъ послѣ него атамановъ дѣлали набѣги на русскихъ и татаръ, другіе занимались звѣроловствомъ. Если въ ихъ лѣса проникали русскіе, то они оставляли свои шалаши и переходили дальше, не удаляясь впрочемъ отъ Валы. При Тутоѣ и нѣсколькихъ его преемникахъ вотяки жили въ шалашахъ (куалахъ, которыя и нынѣ строятся вотяками для лѣтняго помѣщенія), а избъ нестроили, чтобы въ случаѣ бѣгства терять какъ можно менѣе. Чрезъ нѣкоторое время русскіе оставили вотяковъ въ покоѣ, и тѣ принялись строить избы, образовались даже небольшія деревни. Но вотъ русскій царь опять послалъ на вотяковъ войско; они уже не могли теперь убѣгать такъ скоро, какъ прежде, и были покорены. Наложена была на вотяковъ подать, сперва съ окошка, но когда вотяки стали вмѣсто окошекъ оставлять небольшія отверстія, стали брать подать съ трубъ. Тогда вотяки начали строить избы по черному, безъ трубъ; послѣ того сдѣлали ревизію и назначили подать съ души. Вотяки по простотѣ платили подати каждому русскому, пріѣхавшему къ нимъ въ сапогахъ. Вотяки были уже покорены русскими, когда средиихъ образовалась вольная шайка подъ предводительствомъ батыра Интамыра, котораго успѣли лишь съ большимъ трудомъ поймать въ Казани [2]).

Упоминаніе въ этомъ преданіи, что вмѣстѣ съ вотяками

[1]) Гавриловъ, 145. [2]) Тамъ же.

Digitized by Google

пришли на Валу черемиса, есть одна изъ главнѣйшихъ его неточностей. Свѣдѣнія, собранныя земскимъ статистическимъ бюро, показали, что старинными населеніемъ по лѣвобережной части Малыж. уѣзда были вотяки, а черемиса приходили сюда лишь случайно. Вотяки Сюсинской вол. вспоминаютъ, что у нихъ были свои князья и укрѣпленный городъ, (который они указываютъ въ урочищѣ Слартѣ), и что жили вотяки прежде не деревнями, а одворицами: гдѣ кто расчистилъ пулиту, тотъ тамъ и жилъ [1]). Относительно вотскихъ городовъ по Кильмези и Валѣ слѣдуетъ сказать, что существованіе ихъ здѣсь сомнительно; сюсинскій вотскій городокъ я не могъ найти, несмотря на всѣ старанія, а другихъ до сихъ поръ неизвѣстно. Очевидно, вотяки переселились на Валу уже въ тотъ періодъ своей исторической жизни, когда городища перестали имѣть значеніе.

Съ Кильмези вотяки пробовали пробраться далѣе на сѣверъ, съ Валы на югъ. О движеніяхъ этихъ также сохранились нѣкоторыя преданія.

Калмезы, т. е. вотяки, пришедшіе съ Кильмези, поселились близъ нынѣшняго с. Верх-парзинскаго. Занимались они пчеловодствомъ, а также плетеніемъ лаптей. Лапти ихъ были длиною въ аршина, а изъ лодочига можно бы сдѣлать сопникъ. Жили они разсыпавшись по разнымъ мѣстностямъ. Два калмеза жили около Новопарзинскаго починка. Было у нихъ нѣсколько тысячъ ульевъ пчелъ; собираемый медъ они возили на саняхъ, имѣвшихъ видъ лыжъ сажени полторы длиною, на которыхъ сверху былъ прикрѣпленъ ящикъ: такъ они могли унести по 15 и болѣе пудовъ за разъ. Долго и покойно жили оба калмеза, пока не пришли къ нимъ *со стороны* г. *Вятки* вотяки племени ватка и не стали оспаривать у нихъ землю. Калмезы согласились жить вмѣстѣ, но пришельцы не хотѣли и даже одинъ изъ калмезовъ былъ ими убитъ. Другой калмезъ спасся отъ гибели и похоронилъ своего товарища, послѣ чего вмѣстѣ съ прочими калмезами ушелъ за рѣку Изъ, откуда они и пришли, а ватка остались [2]).

Калмезами же вотяки Елабужскаго уѣзда зовутъ вотяковъ Малыжскаго и тѣхъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Можги. Ела-

---

[1]) Приложеніе къ матеріаламъ по статистикѣ Вятск. губ. т. I, стр. 18, 33, 44 и т. д. [2]) Гавриловъ, 149.

Digitized by Google

бужскіе вотяки разсказываютъ, что богатырь Шудая воевалъ съ богатыремъ Калмазомъ. Калмазъ вышелъ въ нему на встрѣчу съ своими родичами. Шудзя вырвалъ двѣ березы, свилъ ихъ жгутомъ и бросилъ на дорогу, по которой долженъ былъ идти Калмазъ. Увидѣвъ свитокъ, Калмазъ сказалъ своимъ: «нѣтъ, намъ не бороться съ этимъ богатыремъ», и повернулъ назадъ [1].

Вѣроятно, кильмезскіе вотяки тѣ самые, о которыхъ говоритъ Курбскій, перечисляя народы, входящіе въ составъ казанскаго царства. Въ оффиціальныхъ актахъ XVII в. они называются казанскими ясачными вотяками. Житница для ясачнаго вотскаго хлѣба была поставлена въ с. Поляншахъ [2].

Удалившись изъ Хлыновской области на Чепцу, вотяки попали изъ огня да въ полымя. Чепца настари принадлежала сперва чудско-болгарскому царству, а потомъ основавшемуся на его развалинахъ казанскому. Татарскіе мурзы обратили вниманіе на пришельцевъ и подчинили ихъ той аристократической администраціи, которая установилась въ казанскихъ областяхъ со времени покоренія страны татарами. Помѣстье арскихъ, т. е. вотскихъ, князей, образовалось бокъ о бокъ съ Хлыновымъ, на устьѣ Чепцы, гдѣ и до сихъ поръ живутъ ихъ многочисленные потомки. Арскіе князья принимали какое-то участіе въ безпоридкахъ на Вяткѣ, бывшихъ во второй половинѣ XV в. и кончившихся совершеннымъ разгромомъ ея царскими войсками. При разводѣ земли выведены были изъ нея и арскіе князья, но не надолго: въ Москвѣ сообразили, что чрезъ этихъ князей можно держать вотяковъ въ подчиненіи русской власти, и отпустили ихъ на Вятку, оставивъ имъ прежнія помѣстья. Съ этой поры арскіе князья теряютъ всякое отношеніе къ Казани и входятъ въ составъ Хлыновской области. Въ 1504 г. царь Иванъ Васильевичъ передаетъ своему сыну по завѣщанію Вятку съ городами и волостями «и со всѣмъ, что къ ней потянло и потчасъ дополнятъ: и съ арскими князьми, какъ было при мнѣ» [3]. Отсюда, намъ кажется, можно заключить, что арская земля была недалеко отъ Хлынова, и слѣдовательно, верховья Чепцы, гдѣ мы видимъ сильное вотское населеніе, арскимъ князьямъ не принадлежало. Средняя Чепца не была въ XV в. ничѣмъ занята, судя по тому,

[1]) Помянникъ въ Изв. Каз. Арх. Общ. т. III, 124. [2]) Древніе акты, 108. [3]) Тамъ же, 17.

Digitized by Google

что находокъ археологическихъ мы отсюда не знаемъ, а знаемъ положительно, что поселившіеся здѣсь въ XVII в. русскіе нашли эту мѣстность никѣмъ не занятою и поросшею лѣсомъ. Вѣроятно, удалившіеся изъ-подъ Хлынова вотяки старались избѣгать арскихъ князей, гдѣ видѣли единоплеменниковъ своихъ порабощенными, а селились выше по Чепцѣ, на мѣстахъ свободныхъ и уже давно расчищенныхъ и культивированныхъ. Изъ актовъ мы узнаемъ, что въ XVI в. въ Каринѣ, помѣстьѣ арскихъ князей, жили *бѣляки*, т. е. рядовые татары, *отяки* и *чуваши*. Князьямъ было дано право суда и сбора пошлинъ съ этихъ народностей [1]), взамѣнъ чего сами они должны были служить въ войскѣ московскаго государя. Такъ владѣли своею землею арскіе князья до 1588 г., когда каринскіе и верхочепецкіе вотяки были отведены отъ татарскихъ мурзъ и хлыновскихъ черныхъ сохъ, и взамѣнъ всѣхъ податей наложенъ на нихъ оброкъ, а судъ на нихъ данъ въ Москвѣ. По дозорной книгѣ 1615 г. въ Каринѣ вотяки жили въ слѣдующихъ селеніяхъ: Вольтой и Нижній погостъ, Шамардановъ, Онзевъ, Гажѣновъ, Омсинъ, Посхинцы, Новой, Другинцовъ, Круглой, Осиновъ, Буринъ, Мочагинъ, Кайсинъ, на верховьяхъ Чепцы въ слѣдующихъ: Валезино, Поломъ, Порга, Ворчи, Солдаръ, Красная Слуда, Вотская, Лызинской, Кушманъ, Жабина, Богатырская, Адамова, Заболотная, Подборной, поч. въ наволокѣ на Чепцѣ, дер. на р. Лозѣ. Вмѣстѣ съ вотяками въ Каринѣ и вверхъ Чепцы жили бесермяне, которые дозорною книгою называются чаще чувашами. Въ грамотѣ 1650 г. на Чепцѣ упоминаются *татары*, *бесермяне* и *отяки*: имени чуваша уже не встрѣчается [2]). Данныя о числѣ населенія, жившаго въ Каринской волости мы имѣемъ ноня за 1678 г. Здѣсь татарскихъ, отяцкихъ и бесермянскихъ дворовъ было 11760, людей въ нихъ 50638. Почти тѣмъ же числомъ выражается цифра дворовъ остальнаго населенія на Вяткѣ — 13134 дв. [3]). Дозорная книга 1615 г. даетъ числа, сильно отличающіяся отъ указанныхъ. Всего въ Каринѣ она считаетъ 19 погостовъ, 14½ дер., 1 пог., 1 займ., 10 дворовъ княжихъ (въ нихъ 12 чел.) и татарскихъ (4 чел.), 302 дв. чувашъ и отяковъ (359 чел.), 12 дв. половничьихъ, 2 дв. бобылей и 15 дв. пустыхъ. Вѣроятно, къ каринской волости въ 1615 г. тянуло менѣе земель, чѣмъ въ 1678 г. [4]). Впрочемъ

[1]) Древніе акты, 22. [2]) Тамъ же, 225. [3]) Тамъ же, 221 и 222. [4]) О каринскихъ татарахъ см. Вят. Календ. за 1883 и 1887 гг.

Digitized by Google

можно думать, что въ началѣ XVI в. населеній на верховьяхъ Чепцы было значительнѣе менѣе, нѣмъ сто лѣтъ спустя: мы знаемъ здѣсь въ XVI в. *оброчныя статьи* каринскихъ татаръ и хлыновцевъ, притомъ такія, которыя при значительномъ населеніи не мыслимы бобровые гоны [1]).

Мы видѣли, что на Чепцу пытались проникнуть и малмыжскіе вотяки, изъ племени калмезъ, но неудачно. Вотяки Святицкаго прихода разсказываютъ, что они пришли преимущественно изъ дер. Брюшинской, Тымпадьской и др. верхо-чепецкой, нижнепарзинской доли, куда предки ихъ пришли отъ Вятки, тѣсниные здѣсь русскими. Вотяки двинулись вверхъ по Чепцѣ на судахъ и плотахъ. Часть ихъ, доплывъ до Косы, пошла по ней вверхъ, а другая отправилась далѣе, заводя свои селенія по берегамъ впадающихъ въ Чепцу рѣчекъ. Косинскіе вотяки отъ святицкихъ отличаются и нарѣчіемъ, и одеждою [2]).

Въ рукахъ нашихъ есть хорошее средство для наслѣдованія путей, которыми шло населеніе края вотяками — ихъ тамги и воршудныя родовыя прозвища. «Разлагая настоящія, сложныя тамги на болѣе простыя, можно узнать вотчины настоящихъ семействъ; напр. между ближайшими къ Глазову вотяками можно найти по тамгамъ переселенцевъ изъ деревень вотскихъ близъ Слободскаго. Если бы извѣстно было, у какихъ именно племенъ существуютъ подобныя тамги и какъ они развивались, то можетъ быть можно было бы, сличая ихъ, отыскать первоначальныя поселенія и пути передвиженій вотяковъ вятскихъ» [3]). Еще болѣе надежды можно возложить на изученіе родовыхъ воршудныхъ прозвищъ, которыя каждое племя несетъ съ собою куда бы ни пошло; за каждою женщиною остается навсегда прозвище ея воршуда, хотя бы она и вышла замужъ въ другой родъ. Жители д. Тахтаровской Карсовайскаго прихода принадлежатъ къ тремъ родамъ: Имьель (Петровы), Чудзя (Тухтаровы), Дзяпся (Адаевы); они знаютъ, что роды ихъ живутъ за Ижевскимъ заводомъ и у с. Еловскаго. При введеніи христіанства нѣкоторые вотяки этой деревни ушли въ Оренбургскій уѣздъ, гдѣ и остаются язычниками. Вдолгѣ спустя въ ихъ деревнѣ случайно остановились извозчики—вотяки, ихъ отдаленные родственники, тахтаровцы;

[1]) Древніе акты, 23 и 24. [2]) Вят. Вѣд., 1851, 42. [3]) Блиновъ въ Вят. Вѣд. 1865, 63.

Digitized by Google

послѣ недолгихъ разспросовъ и сличенія воршудовъ, родственники признали другъ друга [1]). Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о тамгахъ и воршудахъ пока не велики [2]). Именами воршудовъ названы многія деревни, особенно почему-то въ Малмыжскомъ уѣз.

Есть основанія (идущія изъ соображеній археологическаго характера) предполагать, что Чепца находилась подъ ближайшимъ вліяніемъ болгаръ, и слѣдовательно на ней отражались всѣ важныя событія болгарскаго царства. Не разъ она подвергалась набѣгамъ и была разоряема. Можетъ быть окончательное разореніе относится къ 1391 г., когда на Вятку былъ посланъ Тохтамышемъ царевичъ Бектутъ, страшно ее опустошившій. Такъ какъ самъ Тохтамышъ тоже самое дѣлалъ въ центрѣ болгарской земли и походъ этого рода имъ былъ направленъ спеціально на болгаръ, то весьма вѣроятно, что Бектутъ отправился собственно не на русскія поселенія по Вяткѣ, которыя къ тому же были незначительны, а на вятскую часть болгарскаго царства, напр. на чепецкую область. Послѣ того чудь ушла на верховья Камы и вообще Чепца запустѣла. На ней осталась только нѣкоторая часть прежняго населенія, которая легко примирилась съ неизбѣжностью заселенія мѣстности пришельцами.

Съ верховьевъ Чепцы вотяки постепенно двинулись къ Камѣ, въ Сарапульскій уѣздъ, а оттуда переходили и на лѣвый берегъ Камы [3]). Въ тоже время кильмезскіе вотяки шли къ Камѣ съ другой стороны, по рѣчкамъ, впадающимъ въ Каму справа тянущимся съ границъ Малмыжскаго уѣзда. У елабужскихъ вотяковъ сохранилось только слѣдующее неточное преданіе о своихъ предкахъ. Жили они въ Бирскомъ уѣздѣ и притомъ какъ степной народъ (кыр-халыкъ). Домовъ съ печами тогда не имѣли. Чтобы согрѣться зимой, садились кружкомъ всей семьей около огнища и были настолько глупы, что не догадывались отодвинуться отъ огня, когда онъ сильно разгорался; если же отъ жару становилось не въ мочь, обмазывались глиной и продолжали сидѣть въ прежнемъ положеніи. Конечно, разсказъ о происхож-

[1]) Блиновъ, тамъ же. [2]) Лучшія свѣдѣнія о нихъ сообщаетъ П. Г. Первухинъ въ брошюрѣ: «Древняя религія вотяковъ». Къ числу 50 переселенныхъ имъ воршудовъ слѣдуетъ прибавить еще *Ильсю*.

[3]) Г. Верещагинъ сообщаетъ о движеніи вотяковъ въ Сарапульскій уѣздъ изъ за Камы (Вотяки сосновск. края, 103, 16). Это уже обратное переселеніе.

Digitized by Google

дѣній вотяковъ изъ-за Камы не заслуживаетъ довѣрія, но въ самомъ преданіи есть черты стариннаго быта, которыя приходится брать въ соображеніе [1]). Болѣе сохранилось разсказовъ о началѣ того или другаго селенія въ отдѣльности. Дер. Шудзя названа по имени богатыря, о борьбѣ котораго съ Калмэзомъ мы уже упоминали. Въ дер. Бусурманъ-Можгѣ прежде жилъ нѣкто по имени Морданъ. У него было три сына: Можга, Кинегылъ и Сиби. Когда племя ихъ разрослось, всѣмъ стало тѣсно. Морданъ сказалъ, что съ младшимъ сыномъ Можгой онъ останется на мѣстѣ, а два другіе брата должны выселиться. Кинегылъ и Сиби нашли мѣсто на Валѣ, но такъ какъ двумъ здѣсь нельзя было поселиться, то рѣшились кончить споръ тѣмъ же состязаніемъ, о какомъ мы знаемъ изъ исторіи поселенія на Валѣ Тутоя. Кинегилъ перехитрилъ Сиби, и тотъ долженъ былъ уйти на другое мѣсто, хотя и былъ сильнѣе. Морданъ за что-то осердился на Можгу и назвалъ его бусурманомъ (такъ называлось сосѣднее племя, которое причиняло много вреда вотякамъ). Отсюда идетъ названіе деревень: Бусурманъ-Можга, Сиби, Кинегилъ. Записано также преданіе о происхожденіи с. Пьяный-Воръ, принадлежащее впрочемъ не однимъ вотякамъ [2]).

Вообще же исторія заселенія Камы весьма не ясна. Какихъ народностей по ней не перебывало! Нынѣшнее населеніе Камы едва ли можетъ начинать свою исторію далѣе 250 лѣтъ. Здѣсь нѣтъ болѣе или менѣе значительнаго клочка земли, который былъ бы занятъ какою-нибудь одною народностью, нѣтъ народа, который имѣлъ бы право считать занятую имъ землю своею исконною. Разсѣянныя по Камѣ въ большомъ количествѣ городища и всѣ археологическія находки не имѣютъ своеобразнаго, опредѣленнаго типа. Очевидно, одно, что въ старину здѣсь кипѣла сильная, бодрая жизнь. Основываясь на археологическихъ данныхъ, можемъ сказать, что здѣсь не было ни вотяковъ, ни черемисъ и даже чуди.

Вотяки, сознавая безсиліе отдѣльной личности, и въ настоящее время отличаются замѣчательнымъ единодушіемъ. Въ силу этой характерной особенности они держатся другъ друга и при переселеніяхъ,—гдѣ появляется одинъ вотякъ, тамъ скоро ихъ

[1]) Преданіе это сообщаетъ Потанинъ въ указанной статьѣ, стр. 101.
[2]) Потанинъ, стр. 194.

Digitized by Google

появится нѣсколько. Селились вотяки по губерніи родами и племенами, и всегда старались заселить избранную мѣстность сплошь своимъ народомъ. Историческій типъ черемисъ совершенно другой; черемиса тысячами дробилась, разсѣялась по невѣдомымъ краямъ, такъ что за историческою судьбою ихъ очень трудно слѣдить. Они находятся въ самыхъ неожиданныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Историческій центръ черемисъ—западная часть той мѣстности, гдѣ Кама сливается съ Волгой, въ Вятской губерніи—уѣзды Яранскій и Уржумскій. Но вотъ на истокахъ Кильмези открывается любопытно «чор-бырдонъ», т. е. черемисинъ заплакалъ,—здѣсь его побили вотяки; вотяки въ бассейнѣ р. Пен-цы указываютъ не одинъ «чор-карь», т. е. черемисскій городъ, хотя ни письменные источники, ни преданіе не даютъ намека на то, чтобы здѣсь когда-нибудь жило это племя; кайгородцы на просьбу послать помощь противъ яранскихъ черемисъ въ 1609 г. пишутъ, что они черемису знаютъ, такъ какъ она въ прежніе годы бывала у нихъ войною [1]; почти въ тоже время луговая черемиса нападаетъ на отдаленное с. Верховское, расположенное на Великой рѣкѣ [2]. При первомъ взглядѣ на этнографическую карту губерніи бросается въ глаза разбросанность этого племени и по настоящее время. Этою разбросанностью лучше всего объясняется то разнообразіе въ обычаяхъ, языкѣ и одеждѣ, какое замѣчается въ черемисахъ разныхъ мѣстностей: однихъ нарѣчій черемисскаго языка считается шесть.

Черемисы въ исторіи являются народомъ несравненно болѣе предпріимчивымъ и воинственнымъ, чѣмъ вотяки. Они играютъ значительную роль при оборонѣ казанскаго царства отъ Москвы и волнуются даже долго послѣ того, какъ Казань была окончательно покорена; они же производятъ большой безпорядокъ на сѣверо-востокѣ въ смутное время и они же не разъ устраиваютъ возстанія въ XVII в. Борьба съ черемисами была одной изъ серьезнѣйшихъ задачъ московской политики на сѣверо-востокѣ. При покореніи Казани въ странѣ черемисъ для наблюденія за ними построено было нѣсколько городовъ, между прочимъ Яранскъ, Царевосанчурскъ, Уржумъ, Малмыжъ. Въ продолженіе почти всего XVII в. въ эти города были назначаемы особые воеводы съ военною силою, тогда какъ въ другихъ вятскихъ горо-

1) Древніе акты, 62. 2) Тамъ же, 113. Вят. Вѣд. [illegible]

Digitized by Google

дахъ въ тоже время не было ни одного стрѣльца и вообще городовъ было подчинено одному воеводѣ.

Конечно, черемисы были болѣе культурными народомъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Вотъ какъ Курбскій описываетъ черемисскую землю: «земля тая вельми великая и зѣло преизобильная и гобзующія во всякихъ плодѣхъ; тако же и дворы *княжатъ* ихъ и *вельможей* зѣло превраснѣ и воистинну удивленія достойны, и села часты. Хлѣбовъ же всякихъ такое тамъ множество, воистинну вѣрь по повѣданію неподобно: аки бы на подобіе звѣздъ небесныхъ; тако же и скотовъ различныхъ стада безчисленныя множества, и користей драгоцѣнныхъ, наипаче отъ различныхъ звѣрей, въ той землѣ бывающихъ: бо тамо родятся куны дорогія, и бѣлки, и прочіе звѣри, на одеждамъ и на ядѣнію потребные; а мало затѣмъ далѣй соболей множество, такожде и медовъ: не вѣмъ, гдѣ бы подъ солнцемъ больше было»[1]. Это говоритъ очевидецъ, сдѣлавшій не одинъ походъ въ землю черемисъ; простимъ ему нѣкоторую риторичность описанія, такъ какъ оно и при нѣкоторой искусственности тона само говоритъ за себя.

На Вятку черемиса пришли не съ сѣвера, уже давно занятаго русскими, и не съ запада, а съ юга, по преданіямъ съ Волги, по историческимъ же соображеніямъ черезъ Галицкую дорогу, проходившую на Казань почти вдоль Волги. Часть этой дороги идетъ и по Вятской губерніи. Черемисы двинулись въ землю, уже занятую вотяками, вступили съ ними во враждебныя отношенія и не смотря на сопротивленіе оттѣснили далѣе къ р. Вяткѣ, а послѣ и на другой берегъ ея. Посланное въ 1462 г. на черемису войско собирается на Устюгѣ, идетъ въ Хлыновъ и затѣмъ спускается по Вяткѣ, конечно, потому, что черемисы образовали здѣсь сплошное населеніе[2]. По преданію, занесенному въ Повѣсть о градѣ Вяткѣ, главнымъ городомъ черемисъ былъ Котельничъ, но это совершенно невѣроятно; вѣроятнѣе думать, что Котельничъ былъ выстроенъ русскими поселенцами на рубежѣ хлыновской и черемисской земли, для защиты отъ воинственныхъ и недружелюбныхъ сосѣдей. Столкновенія съ черемисами, о которыхъ сохранились преданія, конечно, были, но всего вѣроятнѣе, что нападенія свои на хлыновскую область че-

[1]) Сказанія Курбскаго I, 30. [2]) Сводная лѣтопись въ Вятск. Календ. на 1884 г., стр. 20.

Digitized by Google

Digitized by Google

отъ прежнихъ своихъ религіозныхъ обычаевъ и даже самое слово «мусульманинъ» не старались или не умѣли произнести точно, а произносили его «бесерменинъ». Слѣдовательно «бесерменинъ» значитъ тоже, что «плохой мусульманинъ». Бесермяне считаютъ себя либо вотяками, либо татарами. Всѣ бесермяне были когда-то силою крещены, и послѣ къ ихъ числу стали причислять всѣхъ тѣхъ инородцевъ, которые, избѣгая тюрьмы или другого наказанія, изъявляли готовность креститься. Такимъ образомъ бесермяне не составляютъ одной народности, это — сословіе крещенныхъ язычниковъ и магометанъ. Но изученіе языка и быта бесермянъ показываетъ, что они въ основѣ должны имѣть какую-нибудь своеобразную народность, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ они не походятъ ни на вотяковъ, ни на татаръ. Не удивительно, если они окажутся чувашами, съ которыми ихъ акты XVI и XVII вв. явно смѣшиваютъ. Какъ чуваши могли проникнуть на Чепцу, что составляетъ одну изъ весьма любопытныхъ историческихъ загадокъ. Если помощью воображенія признать въ болгарахъ смѣшанное племя и значительную роль въ этомъ союзѣ отвести чувашамъ, то появленіе ихъ на Чепцѣ объясняется удобно: они составляютъ наслѣдіе болгарскихъ чепецкихъ владѣній. Можетъ быть также, что они зашли сюда вмѣстѣ съ арскими князьями.

Потанинъ дѣлаетъ предположеніе, что бесермяне есть какая-нибудь неизвѣстная народность, теперь исчезнувшая, вродѣ племени мишарей, но основаній для такого предположенія у него нѣтъ[1]).

Бесермяне живутъ по Чепцѣ, теперь они оттѣснены отъ рѣки вглубь Глазовскаго уѣзда. Количество ихъ незначительное.

Тептяри, живущіе, также въ небольшомъ количествѣ, по Камѣ, есть осѣдлые казаки изъ тюркскихъ народностей, съ преобладаніемъ башкирскаго элемента.

Народъ имѣетъ преданія и о племенахъ вполнѣ доисторическихъ. Мѣстные инородцы, а за ними и русскіе, на вопросъ, кому принадлежитъ то или другое городище, та или другая отдѣльная находка, всюду съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвѣтятъ, что на городищахъ жили великаны и находки принадлежатъ великанамъ же. Вамъ разскажутъ, что эти великаны перебрасывались съ одного городища на другое дубинками, гирями,

1) Въ Изв. Казан. Арх. Общ. т. III. 125.

Digitized by Google

немками передавали другъ другу разные предметы домашняго быта, напр. топоры и гребни, а на вопросъ, какого рода образа жизни великаны эти вели, отвѣтятъ, что они жили не то разбоемъ, не то торговлей. Такое преданіе вы встрѣтите и на Ижмѣ и на Чепцѣ и на Камѣ у русскихъ и у инородцевъ. У какого народа оно зародилось, какъ перешло въ извѣстный край, было бы излишне о томъ дѣлать изысканія. Вѣроятнѣе всего, что оно появилось на мѣстѣ, какъ удовлетворительная для народа попытка осмыслить памятники старины.

У вотяковъ сохранились преданія о другихъ древнихъ народностяхъ. Лежащій близъ д. Учганъ кар-чеккеръ приписывается вотяками *аланьгасарамъ*. Это были древніе люди, слабые силой, которые на ходу то и дѣло падали, но росту были необыкновеннаго. По другому разсказу, аланьгасары были великаны, сражавшіеся лучными боемъ; на ходу они сминали лѣсъ, какъ мы крапиву. Въ связи съ именемъ этого народа находится преданіе о появленіи вотяковъ, которое сильно напоминаетъ разсказъ чувашъ объ алыпахъ и русскихъ о чуди. Когда первый вотякъ появился на землѣ, онъ началъ пахать пашню; аланьгасаръ, замѣтивъ его, посадилъ въ свой карманъ и принесъ домой. Показывая его своей матери, онъ сказалъ: «посмотри, какого-то дятла поймалъ»! Мать отвѣчала: «это не дятелъ, а новый человѣкъ; если они появились, значитъ, намъ пришелъ конецъ».

Поляковъ, сообщая преданіе объ аланьгасарахъ, замѣчаетъ: странно, что 20 вер. восточнѣе вотяки, живущіе на р. Варзи, уже не знаютъ алан-гасаровъ, а все, что этимъ приписывается, относятъ къ народу [illegible] или по другимъ показаніямъ къ народу [illegible] [1]. По другому свидѣтельству, именемъ нугеенъ вотяки называютъ воиновъ, лежащихъ на древнемъ кладбищѣ близъ дер. Колпырево Асановской вол. Сарапульскаго уѣзда. Кажется, что построеніе городищъ нугеямъ не приписывается. Названіе этого племени напоминаетъ ногаевъ, именемъ которыхъ въ сѣверной Уфимской губерніи называется почти всякое городище, тасѣма или валъ.

Вотъ все, что мы могли собрать по исторіи мѣстныхъ городищъ. Данныя нами свѣдѣнія во многомъ дополнитъ изученіе преданій вотяковъ и географическихъ названій мѣстностей.

А. Спицынъ.

---

1) Извѣстія Казан. Арх. Общ. III, 102.

NYKOV LIBRARY A. A. Spitsyn

Podati, Sbory i Povinnosti na Vyatkie v XVII st

Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII ст [1]).

При намѣстникахъ, т. е. въ XVI в. и началѣ XVII в., на Вяткѣ существовали слѣдующіе виды податей и повинностей: въ государеву казну собиралась *дань*, на содержаніе *ямовъ ямскія деньги*, на содержаніе стрѣльцовъ *пищальныя*, отправлялась *посошная* служба; но еще болѣе разнообразны были повинности и сборы мѣстные: вятчане должны были *ставить намѣстничьи дворы* и выплачивать *намѣстничій кормъ*, выполнять *подводную* повинность и связанную съ нею *постойную*, т. е. обязанность ставить *кормы* проѣзжающимъ посланникамъ (воеводамъ, дѣтямъ боярскимъ и пр.) и должностнымъ лицамъ въ родѣ волостелей и ихъ тіунемъ, праветчиковъ и доводчиковъ, имъ самимъ и конямъ ихъ; на ихъ обязанности лежала постройка и поддерживаніе укрѣпленій—*городовое дѣло*, съ нихъ собирались дорожные *мыты* и торговая *явка* [2]). Мѣстныя грамоты не даютъ почти никакихъ свѣдѣній ни о способѣ собранія податей, ни о количествѣ ихъ; мытъ и явка собирались особыми *намѣстничьими пошлинниками* [3]), которые вѣроятно въ то же время завѣдывали и другими сборами въ пользу намѣстника; для сбора чернаго тягла выбирались *сотскіе и десятскіе* [4]).

Съ покоренiемъ Сибири въ поморскихъ городахъ установилась особая натуральная повинность—сборъ *сибирскаго хлѣба*.

Тѣ же сборы и повинности, но, конечно, сильно осложнившіеся, идутъ и чрезъ весь XVII в. Съ удаленіемъ намѣстниковъ сборы на ихъ содержаніе прекращаются, зато возникаетъ рядъ новыхъ, общегосударственныхъ и мѣстныхъ; особенно много появилось послѣднихъ.

Обозрѣніе *тяглыхъ, оброчныхъ и бобыльскихъ сборовъ* нами дано въ предыдущей статьѣ; здѣсь предлагаемъ свѣдѣнія о другихъ податяхъ и повинностяхъ XVII в.

Самою обременительною податью былъ сборъ на содержаніе войска и на военныя потребности—*стрѣлецкія деньги*.

---

[1]) Настоящая статья составляетъ продолженіе ст. «Земля и люди на Вяткѣ въ XVII ст.», помѣщенной въ Вятскомъ календарѣ за прошлый годъ.

[2]) Древніе акты, 20—22, 28, 30, 31. [3]) Ibid. 21. [4]) Ibid.

Digitized by Google

Времени установленія стрѣлецкой подати по мѣстнымъ документамъ нельзя прослѣдить. Въ XVII в. она взималась со всѣхъ городовъ и уѣздовъ, гдѣ были черныя сохи, и никто—ни монастырскіе, ни дворцовые, ни церковные крестьяне отъ нея не освобождались; по крайней мѣрѣ извѣстныя намъ жалованныя грамоты, перечисляя разныя льготы, даруемыя монастырямъ или частнымъ лицамъ, всегда добавляютъ, что стрѣлецкія и ямскія деньги должны быть уплачиваемы съ черными сохами вмѣстѣ.

Въ началѣ стрѣлецкая подать взималась натурою, хлѣбомъ, который цѣловальниками доставлялся въ Москву, въ Стрѣлецкій приказъ, но потомъ она постепенно стала переходить въ денежную и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно увеличиваться. Въ актахъ есть только одно указаніе, что стрѣлецкая подать въ началѣ XVII в. уплачивалась хлѣбомъ; оно относится къ 1627 г. [1]).

Стрѣлецкій окладъ опредѣлялся въ Москвѣ людьми гостиной сотни (вѣроятно не всегда), раскладывался подворно по свѣдѣніямъ изъ Новгородской чети, извлеченнымъ изъ хранящихся тамъ вятскихъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, и собирался затѣмъ на мѣстѣ земскими старостами и цѣловальниками и ими же доставлялся въ Стрѣлецкій приказъ. Таковъ былъ установившійся порядокъ сбора стрѣлецкой подати; но установлялся онъ долго, и потому въ разное время отъ него дѣлались отступленія, иногда значительныя. Такъ въ 1660 и 1685 г., а вѣроятно и въ другіе, стрѣлецкая подать собиралась въ приказной избѣ казенными цѣловальниками [2]). Не можемъ дать свѣдѣній для рѣшенія естественно возникающаго вопроса, не собиралась ли эта подать одновременно и земскими, и казенными цѣловальниками, смотря потому, съ кого она сбиралась.

Въ началѣ XVII в. стрѣлецкій сборъ былъ, кажется, не великъ. Въ 1660 г. воскресенскіе крестьяне заплатили всего по $2^1/_2$ алт. со двора, а въ 1668 г. уже по полуполтинѣ (8 алт. 2 ден.) со двора «ратнымъ людемъ на жалованье», да подмоги 1 деньгу [3]).

Въ 1672 г. стрѣлецкій сборъ съ поморскихъ городовъ былъ увеличенъ, именно онъ опредѣленъ по 2 руб. за юфть съ живущей чети пашни, какъ до того было въ дворцовыхъ селахъ [4]).

---

[1]) Древніе акты, 117. [2]) *Никитниковъ*, ист. Воскр. соб., стр. 15 и 17. [3]) Тамъ же, 15 и 17. [4]) Древніе акты, VII и 209. Юфть—четверть ржи и четверть овса.

Digitized by Google

Можетъ быть къ этому же времени относится окончательное установленіе сбора стрѣлецкой подати съ поморскихъ земель не хлѣбомъ, а деньгами.

Изъ приходныхъ книгъ 1673—1680 гг. видно, что за стрѣлецкій хлѣбъ собираемо было въ эти года съ Вятки по 14473 руб. въ годъ. Какъ великъ былъ сравнительно съ другими податями стрѣлецкій сборъ, ясно изъ того, что иныхъ сборовъ, кромѣ сибирскаго хлѣбнаго запасу и ямской гоньбы, въ то же время было всего 3798 р. [1]). Аккуратное выплачиваніе его представлялось дѣломъ болѣе чѣмъ труднымъ, такъ что, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, цѣлая треть этого сбора за 1673—80 гг. была въ недоимкѣ (изъ 75000 р. собрано было не болѣе 50000).

Въ 1678 г. по новому гостиному окладу вятчане платили стрѣлецкихъ денегъ по 1 руб. 3 алт. 2 ден. со двора, всего съ 12377 дворовъ 13614 р. Архіепископли крестьянскіе и бобыльскіе дворы платили этотъ сборъ хлѣбомъ.

Недоимокъ, накопившихся послѣ повышенія стрѣлецкаго сбору, оказалось такъ много, что великій государь приказалъ польготить этому сбору на Вяткѣ, вслѣдствіе чего была выложена часть оклада (около 10%); для облегченія вятчанъ велѣно вѣдать сборъ прямо въ Стрѣлецкомъ приказѣ, точно опредѣленъ порядокъ сбора, который всецѣло поручался выборнымъ земскимъ цѣловальникамъ. «А окладъ велѣть положить на дворы смотря по тяглу и по промысламъ, и обложить и сбирать тѣ деньги вятчанамъ, посадскимъ и уѣзднымъ людемъ, самимъ, земскому старостѣ и выборнымъ лутчимъ людемъ за вѣрою и за выборомъ всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, кому они межъ собою вѣрятъ, и чтобы богатые и полные люди передъ бѣдными во лготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были; и велѣть того межъ собою земскому старостѣ и выборнымъ лутчимъ людемъ и окладчикомъ смотрить накрѣпко, чтобы никто въ избыли не былъ; и учинить тѣмъ доходомъ окладные книги за своими и окладчиковыми руками, и держали тѣ книги въ земской избѣ впредь для сбору; и тѣ вышеписанные денежные доходы на нынѣшній на 188 годъ собрали по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ и по своимъ окладнымъ книгамъ, каковы у нихъ учинены будутъ, по вышеписанной указной статьѣ сполна, и присылали къ намъ великому го-

[1]) Древніе акты, 209.

Digitized by Google

государю въ Москвѣ, на тѣ указные сроки (декабря да марта въ первыхъ числѣхъ) съ цѣловалники и съ провожатыми; да и впередъ тѣ денежные доходы велѣли собирать по сему нашему великого государя указу, и сей нашъ великого государя указъ на Вятку въ съѣзжей избѣ велѣли записать въ книгу; да и то вятчаномъ земскимъ старостамъ и посадскимъ и уѣзднымъ людемъ и окладчикомъ сказали: буде они въ томъ окладѣ и въ сборѣ учинятъ какую неправду и учнутъ сбирать тѣ денги оплошно, и по нынѣшнему окладу не сберутъ и запустятъ въ доимку хотя что малое и отъ того московскимъ стрѣлцомъ учинится въ нашемъ великого государя жалованьѣ недодача, и имъ за то отъ насъ великого государя быть въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ безо всякіе пощады» [1]).

Изъ челобитной вятскихъ земскихъ старостъ узнаемъ, что не одно повышеніе стрѣлецкаго сбора было причиною накопленія недоимокъ: «они поморскихъ городовъ посадскіе и уѣздные люди и вятчане посадскіе жъ и уѣздные люди тѣхъ денегъ сполна по окладу не оплачиваютъ за пустотою, потому что у нихъ многіе тягла запустѣли, и взять тѣхъ денегъ не на комъ, и досталные посадскіе и уѣздные люди отъ немѣрнаго правежу бѣгутъ въ сибирскіе разные городы» [2]).

Изъ памяти Стрѣлецкаго приказу мы узнаемъ, что въ 1681 г. съ архіепископли вотчины, а въ 1684 г. со всѣхъ монастырскихъ вотчинъ стрѣлецкую подать велѣно платить хлѣбомъ, а не деньгами, вѣроятно, въ видѣ особенной льготы для нихъ [3]).

Въ 1685 г. стрѣлецкій сборъ, за исключеніемъ архіепископлихъ и монастырскихъ, платился съ 11112 дворовъ. Въ этомъ году на челобитье вятскихъ земскихъ старостъ, что на Вяткѣ нѣтъ точнаго списка дворовъ, сколько съ каждаго города и уѣзда платить стрѣлецкаго сбора, и что отъ того межъ ими бываетъ споръ и стрѣлецкимъ деньгамъ въ сборѣ остановка, послано были перечисленіе количества дворовъ, обложенныхъ этимъ сборомъ, по каждому городу, уѣзду и волости отдѣльно. Хлыновцы по переписнымъ книгамъ 1678 г. должны были платить съ 545 двор., слобожане съ 327, шестаковцы съ 33, орловцы съ 22, котельничане съ 26, церковные причетники съ 416, епископскія вотчины съ 757, вотчины Успенскаго монастыря съ 1090, каринская волость съ 11760, всего было обложено 13205 дворовъ.

[1]) Древніе акты, 210. [2]) Тамъ же, 209. [3]) Тамъ же, 222.

Digitized by Google

Изъ числа ихъ, какъ мы видѣли, чрезъ нѣкоторое время выложены были дворы архіепископлихъ и монастырскихъ вотчинъ, съ которыхъ стрѣлецкій сборъ взимался хлѣбомъ [1]). Въ этомъ 1685 г. съ каждаго двора воскресенскихъ крестьянъ было уплачено по 1 р. 1 гр. и 4 ден. подмоги.

Хотя по указамъ великаго государя слѣдовало выключить изъ оклада дворы церковныхъ причетниковъ и пр., но Стрѣлецкій приказъ продолжалъ вписывать ихъ въ общее число обложенныхъ стрѣлецкою податью дворовъ и требовалъ за нихъ уплаты. Нѣкоторое время вятчане тяглые люди платили стрѣлецкій сборъ даже за дворы и другихъ бѣломѣстцевъ, которыхъ вмѣстѣ съ дворами церковными оказывалось не менѣе 446. Въ 1686 г. вятскіе старосты били челомъ о выключеніи изъ оклада 416 церковныхъ дворовъ. «Съ тѣхъ дворовъ стрѣлецкіе деньги правятъ на нихъ же вятчанахъ», писали они въ своемъ челобитьѣ, «а имъ де не вѣдомо что за церковныхъ причетниковъ стрѣлецкіе денги платить, и съ своихъ дворовъ окупаются изъ-за смертныхъ правежковъ, а которымъ имъ окупиться нечѣмъ, цѣпи и продаютъ дворенка ихъ и всякія посуды и животы и скотъ безъ остатку въ платежъ въ стрѣлецкіе денги, и отъ великого непомѣрнаго правежу вятчаня съ Вятки розбрелись во многіе мѣста». Великій государь указалъ, чтобы стрѣлецкій сборъ не былъ взимаемъ на Вяткѣ, по примѣру другихъ городовъ, съ церковныхъ дворовъ и съ дворовъ архіепископля причта, въ томъ случаѣ, если церковники живутъ своими дворами, на церковныхъ земляхъ и питаются церковнымъ доходомъ и мірскимъ подаяніемъ, но приказалъ брать съ нихъ стрѣлецкія рублевыя деньги тогда, когда окажется, что они живутъ на тяглыхъ земляхъ, а не на церковныхъ. Въ то же время подтверждено прежнее распоряженіе, чтобы бѣломѣстцы не были освобождаемы отъ платы стрѣлецкаго сбора [2]).

Въ 1685 г. съ шести стрѣлецкихъ денегъ, которыми была обложена дер. Рязанцевыхъ, было заплачено 3 р., т. е. по 16 алт. 4 ден. съ каждой деньги, въ 1687 г. по 18 алт. съ деньги, въ 1689 г. взято съ 9 денегъ тоже по 18 алт. съ подмогою, въ 1693 году съ расходомъ по 4 гривны съ деньгою съ

1] Древніе акты, 222. 2) Древніе акты, 223. Такихъ бѣломѣстцевъ на Вяткѣ въ 1680 г. было на посадахъ 102 дв., въ уѣздахъ и монастырскихъ слободкахъ 108, гостиной и суконной сотенъ и капитана и пирничника 7, солдатскихъ и приставскихъ 19 дв.

Digitized by Google

6 денегъ 2 р, 4 гр., съ 1691 по 1700 гг. бралось стрѣлецкихъ по 14 алт. 2 ден., въ 1700 г. по 15 алт. 1 ден. [1]).

Ямская повинность. Постоянныя передвиженія воеводъ съ ихъ канцеляріями, разныхъ гонцовъ и посланниковъ, ратныхъ людей и пр. сдѣлали въ XVII в. ямскую повинность одною изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тяжелыхъ; какъ и отъ стрѣлецкаго сбора, никто отъ обязательнаго выполненія ея не былъ освобождаемъ [2]).

По судебнику вел. князя Ивана Васильевича ѣзду отъ Москвы до Вятки положено полосма рубля ($7^1/_2$ р.), откуда видно что въ это время еще не было организовано мѣстной ямской повинности и что путь на Вятку представлялся очень затруднительнымъ. Герберштейнъ говоритъ, что въ его время, т. е. въ концѣ XVI в., лучшая дорога изъ Москвы на Вятку была черезъ Устюгъ; другой путь шелъ по галицкой дорогѣ, но онъ былъ не удобенъ и не безопасенъ, вслѣдствіе нападеній черемисъ, по ней живущихъ. На основаніи послѣдняго замѣчанія мы заключаемъ что Гербештейнъ говоритъ про ту галицкую дорогу, которая шла почти вдоль Волги на Казань, и что слѣдовательно съ этой дороги шла другая, сперва на Пижму, потомъ въ Хлыновъ. Этой то дорогѣ, въ измѣненномъ, конечно, видѣ, и пришлось вскорѣ сдѣлаться главной. Въ первое время послѣ покоренія Сибири сообщеніе съ нею шло черезъ Устюгъ, но этотъ путь былъ такъ далекъ, что стали искать лучшаго, болѣе короткаго; въ Москвѣ не могли не усмотрѣть, что такимъ будетъ путь черезъ Вятку, и въ XVII в., уже съ самаго начала его, устанавливается слѣдующій маршрутъ изъ Сибири въ Москву: Соль камская — Кай — Слободской — Хлыновъ — Орловъ — Котельничъ — Яранскъ — Шанчуринъ — Козмодемьянскъ — Нижній Новгородъ [3]). Была еще другая дорога въ Сибирь, которая частью проходила также черезъ нынѣшнюю Вятскую губернію: она шла черезъ Казань и проходила черезъ Сарапулъ, можетъ быть вблизи старинной арской дороги или по ней самой.

Дороги были очень плохи. Это видно изъ того, что старались ѣздить преимущественно зимнимъ путемъ, и особенно изъ того, что сѣдоки, какъ мы увидимъ, были крайне стѣснены въ

---

[1]) Рязанц. акты № 33. [2]) Древніе акты, 117. [3]) Шишонко, пермская лѣтопись IV, 355.

Digitized by Google

личествѣ багажа. Кажется, что забота о дорогахъ была въ ту ору очень несложна: когда ихъ сильно промоетъ, ихъ починива-, да еще съ перекорами, такъ какъ не было опредѣлено, уѣзд-е или только мѣстные жители должны были объ нихъ заботить-. Вообще, какъ видно, дороги не столько устраивались, сколько ѣлывались [1]). Въ большинствѣ случаевъ наблюденіе за исправ-остью дорогъ было поручаемо всему уѣзду, но уѣздные люди ыскивали всевозможные способы уклониться отъ этой обязан-ости и возложить ее на кого-нибудь другого, напр. на ямщи-въ [2]).

Ямы по дорогамъ попадались очень рѣдко, такъ какъ ста-лись только въ городахъ; перемѣны лошадей на станціяхъ до ижайшаго города не было, и слѣдовательно ѣзда въ старое вре-волей не волей совершалась «на долгихъ». Кайгородецъ Ива-евъ въ 1614 г. писалъ: «на Кайгородокъ изъ Москвы въ Си-рь и изъ Сибири къ Москвѣ воеводы и головы и служилые оди ѣздятъ безперестани; а перегоны велики: до Перми и до оли камской полтретьяста (250) верстъ, а до Вятки тожъ, а за ырьянской волокъ 150 верстъ» [3]). Пріѣхавъ въ городъ, проѣз-ющій могъ отдохнуть въ немъ, прожить нѣкоторое время въ номъ изъ тѣхъ дворовъ, которые обязательно ставились въ каж-мъ городѣ на случай пріѣзда посланниковъ.

Оффиціальныя лица для проѣзда по ямамъ получали подо-жныя или въ Москвѣ въ Ямскомъ приказѣ, или отъ кого-ни-дь изъ воеводъ попутныхъ городовъ [4]), а частныя ѣздили по альной цѣнѣ, однако не свыше указной нормы.

Правительство для организаціи ямской гоньбы въ извѣстной ѣстности или устраивало спеціальную ямскую слободу, которую селяло свободными людьми, давъ имъ совершенно обѣленную ъ податей землю, или заставляло мѣстныхъ жителей и даже лецовъ сосѣднихъ уѣздовъ содержать въ яму на свои средства предѣленное количество ямщиковъ и лошадей. Позднѣе назна-лись особые ямскіе сборы, одинаковые для всѣхъ, которые че-зъ воеводу или цѣловальниковъ отправлялись въ Ямской при-зъ, откуда и отпускалась на содержаніе ямовъ нужная сумма. ообще же надо сказать, что въ XVII в. ямская повинность, смот-я по мѣстнымъ условіямъ и случайностямъ, выполнялась чрез-

[1]) Древніе акты, 57, [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, IV. [4]) Тамъ же, 237 и 50

Digitized by Google

вычайно прихотливо, такъ что за всѣми перемѣнами въ способѣ отбыванія ея очень трудно слѣдить.

Кажется, что въ XVII в. ямскихъ слободокъ на Вяткѣ и было, но раньше онѣ существовали. Такъ напр. въ 1580 г. пр Трифонъ на содержаніе Успенскаго монастыря получилъ въ Хлыновѣ ямскую пустошь, на которой было пашни перелогомъ 10 че тей въ каждомъ изъ трехъ полей.

Кто и на какихъ условіяхъ шелъ въ ямщики, каково было ихъ положеніе, о томъ по мѣстнымъ актамъ нельзя составить и приблизительнаго понятія. Конечно, въ ямщики могли идти только нетяглые люди; вѣроятно, они давали на себя земскимъ старостамъ заручныя записи, вѣроятно, получали подмогу.

На содержаніе ямовъ собирались спеціальныя ямскія деньги, по писцовымъ и переписнымъ книгамъ, по дворамъ [1]).

Для наблюденія за ямомъ, для защиты ямщиковъ отъ притѣсненій и для веденія смѣтныхъ книгъ выбирались особые ямскіе старосты или цѣловальники, всегда на короткій срокъ, такъ какъ выполненіе ихъ обязанности было, вѣроятно, очень затруднительно, или можетъ это дѣлалось для того, чтобы предупредить злоупотребленія. Съ этою послѣднею цѣлью, между прочимъ, дѣлали такъ: мѣняли ямскихъ старостъ мѣстами.

Насколько вообще неопредѣленно было выполненіе ямской повинности, видно изъ немногихъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о выполненіи ея воскресенскими крестьянами. Въ 1663 г. крестьяне березовскаго стана по земскому разводу должны были поставить воеводѣ Волконскому 86 подводъ. Ставилось по подводѣ съ 23 дворовъ; такъ какъ у воскресенскихъ крестьянъ было 18 дворовъ, то они должны были сквитаться съ другими церковными крестьянами, взять себѣ сдачи въ подмогу съ Успенскаго монастыря съ 3 дв. и съ покровскаго попа Кашина съ 2 дв. Назначеніемъ подводъ завѣдывали тяглый и оброчный цѣловальники. Въ 1667 г. ямскія деньги были взяты съ церковныхъ земель хлѣбомъ; съ воскресенской пришлось насыпать ржи третникъ малый и малый четверикъ, да вмѣсто овса того же количества вполовину [2]). Если такая путаница въ сборѣ ямскихъ денегъ была не у однихъ церковныхъ крестьянъ, то можно представить трудъ дьяковъ Ямского приказа, которые должны были слѣдить

[1]) Древніе акты, 117. [2]) Никитник., ист. Воскр. соб. 16 и 18.

Digitized by Google

ı этимъ сборомъ и направлять его сообразно мѣстнымъ усло-
іямъ.

Кромѣ ямскихъ подводъ приказные люди могли пользоваться
ще обывательскими, но крестьяне старались повозможности всю
эньбу возложить на ямщиковъ. Такъ въ 1671, 1672 и 1674 гг.
ятскіе земскіе старосты просили великаго государя приказать
ятскимъ солдатамъ, стрѣльцамъ и переведенцамъ давать подво-
ы ямскіе [1]).

Въ 1606 г. вятчане должны были принять участіе въ устрой-
твѣ яма въ г. Соликамскѣ и въ содержаніи его, вмѣстѣ съ пер-
ичами. Въ этомъ году пермскому воеводѣ кн. Вяземскому указа-
о устроить у Соли камской ямъ, для котораго Пермью да Вят-
ою выбрать по сошному разводу охотниковъ 70 человѣкъ, съ
Іерми 24, съ Вятки 46. Подмогу этимъ ямщикамъ на пріобрѣ-
эніе лошадей (по парѣ на каждаго) и на дворовое строеніе вят-
ане и пермичи должны были дать по обоюдному уговору;
ормъ ямщикамъ приказано собирать съ тѣхъ же городовъ [2]).
Іермскій воевода долженъ былъ отвести вятскимъ ямщикамъ на
осадѣ дворовыя не тяглыя мѣста, свободныя пашни и безоброч-
ые покосы [3]).

Вятскіе ямщики явились въ Соликамскъ вмѣстѣ съ своимъ
таростою Андреевымъ. По указу они должны были безплатно
ровозить изъ Соликамска до Верхотурья гонцовъ и всѣхъ про-
зжающихъ по подорожнымъ, а съ ѣдущихъ по своей надобности
рать за провозъ указную поверстную плату. Ямщикъ имѣлъ
раво требовать, чтобы пассажиры зимою клали на подводу не
олѣе 15, а лѣтомъ не болѣе 4 пудовъ клади, если же на тѣхъ
одводахъ сами сядутъ, то клали бы на нихъ лишь «чѣмъ сыту
ыть да по епанчѣ»; не давать лишнихъ лошадей противъ подо-
ожной, не давать даровыхъ подводъ сибирскимъ жильцамъ и
огонщикамъ за бѣглыми. Стрѣльцы и казаки, проѣзжая по яму,
е должны были требовать съ ямщиковъ ни денегъ, ни кормовъ,
инить имъ какія-либо насильства.

Пермскій воевода чрезъ нѣкоторое время донесъ въ Москву,
то онъ отвелъ вятскимъ ямщикамъ мѣста подъ дворы, взявъ ихъ
посадскихъ людей, но что вятчане до сихъ поръ дворовъ не
гавятъ. Въ тоже время Андреевъ писалъ: ѣздятъ де въ Сибирь

---

[1]) Древніе акты, 212. [2]) Тамъ же, II. [3]) Ibid. 57.

Digitized by Google

воеводы и дѣти боярскіе и стрѣльцы и казаки, и пріѣхавъ де къ Соли камской покупаютъ себѣ мяса и сукна и масло и сало и холсты, и кладутъ на ихъ подводахъ; а иные съ собою емлютъ великіе вьюки, да на тѣхъ же де вьючныхъ кладяхъ сами сидятъ, и ихъ де подводы отъ тяжелыхъ кладей и отъ вьюковъ до Верхотурья не доходятъ; да у нихъ же де ямщиковъ стрѣльцы и казаки емлютъ насильствомъ подводы мимо подорожныхъ, да себѣ правятъ на нихъ денегъ и кормовъ, и насильство всякое чинятъ. что изъ сибирскихъ городовъ посылаютъ за бѣглецами, и погонщики правятъ у нихъ подводы безплатно насильствомъ. Великій государь на челобитье воеводы указалъ, что вятскіе ямщики могутъ нѣкоторое время прожить въ тѣхъ дворахъ, гдѣ живутъ, такъ какъ съ Вятки только что приказано взять на службу ратныхъ людей, а на челобитье Андреева послалъ память воеводѣ, чтобы онъ охранялъ ямщиковъ отъ всякаго насильства, чтобъ имъ ни отъ кого продажъ и убытковъ никакихъ напрасныхъ не было... Если кто изъ гонцовъ уморитъ лошадь, велѣно написать въ Москву, что она стоитъ, чтобы можно было въ свое время взыскать эту сумму [1]).

До устройства въ Соли камской яма пермичи получали съ Вятки за ѣзду прогонныя деньги и изъ этого не упускали возможности извлечь свою выгоду,—корыстовались, прикленывая прогоны съ излишкомъ. Поэтому они старались всѣми мѣрами притѣснять вятскихъ ямщиковъ, чтобы они, не стерпя, убѣжали на Вятку, и такимъ образомъ возстановился бы старый порядокъ выполненія въ Перми ямской повинности. Сами соликамцы ямщикамъ, конечно, не могли ничего сдѣлать, но обратились къ помощи воеводы, и тотъ за посулы сдѣлалъ все, что имъ было надо. Въ 1607 г. однихъ ящиковъ онъ отпустилъ на побывку въ Вятку, а написалъ ихъ бѣглыми, другихъ по послѣднему зимнему пути послалъ съ якорьями и снастями къ Верхотурью, такъ что тѣ не поспѣли назадъ по зимнему пути, и ямъ оставался безъ лошадей. Дворовъ, пашенъ и сѣнныхъ покосовъ ямщикамъ онъ не отвелъ, и даже изувѣчилъ посыльщика, котораго они посылали къ нему съ указомъ великаго государя; притѣснялъ воевода и не однихъ ямщиковъ вятскихъ, а всѣхъ вообще попавшихъ въ Пермь вятчанъ: такъ онъ потребовалъ отъ вятскихъ торговыхъ людей подводы и

[1]) Древніе акты, 55.

Digitized by Google

суда для гонцовъ, помимо охотниковъ, а, когда тѣ отказывались, держать ихъ на правежѣ, пока не заплатили всего, что слѣдовало; съ тѣхъ же торговыхъ людей онъ ни съ того, ни съ сего справилъ деньги, которыя потопилъ въ рѣкѣ какой-то литвинъ, посланный имъ въ Верхотурье за покупкою жернова. Конечно, всѣ эти притѣсненія скоро стали извѣстны на Вяткѣ, и слыновскій земскій староста билъ о нихъ челомъ великому государю. Въ Москвѣ поняли, что необходимо защитить вятчанъ, и пермскій воевода получилъ жесткій выговоръ: «ты то дѣлаешь негораздо, дуростью и воровствомъ, норовячи пермичамъ по доносуломъ, что ихъ вятскихъ торговыхъ людей, которые пріѣзжаютъ въ Пермь съ торгомъ, и ямщиковъ бьешь и мучишь безъ вины напрасно, и продажу и насилство чинишь, и нашего указу не слушаешь, вятскимъ ямщикамъ дворовъ и пашенъ и сѣнныхъ покосовъ по прежнему нашему указу не далъ, хотя тѣмъ ихъ ямщиковъ съ яму разогнати; а по нашему указу велѣно тебѣ у Сили камской ямъ строити, а не разогнати; да ты ж замотчалъ нашею сибирскою казною и хлѣбными запасы. И будетъ впередь намъ вятчане учнутъ на тебя бить челомъ въ какихъ убытчахъ, и мы тѣ нам убытки велимъ доправити на тебѣ вдвое безъ суда» [1]). Однако вятчане не много выиграли. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, тотъ же воевода Вяземскій получилъ приказъ отпустить вятскихъ ямщиковъ, а ѣзду указано было держать по прежнему солимамъ [2]). Вятчане должны были, какъ и прежде, выплачивать за пермскую гоньбу деньгами. Мы знаемъ, что они долгое время посылали въ Пермь подможныхъ ямскихъ денегъ 500 р., которые по сошному письму были распредѣлены на 3 города: Чердынь 249 р.), Усолье (134 р.) и Кай городъ (116 р.) [3]). Въ 1660 г. тихъ подможныхъ денегъ взятилось съ воскресенской земли съ 33 воронъ 9 алт. $2^1/_2$ д., да подмоги 1 д. (ямскихъ въ то же время было 12 алт. 4 ден.), въ 1674 съ 9 нетей пашни 8 алт. $1^1/_2$ ден. Пермскія подможныя деньги собирались земскимъ дѣковальщикомъ, а ямскія — приказнымъ [4]).

Кай, нынѣ ничтожный заштатный городъ, въ XVII в. былъ очень оживленнымъ пунктомъ, благодаря тому, что стоялъ на распутьи трехъ дорогъ, самыхъ бойкихъ на всемъ сѣверовостокѣ:

[1]) Древніе акты, 57. [2]) Ibid. 59. [3]) Древніе акты, 191 и VI. [4]) Нитиковъ, стр. 14 и 19.

Digitized by Google

устюжской, пермской и вятской [1]). Изъ исторіи кайскаго яма намъ, къ сожалѣнію, извѣстно не многое. Въ 1614 г. кайгородцы выполняли сибирскую ѣзду за чердынцевъ и усольцевъ, которая оказалась столь трудною, что «многіе кайгородскіе люди розбрелись розно». По особому царскому указу велѣно было чердынцамъ и усольцамъ считаться въ ѣздѣ вмѣстѣ съ кайгородцами, а класть послѣднихъ съ шести сохъ [2]). Но кайгородцы въ сибирскихъ отпускахъ терпѣли отъ своихъ сосѣдей и много позднѣе, напр. въ 1622 г. и ранѣе [3]). Въ 1635 г. кайгородцамъ пришлось значительное количество подводъ отпустить въ Чердынь и Соликамскъ съ воеводами и служилыми людьми. Чердынцы и усольцы, отъ которыхъ кайгородцы повидимому продолжали терпѣть притѣсненія и въ это время, не дали прибѣжавшимъ къ нимъ изъ Кайгорода лошадямъ возвратиться обратно, а пропустили ихъ далѣе на Верхотурье, причемъ было задержано до 300 лошадей. По челобитью кайскаго земскаго старосты, что «они кайгородцы отъ тѣхъ чердынцевъ и усольцовъ, отъ ихъ насилства, обнищали и обдолжали великими долги, и въ томъ де имъ учинились убытки великіе, и пашня впустѣ запустѣла», усольскіе и чердынскіе цѣловальники были вызваны для отвѣта въ Новгородскую четь [4]). Все на тѣхъ же сосѣдей пришлось Кайгородцамъ бить челомъ и въ 1659 г. Около этого времени было приказано жителямъ новой Кунгурской слободы платить чердынцамъ и усольцамъ 100 р. подможныхъ, тоже за сибирскую ѣзду. Кайгородцы просили, чтобы изъ этого количества часть была удѣлена и на ихъ долю. По указу великаго государя они получили изъ этихъ 100 р. 23 р. 11 алт. 5 ден. [5]).

Относительно кайской сибирской дороги, черезъ Сарапулъ, мы имѣемъ только тѣ свѣдѣнія, которыя можно извлечь изъ челобитной сарапульскаго земскаго старосты, просившаго въ 1638 г. позволенія провезти воеводъ въ Сибирь не по обычной дорогѣ, чрезъ Каму, а горней стороной на черемисскій Амзинскій ямъ, откуда между прочимъ слѣдуетъ, что кайскую повинность отправляли и кайгородцы [6]).

---

[1]) Въ 1546 г. эти дороги перекрещивались въ слоб. Утманове. Перм. лѣтоп. II, 544. [2]) Древніе акты, V. [3]) Тамъ же. [4]) Тамъ же, 122. [5]) Пермск. лѣтоп. II, 632. [6]) Древніе акты, 123. О. Блиновъ Амзинскій ямъ считаетъ въ д. Музаково, находящейся въ 15 в. отъ с. Березовки. См. историч. очерки Сарапула, стр. 5.

Digitized by Google

Третьимъ изъ окладныхъ сборовъ были *полоняничныя деньги*, которыя иногда называются въ актахъ иначе—*подымными*.

Полоняничныя собирались всегда деньгами, съ дворовъ по переписнымъ книгамъ, приказными цѣловальниками.

Въ 1660 г. подымныхъ денегъ съ 33 воскресенскихъ дворовъ заплачено по 8 ден. со двора на годъ; въ 1662 г. подъячій беретъ ту же сумму 1 р. 10 алт. 4 ден., да подмоги 6 алт. 4 д.; въ 1675 г. подымныя полоняничныя деньги получилъ съ крестьянъ срѣтенскій дьячокъ съ двухъ дымовъ 3 алт. 2 ден. за годъ. Въ 1677 г. подымщина была взята городскимъ дьякономъ, но неизвѣстно, въ какомъ количествѣ [1]).

Сибирскій хлѣбъ. Полоняничныя имѣютъ съ ямскими въ правотахъ называются мелкими доходами [2]); сборъ сибирскаго хлѣба можно назвать мелкимъ и хлопотливымъ.

Сборъ сибирскихъ запасовъ былъ установленъ вскорѣ послѣ покоренія Сибири; такъ какъ тамъ служилымъ людямъ нерѣдко было достать хлѣба, то на поморскіе города возложена была обязанность доставлять имъ его въ опредѣленномъ количествѣ. Сборъ этотъ продолжался около сотни лѣтъ, пока не потерялъ всякій смыслъ.

Самое раннее упоминаніе о сборѣ сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ съ Вятки относится къ 1588 г. [3]); въ одной грамотѣ 1593 г. указывается, что для этого сбора пріѣзжали на Вятку изъ Москвы дѣти боярскіе [4]). Потомъ, не знаемъ когда именно, сборъ сибирскаго хлѣба былъ порученъ земскимъ цѣловальникамъ.

Хлѣбъ собирался по писцовымъ книгамъ непремѣнно живою; въ какомъ количествѣ, съ дворовъ или съ живущихъ вытей цѣловальники собирали этотъ хлѣбъ, мы не знаемъ, но знаемъ, что никто не былъ отъ сбора его освобожденъ, такъ же какъ и отъ сбора ямскихъ, стрѣлецкихъ и полоняничныхъ, изъ чего видно, какую важность ему придавали.

Въ 1609 г. съ Вятки и Перми было хлѣбныхъ записовъ: 3423 четв. муки, 507 крупъ, 507 толокна, всего 4437 чет., въ 1608 г. съ Кай города 196 четей съ осминой муки, 26 четъ крупы и столько же толокна [5]). Муки ржаной въ четверти считалось $5^1/_4$ пуда, ржи $6^1/_4$, съ мѣхами [6]).

---

[1]) Никитинъ, 14, 15, 17. [2]) Древніе акты, 209. [3]) Тамъ же, 43. [4]) Тамъ же, 39. [5]) Тамъ же, III. [6]) Тамъ же, 211.

Digitized by Google

Другихъ свѣдѣній о количествѣ сбора сибирскаго хлѣба не имѣемъ.

Хлѣбъ получали отъ цѣловальниковъ земскіе старосты, которые до времени должны были его хранить въ особыхъ житницахъ [1]). Тотъ же староста, въ случаѣ недобора хлѣба, долженъ былъ пополнить его до опредѣленнаго количества.

Въ началѣ XVII в. сибирскій хлѣбъ собирался воеводами, которые и отправляли ихъ по назначенію съ приказнымъ цѣловальникомъ, но такъ какъ иногда хлѣбъ этимъ путемъ не доходилъ до Верхотурья въ цѣлости, то какъ право сбора его, такъ и обязанность доставленія его въ Верхотурье была возложена на земскихъ цѣловальниковъ. Это распоряженіе измѣнило способъ доставки хлѣба въ Сибирь. До 1588 г. его возили изъ Вятки охотники, которые и пользовались за свою службу нѣкоторыми льготами, напр. даже освобождались отъ тягла [2]), но съ этого года земскіе люди стали нанимать міромъ особыхъ извощиковъ, и наконецъ, съ переходомъ сбора къ земскимъ цѣловальникамъ, извощики и плотники стали выставляться землею по сошному разводу безденежно.

Обозъ съ сибирскими хлѣбными запасами трогался зимою и никогда лѣтомъ, какъ во время, во всѣхъ отношеніяхъ неудобное. Кромѣ извощиковъ въ обозѣ находился такъ называемый присыльщикъ, на которомъ лежала обязанность сдать хлѣбъ верхотурскому воеводѣ весь въ цѣлости [3]), и нѣкоторое количество плотниковъ, которые должны были, за особую плату, сработать нѣсколько судовъ для сплава хлѣба далѣе въ Сибирь по р. Турѣ. Въ началѣ XVII в. посылалось съ обозомъ по 7 плотниковъ. Плотники ѣхали со всею плотничною снастью; всѣ вообще, и плотники, и извощики для береженья должны были держать на каждомъ возу лукъ, стрѣлы, по топору и по рогатинѣ.

Хлѣбъ принимался верхотурскимъ воеводою по вѣсу. Если оказывался недоборъ, его правили съ присыльщика. Такъ какъ хлѣбъ въ Верхотурьѣ всегда былъ желаннымъ гостемъ, такъ какъ онъ шелъ далѣе и такъ какъ наконецъ высылка его обратно стоила большихъ хлопотъ, то воевода верхотурскій не особенно внимательно слѣдилъ за хорошимъ качествомъ привозимаго хлѣба, тѣмъ болѣе, что несомнѣнно при каждомъ пріемѣ онъ получалъ

[1]) Такія житницы мы знаемъ въ Яранскѣ и Шестаковѣ. Древніе акты, 120. [2]) Древніе акты, 211. [3]) Тамъ же, 39. [4]) Тамъ же 203.

Digitized by Google

ть присылыцика какую-нибудь взятку. Уже на мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ Манпазеѣ или Сургутѣ, оказывалось, что, пройдя чрезъ многія руки, хлѣбъ дѣлался почти никуда негоднымъ отъ прим'ѣсей. Одна грамота 1609 г. говоритъ: «а запасы въ были добрые, чтобы мука и крупа и толокно чисто и безъ подмѣсу, не такъ, какъ напередъ сего привозили, — съ пескомъ смѣшивая отруби, и крупы и толокно смѣшивая со всякою мукою, а иные покупали старосты и цѣловальники на Верхотурьѣ воровски съ подмѣсомъ, и съ тѣми запасы въ сибирскихъ городѣхъ ратныхъ людей безъ хлѣба поморили» [1]).

Привезенный въ Верхотурье хлѣбъ на время, до весны, ссыпался въ житницы, которыя впрочемъ едва ли бывали когда-нибудь въ исправности. Ихъ было мало, такъ что хлѣбъ ссыпался подъ храмы, въ амбары стрѣльцовъ и посадскихъ людей или за городомъ въ солодовнѣ. Всѣ житницы и солодовня были крыты соломою и слѣдовательно легко могли сгорѣть [2]).

Плотники должны были сдѣлать 40 судовъ, за которыя имъ выдавалось изъ верхотурской приказной избы по 18 р. за судно. Въ началѣ, какъ мы видѣли, плотники шли съ обозомъ, но потомъ верхотурскій воевода получилъ право требовать съ Вятки, какъ города, Соли извѣстное количество плотниковъ въ то время, когда было удобнѣе. Всѣхъ плотниковъ съ Перми, Вятки, Выми, Соли Вычегодской, Устюга собиралось до 80 чел. и больше; такъ какъ передвиженіе плотниковъ предоставляло большія неудобства, то въ 1603 г. была сдѣлана попытка основать около Верхотурья особую плотничную слободу, гдѣ селились плотники, посланные по сошному разводу, въ дворахъ, построенныхъ также на мірской счетъ [3]). Кажется, что эта слобода существовала недолго, такъ какъ мы знаемъ, что въ половинѣ XVII в. плотники, какъ и прежде, вызывались изъ сосѣднихъ городовъ особыми воеводскими грамотами [4]). Около того же времени при пріемѣ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за суда стали брать особую сумму, именно по 20 р. за судно [5]).

Въ рѣдкіе случаи недорода хлѣба сибирскіе запасы дозволялось замѣнять деньгами, но каждый разъ съ особаго разрѣшенія на то. Деньги были отправлены напр. въ 1651, 1660, 1674,

[1]) Древніе акты, 62. [2]) Акты истор. т. III. [3]) Древніе акты, II. [4]) Пермская лѣт. III, 407, 793, 926. [5]) Древніе акты, 203.

Digitized by Google

1678, 1679 и вѣроятно въ другіе годы [4]). При этомъ за четверть ржи платилось 1 р., за четверть толокна и крупы 1½ р., за судно 20 р. [2]).

Деньги собирались земскими цѣловальниками и шли къ верхотурскому воеводѣ чрезъ земскую избу [3]).

Воскресенскіе крестьяне въ 1670 г. за сибирскій запасъ за 9 четей пашни заплатили слѣдующіе сборы: за запасъ и за наемъ извощику до Верхотурья 1 р. 1 алт. 2 ден.; да въ найму верхотурскимъ плотникамъ и въ наемъ пріемному земскому цѣловальнику на пріемъ и на отдачу хлѣбнаго запасу 5 алт. ½ ден. [4]).

Далеко не всегда деньги и хлѣбные запасы приходили на Верхотурье во время и въ должномъ количествѣ. Такъ запасы запоздали въ 1609 г., не въ полномъ количествѣ присланы 1613, 1676—78 гг. [5]); въ 1610 и 1611 гг. совсѣмъ были не присланы [6]). Въ случаѣ недобора терпѣли присыльщики: «и тотъ недовозный хлѣбъ и денги править на присыльщикахъ, которые будутъ присланы изъ поморскихъ городовъ съ сошными хлѣбными запасы и съ денгами на Верхотурье; а будетъ на нихъ доправить нечего, и ихъ давать на Верхотурьѣ на поруки до нашего великого государя указу, съ записми, а съ Верхотурья ихъ присыльщиковъ въ поморскіе городы, покамѣста доставные хлѣбные запасы и денги на Верхотурье пришлютъ, въ поморскіе городы не отпускать» [7]). Когда же совсѣмъ ничего не присылалось въ Верхотурье за сибирскіе хлѣбные запасы, воеводѣ посылался указъ, чтобы деньги за нихъ были доправлены съ торговыхъ людей [8]).

Сборъ сибирскаго хлѣба съ поморскихъ городовъ уничтоженъ въ 1685 г., вѣроятно вдолгѣ послѣ того, какъ онъ утратилъ свое историческое значеніе [9]).

Городовое и острожное дѣло, тюремная подать. Постройка городскихъ и острожныхъ укрѣпленій и тюремъ лежала на обязанности всѣхъ людей того уѣзда, къ которому городъ принадлежалъ. Обязанность ставить городъ считалась столь неизбѣжной для всякаго, что отъ нея не освобождала ни одна царская грамота; въ одной жалованной грамотѣ даже прямо говорится, что

---

[1]) Пермск. лѣт. III, 194; Древніе акты VI, 148, 211, 204, 209. [2]) Древніе акты, 204, 211, VI. [3]) Ibid. 211. [4]) Никитниковъ, 18. [5]) Древніе акты IV. 203. [6]) Тамъ же. [7]) Пермская лѣт. т. IV. [8]) Древніе акты, IV. [9]) Тамъ же 219.

Digitized by Google

ть городовой, подѣлки подле дикого набоедить, такъ какъ это есть дѣло общей безопасности и безъ нея не можно быть [1].

У насъ есть нѣкоторыя данныя для исторіи постройки Хлынова города послѣ пожара 1634 г., а также и о построеніи въ то же время Дѣвичья монастыря, колоколедь, воеводскаго двора и пр. [2]), но какъ именно были раздѣлены эти работы между датными людьми земскимъ разводомъ, о томъ нашъ источникъ не поминаетъ.

Городовые и тюремные сторожа содержались тоже на счетъ общихъ уѣздныхъ сборовъ [3]).

Случайные сборы и повинности. Кромѣ обычныхъ податей и сборовъ въ XVII в. нерѣдко назначались сборы экстренные или специальные, для удовлетворенія той или другой неотложной нужды. Такіе сборы были и общегосударственные, и мѣстные.

Въ 1609 г. велѣно было съ Перми, въ томъ числѣ и съ Кай города собрать по 50 р. съ сохи на наемъ нѣмецкимъ ратнымъ людямъ и кромѣ того объявленъ необязательный сборъ деньгами, сукномъ, камкой, тафтой, «сколько кому мочно». «Какъ дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ литовскихъ людей московское государство свободно будетъ, и государь царь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи велитъ вамъ тѣ денги и сукна и камки и тафты заплатити вдвое, и сверхъ того велитъ васъ государь во своихъ государевыхъ податѣхъ полготити на многіе годы» [4]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя этотъ сборъ былъ сложенъ съ кайгородцевъ за ихъ службу, и можетъ быть за невозможностью его собрать [5]).

Въ 1621 г. указано было собрать хлѣбнаго жалованья сибирскому архіепископу Кипріану съ Вятки 150 четв. муки. съ Кайгородка 30 четв. [6]).

Въ 1654—56 гг. крестьяне Успенскаго монастыря полянской вотчины выходили на закамскую степную валовую службу, 1 человѣкъ съ 30 дворовъ, съ конями, телѣгами, топорами, веревками, лопатами, заступами монастырскими. Въ теченіе всей семилѣтней службы они содержались на монастырскій счетъ. Полянскіе крестьяне ходили на эту службу вмѣстѣ съ своими сосѣдями, ясачною черемисою [7]).

---

[1]) Древніе акты, 226. [2]) Токмаковъ, сборн. матеріаловъ къ ист. Вят. губ. вып. 1. [3]) Древніе акты, 140. [4]) Тамъ же, 82. [5]) Тамъ же, IV. [6]) Тамъ же, V. [7]) Тамъ же, 144.

Digitized by Google

Въ 1688 г. вятчане деньги были, вмѣстѣ съ другими поморскими городами, собрать по 60 р. съ сохи на построенье въ Архангельскѣ гостинаго двора и города [1]).

Въ 1679 г. по случаю войны съ крымскимъ ханомъ было потребовано сверхъ рублевой стрѣлецкой деньги по полтинѣ со двора [2]).

Изъ другихъ случайныхъ сборовъ въ актахъ упоминаются: *подмога ремесленникамъ* (вятскимъ кирпичникамъ, кузнецамъ, скорнякамъ, портнымъ, хлѣбнымъ цѣловальникамъ), *жидовская подмога дворовая, конскіе и огородные* сборы [3]).

Оброчныя деньги. Всякаго рода угодья: сѣнокосы, мельницы, перевѣсья, рыбныя ловли, бортные ухожеи, бобровые гоны, также кузницы, лавки, амбары, огороды, шалаши, жерновыя ломки и т. д. облагались особымъ оброкомъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ, который и вносился въ опредѣленное время приказному пріемщику. Количество оброка зависѣло отъ разнообразныхъ условій и было весьма неравномѣрно. Постояннымъ оброкомъ былъ сборъ съ примѣрнаго сѣна (1 ден. съ копны) и съ земли (по 1 р. 16 алт. 4 ден. съ вити) [4]).

Кромѣ писцовъ и переписчиковъ дачею на оброкъ не внесенныхъ въ писцовыя книги угодій завѣдывали намѣстники, воеводы или даже городовые приказчики [5]); иногда, по особому указу, давали на оброкъ угодья земскіе люди, на срокъ, до перекупки и безъ перекупки [6]). Занесенная въ писцовыя книги оброчная статья считалась почти собственностью лица, за которымъ она была записана, и могла быть заложена, продана и передана по завѣщанію.

Свободныя угодья и земли давались каждому, кто изъявлялъ готовность платить за нихъ установленный воеводою оброкъ: тяглому человѣку, оброчному, церковному, монастырскому, бѣломѣстцу, и вѣроятно даже бобылю и половнику, всякому, кто могъ платить оброкъ исправно. Можно было взять угодье на оброкъ не одному лицу, а вмѣстѣ съ товарищами. Иногда воевода требовалъ поручную запись въ платежѣ оброка [7]).

Воевода старался сдать угодье на оброкъ за возможно вы-

---

[1]) Древніе акты, VI. [2]) Тамъ же, 208. [3]) Тамъ же, 140, 209. [4]) Тамъ же, 46. [5]) Въ началѣ XVII в. [6]) Древніе акты 46; Никитниковъ, 20. [7]) Древніе акты, 46.

Digitized by Google

сокую цѣну, по крайней мѣрѣ долженъ былъ заботиться объ этомъ. Впрочемъ точныхъ указовъ о датѣ оброчныхъ статей не было, да и не могло быть, и потому воеводы распоряжались ими совершенно безконтрольно.

Условія, заключенныя воеводою съ лицами, берущими что-нибудь на оброкъ, записывались въ особыя книги, такъ называемыя «книги новоокладныхъ статей», откуда желающимъ выдавались выписи [1]).

Оброкъ не могъ оставаться впустѣ. Если взявшій угодье на срокъ отказывался отъ него и не находилось на него другого охотника, о немъ объявляли нѣсколько разъ черезъ биричей на торгу; если и въ этомъ случаѣ никто не бралъ угодья, оброкъ за него долженъ былъ по прежнему платить старый владѣлецъ [2]). Въ случаѣ несостоятельности владѣльца оброчнаго угодья оброкъ за него обязанъ былъ платить поручитель [3]). Впустѣ оброкъ становился только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ если напр. перевѣсье сломало вѣтромъ, пожню снесло водою, умеръ владѣлецъ угодья, не оставивъ наслѣдника [4]).

Никакія заслуги не освобождаютъ частныхъ владѣльцевъ отъ внесенія оброка; но монастыри и церкви выпрашиваютъ угодья въ безоброчное и вѣчное владѣніе безъ особеннаго труда. Множество такихъ оброчныхъ статей было у хлыновскаго Успенскаго монастыря и у нѣкоторыхъ церквей, напр. у никольскаго собора.

Ратная повинность. Постоянная ратная повинность была введена Петромъ Великимъ, а до этого времени ратные, «даточные» люди собирались въ неопредѣленное время по мѣрѣ надобности.

Даточные люди въ началѣ XVII в. собирались въ извѣстномъ количествѣ съ каждой сохи, потомъ ихъ стали собирать подворно, причемъ не дѣлалось исключеній ни для какихъ земель [5]). Въ 1618 г. въ ожиданіи нападенія царев. Владислава велѣно было взять съ Вятки 10 человѣкъ ратныхъ съ сохи [6]); сколько и съ какого количества дворовъ собиралось даточныхъ въ другое время, изъ мѣстныхъ актовъ не знаемъ.

---

[1]) Образцы условій въ ст. «Земля и Люди» стр. 44; Древніе акты, 46; Рязанск. акты № 11. [2]) Рязанск. акты № 22. [3]) Древніе акты, 46. [4]) Тамъ же, 40. [5]) Покровскіе акты № 88. [6]) Древніе акты, 114.

Digitized by Google

Кажется, что въ большинствѣ случаевъ даточные люди собирались воеводами, но иногда для сбора ихъ посылались изъ Москвы «добрые» дворяне, отставные дѣти боярскіе и даже стрѣльцы [1]). Кто доставлялъ ратныхъ людей въ приказную избу воеводѣ, того изъ нашихъ актовъ не видно.

Вогнянный бой и всякое ратное оружіе, иногда и лошади, доставлялись ратнымъ людямъ по той же сошной раскладкѣ, равно какъ и все содержаніе ихъ до самаго конца срока ихъ службы.

Иногда собранные ратные люди служили на мѣстѣ, въ вятскихъ городахъ, но чаще отправлялись куда-нибудь въ далекій пунктъ, напр. въ Москву, на польскую границу, къ Азову, къ царскому войску, гдѣ-бы оно ни находилось. Въ послѣднемъ случаѣ изъ лучшихъ посадскихъ людей выбирались «ратные головы», которые и должны были доставить даточныхъ до мѣста и, вѣроятно, оставались съ ними до конца службы.

Въ случаѣ особенной нужды ратные люди шли не пѣшкомъ, а отправлялись на ямскихъ или обывательскихъ лошадяхъ [2]). Въ опредѣленныхъ пунктахъ разные люди разныхъ городовъ «сходились» и затѣмъ отправлялись всѣ вмѣстѣ подъ командой воеводы, присланнаго дворянина или стрѣлецкаго сотника [3]).

Содержаніе на все время срока службы ратные люди получали отъ земскихъ старостъ помѣсячно.

Въ 1609 г. соликамскіе и кайгородскіе ратные люди, 32 человѣка, жаловались, что будучи посланы на государеву службу въ Ярославль, «шли съ великимъ поспѣшеніемъ днемъ и ночью на подводахъ, и живучи на службѣ испроѣлися, а срочные мѣсяцы имъ отошли, и дана имъ, нища великая». Ярославскій воевода потребовалъ отъ усольскихъ и кайгородскихъ старостъ, чтобы они мѣсячныя деньги прислали тотчасъ, или, въ ихъ мѣсто, перемѣну новыхъ ратныхъ людей, съ самопалы, съ луки и со всякимъ оружіемъ [4]).

Постоянное войско въ XVII в. держалось только въ пониз овыхъ городахъ: Яранскѣ, Уржумѣ, Малмыжѣ, Царевосанчурскѣ, на землѣ все еще безпокойныхъ инородцевъ. Въ «разрядныхъ книгахъ» точно обозначено количество стрѣльцовъ и мѣстныхъ ратныхъ людей, бывшихъ въ распоряженіи воеводъ указанныхъ городовъ.

[1]) Древніе акты, 144. [2]) Тамъ же, 62. [3]) Тамъ же, 85. [4]) Тамъ же, 111.

Digitized by Google

Посылка ратныхъ людей, сопряженная съ большими расходами, иногда заставляла правительство льготить мѣстному населенію въ другихъ повинностяхъ; мы видѣли, что въ 1609 г. ради сбора ратныхъ людей позволено было вятчанамъ замедлить постройкой въ Соликамскѣ дворовъ для ямщиковъ. И наоборотъ — ради другой какой-нибудь повинности иногда не брали даточныхъ, какъ напр. въ 1660 г. съ полянскихъ крестьянъ, которые передъ тѣмъ вынесли тяжелую валовую службу [1]).

Когда представлялись какія-нибудь особенныя неудобства въ сборѣ даточныхъ людей, эта повинность замѣнялась денежной. Въ 1605 воскресенскіе крестьяне заплатили за даточныхъ людей по 1 р. съ двора [2]). Въ 1607 г. царь Василій Ивановичъ чердынцовъ, кайгородцовъ и усольцовъ пожаловалъ, ратныхъ людей съ нихъ имати не велѣлъ, а велѣлъ съ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянъ за 70 человѣкъ ратныхъ людей къ нынѣшнему зимнему походу на три мѣсяца собрать по два рубля на мѣсяцъ за человѣка» [3]). Въ слѣдующемъ году тѣ же кайгородцы собрали за даточныхъ людей 60 р. и послали ихъ съ цѣловальникомъ пермскому воеводѣ, который долженъ былъ переслать ихъ въ Москву [4]).

Когда нельзя было терять времени, воеводы рѣшались нанимать ратныхъ людей на счетъ тяглыхъ и другихъ сборовъ, а затраченную сумму потомъ собирали сошнымъ разводомъ [5]).

Помѣщаемъ ниже тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы могли собрать въ мѣстныхъ актахъ о службѣ вятскихъ ратныхъ людей въ разное время. Въ 1601 г. яранскій намѣстникъ Исленьевъ идетъ съ черемисами на службу на берегъ [6]). Въ 1609 г. кайгородцы вмѣстѣ съ устюжанами и др. оберегали отъ государевыхъ измѣнниковъ Кострому, а оттуда перешли въ Ярославль. Девять человѣкъ ратныхъ людей кайгородцами было не доставлено [7]). Въ томъ же 1609 г. Ухтомскій для береженья отъ воровскихъ черемисъ собралъ на Вяткѣ ратныхъ людей и послалъ ихъ съ сотнями на вятскую украину [8]). Въ 1618 году въ ожиданіи нападенія царев. Владислава было собрано съ Вятки по 10 чел. съ сохи [9]). Въ 1633 г. уржумцы, царевосанчурцы и яранцы ходили подъ Смоленскъ [10]). Въ 1658 г. было послано съ Вятки

[1]) Древніе акты, 142. [2]) Никитниковъ, 16. [3]) Древніе акты, III [4]) Тамъ же 63. [5]) Тамъ же, 87 и 64. [6]) Тамъ же, III. [7]) Тамъ же, 61. [8]) Тамъ же, 47 [9]) Тамъ же, 114. [10]) Тамъ же, V.

Digitized by Google

въ Вильну на службу 2012 чел.; на мѣсто пришло ихъ только 1792 чел., которые и были размѣщены по 4 лошкамъ [1]).

Таможенные сборы. Таможенные сборы были установлены въ Россіи съ давнихъ поръ и были весьма разнообразны. Однако всѣ таможенныя пошлины можно отнести къ двумъ главнымъ: *мыта* и *явка*. Мытомъ назывались сборы съ проѣзжающихъ, взимаемые на мостахъ и перевозахъ, а явкой—сборы за право торговли, взимаемые въ городскихъ таможенныхъ избахъ.

При намѣстникахъ мыта собирался особыми пошлинниками, въ ихъ пользу [2]), но потомъ, въ началѣ XVII в., онъ перешелъ въ вѣдѣніе выбираемыхъ земскими людьми таможенныхъ головъ, и, въ качествѣ сбора казеннаго, собирался въ приказную избу. Отъ сбора мыта, или какъ иначе выражались «проѣзжихъ пошлинъ» можно было освободиться только по особому государеву указу: такъ въ 1546 г. получили право безпошлиннаго проѣзда на поклоненіе иконѣ св. Николая чудотворца шестановцы и въ 1601 г. крестьяне Успенскаго монастыря, на переѣздъ изъ одной монастырской вотчины въ другую [3]). Свободный проѣздъ предоставлялся и архимандриту этого монастыря, когда онъ ѣхалъ въ Москву [4]). Отъ мыта освобождались всѣ служебные люди [5]).

Каждый привезенный товаръ, а также и деньги, предъявлялись таможенному головѣ, который бралъ съ нихъ опредѣленную пошлину, въ чемъ и давалъ всегда расписку [6]). Количество таможенныхъ сборовъ опредѣлялось уставными грамотами и было не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ [7]). Со введеніемъ торговаго устава 1653 г. мыты и явки были отмѣнены, а таможенные сборы, для увеличенія доходовъ, стали взиматься при покупкѣ и продажѣ товаровъ по 10 денегъ съ рубля: пять денегъ съ рубля долженъ былъ заплатить покупатель и пять торговецъ. Если торговецъ покупалъ товаръ безпошлинно, напр. вятчанинъ у иноземцевъ въ Архангельскѣ, то при продажѣ этого товара онъ долженъ былъ уплатить 10 ден. При продажѣ соли и рыбы пошлина была возвышена до гривны [8]). Въ 1663 г. рублевая таможенная пошлина, въ видахъ пополненія серебра, была увеличена вдвое, до 1 гривны съ рубля [9]). Въ 1656 г. указано было всякія

---

[1]) Древніе акты, 142. [2]) Тамъ же, 21. [3]) Тамъ же, 108, 106, 118, 21. [4]) Тамъ же, 119. [5]) Тамъ же, VI. [6]) Тамъ же, 54. [7]) Тамъ же 30, 119. [8]) Тамъ же, 138. [9]) Тамъ же, 149.

Digitized by Google

пошлины и таможенные сборы принимать только новыми мѣдными или серебряными деньгами [1]).

Всѣ таможенные сборы вносились въ особую книгу, изъ которой купцамъ и продавцамъ выдавалась выпись (квитанція), освобождающаяся ихъ отъ вторичнаго взиманія пошлинъ. Полагался штрафъ за протаможье, т. е. за уклоненіе отъ торговыхъ сборовъ [2]).

Кромѣ городскихъ торговцевъ, заплативъ пошлины, могли торговать въ городѣ и уѣздные люди, въ гостиномъ ряду, съ возовъ, съ лавокъ, со струговъ. Въ 1651 г. крестьяне Успенскаго монастыря получили право торговать въ Хлыновѣ безпошлинно [3]). Отъ пошлинъ, по особымъ тарханнымъ грамотамъ, освобождались были также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, промышленники, но въ 1677 г. всѣ тарханы отмѣнены [4]).

Кружечные сборы. Питейная прибыль въ XVII в. была признана государственною регаліею. Выбирались воеводами къ кружечному дѣлу вѣрные головы и цѣловальники, ставился кружечный дворъ, привозилось съ казенной винокурни вино и сдавалось цѣловальникамъ для продажи. Съ нихъ же взыскивался и недоборъ питейной прибыли. Въ случаѣ особаго недобора или растраты, за цѣловальниковъ отвѣчалъ весь уѣздъ, посадскіе и уѣздные люди вмѣстѣ, «всѣ безъ выбору». Въ 1677 г. вѣрныхъ кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ воеводамъ было не велѣно вѣдать, а выбирать ихъ и учитывать приказано земскимъ старостамъ [5]). Цѣловальники служили безденежно; небольшая сумма выплачивалась въ видѣ жалованья только дьячкамъ, обязаннымъ вести всѣ книги, но въ 1682 г. вольнонаемныхъ дьячковъ замѣнили мірскіе, выбираемые по очереди изъ числа «добрыхъ» людей [6]). Тогда же были отмѣнены и сторожа при кружечныхъ дворахъ.

Иногда кабаки отдавались на откупъ. Такъ съ 1675 по 1678 г. держалъ кружечные дворы на откупу одинъ вятчанинъ въ Шестаковѣ и Котельничѣ, по дачѣ воеводы Нарышкина, но потомъ онъ отъ нихъ отказался, вѣроятно потому, что это дѣло не давало выгодъ.

Казенная винокурня была, кажется, одна, именно въ Хлыновѣ, гдѣ-то у воскресенскаго моста, вѣроятно на томъ ключѣ,

[1]) Древніе акты, 137. [2]) Тамъ же, 149. [3]) Тамъ же, 186. [4]) Тамъ же, 201. [5]) Тамъ же, 205. [6]) Тамъ же, 215.

Digitized by Google

который бѣжитъ по гимназическому саду и который носилъ названіе Епиховскаго, подъ горою. Въ 1634 г. эта винокурня сгорѣла вмѣстѣ съ винною поварнею и всѣми запасами; объ этомъ было тотчасъ донесено въ Москву, откуда вскорѣ былъ полученъ указъ: убытки отъ пожара (135 руб.) «велѣно доправить на кабацкихъ на хлыновскихъ старостѣхъ, потому что они не радѣли нашимъ дѣломъ и тѣ запасы сожгли, а тѣ было запасы вынесть и отъ пожару уберечь можно да и потому, что на всякихъ кабакѣхъ работниковъ и ярыжныхъ живетъ не мало»; если доправить на цѣловальникахъ нечего, велѣно доправить на ихъ выборныхъ людехъ, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такъ дуровать [1]).

За недоборы и убытки всякаго рода по кружечному двору платились впрочемъ не одни цѣловальники. Въ одной грамотѣ 1634 г. тогдашнимъ вятскимъ воеводамъ дѣлается упрекъ, что, взявъ съ кабацкихъ цѣловальниковъ 129 р. не доданныхъ кабацкихъ денегъ, не спѣшатъ доправить съ нихъ остальные 55 руб. «И вы такъ дѣлаете не гораздо, нашъ указъ ставите въ оплошку, тѣхъ досталныхъ кабацкихъ денегъ на цѣловальникѣхъ и на ихъ выборныхъ людехъ не доправили, норовя мужикамъ для своей бездѣльные корысти... будетъ вы тѣхъ досталныхъ денегъ на цѣловальникѣхъ и на ихъ выборныхъ людехъ доправя вскорѣ къ намъ не пришлете, и мы тѣ деньги велимъ доправить за вашу понаровку на васъ» [2]).

Въ актахъ мы находимъ любопытное указаніе, что даже въ 1683 г. вино въ Кайгородъ поставлялось съ Московскаго отдаточнаго двора. Сюда поставлялось 1000 ведеръ, по 10 алт. ведро: везли вино черезъ Соликамскъ [3]). Вешгомовъ говоритъ, что вся вятская область была снабжаема виномъ изъ Новгородскаго приказа, до его слиянія Посольскимъ въ 1671 г. [4]).

Патріаршіе сборы. Чрезъ XVII в. кромѣ другихъ проходятъ еще сборы въ пользу патріарха, собираемые издавна особыми патріаршими десятильниками. Были спеціальныя патріаршія переписи церковныхъ приходовъ, напр. въ 1626 г. ихъ описывалъ Трусовъ. Въ этомъ году патріаршей дани собиралось съ вяти 2 алт. [5]). Для сбора той же дани въ 1654 г. одновременно съ

[1]) Токмаковъ, сборн. матеріаловъ вып. 1, 25. [2]) Тамъ же, 14. [3]) Древніе акты, VII. [4]) По рукописи Стат. Ком. стр. 207. [5]) См. Покровск. акты.

Digitized by Google

переписью Караулова составленъ былъ такъ называемый «царской окладной списокъ», по которому поповскими старостами положено въ окладъ 16123 двора, по $6^1/_4$ ден. въ годъ со 100 дворовъ. По этому списку съ Хлынова платилось 1 р. 31 алт., съ Орлова—11 алт., съ Котельнича 17 алт., съ Слободскаго 20 алт., съ Шестакова 1 алт., всего сбору съ Вятки было 3 р. 15 алт. $6^1/_2$ ден., которые и отсылались въ Патріаршій приказъ [1]).

Патріаршіе сборы, какъ отсюда видно, были незначительны. Собирались они не съ прихожанъ, а съ церквей.

Взиманіе податей. Недоимки. Льготы.

Данныя, кормовыя, казначеевы, дьячьи, подьяческія, пищальныя платились по числу писцовыхъ вытей, т. е. съ земли, стрѣлецкія, ямскія, полоняничныя, сибирскій хлѣбъ и мелкія подати—съ числа дворовъ, занесенныхъ въ писцовыя и переписныя книги. Въ городахъ всѣ подати взимались съ числа дворовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по статьямъ, на которыя посадскіе люди дѣлились. Ратные люди въ уѣздѣ въ началѣ XVII в. брались съ сохъ, а послѣ, какъ и въ городахъ, съ дворовъ.

До 1678 г. порядокъ сбора податей былъ таковъ. Получивъ изъ Москвы память о количествѣ сборовъ и недоимокъ по его городу и уѣзду, воевода поручалъ своему подьячему разверстать ихъ по пригородамъ, станамъ и волостямъ, разсылалъ смѣтные списки выборнымъ приказнымъ цѣловальникамъ, которые должны были по нимъ собрать всѣ подати и къ извѣстному сроку представить ихъ въ Съѣзжую избу; здѣсь подьячіе подводили общій итогъ всѣмъ сборамъ, писалось донесеніе и вмѣстѣ съ деньгами посылалось въ Москву въ Новгородскій приказъ, съ особыми или тѣми же цѣловальниками [2]).

Въ 1678 г., какъ мы уже видѣли, въ поморскихъ городахъ всѣ мелкіе сборы и стрѣлецкія деньги были замѣнены общею податью по 1 р. 10 алт. съ двора; эту подать было приказано совершенно изъять изъ вѣдѣнія воеводъ, передавъ ея сборъ и доставку въ Москву выборнымъ земскимъ старостамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указано вѣдать сборы съ этихъ городовъ въ одномъ Стрѣлецкомъ приказѣ, во избѣжаніе излишней путаницы и волокиты. Возможно точно опредѣленъ самый порядокъ сбора. Дополнитель-

[1]) Исторія Вѣшнякова стр. 193. [2]) Древніе акты, 737.

Digitized by Google

ный указъ о томъ же 1698 г. вносить въ новый порядокъ сбора еще болѣе опредѣленности. «И по его великого государя указомъ тѣхъ городовъ и посадовъ и съ уѣздовъ стрѣлецкіе и оброчные денги и иные всякіе денежные доходы нынѣ и впередъ сбирать, а на ослушникахъ править, самимъ же тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникомъ изъ земскихъ избахъ, мимо воеводъ и приказныхъ людей, за выборомъ всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ людей; и окладываться имъ между себя въ тѣхъ сборѣхъ, смотря по пожиткомъ и по промысломъ, и собирая тѣ всякіе денежные доходы, присылать къ Москвѣ въ тѣ вышеписанные приказы (Новгородскій, Устюжскій, Владимірскій и Галицкій) имъ старостамъ и судейкамъ и цѣловальникомъ съ своими отписки и съ цѣловальники и съ провожатыми въ году на два срока, въ декабрѣ да въ мартѣ мѣсяцѣхъ въ среднихъ числѣхъ, ежегодъ безпереводно, не дожидаясь о томъ великого государя указовъ и нарочныхъ для того присылокъ и не пропустя тѣхъ вышеписанныхъ сроковъ; а для разсылки и для сбору тѣхъ окладныхъ денегъ, и правежу на ослушникахъ доимки, выбрать имъ старостамъ и мірскимъ людемъ въ посадѣхъ и въ уѣздѣхъ между себя ходоковъ, по сколку человѣкъ въ городѣ и уѣздѣ пристойно, *изъ меншой статьи* молодчихъ людей, для того чтобы имъ посадскимъ людемъ и уѣзднымъ крестьяномъ въ томъ *отъ прежде бывшихъ приказныхъ приставовъ* волокить и убытковъ и разоренія не было». Къ денежному сбору въ цѣловальники и сборщики приказано было выбирать *по очереди* изъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ добрыхъ, знатныхъ и прожиточныхъ людей, выборы клеить въ столпы и заносить въ особыя книги въ земской избѣ, къ присягѣ посылать сборщиковъ земскимъ старостамъ въ архіерейской приказъ. Противъ уклоненія выборныхъ отъ службы приняты строгія мѣры. Если выборный приносилъ въ земскую избу отъ имени воеводы дозволеніе не служить, указано было такихъ воеводскихъ подписныхъ челобитныхъ не слушать, самыя челобитныя и вмѣстѣ съ ними ослушника посылать въ Москву для розыска, а тамъ «учиненъ имъ указъ болши прежняго и сосланы будутъ на вѣчное житье въ Азовъ, чтобъ на нихъ смотря впередъ инымъ ихъ братьи отбиваться отъ очередныхъ службъ было неповадно».

Для сбора податей, при какомъ-то участіи земскихъ старость, должны были составляться въ Приказной избѣ на основа-

Digitized by Google

ія старыхъ приходныхъ книгъ окладныя книги, въ которыя сбо-
ры по каждому стану и волости вносились отдѣльно, а недоимки
кромѣ того погодно; подлинныя окладныя книги оставлялись у
воеводы, а списокъ съ нихъ отправлялся въ Новгородскую четь,
другой передавался старостѣ.

Кто изъ цѣловальниковъ и денежныхъ сборщиковъ будетъ
корыстоваться собранными деньгами, напр. торговать на нихъ,
давать ихъ въ займы, того приказано держать подъ земскою из-
бою, учинить имъ жестокое наказанье—вмѣсто кнута бить батоги
нещадно—и немедленно доправить на нихъ всю сумму сбо-
ровъ. Земскіе старосты, которымъ было поручено наблюдать за
этимъ, должны были чинить соотвѣтственное наказаніе и тѣмъ
посыльщикамъ въ станъ, которые отправлены для сбора недои-
мокъ и замѣчены въ понаровкѣ крестьянамъ.

Сами земскіе цѣловальники находились подъ постояннымъ
страхомъ наказанія. Указъ 1698 г. говоритъ, что если они съ
этого года будутъ допускать хотя малую недоимку, «за то быть
имъ въ жестокомъ наказаньи: битымъ кнутомъ, и сосланы будутъ
съ женами и дѣтми въ ссылку въ Азовъ на вѣчное житье, и до-
мы ихъ и животы взяты будутъ на великого государя безпово-
ротно». То же наказаніе назначено и тѣмъ цѣловальникамъ, ко-
торые будутъ выбраны земскими людьми къ денежному пріему
въ московскую посылку и ради этой службы будутъ, какъ води-
лось прежде, требовать себѣ отъ уѣздныхъ людей съ рубля по
5 и болѣе денегъ въ подмогу: «для того, что многіе такіе цѣло-
вальники имали многіе изъ міру денги и корыстовались сами, и
оттого учинилась на Вяткѣ многая доимка и уѣзднымъ крестья-
номъ разореніе».

Тѣмъ же указомъ приняты строгія мѣры противъ уклоненія
отъ платежа сборовъ бѣломѣстцами, а церковные причетники и
архіерейскіе домовые люди исключены изъ вѣдѣнія земскихъ ста-
ростъ, съ которыми у нихъ изъ-за платежей выходили постоян-
ныя непріятности [1]).

О количествѣ всѣхъ сборовъ съ Вятки въ XVII в. мы имѣ-
емъ пока малыя свѣдѣнія. Въ 1678 г. окладныхъ дворовъ было
10758, съ которыхъ сборъ по 1 р. 1 гр. въ общемъ далъ 11833 р.,
а оброчныхъ съ бѣломѣстцевъ въ этомъ году получено 403 р. [2]).

---

[1]) Древніе акты, 236—242. [2]) Тамъ же, 237.

Digitized by Google

Въ 1680 г. окладного дворового сбору получено 15760 р., да оброчныхъ 1313 р., кромѣ того несокладныхъ, таможенныхъ и кружечныхъ 9170 р. [1]), въ томъ же году съ промысловъ получено 429 р., по десяти денегъ съ рубля [2]).

Въ началѣ XVII в. недоимокъ на Витѣ почти не было; кто забывалъ тягло, за того платили сполна станомъ по общей раскладкѣ [3]). Въ 1667 г. недоимка была тоже еще не велика: стрѣлецкихъ денегъ въ недоимкѣ за прошлые годы было 1201 р., другихъ 1203 р. Въ этомъ году путемъ строгаго правежа уплачено было недоимокъ 1064 р.; оказалось много бѣжавшихъ, за которыхъ на правежѣ были поставлены оставшіеся тяглые люди [4]). Но съ увеличеніемъ податей въ 1673 г. недоимка стала расти такъ быстро, что съ этого году до 1680 г. изъ окладныхъ 76183 р. не было уплачено 25130 р., т. е. цѣлой трети сборовъ [5]). Такой большой недоборъ, какъ мы видѣли, вызвалъ со стороны правительства особыя мѣры, напр. уменьшеніе самаго сбора. Всетаки недоимки копились, земскіе старосты едва ли когда-нибудь присылали всю окладную сумму податей, и правительство принуждено было постоянно посылать о нихъ указы, одинъ строже другого; извѣстный намъ указъ 1699 г. въ мѣрахъ строгости при взысканіи сборовъ дошелъ до такой границы, дальше которой некуда было идти.

Причины образованія недоимокъ были весьма разнообразны: тяжесть податей, бѣгство тяглыхъ людей, неплатежъ сборовъ бѣлоѣстцами, злоупотребленія земскихъ и приказныхъ сборщиковъ, военное разореніе, моровыя повѣтрія и т. д.

Можетъ быть, изъ всѣхъ этихъ причинъ накопленія недоимокъ самою важною былъ размѣръ податей, сборовъ и повинностей, на который уѣздные люди не разъ откровенно жаловались. Мы видѣли, къ какой недоимкѣ привелъ усиленный сборъ стрѣлецкой деньги въ 1673 г. Тяжесть денежныхъ сборовъ весьма увеличивалась тѣмъ, что крестьянамъ и посадскимъ людямъ приходилось кромѣ нихъ нести еще многочисленныя натуральныя повинности, судебные сборы и друг.

Какъ только воеводы и земскіе старосты начинали съ особеннымъ усердіемъ править сборы и недоимки, тѣ тяглые люди,

---

[1]) Вештомовъ, стр. 222. [2]) Тамъ же, стр. 225. [3]) Древніе акты, 170. [4]) Тамъ же, 170—172. [5]) Тамъ же, 200.

Digitized by Google

которымъ нечего было много терять, оставляли тяглое свое имущество и бѣжали куда-нибудь на новое мѣсто, гдѣ могли совсѣмъ скрыться отъ становыхъ присыльщиковъ или отдаться подъ покровительство какого-нибудь сильнаго бѣломѣстца, монастыря, церкви, которые безъ особеннаго труда могли ихъ утаить отъ сборщиковъ. Съ Вятки такимъ образомъ бѣжали на привольныя мѣста въ Сибирь, но еще чаще въ казанскій уѣздъ или даже въ тотъ же вятскій, напр. на Вою, за какія-нибудь полтораста верстъ отъ Хлынова. Тягло бѣглыхъ крестьянъ раскладывалось на оставшихся тяглецахъ, которые и впадали оттого въ недоимки: «они вятчане тѣхъ денегъ по окладу сполна не выплачиваютъ за пустотою, потому что у нихъ многіе тягла запустѣли, и взять тѣхъ денегъ не на комъ, и достальные люди отъ немѣрнаго правежу бѣгутъ въ сибирскіе розные городы» [1]).

Бѣломѣстцы, владѣя тяглою землею въ уѣздѣ или тяглыми дворами въ городѣ, тѣмъ самымъ принимали на себя обязанность платить всѣ сборы вмѣстѣ съ земскими людьми. Но, пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и вліяніемъ на сборщиковъ, они имѣли возможность или не доплачивать, или вовсе не уплачивать тягла, которое въ такомъ случаѣ ложилось на остальныхъ уѣздныхъ людей. Земскіе старосты постоянно жаловались на нихъ великому государю и каждый разъ получали указы о непремѣнномъ взысканіи съ нихъ всѣхъ писцовыхъ сборовъ, но указы эти мало помогали: «и по тѣмъ его великого государя грамотамъ церковные причетники и гостиной сотни и архіерейскіе домовые люди стрѣлецкихъ денегъ и мірского тягла сполна по мірскому окладу не выплачиваютъ, а иные вовсе не платятъ, чинятся въ томъ не послушны» [2]). Наконецъ, въ 1699 г. земскимъ старостамъ былъ данъ приказъ, если бѣломѣстцы не будутъ платить сборовъ, «держать ихъ подъ земскою избою въ другомъ подклѣтѣ и бить на правежѣ до тѣхъ поръ, покамѣстъ они тѣ деньги и мірское тягло заплатятъ» [3]). Вѣроятно, съ этихъ поръ недоимки съ бѣломѣстцевъ прекратились, но также вѣроятно и то, что имъ и позднѣе оказывались всевозможныя льготы. Вѣроятно, не совсѣмъ исправно платили подати и монастырскіе крестьяне.

Правительство какъ на одну изъ виднѣйшихъ причинъ накопленія недоимокъ указывало на злоупотребленія всякаго рода

[1]) Древніе акты, 193, 170, 209. [2]) Тамъ же, 239. [3]) Тамъ же, 240.

Digitized by Google

сборщиковъ, — и земскіе, и приказные. Земскіе сборщики за взятку медлили взысканіемъ недоимокъ и тянули самый платежъ податей [1]), удерживали у себя деньги для торговыхъ оборотовъ, а писали ихъ въ недоимкѣ [2]); въ городѣ могли быть большія злоупотребленія при опредѣленіи статьи, къ которой долженъ былъ отнесенъ посадскій человѣкъ для платежа повинностей. Конечно, сборщики мирволили своимъ роднымъ и знакомымъ, особенно изъ бѣломѣстцевъ, чѣмъ и объясняется большое накопленіе недоимокъ съ послѣднихъ. Богатымъ и полнымъ людямъ можно было безъ труда добиться всякихъ послабленій, а терпѣли болѣе всего бѣдные, маломочные и несмѣлые люди.

Еще болѣе злоупотребленій при взиманіи податей было со стороны воеводъ и его подьячихъ. Такъ напр., за взятки, недоимки взыскивались не съ тѣхъ лицъ, которыя ихъ запустили, а съ исправныхъ плательщиковъ; бывало даже, что городъ платилъ за городъ, станъ за станъ, не смотря на прямой указъ царя Михаила Ѳеодоровича не накладать на городъ и увѣдъ никакихъ чужихъ податей, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ [3]). Вятчане, жалуясь на раскладку на нихъ воеводою недоимки шестаковцевъ въ 1649 г. пишутъ, что «на Вяткѣ въ съѣзжей избѣ прошлыхъ годовъ доимочные всякіе доходы порознь и посмѣста не выписаны, а роспишутъ тѣ доимочные доходы по прежнему по окладу на всѣхъ, кто за кого платилъ лишка или кто и не платилъ вполнѣ, и иные многіе лишніе денги розводятъ и допраливаютъ сверхъ окладу неѣдомо за которые годы и за станы, и отъ того они въ конецъ погибли... платячи за тѣхъ людей недоплатные долги, обнищали и одолжали великими долги, и отъ того ихъ наслѣдства вятская земля пустѣетъ» [4]). Въ другой разъ, въ 1682 г. вятчане били челомъ великому государю, что «нынѣ у таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ у сборовъ, и на карауляхъ, и у мірскихъ и у волостныхъ дѣлъ сидятъ подьячіе безъ мірскихъ выборовъ, но подписнымъ [5]) челобитчикомъ и по накупомъ, и чинятъ имъ налоги и истѣсненіе, и отъ писма берутъ лишные взятки, и отъ тѣхъ ихъ налогъ и лишнихъ взятковъ разорились они въ конецъ напрасно, и вятскіе увѣзды пустѣютъ» [6]). Указъ

[1]) Древніе акты, 241. [2]) Тамъ же, 240. [3]) Тамъ же, 127. [4]) Древніе акты, 128 и 127. Впрочемъ и земскіе люди себѣ въ подмогу собирали такимъ же образомъ деньги съ кого могли. Тамъ же, 53. [5]) Т. е. воеводскимъ. [6]) Древніе акты, 215.

Digitized by Google

1639 г. говорить, что по воеводскимъ прихотямъ были въ прошлыхъ годахъ многіе съ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ ненадобные сборы и держаны въ расходъ на ихъ прихоти, и тѣми своими прихотьми воеводы останавливали настоящіе денежные сборы и запускали многую доимку [1]). Злоупотребленія, допускаемыя подьячими при сборахъ податей, и были причиною того, что завѣдываніе этими сборами было поручено земскимъ людямъ самимъ.

Наконецъ, причинами къ увеличенію недоимокъ служили такіе нежиданные и неустранимые случаи, какъ разореніе земли воинскими людьми, а въ мирное время шайками разбойниковъ, моръ и другія подобныя несчастія. Въ началѣ XVII в. вятскіе города сильно обезлюдѣли по тѣмъ же причинамъ, какъ и города другихъ мѣстностей Россіи, и это отразилось на сборахъ съ нихъ. О моровыхъ повѣтріяхъ на Вяткѣ въ XVII в. мы знаемъ очень мало. Знаемъ, что отъ мороваго повѣтрія 1656 г. въ полянской вотчинѣ Успенскаго монастыря изъ 32 дворовъ вымерло болѣе половины, вслѣдствіе чего въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ этой вотчины накопилось недоимки 444 р. Можемъ догадываться, что нѣкоторыя сосѣднія деревни вымерли безъ остатку, или были покинуты. Въ особенной панникѣ въ это время были инородцы [2]).

Правительство принимало самыя разнообразныя мѣры для сбора недоимокъ и въ видахъ предупрежденія ихъ на будущее время: сбавляло ихъ, соглашалось подождать нѣкоторое время, старалось пополнить пустующіе жеребьи, оказывало воздѣйствіе на бѣломѣстцевъ, преслѣдовало бѣглыхъ, устраняло злоупотребленія воеводъ и сборщиковъ, назначало новыя переписи и т. д. Но всѣ эти мѣры были случайны, временны и не могли имѣть большаго значенія. Надо было найти другое, дѣйствительное средство противъ недоборовъ. Въ XVII в. такимъ средствомъ признавался правежъ, какъ сборщиковъ, такъ и недоимщиковъ. Подвергнутый правежу запирался въ подклѣтѣ съѣзжей избы и держался тамъ до тѣхъ поръ, пока его не выкупала семья или родственники; время отъ времени его били. Вотъ нѣкоторыя картины правежа. Въ 1597 г. преп. Трифонъ билъ челомъ государю, что пріѣзжіе сборщики старцамъ и слугамъ въ монастырѣ чинятъ насилство великое, и крестьянъ монастырскихъ продаютъ и сажаютъ въ желѣза и

[1]) Древніе акты, 238. [2]) Тамъ же, 145—146.

Digitized by Google

убытки, имъ чинятъ великіе, и отъ ихъ насилства многіе разбрелись» [1]). Недѣльщикъ намѣстника Безобразова, пріѣхавъ въ Кайгородъ съ посадскими чердынскими людьми, «били кайгородцевъ не по дѣлу батоги и въ тюрму метали и обиду и насилство имъ чинили и на правежи изъ данныхъ книгъ били» [2]). Въ 1669 г. пріѣзжалъ въ гое село Вознесенское съ Вятки Успенскаго монастыря правитель съ братьею да съ ними монастырскихъ слугъ и крестьянъ человѣкъ съ 50 и болши, съ ружьемъ, и, въ томъ селѣ ихъ крестьянъ били до полусмерти и вязали и въ желѣза всадили, и доправили на нихъ денегъ 200 р. 10 алт.; а у кого денегъ не было, и у тѣхъ брали кафтаны шубные и сермяжные и овчины, а у женъ ихъ сарафаны и кресты и изъ ушей серги; и увезли на Вятку 6 человѣкъ, и на Вяткѣ мучатъ ихъ въ цѣпяхъ, и церковь Божію ограбили, книги и казну взяли, и попа и церковныхъ причетниковъ увезли»; отъ такого разоренія крестьяне «въ конецъ погибли и до основанія разорились» [3]). Еще болѣе сильное впечатлѣніе выносимъ изъ картины правежа съ крестьянъ того же села посланнымъ изъ Казани стрѣлецкимъ сотникомъ [4]). Въ 1667 г. вятчане писали, что они за недоимки бѣглыхъ людей стоятъ на правежѣ, что ихъ въ день бьютъ, а къ ночи мечутъ въ тюрьму [5]).

Въ случаѣ «непомѣрнаго» правежа посадскіе и уѣздные люди прибѣгали иногда къ займамъ въ счетъ будущихъ сборовъ; бывало даже, что воевода давалъ земскимъ людямъ въ долгъ денегъ изъ Приказной избы, пока они не соберутъ промежъ себя, но конечно это случалось не часто [6]). Чтобы заплатить денежные доходы сполна, вятчане въ 1649 г. должны были занять денегъ изъ великихъ ростовъ [7]). Въ подобномъ же случаѣ Кайгородцы заплатили за 150 р. росту 47 р., т. е. почти треть суммы [8]). Городъ въ Шестаковѣ ставился въ долгъ на наемныя деньги. Шестаковцы, кажется, долю не могли заплатить его и просили, чтобы имъ дозволено было его уплачивать безъ росту, въ льготную плату, съ разсрочкой [9]).

Изъ Москвы то и дѣло посылались указы о сыскѣ бѣглыхъ тяглецовъ и о возвратѣ ихъ на прежнихъ жеребьяхъ, но указы

[1]) Древніе акты, 44 [2]) Тамъ же, 51. [3]) Тамъ же, 161 [4]) Тамъ же, 177 [5]) Тамъ же, 172. [6]) Тамъ же, 64. [7]) Тамъ же. 126. [8]) Тамъ же, 51. [9]) Тамъ же, 20 и 26.

Digitized by Google

ти вообще оказывались безсильными. Дѣло въ томъ, что бѣглыхъ всюду принимали очень радушно, такъ какъ они увеличивали платежныя силы тѣхъ уѣздовъ и земель, гдѣ поселились. Воеводы смотрѣли сквозь пальцы на бѣглыхъ своего уѣзда даже въ томъ случаѣ, если получали прямыя приказанія отыскать и выдать ихъ. Въ 1665 г. вятскій воевода писалъ казанскому, что по указу великого государя онъ долженъ прислать на Вятку вятскихъ бѣглецовъ, поселившихся на Лебяжьѣ. Казанскій воевода отвѣтилъ вятскому, что онъ его отписку принялъ, но всетаки бѣглецовъ не выслалъ и даже ничего послѣ того не писалъ [1]). Для сыску бѣглыхъ воевода посылалъ къ сосѣднему воеводѣ старостъ и цѣловальниковъ. Тѣ, отыскавъ бѣглыхъ, приводили ихъ къ нему, а онъ долженъ былъ самъ разспросить и сыскать всякими сыски, жили ли они на такомъ-то посадѣ или въ такомъ-то уѣздѣ, записаны ли въ писцовыя книги, когда ушли съ тягла, и если оказывалось, что они ушли назадъ тому менѣе 10 лѣтъ, долженъ былъ сдать ихъ на крѣпкія поруки, что они возвратятся на старое тягло, и послать съ тѣми старостами, которые по нихъ присланы [2]). Бѣглые иногда обнаруживались при дозорѣ церковной или монастырской земли; тогда ихъ должны были заставить воротиться на старый тяглый жеребій [3]).

Бѣжали посадскіе и уѣздные люди не отъ однихъ только сборовъ податей, а также и отъ другихъ причинъ. Бѣжали напр. заточные люди, стрѣльцы, старосты, цѣловальники, должники, преслѣдуемые разбойниками и т. д. [4]).

Льготы въ податяхъ давались только въ томъ случаѣ, если кто-нибудь бралъ для обработки дикое мѣсто. Обыкновенно въ такомъ случаѣ давалась льгота на пять лѣтъ. Льгота на 10 лѣтъ въ податяхъ дана въ 1546 г. жителямъ новопоставленнаго города Шестакова. Послѣ льготы ихъ должны были обложить сборами слобожане, докуда опишетъ писецъ [5]).

А. Спицынъ.

---

[1]) Древніе акты, 162. [2]) Тамъ же, 121. [3]) Тамъ же, 182. [4]) Тамъ же, 11, 195, 199. [5]) Тамъ же, 20—22.

Печатано по постановленію Губернскаго Статистическаго Комитета 19 ноября 1887 г.

Вятка. Губернская Типографія. 1887 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

A. A. Spitsyn

Prepodavateli

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Russkago Yazyka i Slovesnosti

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Vyatskoi Gimnazii

ВЯТСКОЙ ГИМНАЗІИ

въ 1811—1865 г.

Составилъ А. Спицынъ.

Перепечатано изъ Календаря Вятской губерніи на 1892 г.

ИЗДАНІЕ ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЯТКА.
Губернская типографія.
1891.

Digitized by Google

Печатано по постановленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 26 Ноября 1891 года.

MILIUKOV LIBRARY

Digitized by Google

КЪ ИСТОРІИ ВЯТСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Преподаватели русскаго языка и словесности Вятской гимназіи въ 1811—1865 г.

Преподаватели русскаго языка.

*1836—1841**). *Косаревъ Мих. Сид.* Косаревъ долгое время преподавалъ въ гимназіи географію, и потому мы отлагаемъ характеристику этого учителя до другого времени. Пятилѣтнія занятія его преподаваніемъ русскаго языка врядъ ли были успѣшны; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что вновь поступившій въ гимназію учитель словесности Михайловъ внесъ въ Совѣтъ записку о неудовлетворительныхъ успѣхахъ учениковъ гимназіи по этому предмету. Въ запискѣ указывалось, что знанія учениковъ ограничиваются буквальнымъ усвоеніемъ текста учебника. Совѣтъ сдѣлалъ Косареву соотвѣтственныя напоминанія, которыя впрочемъ пригодились лишь его преемникамъ, такъ какъ онъ поспѣшилъ перейти на другой предметъ—географію, оказавшійся вполнѣ по его наклонностямъ. Впрочемъ, мы должны отнестись къ неуспѣшности учениковъ Косарева во всякомъ случаѣ снисходительно, такъ какъ въ то время врядъ ли кто проходилъ грамматику такъ, какъ требовалъ того Михайловъ.

1841—1842. На короткое время Косарева смѣнилъ учитель Орловскаго уѣзднаго училища *Вас. Танаевскій*, братъ профессора семинаріи. У Танаевскаго въ это время начинался третій припадокъ сумасшествія. Онъ взялъ отпускъ, жалованье впередъ за мѣсяцъ и куда-то поѣхалъ лѣчиться подъ надзоромъ брата. Болѣзнь оказалась однако неизлѣчимою. Когда братья возвращались обратно, то Танаевскій въ виду города выпрыгнулъ изъ повозки и закричалъ, что онъ не ѣдетъ въ Вятку, такъ какъ она стерта съ лица земли. Въ томъ же году онъ умеръ въ больницѣ **).

*) По уставу 1804 г. русскій языкъ въ гимназіяхъ не преподавался.

**) Архивъ гимназіи 1842 г. № 98 стр. 4. Формуляръ 1842 г. № 177 стр. 45.

Digitized by Google

1842—1845. Во время болѣзни Танаевскаго и послѣ него въ теченіе 3-хъ лѣтъ русскій языкъ преподавалъ *Тиховидовъ*, перешедшій потомъ на словесность. Не видно, чтобы Тиховидовъ болѣе любилъ свой предметъ или старался сдѣлать его болѣе интереснымъ, чѣмъ предшественникъ его по предмету Косаревъ. Въ 1843 г. Совѣтъ, вѣроятно, по настоянію того же Михайлова, предложилъ ему „болѣе примѣняться къ пониманію учениковъ“ и ввести декламацію, а въ слѣдующемъ году потребовалъ усиленнаго вниманія къ изученію грамматики, рекомендуя „изъяснять правила простымъ, невольно проникающимъ въ умъ языкомъ“ и изучаемыя правила осмыслять примѣрами. Тиховидовъ оказался болѣе на мѣстѣ въ качествѣ учителя словесности, такъ какъ преподаваніе этого предмета требуетъ иныхъ достоинствъ, чѣмъ преподаваніе русской грамматики.

Когда Тиховидовъ уѣзжалъ держать экзаменъ, въ его отсутствіе грамматику проходилъ съ учениками учитель уѣзднаго училища *Декармино*.

1845—1852. Тиховидова замѣстилъ учитель, который по разнымъ причинамъ также не могъ поставить изученіе русскаго языка въ гимназіи серьезно, *Ѳед. Сем. Томиловъ*, кандидатъ философскаго факультета Казанскаго университета. Это былъ высокій, стройный и гибкій молодой человѣкъ, всегда опрятно, даже щегольски одѣтый, съ маленькой головой, неправильнымъ, но пріятнымъ смуглымъ лицомъ и длинными волосами, которые онъ поминутно отбрасывалъ назадъ движеніемъ головы или руки. Мягкія, пріятныя манеры, вкрадчивый голосъ, изящная рѣчь, юность—дѣлали Томилова вовсе не суровымъ педагогомъ. Къ наказаніямъ онъ не прибѣгалъ, ограничиваясь замѣчаніями и улыбками, и къ ученикамъ относился по-товарищески, даже почти за панибрата. Зубрить учебникъ не заставлялъ и, кажется, не любилъ зубрежки. Диктовалъ много стиховъ, не исключая и длинныхъ, такъ что у учениковъ понемногу составлялись изъ нихъ цѣлыя христоматіи. Съ Томиловымъ было пріятно имѣть дѣло. Спокойный, благодушный, человѣкъ безъ горя и заботъ, онъ былъ общимъ фаворитомъ въ лучшихъ губернскихъ кружкахъ *).

*) Учитель Линкинъ въ очеркахъ Щедрина.

Digitized by Google

Томиловъ тяготился своимъ положеніемъ младшаго учителя и послѣ смерти учителя исторіи Тимкина сталъ проситься на его мѣсто. Хотя онъ экзамена не сдержалъ, „оказавъ до нѣкоторой степени слабыя познанія по русскимъ древностямъ“, но всеже ему было предоставлено исправленіе должности учителя съ условіемъ утвердить въ ней, когда онъ докажетъ достаточныя познанія. Томиловъ вскорѣ предпочелъ перейти учителемъ словесности въ Симбирскую гимназію, для чего снова держалъ экзаменъ въ 1851 году. Въ 1855 г. онъ былъ уже столоначальникомъ Коммисаріатскаго Департам. Морского Министерства. *).

Въ отсутствіе Томилова преподаваніе русскаго языка было поручено учителю уѣзднаго училища *Ягодинскому*.

1852—1857 г. ***В. П. Москвинъ***, извѣстный болѣе какъ преподаватель словесности. Русскій языкъ шелъ у Москвина, повидимому, хорошо. За это время директоръ неоднократно рекомендуетъ его въ своихъ отчетахъ (въ 1854 году даже прежде всѣхъ учителей), а въ 1855 г. ходатайствуетъ о выдачѣ ему единовременнаго пособія. Ученики младшихъ классовъ жалѣли Москвина, когда онъ перешелъ на словесность. Кажется, что Москвинъ ввелъ нѣкоторое оживленіе въ преподаваніе своего предмета, проходившагося до него схоластически—сухо. Онъ даже рискнулъ наложить руку на грамматику Востокова, временно замѣнивъ ее учебникомъ Иванова.

Послѣ Москвина обязанности учителя русскаго языка нѣкоторое время исполнялъ *Халютинъ*, который однако скоро былъ переведенъ, а на мѣсто его назначенъ дѣйств. студентъ Казанскаго университета *Корсаковъ*, учитель Казанскаго уѣзднаго училища. Вслѣдствіе краткости пребыванія своего въ Вятской гимназіи Корсаковъ не оставилъ здѣсь никакого слѣда. Повидимому, никто Корсакова не пожалѣлъ, когда онъ оставилъ Вятку. Это былъ довольно высокій молодой человѣкъ съ задатками полноты. У одного изъ учениковъ Корсакова, вспоминающаго этого учителя безъ малѣйшаго удовольствія, сохранилось въ памяти, какъ разъ онъ не только изгналъ изъ класса ни въ чемъ неповиннаго гимна-

*) Формуляръ въ дѣлахъ гимназіи 1846 г. № 78, 246. Характеристика дается исключительно на основаніи письменныхъ и изустныхъ сообщеній проф. Степанова.

Digitized by Google

зиста, но даже собственноручно вывелъ его за носъ, что было черезчуръ и потѣшно, и возмутительно *).

Въ декабрѣ 1859 г. Корсаковъ помѣнялся мѣстомъ съ Халютинымъ, который между тѣмъ успѣлъ выдержать экзаменъ и былъ назначенъ въ Нижегородскую гимназію.

1857—1872 г. Александръ Кондратьевичъ Халютинъ, ученикъ I Казанской гимназіи, поступилъ въ Казанскій унив. на казенный счетъ, но вышелъ въ 1845 г., не кончивъ курса, и поступилъ на службу въ уѣздное училище, сперва Троицкое, потомъ Сарапульское, откуда директоромъ Глѣбовымъ былъ переведенъ въ Вятскую гимназію. Здѣсь онъ преподавалъ недолго и перешелъ въ Казанское уѣздное училище, чтобы удобнѣе сдать экзаменъ на званіе учителя гимназіи, сдалъ его и вновь попалъ въ Вятку, гдѣ и оставался до самой смерти. Такимъ образомъ половину своей почти 27-лѣтней службы А. К. Халютинъ провелъ на службѣ учителемъ уѣздныхъ училищъ, половину въ гимназіи.

А. К. твердо и серьезно взялся за свое учительское дѣло и велъ его все время съ неустанною энергіей. На урокахъ это былъ строгій, требовательный, бдительный, никогда не улыбавшійся **) и всегда готовый наказать за невниманіе и лѣнь учитель. Халютинъ требовалъ отъ учениковъ усерднаго, усиленнаго труда, не особенно стараясь облегчить имъ занятія и не мирволя имъ: такова была его педагогическая программа, вынесенная изъ долговременной практики въ уѣздныхъ училищахъ. Не выучить урока у А. К. было нельзя, потому что незнаніе неизбѣжно бывало обнаружено и наказано. Въ обращеніи съ учениками А. К. былъ требователенъ, суровъ, неприступенъ, и притомъ всегда неизмѣнно одинаковъ. Суровое обращеніе смягчалось развѣ тѣмъ, что Халютинъ никогда не выходилъ изъ себя и не наказывалъ, не убѣдившись прежде въ дѣйствительной винѣ ученика. Уже одна наружность А. К. должна была внушать ученикамъ уваженіе къ нему. Это былъ крѣпкій, мужественный,

*) Воспоминанія А. К. Лопатина, стр. 7.

**) „Я только разъ видѣлъ, какъ А. К. улыбается, и его улыбка показалась мнѣ необыкновенно смѣшной. Она была вызвана тѣмъ, что ученикъ Б. на вопросъ, какъ произвести существительное женскаго рода отъ слова „волкъ“, отвѣтилъ: „жена волка“. Классъ дружно засмѣялся, а Халютинъ, необыкновеннымъ манеромъ скрививъ ротъ, спросилъ: „давно ли они повѣнчались“? Воспоминанія П. И. Свѣшникова стр. 6.

Digitized by Google

полный человѣкъ, гладко остриженный, съ неулыбающимися зоркими глазами *). Еще болѣе сильное впечатлѣніе производилъ звучный, суровый въ классѣ голосъ Халютина. Онъ долгое время былъ класснымъ надзирателемъ, и надо было видѣть, какая тишина воцарялась въ классѣ, когда онъ входилъ сюда въ перемѣну съ газетнымъ листкомъ въ рукѣ! Незнаніе урока и шалости равно наказывались отеческими мѣрами: А. К. поставитъ проштрафившагося въ уголъ, иногда на колѣни, вышлетъ изъ класса, оставитъ безъ обѣда, а въ экстренныхъ и возможныхъ случаяхъ слегка потеребитъ за уши или за волосы. Впрочемъ ему рѣдко приходилось прибѣгать къ наказаніямъ, такъ какъ и безъ нихъ имя его было честно и грозно. Конечно, А. К. былъ большой грозой для учениковъ малоспособныхъ и шалуновъ, но его все же не столько боялись, сколько опасались. Шалости постоянныя, напр. куреніе, А. К. умѣлъ преслѣдовать до конца, и если примется водворять что-нибудь среди учениковъ, напр. галстукъ, такъ никого не упуститъ изъ виду.

Дома и въ обществѣ А. К. мѣнялся. Тамъ онъ былъ добрый, живой, привѣтливый и общительный человѣкъ, любившій шутку и умѣвшій быть своимъ въ веселой пріязненной кампаніи. Обладая хорошимъ голосомъ и игрой, онъ охотно принималъ участіе въ любительскихъ спектаклахъ, особенно въ комедіяхъ Островскаго.

Но и отъ учениковъ не скрывалось добродушіе Халютина. Одинъ изъ его учениковъ, вообще строгій на отзывы объ учителяхъ своихъ, говоритъ объ А. К.: „Человѣкъ онъ былъ хорошій, педагогъ добросовѣстный. Намъ онъ нравился главнымъ образомъ своимъ ровнымъ характеромъ и простотой. Ничего вреднаго въ наше воспитаніе онъ не внесъ". Гроза въ младшихъ классахъ, Халютинъ былъ любимцемъ въ старшихъ, потому что не относился здѣсь къ ученикамъ свысока и энергично заступался за нихъ на экзаменахъ. Вотъ почему онъ оказывается въ числѣ „избранныхъ" учителей, которыхъ хвалятъ за усердіе къ дѣлу просвѣщенія и за вниманіе къ ученикамъ кончившіе курсъ гимназисты въ одномъ рукописномъ журналѣ.

*) Ученики, конечно, знали, что Халютинъ очень сильный, и почему-то предполагали, что онъ однимъ щелчкомъ разбиваетъ глиняный горшокъ.

Digitized by Google

На дѣло преподаванія Халютинъ смотрѣлъ очень просто и твердо, какъ смотрѣли въ старину: онъ хотѣлъ лишь „научить“, возлагая трудъ ученья на самихъ учениковъ, а на себя принявъ обязанность контроля. Задачи развитія учениковъ, осмысленія занятій, цѣли формальныя уходили на второй планъ, хотя А. К. не могъ не принять участія въ томъ педагогическомъ движеніи, которое возникло въ Казанскомъ округѣ со времени вступленія на должность попечителя памятнаго П. Д. Шестакова, и даже ѣздилъ въ Казань на извѣстный учительскій съѣздъ 1864 г. Грамматику (сперва Востокова, потомъ Говорова) ученики должны были знать какъ свои пять пальцевъ—и дѣйствительно знали. Правила заучивались съ примѣрами, во всѣхъ подробностяхъ избраннаго учебника. Но теоретическое знаніе грамматики считалось дѣломъ второстепеннымъ и легкимъ, хотя и неизбѣжнымъ, а вся энергія преподаванія уходила на такъ называемый грамматическій разборъ и на орѳографію. Въ разборѣ ученики, отъ непрестаннаго упражненія, изощрялись до тонкости. Спеціальныхъ сборниковъ для диктанта въ ту пору еще не было, и преподаватель для диктовки бралъ статьи изъ той же христоматіи; любимымъ пріемомъ его было писанье на память заученныхъ наизусть стихотвореній, что ученикамъ очень не нравилось и, вѣроятно, было не особенно полезно, какъ занятіе вполнѣ механическое. Въ III и IV классахъ давались уже изложенія; иногда для нихъ выбирались статьи довольно длинныя и мудреныя. А. К. зналъ и любилъ славянскій языкъ, и этотъ предметъ шелъ у него хорошо. Еще болѣе ученики обязаны ему значительнымъ запасомъ умѣло выбранныхъ и заученныхъ на память стихотвореній *). Занятія располагались въ строгомъ порядкѣ по днямъ недѣли. Всѣмъ ученикамъ особенно памятны среды, назначенныя на диктовку, такъ какъ для многихъ это былъ очень тревожный день. Далѣе учебниковъ ученики не шли, но что было въ нихъ, изучалось твердо, навсегда, составляя прочное достояніе на всю жизнь.

Офиціально успѣхи учениковъ А. К. Халютина призна-

*) Христоматіями сперва были: Другъ дѣтей, Книга для первоначальнаго чтенія, Христоматія Галахова (IV кл.), а потомъ принята была христоматія Ушинскаго.

Digitized by Google

вались хорошими. Отчетъ попечителя округа 1863 г. лучшими гимназіями по русскому языку признаетъ двѣ Казанскія, Саратовскую и Вятскую. Директоръ въ отчетѣ того же года прямо говоритъ, что русскій языкъ въ гимназіи проходится хорошо. Въ отчетѣ слѣдующаго года онъ пытается и характеризовать сущность пріемовъ Халютина, хотя и не вполнѣ удачно: „Преподаватель умѣетъ однимъ устнымъ разсказомъ, вопросами и письмомъ довести учащихся до удовлетворительной степени успѣшности". Инспекторъ Шиманскій въ отчетѣ 1864 г. выражается подробнѣе: „Педагогическая опытность, умѣнье поддерживать общее вниманіе въ классѣ, несмотря ни на какое многолюдство учениковъ, и посредствомъ однихъ изустныхъ разсказовъ и диктовки доводить ихъ до довольно правильнаго и даже отчетливаго граммати-ческаго разбора и письма—вотъ достоинства младшаго учителя Халютина. Преподаваніе, разумѣется, кромѣ изустныхъ разсказовъ и толкованій съ его стороны, сопровождается постояннымъ упражненіемъ учениковъ, особенно I кл., въ разсказѣ своими словами прочитаннаго и въ заучиваніи басенъ. О дѣятельности его, живости преподаванія, энергіи и аккуратномъ посѣщеніи классовъ тоже нельзя не отозваться съ хорошей стороны" *).

„Халютинъ наставникъ способный и усердный", говоритъ окружный инспекторъ Чашниковъ. „Онъ очень хорошо приготовляетъ воспитанниковъ низшихъ классовъ къ поступленію въ высшіе, развивая ихъ способности благоразумнымъ выборомъ соотвѣтственныхъ ихъ возрасту и понятіямъ статей изъ писателей или дѣльными разсказами, почерпнутыми изъ собственнаго домашняго чтенія".

А. К. Халютинъ скончался на 49 году жизни отъ воспаленія легкихъ. Смерть его вызвала дружныя сожалѣнія въ обществѣ и въ гимназіи. Составитель некролога А. К. говоритъ о немъ: „Дѣятельность покойнаго преподавателя отличалась блестящими результатами: ученики, учившіеся у него, отличались основательнымъ знаніемъ дѣла и въ большинствѣ случаевъ твердымъ нравственнымъ закаломъ" **).

*) Дѣло 1864 г. № 26, 42.

**) Конечно, послѣднее не вполнѣ справедливо, но справедливо, что А. К. самъ былъ человѣкомъ твердаго нравственнаго закала. Некрологъ въ Вят. Вѣд. 1872, 76, 85 и 86.

Digitized by Google

Бывшій директоръ гимназіи Глѣбовъ по этому же случаю пишетъ: „Во все продолженіе службы своей А. К. Халютинъ былъ наставникомъ и воспитателемъ вполнѣ благонамѣреннымъ и сознающимъ важность своихъ обязанностей и выполнялъ ихъ разумно, съ полною преданностью къ своему дѣлу. Сыновняя любовь и нелицемѣрная преданность ему воспитанниковъ и воспитанницъ гимназій, при его усердіи и умѣньи вести дѣло, могу сказать, были совершенны“ *). Присутствуя при похоронахъ А. К., мы можемъ подтвердить, что сожалѣніе было общее. Особенно замѣтно выразилось вниманіе къ А. К. со стороны старшихъ учениковъ. Они все время несли его гробъ на своихъ рукахъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ простую, но задушевную рѣчь **).

Въ 1861—1865 г. А. К. Халютинъ состоялъ учителемъ женской гимназіи, съ 1863 г. - класснымъ надзирателемъ въ мужской гимназіи.

Преподаватели словесности.

1811—1819 г. Первымъ преподавателемъ словесности и философскихъ предметовъ былъ *Свѣд. Як. Поповъ*, назначенный потомъ директоромъ вятскихъ училищъ. По словамъ И. М. Глѣбова, ученика Ѳ. Я. Попова, это былъ добрый, но слабохарактерный учитель; онъ довольно часто пропускалъ уроки и въ занятіяхъ ограничивался задаваньемъ уроковъ по книгѣ и выслушиваньемъ зазубреннаго ***). По другимъ свѣдѣніямъ, Поповъ въ обращеніи съ учениками былъ грубоватъ.

1819—1826 г. Сем. Тит. Мухачевъ, пробывшій въ гимназіи учителемъ цѣлыхъ 7 лѣтъ, не оставилъ послѣ себя памяти. Изъ дѣлъ гимназіи мы узнаемъ, что онъ былъ оберъ-офицерскій сынъ, учился въ Казанской гимназіи и университетѣ, въ Вятку назначенъ 22 лѣтъ тотчасъ по окончаніи курса и былъ уволенъ (можетъ быть для поступленія въ другую службу) въ 1826 г. Въ 1821 г. получилъ замѣчаніе

*) Глѣбовъ. Замѣтки о покойномъ преподавателѣ гимназіи Халютинѣ. Вят. Вѣд. 1872, 85.

**) Халютинъ характеризуется нами на основаніи дѣлъ гимназіи, воспоминаній А. К. Лопатина (стр. 7), П. И. Свѣшникова (стр. 5 и 14), В. И. Зобнина (стр. 2) и личныхъ воспоминаній. См. также „Матеріалы для исторіи Вятской гимназіи“ въ Вят. Вѣд. 1882, 64.

***) Вят. Вѣд. 1882, 60.

Digitized by Google

ь небрежную переписку учениками риторическихъ упраж-
неній. При увольненіи Мухачевъ предложилъ гимназіи при-
обрѣсть его книги за 156 руб. и, очевидно, находясь въ за-
трудни тельномъ положеніи, уступилъ ихъ всего за 56 руб.
Въ 1824 г. онъ сдѣлалъ переводъ изъ Блэра о еврейской
поэзіи.

На мѣсто Мухачева просился въ гимназію и нѣкоторое
время даже преподавалъ здѣсь словесность магистръ *Шилле-
ровскій* (извѣстный потомъ каѳедральный протоіерей въ г.
Вяткѣ) *).

1826—1883 г. Александръ Ѳедор. Савельевъ. Происхожде-
ніе и воспитательный цензъ тѣже, какъ и у Мухачева. Въ
Вятскую гимназію Савельевъ поступилъ очень юнымъ, едва
и не 19 лѣтъ.

Это былъ видимо хорошій человѣкъ и прямо талантли-
вый учитель. Официальные отзывы всѣ для него благопріят-
ны. „Знающъ, ревностенъ, хорошаго характера съ похваль-
ными правилами по службѣ и общежитію", говоритъ о немъ
въ 1828 г. наблюдательный визитаторъ Словцовъ. „Хорошій
наставникъ, къ должности усерденъ, но склоненъ къ сатирѣ,
отъ чего долженъ весьма остерегаться; впрочемъ нрава ти-
каго и добраго", такъ рекомендуетъ его проф. Никольскій,
посланный произвести спеціальное слѣдствіе о немъ. Занятія
Савельева шли на столько успѣшно, что въ 1831 г. дирек-
торъ представилъ его къ денежной наградѣ въ 500 р. (вмѣ-
сто которой впрочемъ онъ получилъ только благодарность).
И вотъ чрезъ два года этотъ скромный, незамѣтный провин-
ціальный учитель вызвалъ настоящую бурю своимъ разгово-
ромъ, который былъ составленъ имъ для канцелярскаго учи-
лища, получилъ строжайшій выговоръ отъ министра народна-
го просвѣщенія и былъ переведенъ въ Нижегородскую гимна-
зію, подъ особый надзоръ ея директора. Дѣло могло кончиться
для Савельева и хуже, если бы его не защитилъ посланный
въ слѣдствіе проф. Никольскій. Савельевъ могъ отправиться
на мѣсто службы лишь въ концѣ года, такъ какъ съ нимъ
случился какой-то припадокъ.

Въ 1830 г. онъ пробовалъ перебраться изъ Вятки въ

*) Дѣло Училищнаго Комитета въ архивѣ Казанск. унив. 1825 г. № 288.

Digitized by Google

Иркутскъ, откуда учитель словесности перепрашивался въ Грузію. Ни тому, ни другому не удалось осуществить свои намѣренія.

1833—1834 г. На мѣсто Савельева былъ переведенъ изъ Нижегородской гимназіи вятскій уроженецъ и даже воспитанникъ Вятской гимназіи *Ив. Сем. Свѣденцовъ*, который еще прежде просился въ Вятку, указывая на необходимость поддержать родителей. Кончивъ курсъ въ гимназіи, Свѣденцовъ 3 года прослужилъ въ канцеляріи Гражданской палаты и уже послѣ того попалъ въ университетъ. Учился здѣсь онъ отлично и даже получилъ серебряную и золотую медали. Въ Нижегородскую гимназію онъ былъ опредѣленъ въ 1824 г. Свѣденцовъ очень недолгое время пробылъ учителемъ въ Вятской гимназіи. Еще зимой 1833 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ и нашелъ тамъ для себя мѣсто въ Департаментѣ Министерства Юстиціи *).

На мѣсто Свѣденцова просился смотритель Глазовскаго уѣзднаго училища *Волковъ*, но ему было отказано.

1834—1841 г. Свѣденцова замѣстилъ *Андр. Ефим. Скворцовъ*, оберъ-офицерскій сынъ, воспитанникъ Симбирской гимназіи и Казанскаго университета.

Въ началѣ служба этого преподавателя шла вполнѣ хорошо, и онъ въ 1835 г. былъ даже рекомендованъ директоромъ вниманію начальства, но уже въ слѣдующемъ году его пришлось, вслѣдствіе неаккуратнаго посѣщенія уроковъ, замѣстить въ канцелярскомъ училищѣ другимъ лицомъ. В[ъ] 1837 г. Скворцовъ получаетъ особыя замѣчанія отъ попечителя за полугодичный экзаменъ, въ 1838 г. отъ него же у[же] строгій выговоръ, а въ 1840 г. выговоръ съ предупрежденіемъ, что онъ долженъ будетъ выйти въ отставку. Въ 1841 г. Попечитель отдаетъ его, вмѣстѣ съ другимъ учителемъ гимназіи, Наумовымъ, подъ особый надзоръ директора, который долженъ былъ доносить о нихъ ежемѣсячно. Кончилось тѣмъ, что Скворцовъ былъ уволенъ отъ службы въ томъ же 1841 г. съ надписью въ аттестатѣ: „за малое усердіе къ службѣ“ и только потомъ, смягчившись, попечитель дозволилъ выйт[и]

*) Учитель канцелярскаго училища Свѣденцовъ, о которомъ такъ хорош[о] отзывается Мусерскій (Вят. Вѣд. 1859, 29), былъ братъ учителя гимназіи, Петр[а] Семеновича.

Digitized by Google

му въ отставку по прошенію. Виною всѣхъ злоключеній Скворцова была, какъ выражается директоръ Полиновскій, „разсѣянная жизнь“, которой кромѣ него въ это время предавались и нѣкоторые другіе молодые учителя гимназіи. Еще въ 1837 г. Скворцовъ едва не попалъ въ часть въ пьяномъ видѣ вмѣстѣ съ учителемъ Габовымъ, а потомъ онъ и совсѣмъ опустился. Вѣроятно, ни поѣздка его на родину въ 834 и 1836 г., ни женитьба въ 1838 г. (на дочери ревельскаго художника Тромпетера) не могли его остепенить. Въ 838 г. его огромная собака-бульдогъ искусала какого-то канониста, и онъ былъ приглашаемъ въ полидію.

Скворцовъ былъ высокаго роста и атлетическаго сложенія, весьма грубъ на словахъ и не стѣснялся давать волю рукамъ, тѣмъ болѣе, что въ классѣ обыкновенно являлся одхмелькомъ или спохмелья. Разъ на урокѣ славянскаго зыка въ IV кл. онъ за какую-то ошибку такъ сильно удаилъ стоявшаго у доски ученика, что тотъ лбомъ выбилъ з съ треножника на полъ.

Конечно, Полиновскій долженъ употребить всѣ мѣры, тобы избавить гимназію отъ столь безполезнаго учителя. ъ 1842 г. Скворцовъ взялъ изъ гимназіи свидѣтельство на раво домашняго учителя, и болѣе упоминанія о немъ въ дѣахъ гимназіи мы не находимъ *).

Въ 1839 г. Скворцовъ доставилъ въ Казань „Историческое и географическое описаніе Вятской губ.“, которое проф. орловъ нашелъ не лишеннымъ достоинствъ.

Въ *1841—1845* г. учителемъ словесности состоялъ *Александръ Филип. Михайловъ*, въ свое время одинъ изъ видныйшихъ преподавателей Казанскаго округа. Это былъ теоретикъ-идеалистъ, очень преданный своему дѣлу, въ которое ъ весь уходилъ и по склонности, и отъ неблагопріятныхъ итейскихъ условій. Еще въ Вяткѣ онъ составилъ любопытую записку о преподаваніи словесности, которая была очень одобрена проф. Фойгтомъ и рекомендована по округу. Неродолжительная служба Михайлова въ Вяткѣ не могла дать обенно прочныхъ результатовъ, но все-таки мы знаемъ, что спѣхи учениковъ его, державшихъ въ 1846 г. университет-

*) Воспоминанія І. И. Михайлова стр. 7. Формуляръ въ архивѣ гимназіи 40 г. № 87, 84.

Digitized by Google

скій экзаменъ, оказались третьими въ округѣ; кажется, въ Вяткѣ началось и внутреннее безпокойство Михайлова. По-видимому, оно тѣсно соединено съ его женитьбой, имѣвшей довольно необыкновенный, даже романтическій характеръ. Изъ дѣлъ гимназіи видно, что когда Михайловъ сталъ просить у директора Полиновскаго разрѣшенія жениться на воспитанницѣ чиновницы Бульбатовой, тотъ не разрѣшилъ, ссылаясь на отсутствіе у невѣсты недвижимой собственности. Михайловъ сдѣлалъ попытку получить разрѣшеніе въ отсутствіе директора отъ занявшаго его мѣсто инспектора, но инспекторъ, конечно, не рѣшился взять на себя отвѣтственность въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Кажется, въ Вяткѣ Михайловъ испытывалъ и матеріальные недостатки, такъ что нѣкоторые долги его прямо вычитались изъ его жалованья. Говорятъ, что въ Казани Михайловъ былъ необщителенъ, почти нигдѣ не бывалъ и часто находился въ дурномъ расположеніи духа, доходящемъ иногда до жалкаго состоянія. „Онъ имѣлъ репутацію образцоваго, опытнаго и добросовѣстнаго преподавателя, но былъ щепетиленъ и болѣзненно-раздражителенъ, вслѣдствіе, говорятъ, семейныхъ обстоятельствъ“, сообщаетъ проф. Степановъ.

Съ учениками Михайловъ и въ Вяткѣ былъ вѣжливъ, внимателенъ, никогда не бранился, не возвышалъ голоса, а казанскіе ученики отзываются о немъ съ восторгомъ. Вятскіе ученики припоминаютъ, что въ концѣ пребыванія Михайлова въ Вяткѣ съ нимъ былъ какой-то нервный припадокъ. Еще сохранилось въ памяти, что младшіе ученики выводили изъ себя Михайлова „циканьемъ“, за что онъ съ неудовольствіемъ обзывалъ ихъ кучерами. „Человѣкъ молодой, деликатный, обладавшій даромъ слова и умѣвшій расположить къ себѣ учениковъ“—такъ характеризуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ І. И. Михайловъ.

Въ 1845 г. Михайловъ перешелъ во 2-ю казанскую гимназію, въ 1853 г. оставилъ ее и состоялъ послѣ того преподавателемъ въ Родіоновскомъ институтѣ.

Въ Вяткѣ Михайловъ переводилъ всеобщую грамматику Сасэ, писалъ „исторію сиротскихъ училищъ въ Вятской губ.“, для чего не мало работалъ въ архивѣ гимназіи, и составлялъ программу теоріи поэзіи.

Digitized by Google

Закончимъ выдержкою изъ живой характеристики А. Ф. Михайлова, сдѣланной г. Полиновскимъ, его вятскимъ ученикомъ. „Если русскій языкъ и грамматика остались совершенно въ тѣни, зато уроки русской словесности и литературы живы у меня въ памяти до сихъ поръ. Для характеристики незабвеннаго преподавателя этихъ предметовъ А. Ф. Михайлова необходимо прежде всего замѣтить, что учебники тогдашняго времени: „Риторика“ Кошанскаго и „Исторія литературы“ Георгіевскаго были поистинѣ ужасны и написаны такимъ дикимъ языкомъ, какимъ никто не говоритъ на бѣломъ свѣтѣ. Всѣ эти метафоры, метониміи, хріи и источники изобрѣтенія, которыхъ насчитывалось цѣлыхъ 24 штуки, могли не только забить какую угодно голову, но и довести просто до отчаянія... А. Ф. Михайловъ, оставивъ въ сторонѣ и мудреную терминологію, и пресловутаго Кая, преподавалъ логику понятнымъ и человѣческимъ языкомъ; уроки же литературы были для насъ праздникомъ и развлеченіемъ. Читая въ классѣ выдержки изъ русскихъ писателей или по хрестоматіи Галахова, или по подлиннымъ сочиненіямъ, Михайловъ рельефно и наглядно объяснялъ, въ чемъ заключается достоинство и красота слога, мелодія, звучность и прелесть стика. Умѣнье сдѣлать выборъ и сопоставленіе были изумительны... Въ Казани педагогическій талантъ Михайлова развился еще болѣе, и уроки его изъ теоріи поэзіи были въ своемъ родѣ совершенствомъ“ *).

1845—1850 г. На освободившееся послѣ Михайлова мѣсто перешелъ учитель русскаго языка *Александръ Петр. Тиховидовъ*, дѣйствительный студентъ Казанскаго университета; онъ предварительно долженъ былъ сдать спеціальный экзаменъ. Судя по всѣмъ имѣющимся у насъ отзывамъ, Тиховидовъ вполнѣ справедливо заслужилъ репутацію умнаго человѣка, но степень его вліянія на учениковъ и успѣшность занятій характеризуются различно. Полиновскій называетъ его „учителемъ толковымъ и симпатичнымъ“. Г. Шестаковъ жалуетъ-

*) **Полиновскій.** Вятка и Вятская гимназія. Вожск. Вѣстникъ 1890 № 256 и 306. Воспоминанія І. И. Михайлова стр. 8, пр. Степанова стр. 34. Формуляръ въ архивѣ гимн. 1844 г. № 124, 202. См. еще 1844 № 52 Д. и Дѣла Канцел. Попечит. 1850 г. III столъ № 28, 181. О Михайловѣ очень немного въ исторіи 2-й Казанск. гимн. Гвоздева, стран. 323; зато въ этомъ изданіи помѣщена цѣликомъ записка Михайлова о преподаваніи словесности 1846 г. (стр. 396—407).

Digitized by Google

ся на то, что занятія шли по учебнику Кошанскаго „непонятно-теоретически“ и что вообще у него, какъ у начинающаго учителя, практическія занятія, особенно писаніе сочиненій, велись невнимательно. М. М. Синцовъ выражается о Тиховидовѣ очень опредѣленно: „У А. П. Тиховидова пришлось, къ сожалѣнію, учиться весьма недолго, до 5 кл. включительно, но и въ это время онъ внушилъ намъ любовь къ отечественной литературѣ, нерѣдко читая намъ въ классѣ цѣлыя поэмы Пушкина и мѣста изъ Гоголя. Не смотря на то, что онъ задавалъ намъ небольшіе уроки на память, прочитанныя имъ въ классѣ мѣста мы добровольно выучивали наизусть и въ произношеніи старались подражать своему дорогому учителю, оттѣняя отдѣльныя мысли и выраженія. Онъ читалъ весьма изящно, безъ пафоса, довольно тихо, но глубокимъ и задушевнымъ голосомъ“. Проф. Степановъ не менѣе опредѣленно рисуетъ другую картину: „Смуглый, выше средняго роста, съ рѣзкими южными чертами и большими черными глазами, остроумный, краснобай и охотникъ сострить на чужой счетъ (его громкій раскатистый смѣхъ часто слышался въ перемѣну изъ учительской соборной комнаты), несомнѣнно талантливый и умный человѣкъ,—былъ однако довольно лѣнивымъ учителемъ. (Въ этомъ онъ былъ похожъ на тогдашняго казанскаго профессора исторіи литературы К. К. Фойгта, котораго Тиховидовъ былъ ученикомъ и которому онъ видимо старался подражать даже въ манерахъ). На урокахъ словесности проходилась у насъ реторика Кошанскаго, схоластическая книжонка, съ практическими упражненіями въ силлогизмахъ и хріяхъ; затѣмъ—тоненькая тетрадка подъ заглавіемъ „піитика“ и такая же исторія русской литературы. (вѣроятно, извлеченія изъ лекцій Фойгта), гдѣ довольно подробно говорилось о „Словѣ о Полку Игоревѣ“, Даніилѣ Заточникѣ и древне-русскихъ духовныхъ писателяхъ, все-что сообщалось о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Карамзинѣ и Державинѣ, но чѣмъ ближе дѣло подходило къ нашему времени, тѣмъ свѣдѣнія становились короче; современники Пушкина только перечислялись, а о самомъ Пушкинѣ уже не было ни слова,—такъ какъ, по мнѣнію Тиховидова, „говорить о Пушкинѣ нужно или очень много, или уже лучше ничего не говорить“. Онъ и выбиралъ

Digitized by Google

послѣднее, какъ менѣе, конечно, хлопотливое". Изустно пр. Степановъ дополнялъ эту характеристику замѣчаніемъ, что у Тиховидова, повидимому, не было призванія къ учительскому дѣлу, и онъ велъ его безъ особеннаго интереса, что иногда онъ былъ раздражителенъ и могъ выражаться не безъ колкости, что онъ былъ друженъ съ Томиловымъ и вдвоемъ они составляли людей выдающихся въ учительскомъ персоналѣ по талантамъ и начитанности. Съ учениками Тиховидовъ держалъ себя дальше, чѣмъ Томиловъ.

Изъ приведенныхъ отзывовъ видно, что Тиховидовъ былъ способный учитель, но не могъ полюбить учительское дѣло и относился къ нему въ значительной степени формально. Послѣ 5-ти лѣтней службы учителемъ словесности онъ (говорятъ, по совѣту Салтыкова) вышелъ въ „гражданскую" службу, былъ довольно долго уѣзднымъ судьей въ Яранскѣ, въ 1858 г. состоялъ совѣтникомъ Вятской судебной палаты, потомъ былъ управляющимъ Палатой Государ. Имущ. и вмѣстѣ съ Салтыковымъ служилъ въ Пензѣ, гдѣ и скончался въ 1865 г., не то отъ чахотки, не то отъ порока сердца. Какая-то болѣзнь была у него давно. Изъ дѣлъ гимназіи видно, что онъ еще въ 1847 г. ѣздилъ къ знаменитому въ то время по губерніи доктору Тучемскому, въ Воткинскій заводъ. По слухамъ, Тиховидовъ игралъ видную роль въ Комитетѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Тиховидовъ былъ сотрудникомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, хотя и не особенно усерднымъ. Лучшая его литературно-ученая работа—сборникъ словъ вятскаго нарѣчія, напечатанный въ извѣстномъ „Областномъ словарѣ", изданномъ Академіей Наукъ, но сборникъ этотъ мало самостоятеленъ, такъ какъ самыя слова доставлены штатными смотрителями. Въ 1847 г. онъ писалъ статью: „Провинціальныя особенности русскаго яз. въ Вятской губ.", въ 1842 и 1845 г. собиралъ матеріалы для работы, носящей странное заглавіе: „Путешествіе русской литературы по чужимъ краямъ въ историческомъ развитіи", въ 1849 г. онъ обработывалъ нѣкоторые вопросы по программѣ Географ. Общества.

Намъ извѣстны два анекдота, соединенные съ именемъ Тиховидова. Одинъ, о томъ, какъ его въ Вяткѣ встрѣтилъ вновь пріѣхавшій губернаторъ Муравьевъ, разсказанъ въ

Digitized by Google

воспоминаніяхъ о Салтыковѣ *), а другой касается поѣздки Тиховидова въ Казань на экзаменъ. По торговой дорогѣ въ Казань случаи разбоевъ въ то время были столь часты, что были разставлены особые пикеты чрезъ 5 верстъ, однако и это не помогало. Выѣзжая со станціи Ура, Тиховидовъ былъ атакованъ разбойниками-татарами. Схвативъ ружье, онъ выстрѣлилъ такъ удачно, что сильно ранилъ одного изъ нихъ. Но это не произвело особеннаго впечатлѣнія на другихъ, и они вновь кинулись на проѣзжающаго. Находчивый Тиховидовъ крикнулъ своему товарищу: „давай скорѣе другое ружье!“ Разбойники на этотъ разъ невольно отступили, и лошади унесли путниковъ отъ бѣды **).

1850—1856 г. Послѣ Тиховидова шесть лѣтъ словесность преподавалъ *Александръ Лукичъ Тянгинскій*, бывшій учитель латинск. яз. Астраханской гимназіи. О немъ мы не имѣемъ ученическихъ воспоминаній. Преподаваніемъ Тянгинскаго начальство было довольно. Директоръ въ 1851 г. отмѣчаетъ „отчетливое“ преподаваніе Тянгинскаго, и хотя въ слѣдующемъ году ревизоръ Антроповъ отзывается о немъ какъ объ учителѣ недостаточно опытномъ и говоритъ, что онъ не довольно готовится къ урокамъ, но на университетскомъ экзаменѣ лучшими по словесности оказались ученики Тянгинскаго и Тимоѳеева, учителя Астраханской гимназіи. Въ 1854 г. Тянгинскій снова рекомендуется въ отчетѣ директора. Въ 1856 г. онъ перешелъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и въ этой должности скончался.

Тянгинскій извѣстенъ какъ усердный сотрудникъ губернскихъ вѣдомостей, особенно статьями по мѣстной исторіи. Въ 1850 г. онъ составлялъ курсъ риторики для V кл., въ 1853—1855 г. собиралъ народныя пѣсни и занимался ихъ изслѣдованіемъ, въ 1852 г. была послана въ Археографич. Комиссію его замѣтка о принадлежащихъ гимназіи древнихъ монетахъ.

1856 г. Послѣ Тянгинскаго цѣлый годъ преподавалъ словесность *М. В. Сапоровскій*, перешедшій потомъ на исторію.

---

*) Казанск. Биржев. Листокъ 1889 г. августъ и Вѣстн. Европы 1889 г.

**) Формуляръ въ архивѣ гимназіи 1846 г. № 78, 244. Воспоминанія Шестакова (стр. 7), Синцова (стр. 4), пр. Степанова (стр. 30), Полиновскаго въ Волж. Вѣстн. 1890, № 286.

Digitized by Google

1857—1870 г. Викторъ Павловъ Москвинъ, дѣйствит. студентъ Казанскаго университета, бывшій предъ этимъ въ гимназіи въ продолженіи 5 лѣтъ учителемъ русскаго языка.*).

Продолжительная преподавательская дѣятельность Москвина въ Ваткѣ не могла не вылиться въ опредѣленную форму, не могло не опредѣлиться съ полною точностью и его отношеніе къ ученикамъ,—между тѣмъ отзывы объ этомъ преподавателѣ многочисленныхъ его учениковъ весьма разнообразны и даже не согласны по существу. Для однихъ—это идеалистъ, краснорѣчивый, серьезный преподаватель-эстетикъ, высоко-образованный, прекрасно знающій свой предметъ, искренно желавшій добра своимъ ученикамъ, преданный дѣлу и страдавшій развѣ отсутствіемъ сознанія, что предъ нимъ далеко не университетская аудиторія; для другихъ, и притомъ для большинства—это сухой резонеръ, тяжелаго, мрачнаго характера человѣкъ, вѣчно старавшійся стоять на подмосткахъ и уже этимъ однимъ несимпатичный, не способный возбудить въ себѣ искреннее уваженіе, преподаватель, который ничему не научалъ.

Болѣе всего Москвинъ поражалъ своею наружностью. Онъ держался серьезно, многозначительно, былъ сдержанъ и далекъ отъ учениковъ, что должно было казаться необычайнымъ особенно въ его время, когда всѣ вообще преподаватели считали себя обязанными быть съ учениками въ отношеніяхъ самыхъ простыхъ, почти товарищескихъ.

„Высокій, худощавый мужчина, съ холоднымъ выраженіемъ лица, безстрастнымъ голосомъ и олимпійскимъ отношеніемъ къ ученикамъ; былъ вѣжливъ, возраженій не терпѣлъ, умѣлъ держать всѣхъ въ струнѣ... Въ классѣ онъ обыкновенно ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки въ карманы и повѣствовалъ о разныхъ литературныхъ эпохахъ и литературахъ". (А. К. Лопатинъ).

„Человѣкъ солидный, повидимому шутить не любилъ, держалъ себя отъ учениковъ далеко". (В. И. Зобнинъ).

„Фигура и внѣшность В. П. производила внушительное впечатлѣніе... Солидно образованный, съ рѣчью и манерами джентльмена, онъ умѣлъ такъ себя держать, что вну-

*) Формуляръ въ дѣлахъ Канцел. Попеч. 1857 г. № 219, 7. Тамъ же II столъ 1857 г. № 353 дѣло о сдачѣ Москвинымъ экзамена.

Digitized by Google

шалъ невольное уваженіе. И мы его очень уважали и внимательно слушали его уроки... Улыбался онъ рѣдко, разсказывалъ урокъ спокойно и внушительно и никогда не снисходилъ до фамиліарности съ ученицами. Манера преподаванія его была проникнута тоже какъ будто духомъ священно-дѣйствія... Сидя въ классѣ, разсказывая или спрашивая урокъ, В. П. постоянно комкалъ въ рукахъ свой носовой платокъ. Съ платкомъ въ рукѣ онъ снялся даже на фотографической карточкѣ" (А. К. Хлѣбникова). Добавимъ къ этому описанію наружности В. П. Москвина, что на карточкѣ его мы видимъ предъ собою высокую, сухощавую, почти щегольски одѣтую фигуру, съ неподвижнымъ болѣзненнымъ лицомъ, съ серіознымъ, устало-напряженнымъ выраженіемъ глубоко впавшихъ глазъ и большимъ открытымъ лбомъ. Въ счастливыя минуты, въ моменты вдохновенія, такой человѣкъ могъ произвести сильное, памятное впечатлѣніе, въ дни унынія, усталости, онъ долженъ былъ казаться слишкомъ мрачнымъ и очень непріятно дѣйствовать на учениковъ, особенно нервныхъ. Москвинъ, повидимому, всегда особенно хорошъ былъ на каѳедрѣ, напр. въ торжественныхъ собраніяхъ, и былъ тяжелъ, когда ему приходилось спускаться до исполненія маленькихъ учительскихъ дѣлъ, напр. до выспрашиванія. Онъ никогда не помогалъ отвѣчающему ученику вопросами или намеками и предоставлялъ выпутываться самому, что, при безжизненномъ его отношеніи къ ученикамъ, конечно, заставляло ихъ переживать томительныя, почти невыносимыя минуты. Только за одно ученики могли прощать Москвину его мрачность—онъ несомнѣнно не былъ злымъ. Всѣ понимали, что это ужъ такой характеръ тяжеловѣсный.

Было знамя, котораго искренно и съ убѣжденіемъ держался Москвинъ во все время своей преподавательской дѣятельности - знамя просвѣщенія, высшей „развитости", въ томъ благородномъ смыслѣ этого слова, какое придавалось ему въ первое время, пока оно не опошлилось либерализмомъ мелкаго разбора. Москвинъ много тратилъ времени на чтеніе, и въ домашней библіотекѣ его всегда можно было найти литературныя новинки того времени. На засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи въ 1860 г. онъ заявлялъ: „преподаватель словесности обязанъ ex officio слѣдить за каждымъ

Digitized by Google

болѣе или менѣе замѣчательнымъ мнѣніемъ литературы, за новыми видоизмѣняющимися понятіями въ отвлеченной сферѣ слова, теорія и исторія котораго, разсматриваемая теперь въ тѣснѣйшей связи съ жизнью народовъ и общества, вступили въ новый фазъ развитія, сохраняя отличительный характеръ измѣнчивости мнѣній и взглядовъ. Добросовѣстный преподаватель словесности непремѣнно долженъ, изъ страха отстать отъ современнаго движенія науки, впасть въ рутину и вредную схоластику, ежедневно посвящать нѣсколько часовъ дома занятіямъ своимъ предметомъ". Въ немногихъ словахъ здѣсь высказался весь человѣкъ. Стремясь къ просвѣщенію, Москвинъ старался привлечь къ нему и своихъ учениковъ. На нихъ онъ смотрѣлъ почти какъ на товарищей въ одинаковомъ общечеловѣческомъ стремленіи и поддерживалъ въ нихъ малѣйшіе признаки научной любознательности, радостно привѣтствовалъ проблески начинающейся мысли. Москвинъ не признавалъ учениковъ безусловно дурныхъ, неспособныхъ проникнуться лично ему дорогими стремленіями, и относился ко всѣмъ одинаково, довѣрчиво—идеалистически. „Развѣ вы не знакомы? Развѣ вы не читали?" съ довѣрчивымъ удивленіемъ спрашивалъ онъ ученика, проявившаго какое-нибудь крупное незнаніе. „Отвѣчайте, я жду!" говорилъ онъ другому, желая дать тому возможность справиться съ отвѣтомъ, и ждалъ терпѣливо, безъ малѣйшей нетерпимости. „Какъ этого не знать!" снисходительно-огорченно упрекалъ онъ за незнаніе третьяго. Самъ Москвинъ держался всегда высоко и, увлекая учениковъ за собой, онъ внушалъ имъ довѣріе въ свои силы, поднималъ ихъ на высоту, съ которой, разъ побывавъ на ней, уже не хотѣлось опуститься. „Это развитой ученикъ", говорилъ Москвинъ про кого-нибудь въ качествѣ высшей похвалы, и лучшіе гимназисты употребляли всѣ усилія, чтобы удостоиться такого отзыва. Для этого даже слабыми дѣлалось многое—много читалось, много думалось. Самъ Москвинъ среди учениковъ пользовался авторитетомъ человѣка многознающаго: онъ подавлялъ ихъ массою сообщаемыхъ свѣдѣній, увлекалъ широтою своего умственнаго кругозора. „Москвинъ повѣствовалъ намъ о разныхъ литературныхъ эпохахъ и литературахъ, поражая насъ громадною начитанностью и умѣнь-

Digitized by Google

емъ разобраться въ столь обширномъ матеріалѣ", говоритъ А. К. Лопатинъ. Онъ прибавляетъ далѣе, что начитанность и умѣнье оказались преувеличенными, такъ какъ ученики послѣ открыли источникъ неизсякаемаго краснорѣчія В. П. въ видѣ одного изданія по исторіи литературы, о томъ же упоминаетъ и другой бывшій ученикъ гимназіи въ своихъ воспоминаніяхъ, но въ обоихъ этихъ замѣчаніяхъ мы находимъ лишь новое доказательство того, какъ высоко держался авторитетъ В. П. Москвина, какъ человѣка, обладающаго выдающеюся начитанностью. Необходимо прибавить, что самъ Москвинъ никогда не выдавалъ себя за человѣка, уже познавшаго истину,—онъ лишь старался увлечь за собой учениковъ въ неустанномъ стремленіи къ ней. Въ примѣръ другимъ, онъ очень возвышалъ въ классѣ тѣхъ учениковъ, которыхъ признавалъ „развитыми". Въ памяти учениковъ Москвина сохранилось, какъ онъ носился съ какимъ-то наѣхавшимъ изъ Казани „развитымъ" ученикомъ, пока этотъ ученикъ не сдѣлался совершенно невозможнымъ въ отношеніи къ своимъ учителямъ и товарищамъ. Трагизмъ положенія Москвина заключался въ томъ, что онъ, какъ идеалистъ, не понималъ ни людей, ни своихъ учениковъ и думалъ, что всѣ идутъ за нимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ среди его слушателей оказывалось очень не малое число такихъ, которые оставались совершенно глухи къ его воззваніямъ или скоро чувствовали, что его интересы чужды имъ, и тяготились необходимостью вести записки и заниматься усиленнымъ чтеніемъ.

На свой предметъ Москвинъ смотрѣлъ не глазами учителя, а взглядомъ преданнаго избранной наукѣ ученаго. Вслѣдствіе этого курсъ Москвина былъ полонъ широкихъ выводовъ и обобщеній. Онъ начинался неизмѣнною характеристикой неорганическаго и органическаго міра (о чемъ съ немалымъ юморомъ вспоминаетъ А. К. Лопатинъ), опредѣленія литературы, поэзіи и прозы, характеристики литературныхъ „эпохъ" давались самыя широкія, почти въ гегелевскомъ духѣ, свѣдѣнія объ эпохахъ сообщались подробныя. Такъ какъ время на преподаваніе словесности въ гимназіи назначалось ограниченное, то Москвинъ, конечно, никогда не успѣвалъ пройти всего положеннаго въ классѣ и предоставлялъ ученикамъ

Digitized by Google

самимъ „прочесть“ остальное въ указанномъ учебникѣ. Это было совсѣмъ поуниверситетски, но ученикамъ такой порядокъ занятій казался весьма обременительнымъ, такъ какъ на экзаменѣ съ нихъ одинаково строго требовали и пройденное, и не пройденное. Другое неудобство, истекавшее изъ такого рода занятій, состояло въ томъ, что ученики, не находя въ книгахъ разсказаннаго преподавателемъ, должны были вести записки, что отнимало много времени, не говоря уже о томъ, что записки эти, конечно, очень рѣдко велись вполнѣ удовлетворительно.

Смотря на предметъ съ университетской точки зрѣнія и наслаждаясь имъ самъ, Москвинъ не могъ не стараться придать ему увлекательную форму. Онъ и любилъ разсказать красиво, и умѣлъ это дѣлать. Говорятъ, что публичныя чтенія его были очень хороши. Были, конечно, и очень удачные уроки въ классахъ. Но здѣсь мантія торжественности, величавости нерѣдко вредила преподаванію, такъ какъ не можетъ въ нее облекаться человѣкъ безнаказанно въ теченіе долгихъ лѣтъ, почти каждый день и каждый урокъ, и потому уроки его были нерѣдко сухи, вялы и безжизненны. Но вообще Москвинъ былъ хорошій стилистъ, и рѣчь не измѣняла ему. Ученики были увѣрены, что всѣ слогъ его считаютъ образцовымъ и обращаются къ нему за совѣтами, что отчеты, рѣчи и даже статьи преподавателей гимназіи редактировались его рукою. Любя поговорить, Москвинъ мало спрашивалъ учениковъ, и если они на экзаменѣ не „проваливали“ своего учителя, то потому что В. П. былъ требователенъ.

Нѣкоторыя темы въ курсѣ Москвина были излюбленными, напр. народная словесность. Онъ любилъ также говорить о сочиненіяхъ Некрасова, хотя этотъ писатель не входилъ въ обязательный курсъ словесности. Конечно, дѣлались серьезныя попытки (въ духѣ времени) литературныя явленія связать и объяснить движеніями общественными.

Занятія В. П. Москвина имѣли вполнѣ теоретическій ученый характеръ, почему всѣ занятія практическаго свойства при немъ страдали, особенно сочиненія.

Заключимъ эту характеристику отзывами о В. П. Москвинѣ лицъ официальныхъ и воспоминаніями о немъ уче-

Digitized by Google

ціковъ. Въ нихъ мы найдемъ не мало несогласнаго и должны попытаться сгладить главнѣйшія противорѣчія.

Въ 1852 г. окружный инспекторъ Антроповъ находитъ Москвина еще не достаточно опытнымъ преподавателемъ, но въ отчетѣ 1854 г. онъ рекомендуется директоромъ прежде всѣхъ, равно какъ и въ 1857 г., когда онъ даже получаетъ денежную награду (120 р.). Въ 1858 г. попечитель округа указываетъ Москвина въ числѣ трехъ лучшихъ по знаніямъ и нравственности преподавателей гимназіи, рекомендуетъ его и въ отчетѣ 1861 г. Всѣ эти общія похвалы и знаки одобренія сопровождаются весьма чувствительными указаніями на разные частные недостатки въ преподаваніи Москвина. Въ 1858 г. Москвинъ разъ не явился на педагогическій совѣтъ, предпочтя провести время на именинномъ обѣдѣ, послѣ чего катался по городу и до утра просидѣлъ у товарища вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учителями, также не бывшими на совѣтѣ. Раздраженный директоръ пишетъ ему, что онъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, что въ VII кл. онъ вяло, съ трудомъ разбирая написанное, читаетъ по тетради, безъ всякихъ критическихъ и объяснительныхъ замѣчаній, что его предшественники обнаруживали болѣе познаній и излагали предметъ болѣе живымъ языкомъ, и въ заключеніе дѣлаетъ ему строгій выговоръ. Онъ даже предписываетъ инспектору слѣдить за исполненіемъ Москвинымъ его обязанностей.

Первый выпускъ учениковъ былъ не особенно удаченъ. Директоръ замѣчаетъ въ отчетѣ, что они отвѣчали сухо и вполнѣ по книгѣ, въ сочиненіяхъ проявили бѣдность фантазіи, тяжелый слогъ и весьма небогатую начитанность, „къ чему пріохотить есть также дѣло учителя“. Однако онъ выражаетъ надежду, что Москвинъ поправитъ дѣло усердіемъ.

Чашниковъ, окружный инспекторъ, въ 1860 г. пишетъ: „Относительно г. Москвина я не могу умолчать, что хотя онъ и имѣетъ достаточныя по своему предмету свѣдѣнія, но что преподаваніе его сухо и безжизненно и что въ наставникѣ по предмету столь важному желательно видѣть болѣе живости, теплоты и усердія“.

Въ отчетѣ 1864 г. директоръ замѣчаетъ, что ученики Москвина заняты усиленнымъ чтеніемъ.

Digitized by Google

Проф. Поповъ, бывшій на ревизіи въ 1864 г., говоритъ, что Москвинъ на экзаменѣ наблюдалъ должную строгость, требуя отвѣтовъ полныхъ, по всѣмъ частямъ пройденнаго.

Въ томъ же году было обращено особое вниманіе на неудобство допущенія въ преподаваніи записокъ и на недостатокъ въ письменныхъ работахъ учениковъ. Москвинъ долженъ былъ дать на совѣтѣ объясненіе. Онъ сказалъ, что не диктуетъ ученикамъ курса, „а требуетъ изложенія замѣчаній при веденномъ имъ разборѣ образцовъ и дѣлаемыхъ при этомъ обобщеній“. Когда его все-таки просили выбрать руководство для теоретическаго изученія словесности и для усвоенія біографическихъ свѣдѣній, Москвинъ отозвался, что теорію словесности въ системѣ онъ будетъ излагать тогда, когда ученики ознакомятся съ предлагаемыми для разбора образцами. Мнѣніе его было признано удовлетворительнымъ *).

„Старшему учителю Москвину постоянно предлагалось обращать побольше вниманія на практическія упражненія учениковъ и не вдаваться слишкомъ въ большія подробности по теоріи“. Кромѣ домашнихъ сочиненій, которыя не могутъ показать, насколько ученики скоро, ясно и грамматически правильно выражаютъ свои мысли, и которыя къ тому же ведутся рѣдко, Москвину предлагалось вести диктовки, по крайней мѣрѣ въ V и VI кл., давать переложеніе стиховъ въ прозу, писать въ классѣ небольшія описанія или разсказы. Москвинъ не вполнѣ подчинился этому распоряженію, ссылаясь на то, что для подобныхъ упражненій надо удѣлить половину уроковъ **).

Въ отчетѣ того же 1864 г. инспекторъ Шиманскій дѣлаетъ попытку охарактеризовать занятія Москвина. „Москвинъ уже нѣсколько лѣтъ занимается преподаваніемъ своего предмета,—слѣдовательно, его нельзя назвать неопытнымъ. Онъ довольно начитанъ и имѣетъ хорошія свѣдѣнія въ литературѣ не только русской, но по возможности и иностранной. Преподаваніе ведется отчетливо, но къ сожалѣнію рѣдко бываетъ оживленно, вслѣдствіе природной серьезности

*) Засѣданіе 21 октября.

**) Отчетъ Шиманскаго стр. 47.

Digitized by Google

характера преподавателя, и потому часто впадаетъ въ монотонность. Вообще, какъ извѣстно, преподаваніе р сской словесности ведется въ нашихъ гимназіяхъ совершенно неравномѣрно, и единственно отъ того, что объемъ и сущность этого предмета до сихъ поръ не опредѣлены какъ слѣдуетъ, и слѣдовательно, вполнѣ зависятъ отъ личнаго взгляда преподавателя. Пользуясь этою неопредѣленностью и не имѣя подъ рукою ни одного полнаго и вполнѣ одобреннаго учебника по своему предмету, преподаватели словесности дѣлятся на два разряда: одни всю такъ называемую теорію словесности, т. е. теорію прозы и поэзіи, стилистику, успѣваютъ проходить въ какіе либо 3—4 мѣсяца и въ остальное время занимаются практическимъ чтеніемъ авторовъ и сочиненіями, а другимъ, для того чтобы пройти тоже самое, мало бываетъ и цѣлаго курса. Къ сожалѣнію, старшій учитель Москвинъ принадлежитъ именно ко второму разряду и, обременяя учениковъ излишними подробностями, мало развиваетъ въ нихъ любовь къ своему предмету и дѣлаетъ его подчасъ для нихъ обременительнымъ... Такъ напр. въ V кл., объяснивъ ученикамъ опредѣленіе исторіи, ея раздѣленіе и изложеніе, онъ въ тоже время считаетъ необходимымъ представить имъ очеркъ развитія исторіи у грековъ, римлянъ и во Франціи, Англіи и Германіи. Этотъ очеркъ преимущественно состоитъ въ перечисленіи извѣстныхъ историковъ этихъ народовъ, съ перечисленіемъ, что каждый изъ нихъ написалъ... При преподаваніи исторіи русской литературы въ VII кл. преподаватель, видимо, не соразмѣряетъ частей проходимаго имъ предмета со временемъ. Такъ, на прохожденіе исторіи древней литературы онъ употребляетъ самую большую часть времени, а новую литературу поневолѣ сокращаетъ до возможно малыхъ размѣровъ." *).

„Сухое преподаваніе Москвина давало не совсѣмъ блестящіе реаультаты. Большинство учениковъ его не научилось правильному и логическому писанію сочиненій; даже въ старшихъ классахъ писали не вполнѣ правильно орѳографически. Его уроки были самые скучные, монотонные; онъ ничего намъ не читалъ, даже не рекомендовалъ." (Воспоминанія Н. А. Рукавишникова).

*) Отчетъ Шиманскаго стр. 39 и 40.

Digitized by Google

„Предметъ свой преподавалъ намъ разсказами, которые, какъ мы узнали впослѣдствіи, почти цѣликомъ извлекались изъ христоматіи Галахова". (В. И. Зобнинъ стр. 2).

„Читалъ Москвинъ словесность, конечно, изящную и притомъ всеевропейскую, а при ней и русскую. Чтеніе свое онъ обыкновенно начиналъ почему-то съ неорганическаго міра; были даже переходившія по наслѣдству его записки... Преподаваніе онъ велъ на университетскій манеръ, спрашивалъ рѣдко. Да на самомъ дѣлѣ и не стоило спрашивать такъ какъ предметъ самъ по себѣ интересенъ и не труденъ). Въ классѣ онъ ходилъ обыкновенно изъ угла въ уголъ... Москвинъ въ IV кл. читалъ славянскую грамматику и, надо отдать ему справедливость, читалъ такъ, что никто никакого понятія о ней не вынесъ. Урокъ начинался спрашиваніемъ заданнаго и кончался задаваніемъ слѣдующаго урока, безъ предварительнаго объясненія. Ни примѣровъ, ни практики, ни разъясненій; скука адская, тишина мертвая, жизнь человѣческая въ классѣ обнаруживалась только отрывистыми рѣдкими фразами спрашиваемаго ученика, который съ величайшимъ напряженіемъ вспоминалъ послѣдовательное изложеніе непонятнаго урока, и глухимъ, безстрастнымъ голосомъ учителя, поправлявшаго ошибки задолбившагося страдальца. За одно спасибо: кажется, на экзаменахъ Москвинъ никого изъ славянской грамматики не рѣзалъ". (Воспоминанія А. К. Лопатина стр. 8).

Какъ видно, сужденія о Москвинѣ вообще строги. Такъ всегда бываетъ, когда человѣкъ обѣщалъ много и когда отъ него много ждали. Москвинъ никому не причинилъ зла, и заронилъ кой въ комъ свѣтлое стремленіе къ наукѣ и просвѣщенію. Этого одного достаточно, чтобы съ благодарностью вспоминать его имя. Несомнѣнно кромѣ того, что Москвинъ не былъ лѣнивъ, искренно хотѣлъ добра и занимался своимъ дѣломъ не оглядываясь по сторонамъ. Всѣ ошибки его происходили отъ того, что онъ хотѣлъ быть лишь преподавателемъ и совсѣмъ не могъ стать учителемъ, на что нужно имѣть особый, исключительный талантъ.

Москвинъ мало отдавалъ времени литературнымъ занятіямъ. Въ первое время въ теченіе 3-хъ лѣтъ (1852—1855 г.) онъ занятъ былъ изученіемъ вятскаго говора. Онъ собралъ

Digitized by Google

до 2000 новыхъ словъ и выраженій, составилъ систематическій указатель фонетическихъ и грамматическихъ особенностей говора и цѣлый сборникъ произведеній народной словесности. Весь этотъ матеріалъ доставленъ былъ въ Академію Наукъ, заслужилъ одобрительный отзывъ акад. Никитенки и частью вошелъ въ „Дополненіе къ областному словарю". Москвинъ и позднѣе не покидалъ этихъ своихъ занятій. Еще въ 1863 г. онъ изслѣдуетъ примѣты и заговоры Вятскаго края; собираніе произведеній народной словесности онъ продолжаетъ и въ 1865 г. Въ этомъ году Москвинъ передалъ инспектору Сахарову статью: „Объ особенностяхъ, встрѣчающихся въ языкѣ жителей Вятскаго края". Въ томъ же году онъ читалъ на Ломоносовскомъ юбилеѣ рѣчь: „Объ общественномъ значеніи Ломоносова" *). Для своихъ работъ онъ дѣлалъ лѣтомъ поѣздки по губерніи. Въ 1858 г. Москвинъ готовилъ критическое обозрѣніе учебниковъ по русской словесности, въ 1861 г. критическое изслѣдованіе методовъ преподаванія этого предмета. Въ періодическихъ изданіяхъ было помѣщено Москвинымъ нѣсколько статей, но мы ихъ не знаемъ.

Въ 1860 году Москвинъ женился въ Вяткѣ на тогдашней красавицѣ, дочери уѣзднаго судьи де-Виттъ. Къ концу пребыванія въ Вяткѣ онъ нѣсколько запустилъ свои занятія. Въ 1870 г. онъ былъ неожиданно переведенъ въ Ригу и былъ тамъ сперва инспекторомъ, а потомъ директоромъ **).

А. Спицынъ.

---

*) Вят. Вѣд. 1865, 17.

**) Настоящая статья обработана на основаніи матеріаловъ, собранныхъ для составленія исторической записки о Вятской гимназіи. Матеріалы эти еще далеко не полны, и мы пользуемся случаемъ обратиться къ бывшимъ ученикамъ гимназіи съ просьбою оказать намъ дальнѣйшее содѣйствіе въ выполненіи предпринятой нами трудной задачи.

Въ характеристикѣ Москвина существенная помощь намъ была оказана Н. А. Спасскимъ.

Digitized by Google

A. A. Spitsyn

I.

Veshchestvennye Pamiatniki

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Drevnieishikh Obitatelei

ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЕЙ

Viatskago Kraia

ВЯТСКАГО КРАЯ.

II.

ДРЕВНѢЙШАЯ СУДЬБА ВЯТСКОЙ ОБЛАСТИ.

Составилъ А. Спицынъ.

ВЯТКА.

Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета.

Губернская Типографія.

1889.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЕЙ ВЯТСКАГО КРАЯ.

II.

ДРЕВНѢЙШАЯ СУДЬБА ВЯТСКОЙ ОБЛАСТИ.

Составилъ А. Спицынъ.

ВЯТКА.
Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета.
Губернская Типографія.
1889.

Digitized by Google

Печатано по постановлению Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 4-го ноября 1889 года.

MILUKOV LIBRARY

Digitized by Google

ЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЕЙ ВЯТСКАГО КРАЯ [1]).

(Посвящается VIII Археологическому съѣзду).

I. Находки каменныхъ орудій.

Вопросъ о томъ, обиталъ или нѣтъ въ системѣ р. Камы еловѣкъ эпохи мамонта и пещернаго медвѣдя, остается до настоящаго времени открытымъ, такъ какъ немногочисленныя данныя, которыя уже добыты для его приблизительнаго рѣшенія, оворятъ еще слишкомъ мало; рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ представляется пока наиболѣе вѣроятнымъ.) находкахъ этой эпохи по теченію р. Вятки и ея притоковъ ичего неизвѣстно. Впрочемъ наши свѣдѣнія о находкахъ въ редѣлахъ Вятской губерніи каменныхъ орудій такъ отрывочны, то мы не можемъ констатировать факта существованія здѣсь оселеній даже позднѣйшей поры каменнаго вѣка, неолитической. Находимые въ разныхъ мѣстахъ Вятскаго края кремневые трѣлы и ножи, по религіознымъ соображеніямъ или за недостатомъ лучшаго матеріала, могли быть употребляемы мѣстными инородцами даже до позднѣйшаго времени, а каменныя шлифованныя орудія встрѣчены на такихъ городищахъ, которыя невозможно отнести къ слишкомъ отдаленному времени (костеносныхъ).

Наиболѣе значительныя скопленія каменныхъ орудій въ губерніи открыты въ окрестностяхъ с. Окатьева на Моломѣ, на устьѣ этой рѣки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по теченію рч. Юма, впадающей въ Пижму, близъ дер. Оришуть Уржумскаго уѣзда и на устьѣ рч. Тоймы, подъ Ананьинскимъ могильникомъ. Ни одна изъ указанныхъ мѣстностей еще не изслѣдована настолько, что-

---

[1]) Настоящая статья составляетъ рефератъ изъ работы по вятской доисторической археологіи, предпринятой авторомъ по порученію Московскаго Археологическаго Общества.

Digitized by Google

бы можно было отнести заселеніе ихъ несомнѣнно къ эпохѣ каменнаго вѣка; есть даже нѣкоторыя основанія думать, что они принадлежатъ болѣе поздней порѣ.

Распространеніе по губерніи отдѣльныхъ находокъ каменныхъ орудій далеко не равномѣрно: есть огромныя пространства, почти совершенно лишенныя ихъ, и есть мѣстности, гдѣ онѣ встрѣчаются довольно часто. Можно также замѣтить, что, смотря по мѣстности, и самый характеръ орудій видоизмѣняется.

На основаніи собранныхъ свѣдѣній можно утверждать, что теченіе Камы и южная часть расположенныхъ по Пижмѣ и низовьямъ р. Вятки уѣздовъ заняты приволжской полосой шлифованныхъ орудій, а остальная, сѣверная часть губерніи, представляетъ полосу мелкихъ издѣлій изъ кремня: ножей, стрѣлъ и нуклеусовъ. Точную границу между этими обѣими полосами указать невозможно, но тѣмъ не менѣе она ощутительна. Точно также мы имѣемъ основанія предполагать, что въ глубокой древности была заселена только западная часть губерніи, правый, нагорный берегъ р. Вятки, особенно берега впадающихъ въ нее притоковъ Моломы и Пижмы, съ притокомъ послѣдней Юмомъ. Покрытая непроходимыми лѣсами громадная мѣстность между лѣвымъ берегомъ Вятки и теченіемъ Камы, кромѣ южной своей части, была, можно думать, недоступна для людей каменнаго вѣка и даже много позднѣе.

По верхнимъ притокамъ р. Вятки: Кобрѣ, Летькѣ и Великой до сихъ поръ не найдено каменныхъ орудій, но зато ихъ можно много собрать по Моломѣ, гдѣ на верхней террасѣ высокаго праваго берега первые насельники страны находили повидимому большія удобства для поселенія. Особенно обильны находками окрестности с. Окатьева и устье Моломы. Всѣ находимыя здѣсь орудія исключительно кремневыя; матеріалъ ихъ такъ разнообразенъ по цвѣту и качеству, что едва ли могъ быть добываемъ въ одномъ мѣстѣ, и потому его легко счесть привознымъ. Въ общемъ числѣ находокъ стрѣлки представляютъ болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ ножи, скребки и нуклеусы. Чѣмъ далѣе отъѣзжаешь отъ Окатьева вдоль Моломы къ устью, тѣмъ менѣе слышно о находкахъ «громовыхъ стрѣлъ», но зато на устьѣ Моломы находки кремневыхъ орудій очень часты и составляютъ здѣсь самое обычное явленіе. Небольшой притокъ Пижмы Юмъ, проходящій въ той же мѣстности, представлялъ повиди-

Digitized by Google

ному не менѣе удобствъ для поселенія. Здѣсь очень много кремневыхъ орудій найдено въ приходѣ с. Юмскаго на мѣстныхъ характерныхъ холмахъ («палатки») и на второй рѣчной террасѣ близь д. Ивкинской. Немалое количество кремневыхъ орудій было найдено также по среднему теченію Пижмы и по впадающимъ въ нее съ правой стороны притокамъ Яранкѣ и Ижу, но особенно часто они попадаются, кажется, близь устья Пижмы, около Кукарки. Нельзя не замѣтить, что матеріалъ пижемскихъ кремневыхъ орудій иной, чѣмъ матеріалъ юмскихъ: послѣднія обработаны изъ цвѣтнаго, болѣе слабаго кремня, а первыя изъ кремня плотнаго, сѣраго, иногда изъ роговика.

Въ перечисленныхъ мѣстностяхъ губерніи вовсе не найдено шлифованныхъ каменныхъ орудій, но ихъ довольно часто находятъ въ глубинѣ Яранскаго и Уржумскаго уѣзда, ближе къ границамъ Казанской губерніи. Діоритовые и другихъ горныхъ породъ каменные молота встрѣчены въ поч. Лоскутовѣ, дер. Реутовской, поч. Туманокъ и поч. Ивановскомъ близь с. Шаранги, въ поч. Высокогривскомъ, въ д. Мосуновой, ст. Кундышъ, дер. Кинмары, близь Царевосанчурска, близь с. Липануръ, въ с. Улешъ, въ разныхъ деревняхъ волостей Юкшумской, Цекѣевской и Малощегловской. Изъ дер. Оришуть и другихъ деревень той же мѣстности мы имѣемъ оригинальные каменные молота въ видѣ долотъ, сдѣланные изъ кремнистой или даже обыкновенной опоки; долота эти очень толсты, имѣютъ на лицевой сторонѣ три грани и по типу напоминаютъ бронзовые кельты, отъ которыхъ, вѣроятно, и произошли. Опочныя долота встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ Уржумскаго уѣзда, на ананьинской дюнѣ и на костеносныхъ городищахъ; многія изъ нихъ прекрасно отшлифованы. Вмѣстѣ съ долотами при дер. Оришуть найдены сдѣланныя изъ того же матеріала стрѣлы, копья и скребки.

На Чепцѣ, важнѣйшемъ лѣвомъ притокѣ р. Вятки, находокъ каменныхъ орудій сдѣлано пока очень мало; вѣроятно, эти орудія заносились сюда случайно, а если принадлежатъ осѣдлому племени, то относятся къ сравнительно позднѣйшему періоду, именно ко времени чудской культуры. Всего болѣе встрѣчено здѣсь каменныхъ клиньевъ, менѣе попалось нуклеусовъ и еще менѣе стрѣлокъ. Мы лично по теченію Чепцы знаемъ только нѣсколько мѣстъ нахожденія каменныхъ орудій, но эти мѣста отстоятъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи, и пото-

Digitized by Google

му слѣдуетъ надѣяться, что подобныхъ мѣстностей при дальнѣйшемъ изученіи чепецкихъ древностей окажется несравненно болѣе. Можно думать, что находимые на Чепцѣ каменные клинообразные молоты проникли сюда съ Камы, гдѣ они попадаются чаще, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ мѣстностяхъ губерніи.

По теченію самой р. Вятки пока нигдѣ не найдено значительныхъ скопленій каменныхъ орудій, и даже отдѣльныя находки ихъ здѣсь встрѣчаются не часто. Болотистыя и лѣсныя верховья Вятки до сихъ поръ не дали ни одного каменнаго орудія; кремневыя стрѣлки, ножи, каменные молота начинаютъ попадаться только отъ г. Слободскаго. Вотъ перечень мѣстъ, гдѣ были найдены разные предметы каменнаго вѣка вдоль р. Вятки: Слободской, Вятка и ея окрестности, с. Рябово, Котельничъ, окрестности Орлова, д. Шустовская, с. Сорвижское, с. Кырмыжъ, с. Лебяжье, д. Рыбныя Ватаги, поч. Павлуничи (на Кильмези), д. Воробьевская, с. Рѣшетниковское, д. Черемисская Верхъ-Гонъба, д. Скаты, р. Шоша. Изъ этого перечня видно, что болѣе всего находокъ каменныхъ орудій по р. Вяткѣ сдѣлано въ среднемъ ея теченіи, начиная съ устья р. Кильмези. По верхнему теченію Вятки попадаются вообще только кремневыя орудія, а по нижнему идутъ находки шлифованныхъ каменныхъ молотовъ: исключенія изъ этого общаго правила составляютъ находки въ окрестностяхъ г. Вятки и Слободскаго своеобразныхъ сланцевыхъ орудій, принадлежащихъ, по всей вѣроятности, уже не каменному вѣку.

Вятское теченіе Камы лежитъ въ полосѣ шлифованныхъ орудій. Собрано еще не много свѣдѣній о находкѣ здѣсь предметовъ каменнаго вѣка, но нѣкоторые изъ этихъ находокъ очень оригинальны, и потому можно надѣяться, что Елабужскій и Сарапульскій уѣзды современемъ обогатятъ отечественные музеи рѣдкими или даже единственными экземплярами каменныхъ орудій. Изъ извѣстныхъ орудій этой мѣстности наиболѣе любопытны: изящный песчаниковый топоръ безъ отверстія и съ выемками для прикрѣпленія его ремнями къ рукояти, прекрасный обоюдоострый топоръ изъ эоценоваго песчаника длиною болѣе четверти, шлифованная діоритовая стопообразная колотушка, шлифованныя кремневыя долота, опочные кельты и небольшіе топоры-клинья изъ яшмы и другихъ твердыхъ породъ; встрѣчено также нѣсколько кремневыхъ орудій (какъ на ананьинской дюнѣ, такъ и въ

Digitized by Google

ругихъ мѣстахъ). Въ Елабужскомъ уѣздѣ каменныхъ орудій най-ено значительно болѣе, чѣмъ въ Сарапульскомъ. Всего болѣе хъ найдено въ окрестностяхъ с. Танайки и на устьѣ Тоймы; ромѣ того они были находимы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ . Синтяки, въ с. Тихія Горы, близъ д. Горѣльницкой и близъ . Чутырь.

На верховьяхъ Камы каменныхъ орудій всего болѣе най-ено въ Гординской волости, т. е. въ мѣстности, примыкающей ъ Чепцѣ, откуда, они, вѣроятно, и были заносимы. Другое срав-ительно обильное находками каменныхъ орудій мѣсто представ-яетъ р. Колычъ, но далѣе Зюздина вплоть до границъ Пермской уберніи они уже не попадаются. Въ упомянутыхъ мѣстностяхъ аще другихъ каменныхъ орудій встрѣчаются ножи и стрѣлки зъ прекраснаго сѣроватаго кремня, рѣже, въ единичныхъ эк-емплярахъ, встрѣчены здѣсь шлифованныя орудія. Принадлеж-ость тѣхъ и другихъ именно каменному вѣку подвержена со-нѣнію.

II. Бронзовый вѣкъ и костеносныя городища.

Ананьинскій могильникъ и отдѣльныя находки бронзоваго вѣка.

Какими столѣтіями можно обозначить существованіе въ кам-кой области такъ называемаго бронзоваго вѣка, въ какомъ от-ошеніи находится онъ къ соотвѣтственной средне-азіатской западно-европейской культурѣ, была ли здѣсь въ какихъ-либо азмѣрахъ самостоятельная обработка бронзовыхъ орудій, или ни получались въ готовомъ видѣ—на всѣ эти вопросы мы пока е можемъ отвѣчать. До сихъ поръ въ археологической литера-урѣ не появилось даже описанія всѣхъ сдѣланныхъ въ области амы и ея главныхъ притоковъ курганныхъ и отдѣльныхъ нахо-окъ этого времени. Послѣднее обстоятельство объясняется глав-ымъ образомъ тѣмъ, что такихъ находокъ извѣстно еще мало, это въ свою очередь, повидимому, доказываетъ, что бронзовый вѣкъ въ прикамьѣ не имѣлъ ни большого распространенія, ни изкихъ культурныхъ центровъ. Самый крупный фактъ этого ремени въ прикамьѣ, извѣстный ананьинскій могильникъ, не азъ серьезно изучаемый, все еще не понятъ, такъ какъ не смотря а всѣ старанія изслѣдователей найти другія подобныя насыпи нъ остается одиночнымъ. Впрочемъ, если бы даже мы имѣли и

Digitized by Google

болѣе свѣдѣній объ отдѣльныхъ находкахъ бронзовыхъ вещей въ области Камы и даже нашли бы здѣсь еще нѣсколько кургановъ бронзоваго вѣка, все же вопросъ о культурѣ прикамскаго населенія этого времени остался бы открытымъ, такъ какъ подобныя находки могутъ дать лишь очень неполное понятіе объ образѣ жизни оставившаго ихъ народа до тѣхъ поръ, пока не найдены самыя мѣста его обитанія, а городищъ или другаго рода поселеній бронзоваго вѣка съ полною увѣренностью здѣсь мы еще не можемъ указать. По разнообразію находокъ, показывающему, что бронзовыя орудія оставлены въ краю разными народностями и въ разное время, невозможно сдѣлать даже наиболѣе легкаго-отмѣтить стиль бронзовыхъ прикамскихъ вещей.

Ананьинскій могильникъ открытъ въ 1855 г. Невоструевымъ и основательно разрытъ Алабинымъ (въ 1859 г.) и Пономаревымъ (въ 1881 г.).

Могильникъ расположенъ вблизи г. Елабуги за околицей подгородной дер. Ананьиной, на самомъ краю второй террасы р. Камы, недалеко отъ прежняго устья Тоймы. Внѣшній видъ могильника совсѣмъ не соотвѣтствуетъ нашему обычному представленію о курганной насыпи: онъ представляетъ собою простое продолговатое, въ видѣ небольшаго вала, возвышеніе, не имѣющее ни правильной формы, ни какихъ-либо другихъ признаковъ того, что надъ нимъ потрудилась рука человѣка. Хотя высота насыпи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до сажени, но при длинѣ окружности ея, доходящей до 70 саж., эта высота остается совершенно незамѣтною. Могильникъ насыпанъ вдоль берега и, кажется, не на ровной плоскости, а на береговомъ скатѣ.

Въ раскопанной въ 1859 г. части могильника Алабинымъ обнаружено было до 50 костяковъ. Весьма немногіе изъ нихъ лежали группами по 2 и по 3, остальные положены были отдѣльно, на разстояніи приблизительно въ аршинъ. Кромѣ 4 костяковъ, всѣ прочіе были положены къ югу, по направленію къ полуденному солнцу, тыломъ къ рѣкѣ. Въ цѣломъ видѣ похоронено только 6 покойниковъ, всѣ же прочіе были предварительно сожжены на кострѣ, откуда были взяты главныя кости и погребены въ курганѣ, при чемъ замѣтно стараніе размѣстить эти кости въ естественномъ порядкѣ. Наблюдается и частичное погребеніе, именно найдено 11 отдѣльно погребенныхъ головъ; каждая изъ нихъ находилась на одной или двухъ плитахъ. Вмѣстѣ съ покойника-

Digitized by Google

ли полагались ихъ любимыя или наиболѣе употребляемыя при
жизни вещи: у мужскихъ скелетовъ по бокамъ ножъ, кельтъ или
копье, на груди стрѣлки, у женскихъ—шейныя ожерелья, бусы
и другія украшенія. Не всѣ скелеты сопровождаются одинако-
вымъ количествомъ и одинаковаго рода предметами: есть костя-
ки богатые и бѣдные, точно также у однихъ преобладаютъ же-
лѣзныя орудія, у другихъ мѣдныя. Бѣднѣйшій скелетъ имѣлъ
при себѣ только ножъ и нѣсколько глиняныхъ черепковъ. При
сожженныхъ костякахъ всегда можно было найти одинъ или нѣ-
сколько горшковъ и маленькихъ горшечковъ, должно быть съ
пепломъ или остатками пищи. Три костяка найдены на камен-
номъ ложѣ; вѣроятно, многіе костяки имѣли надъ собою ската-
образное каменное прикрытіе. Черепа нѣкоторыхъ костяковъ про-
биты молотомъ или кельтомъ. Нѣкоторыя изъ найденныхъ при
костякахъ вещей носятъ слѣды огня, изъ чего по видимому слѣ-
дуетъ, что покойники сожигались въ одеждѣ, съ украшеніями и
съ оружіемъ.

Раскопка ананьинскаго могильника вызвала статью о немъ
пр. Эйхвальда, въ которой ученый академикъ между прочимъ
усиленно проводитъ аналогію погребенія въ ананьинскомъ кур-
ганѣ съ погребальными обычаями скиѳовъ и считаетъ даже воз-
можнымъ предполагать, что погребенные въ могильникѣ скиѳы
были современниками царя персидскаго Дарія (V в.); кромѣ того
въ своей статьѣ онъ дѣлаетъ рядъ другихъ предположеній, напр.
то, что всѣ 46 скелетовъ могильника были сожжены на многихъ
небольшихъ кострахъ въ одинъ день и что въ общемъ курганъ
представляетъ собою могилу важнаго владѣтеля, погребеннаго
вмѣстѣ съ женами, придворными и рабами и пр. Послѣ Эйхваль-
да изученіемъ ананьинскаго могильника занялся Невоструевъ,
признавшій его вполнѣ аналогичнымъ съ австрійскимъ галль-
штадскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи пр. Невоструевъ изъ числа
находокъ въ могильникѣ къ оружію относитъ: кельты, кинжалы,
сѣкиры, копья и стрѣлы. Ананьинскіе кельты своеобразной формы:
они вообще довольно велики, чаще безъ ушковъ, орнаментъ ихъ
состоитъ изъ двухъ прямыхъ линій, идущихъ вдоль широкой
средней грани, и четырехъ другихъ, ломаныхъ линій, соприкаса-
ющихся въ концахъ и идущихъ вдоль зѣва. Кинжалы частью
бронзовые, частью желѣзные; послѣдніе имѣютъ форму бронзо-
выхъ. Сѣкиры дѣлались также изъ того и другаго металла; одинъ

Digitized by Google

конецъ ихъ тонкій и круглый, другой толстый, въ экземплярахъ бронзовыхъ нерѣдко съ украшеніемъ въ видѣ орлинаго клюва, кабаньей головы и другихъ животныхъ. Копья попадаются чаще бронзовыя; они хорошо отлиты и имѣютъ узоры. Желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ найдено незначительное количество (всѣ они плоскіе), большинство же стрѣлокъ бронзовыя или, вѣрнѣе, мѣдныя, со втулочками, чаще трехгранныя, иногда двугранныя, нѣкоторыя съ особыми шипами. Изъ числа украшеній найдены: шейныя витыя кольца, ожерелья, бусы, колечки, браслеты, разнообразный поясной наборъ, бляхи, пряжки и проч. Къ ожерельямъ часто привѣшивались подвѣски въ видѣ сердечка, креста, треугольника, груши, ромба и проч.; сами ожерелья чаще состояли изъ мелкихъ глиняныхъ глазированныхъ кружечковъ. Самое характерное поясное украшеніе—продолговатыя съ перехватомъ пластинки, составленныя изъ двухъ плоскихъ кружечковъ. Изъ вещей домашняго быта или хозяйственныхъ можно отмѣтить: бронзовое, украшенное городчатымъ орнаментомъ долото, клинки отъ ножей, нѣсколько круглыхъ точильныхъ камней, иногда съ дырочкой для привѣшиванія, бронзовое шило и глиняныя горшки. Изъ предметовъ конской сбруи найдены желѣзныя и бронзовыя удила, нащечникъ, украшенія. Въ своей статьѣ пр. Невоструевъ много мѣста посвящаетъ внимательному изученію символовъ и амулетовъ: колеска о 4 спицахъ, вещицы въ формѣ ключа, полумѣсяца, орлиной головы, бараньей головки, пѣтушка, дракона, змѣи съ открытою пастью и медвѣжьей головы. Среди находокъ, добытыхъ съ могильника самимъ Невоструевымъ, представляетъ большую научную цѣнность извѣстная опочная плита съ изображеніемъ человѣка; изслѣдователь находитъ, что вооруженіе и украшенія изображеннаго на плитѣ лица вполнѣ походятъ на тѣ, какія добыты въ самомъ могильникѣ, и проводитъ аналогію ихъ со скиѳскими. Обсуждая вопросъ о времени, когда могильникъ могъ быть насыпанъ, Невоструевъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ принадлежитъ не къ концу бронзоваго вѣка, а къ болѣе отдаленному періоду этого вѣка, и создаетъ теорію происхожденія бронзоваго вѣка въ восточной Европѣ отъ азіатскихъ скиѳовъ, имѣвшихъ сношенія съ Персіею и Ассиріею и хорошо извѣстныхъ Птоломею.—Кромѣ указанныхъ лицъ древности ананьинскаго могильника были изучаемы Лерхомъ, П. Д. Шестаковымъ, Толмачевымъ, Аспелинымъ, Лихачевымъ и П. А. Пономаревымъ.

Digitized by Google

въ которыхъ послѣдній подвергъ его окончательной раскопкѣ. спелинъ, не извѣстно на какихъ основаніяхъ, отнесъ могильникъ къ III в. до Рожд. Хр.

Другихъ могильниковъ и кургановъ бронзоваго вѣка въ губерніи неизвѣстно. Отдѣльныя находки бронзовыхъ и мѣдныхъ редметовъ попадаются болѣе всего по теченію р. Камы и особенно въ окрестностяхъ Елабуги. Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи такихъ находокъ, можно сказать, не встрѣчается. Вотъ списокъ мѣстъ, гдѣ встрѣчены находки отдѣльныхъ экземпляровъ бронзовыхъ или мѣдныхъ вещей: окрестности Елабуги, д. Пустоаева, поч. Рождественскій Асановской вол., с. Танайка, с. Грахово, поч. Русскій Ахтіалъ, с. Ижевское Устье, поч. Собань Шарканской вол., д. Кинерь Малорожкинской вол. Многіе изъ бронзовыхъ находокъ весьма интересны. Таковы особенно превосходныя и очень рѣдкія молота-сѣкиры съ изображеніемъ дракона а обухѣ и головою орла надъ втулкой, найденныя въ двухъ или рехъ экземплярахъ; изъ другихъ находокъ отмѣтимъ: разнообразные кельты, обоюдоострый кинжалъ, разныхъ формъ копья, два ѣдныхъ серпа, мѣдныя кирки, бронзовый мечъ и пр. Интересно, что мѣдные топоры встрѣчены на далекомъ сѣверѣ губерніи близь с. Гидаева и на р. Холуницѣ), а также въ глубинѣ Яранскаго уѣзда (поч. Ожигановскій, д. Лумарь близь с. Сердежскаго ржумскаго уѣз.). Типъ этихъ топоровъ очень распространенный о всему сѣверу Россіи (топоръ узкій, втулка въ обухѣ) и вѣроятно относится къ болѣе позднему времени.

Несмотря на добросовѣстныя попытки ученыхъ путемъ нимательнаго изслѣдованія точно опредѣлить мѣсто, занимаемое ананьинскимъ могильникомъ среди другихъ однородныхъ ревностей, онъ остается для насъ до сихъ поръ совершенно неонятнымъ. Какому вѣку и народу могильникъ принадлежитъ, гдѣ ыли мѣста постояннаго обитанія этого народа, каковъ былъ образъ изни послѣдняго—всѣ эти вопросы если и затронуты, то не рѣшены даже приблизительно. Хотя изученіе камскихъ древностей въ послѣднія 30 лѣтъ сдѣлало значительные успѣхи, ананьинскій могильникъ до сихъ поръ представляется такимъ же таинственнымъ и одиночнымъ фактомъ, какимъ онъ сталъ извѣстенъ ученымъ въ 1859 г. Особенно поражаетъ и кажется странною эта особленность могильника отъ прочихъ камскихъ древностей: представляется невозможнымъ, чтобы гдѣ-нибудь вблизи не на-

Digitized by Google

шлось древностей аналогичныхъ, какихъ-либо иныхъ фактовъ той же культурности. Раздумывая надъ вопросомъ, къ какому роду извѣстныхъ намъ вятскихъ и камскихъ древностей ананьинскій могильникъ стоитъ ближе всего, мы остановили свое вниманіе на такъ называемыхъ костеносныхъ городищахъ. Древности могильника и городищъ на первый взглядъ столь отличны другъ отъ друга, что никто не рѣшился указать на возможность очень близкой аналогіи между ними, но внимательное изученіе ихъ, на нашъ взглядъ, показываетъ, что такая аналогія на самомъ дѣлѣ существуетъ. На костеносныхъ городищахъ встрѣчены бронзовые кельты, наконечники стрѣлъ, шилья, иглы, желѣзныя копья, желѣзные ножи, точильные каменные бруски, стеклянныя бусы, мѣдный поясной наборъ, кремневыя стрѣлы, кружки съ отверстіемъ посрединѣ—совершенно такіе же, какіе собраны въ ананьинскомъ могильникѣ. Далѣе—древности могильника съ древностями костеносныхъ городищъ очень сближаетъ общая любовь оставившихъ ихъ народностей къ снабженію оружія и другихъ предметовъ украшеніями въ видѣ животныхъ. На сѣкирахъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ ананьинскаго могильника вы встрѣтите изображенія орла, кабана, медвѣдя и дракона—и головками тѣхъ же животныхъ обитатель костеносныхъ городищъ украшалъ свои ручки для ножей, кружки, удочки и проч.; онъ можетъ быть даже болѣе разнообразилъ свои украшенія, такъ какъ на предметахъ съ костеносныхъ городищъ найдены еще изваянія лося, коня и, можно думать, собаки. Довольно многочисленные слѣды существованія у обитателей костеносныхъ городищъ литейнаго искусства (находки тиглей и даже формъ) составляютъ, конечно, также одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ близости этихъ городищъ къ бронзовому вѣку. Черепки глиняныхъ ананьинскихъ сосудовъ очень близки къ черепкамъ ближайшаго костеноснаго городища, тихогорскаго. Вмѣстѣ съ черепками какъ и въ могильникѣ, также какъ и на костеносныхъ городищахъ, встрѣчаются цѣлые и битые куски крупной гальки (употребляемой, какъ намъ кажется, для скорѣйшаго нагрѣванія воды въ сосудахъ) Насъ не должно смущать то обстоятельство, что предметы древности изъ могильника и съ городищъ не вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ. Такъ напримѣръ на костеносныхъ городищахъ совсѣмъ не найдено кинжаловъ, какихъ не мало собрано въ могильникѣ, но это обстоятельство можетъ быть безъ труда объяснено мирнымъ

Digitized by Google

назначеніемъ городищъ и недостаткомъ въ изысканіяхъ. Въ свою очередь, въ могильникъ не могли проникнуть предметы общежитія, въ обиліи находимые на городищахъ: вязальныя иглы, лопаточки, ложки, гребни, удочки, остроги и проч. Мы внимательно разсмотрѣли всѣ типичныя формы предметовъ для ананьинскаго могильника и костеносныхъ городищъ, и нашли, что они или одни и тѣ же, или весьма сходны. Но чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что въ могильникѣ вовсе не найдено костяныхъ стрѣлъ, которыя во множествѣ встрѣчаются на костеносныхъ городищахъ? Почему въ могильникѣ не встрѣчено ни одной костяной вещи? Трудно отвѣтить на такой вопросъ. Можетъ быть потому, что костяные предметы не считались достаточно цѣнными и почетными, можетъ быть потому, что эти предметы совершенно испепелились на кострѣ—во всякомъ случаѣ этотъ фактъ, при всей необъяснимости своей, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ всѣмъ прочимъ, согласно говорящимъ за аналогію культуръ могильника и городищъ. Мы, конечно, не рѣшаемся утверждать, что тѣ и другіе памятники древности принадлежатъ непремѣнно одному народу и одному времени: это можно только предполагать. Всего естественнѣе, кажется, было бы думать, что ананьинскій могильникъ есть мѣсто погребенія знатнѣйшихъ лицъ того племени, которое населяло камскія костеносныя городища. Обыкновенные люди этого племени могли подвергаться менѣе сложному и менѣе дорогому обряду погребенія.

Костеносныя городища. По низовьямъ Камы и Вятки тянется рядъ древнихъ городищъ, которыя, по обилію находимыхъ на нихъ костей и издѣлій изъ кости, принято называть, не совсѣмъ впрочемъ точно, костеносными. Эти городища своеобразны по внѣшнему виду (они не велики и имѣютъ одинъ кокошникообразный валъ), но несравненно любопытнѣе находимые на нихъ культурные остатки народа, которому они принадлежали. Образъ жизни этого народа былъ, кажется, исключительно звѣроловческій (частью пастушескій), и потому на оставленныхъ имъ городищахъ всегда встрѣчается масса костей, которыхъ иногда бываетъ такъ много, что они служатъ предметомъ промышленнаго сбыта. Чаще всего встрѣчаются кости оленя, лося, лошади, медвѣдя и бобра, рѣже—свиньи, рогатаго скота, зайца, выдры, лисицы, волка, хомяка (?), куницы, барана, птицъ, рыбъ и собаки. Но находкамъ, напоминающимъ болѣе всего нѣкоторыя принадлежности

Digitized by Google

сбруи, можно думать, что лошадь была домашнимъ животнымъ; вѣроятно, домашними же были корова, свинья, баранъ и собака. Костей дикихъ животныхъ встрѣчается значительно больше, чѣмъ костей домашнихъ. Кто, побывавъ на костеносномъ городищѣ во время раскопокъ, обратитъ вниманіе на массу вырываемыхъ на немъ разнообразныхъ формъ раздробленныхъ и расколотыхъ костей, поймете, что человѣку не могла не придти мысль воспользоваться въ возможно обширныхъ размѣрахъ этимъ готовымъ, крѣпкимъ и довольно легко подвергающимся обработкѣ матеріаломъ для выдѣлки орудій и предметовъ домашняго быта. Въ самомъ дѣлѣ, костяныхъ вещей и издѣлій на костеносныхъ городищахъ столько, что каменныя и металлическія сравнительно съ ними составляютъ самый незначительный процентъ. Боевые молота, стрѣлы, ножи, ложки, рукоятки для ножей, удочки, игрушки, шилья, иглы, гребни, бусы—все дѣлалось изъ кости, иногда очень красивой и всегда крѣпкой.

Насколько развита и своеобразна культура костеносныхъ городищъ, судить о томъ можно по замѣчательному разнообразію и изяществу находимыхъ на нихъ предметовъ. Самымъ распространеннымъ оружіемъ обитателей костеносныхъ городищъ были боевыя молота, состоявшіе изъ крѣпкаго сука съ массивною рукоятью, снабженною круглымъ костянымъ наконечникомъ; такія молота по своему типу вполнѣ походятъ на молота каменнаго и бронзоваго вѣка, гдѣ костяной наконечникъ замѣняется каменнымъ клиномъ или кельтомъ; тѣ же молота въ ананьинскомъ могильникѣ переходятъ въ сѣкиры съ круглымъ остріемъ. Костяные наконечники молотовъ имѣютъ въ длину обыкновенно до 2 вершковъ и для прикрѣпленія къ суку снабжены отверстіями. Костяные наконечники стрѣлъ встрѣчаются на костеносныхъ городищахъ во множествѣ. Въ обработкѣ этихъ предметовъ ихъ обитатели доходили до замѣчательной виртуозности, придавая имъ весьма разнообразныя формы и превосходную отдѣлку. Встрѣчены костяныя остроги весьма изысканныхъ формъ и большія костяныя удочки, часто снабженныя изваяніями. Большіе костяные ножи дѣлались изъ острыхъ, широкихъ и длинныхъ реберъ съ головкой въ видѣ ручки, а маленькіе ножички для сниманія шкурокъ изъ небольшихъ тонкихъ костей, остріе которыхъ скашивалось и заострялось. Изъ другихъ предметовъ домашняго быта встрѣчены: острыя кости въ видѣ вилокъ (въ огромномъ ко-

Digitized by Google

личествѣ), нѣсколько отлично сдѣланныхъ костяныхъ ложекъ (эта находка быть можетъ болѣе всего свидѣтельствуетъ о высокой степени культуры костеносныхъ городищъ), костяные гребни, всегда съ украшеніями, множество вязальныхъ иглъ, обработанныхъ изъ тонкихъ круглыхъ реберъ, шилья, кодочиги (дѣлались изъ согнутаго ребра), костяныя узды (?) и характерныя, всегда изящно сдѣланныя лопаточки разнообразныхъ формъ, употребляемыя, вѣроятно, для сбиванія мездры съ кожъ. Украшеніями служили: медвѣжьи клыки, маленькія бабки, лодыжки, пластинки, пронизки, косточки. Наиболѣе характерные изъ украшеній—каменные или глиняные плоскіе кружки съ дырочкой посрединѣ, которые кажется, входили въ составъ ожерелій. Они почти всегда украшались какими нибудь изображеніями, напр. дракона, собаки, въ видѣ спицъ колеса и пр., и можетъ быть составляютъ мѣстное подражаніе подобнымъ же бронзовымъ и нефритовымъ кружкамъ, встрѣченнымъ въ ананьинскомъ могильникѣ и на одномъ костеносномъ городищѣ.

Всѣ костяныя издѣлія съ костеносныхъ городищъ обработаны весьма искусно, иногда художественно. На нѣкоторыхъ предметахъ особенно на ручкахъ ножей, на лопаточкахъ, гребняхъ и удочкахъ встрѣчаются изваянія фигуръ и головокъ различныхъ животныхъ: лося (чаще всего), медвѣдя, лисицы, кабана, свиньи, лошади, изрѣдка изображенія дракона и другихъ фантастическихъ животныхъ. Многія изъ подобныхъ работъ сдѣлали бы честь рѣзцу художника нашего времени.

Желѣзныхъ предметовъ и издѣлій на костеносныхъ городищахъ найдено очень мало: такъ напр. въ пижемскомъ городищѣ на 900 находокъ приходится всего 6 желѣзныхъ, т. е. $^2/_3$ %. При дороговизнѣ металла, вещи изъ желѣза имѣлись только необходимѣйшія: орудія для первоначальной обтески костей, ножи и буравы для сверленія отверстій. Топоровъ и рѣзцовъ для обрубки и начальнаго обтесыванія кости еще не найдено, но слѣды ихъ употребленія ясны на неоконченныхъ предметахъ; они были долотообразны, съ острымъ, нѣсколько округленнымъ концомъ. Желѣзные ножи почти всѣ серповидны. Для просверливанія отверстій употреблялись четырехгранныя, довольно хорошо закаленныя шилья болѣе вершка длиною. Въ незначительномъ количествѣ найдены обломки другихъ желѣзныхъ предметовъ, но вообще они очень не разнообразны. Намъ извѣстенъ съ вятскихъ

Digitized by Google

костеносныхъ городищъ только одинъ экземпляръ желѣзной стрѣлы и одинъ желѣзный наконечникъ копья.

Нѣсколько больше, чѣмъ желѣзныхъ предметовъ, найдено подѣлокъ изъ бронзы и мѣди. Среди нихъ особенно замѣчательны кельты, которые на костеносныхъ городищахъ не составляютъ одиночнаго явленія. Кромѣ кельтовъ найдены: обыкновенныя двуперыя стрѣлки, иглы, шилья, кольца и разныя украшенія; подвѣсокъ чудского типа не найдено.—Найдены не только самые предметы изъ мѣди и бронзы, но также и слѣды самостоятельнаго литья металлическихъ издѣлій—тигли и формы, довольно разнообразныхъ формъ. Подѣлокъ изъ другихъ металловъ вообще не найдено; любопытно, что не найдено также издѣлій изъ стекла, если не считать замѣчательнаго ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ съ нефритовыми привѣсками, найденнаго на одномъ изъ камскихъ костеносныхъ городищъ.

На вятскихъ костеносныхъ городищахъ издѣлій изъ камня найдено очень мало: нѣсколько кремневыхъ стрѣлокъ, круглая палочка и еще нѣсколько незначительныхъ вещицъ. Камскія костеносныя городища находками каменныхъ предметовъ богаче: здѣсь найдена половина каменнаго молота и довольно значительное количество клиньевъ—кельтовъ изъ известковаго камня, подобныхъ тѣмъ, которые найдены въ мастерской при д. Ори-шуть. Кремневыхъ скребковъ, ножей и нуклеусовъ пигдѣ не найдено, зато на каждомъ костеносномъ городищѣ въ значительномъ количествѣ попадаются жерновые камни изъ слабаго ячеистаго известняка, имѣющіе типичную форму и даже величину яровыхъ хлѣбовъ. Обыкновенно поверхность такихъ жернововъ совершенно ровная, изрѣдка нѣсколько выпуклая, и только въ одномъ случаѣ найденъ жерновъ съ вогнутою поверхностью. Назначеніе жернововъ для насъ не вполнѣ ясно; не употреблялись ли они для растиранія корней и плодовъ?

Гончарныя издѣлія съ костеносныхъ городищъ такъ своеобразны, что ихъ легко отличить сразу. Находимые здѣсь черепки на столько крѣпки и плотны, что при ударѣ издаютъ звонъ; они сѣраго цвѣта, часто съ раковиною примѣсью, тверды какъ камень и сохранились въ очень большихъ фрагментахъ, по которымъ очень не трудно возстановить форму всего сосуда. Горшки были разнообразной формы (котловидные, съ круглымъ дномъ и широкимъ зѣвомъ), но различныхъ величинъ, именно трехъ:

Digitized by Google

одни въ діаметрѣ зѣва имѣютъ $1^1/_2$ четверти, такъ что едва мог ли быть обхвачены обѣими руками, другіе—четверть, и третьи рѣже встрѣчаемые, еще нѣсколько менѣе; самый небольшой изъ найденныхъ нами сосудовъ имѣетъ не болѣе $1^1/_2$ вершка въ діаметрѣ. Орнаментъ большихъ и малыхъ сосудовъ не вполнѣ одинаковъ. Украшенія первыхъ состоятъ изъ зубчатыхъ (иногда по 6 зубцовъ, иногда менѣе) и изрѣдка веревчатыхъ линій, скупо расположенныхъ то группами, то вкось, а чаще вдоль зѣва; къ этому орнаменту иногда присоединяется кружковый. Орнаментъ этихъ сосудовъ силенъ и грубъ; многіе черепки совсѣмъ лишены украшеній. На сосудахъ малыхъ преобладаютъ веревчатыя украшенія, мелкія и несравненно болѣе изящныя и сложныя, такъ что прямо напоминаютъ подобныя изъ ананьинскаго могильника.

Костяковъ и могилъ, принадлежащихъ достовѣрно обитателямъ костеносныхъ городищъ пока не найдено, но П. А. Пономаревъ имѣетъ данныя, позволившія ему сдѣлать предположеніе, что населявшее эти городища племя хоронило не трупы, а лишь кости.

По всѣмъ признакамъ, костеносныя городища относятся къ очень отдаленному времени и стоятъ ближе къ бронзовому вѣку, чѣмъ ко времени преобладанія желѣзныхъ орудій. Монетъ, помощью которыхъ можно было бы опредѣлить время сооруженія костеносныхъ городищъ, на нихъ не найдено, но это обстоятельство само по себѣ служитъ вѣскимъ признакомъ особенной ихъ древности. П. А. Пономаревъ относитъ костеносныя городища къ I—IX вв. по Рожд. Хр.

Городища, наиболѣе близкія по культурѣ къ костеноснымъ, встрѣчены въ Западной Сибири, пока въ системѣ р. Иртыша. Одно такое городище находится на такъ называемомъ Чувашскомъ мысу близъ Тобольска. Оно укрѣплено двумя кокошникообразными валами и въ позднѣйшее время служило мѣстомъ чудскаго могильника. Изъ предметовъ, аналогичныхъ съ находками въ камскихъ и вятскихъ костеносныхъ городищъ, здѣсь встрѣчены: наконечники молотовъ, молота, наконечники стрѣлъ, ножи и ножички, шилья, ручки для ножей (иногда съ изваяніями), удочки, ложки, гребни, лопаточки, стремена, кружки съ отверстіемъ, украшенія и проч. Другое костеносное городище открыто на рч. Томи. Близъ Тобольска раскопаны курганы, въ которыхъ, по краткимъ сообщеніямъ, найдены костяныя издѣлія вмѣстѣ съ

Digitized by Google

металлическими; впрочемъ наши свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ очень скудны, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому что они могли бы въ окончательной формѣ рѣшить вопросъ объ отношеніи костеносныхъ городищъ къ бронзовому вѣку.—Въ окрестностяхъ Кыштымскаго завода Пермской губ. найденъ кружокъ, вполнѣ аналогичный съ подобнымъ же съ одного вятскаго костеноснаго городища.

Древности костеносныхъ городищъ сходны также съ предметами, найденными близъ Ладожскаго озера проф. Иностранцевымъ. Наконечники молотовъ здѣсь имѣютъ нѣсколько иной видъ: они дѣлаются изъ расколотыхъ по поламъ большихъ костей и не надѣваются на сукъ, а прикрѣпляются къ нему; другіе аналогичные предметы: костяные ножи, стрѣлки, остроги, шилья, вязальныя иглы, каменная круглая палочка.

Открытыя въ Пермской губерніи г. Теплоуховымъ «костищи» (вѣроятно, это тѣ же городища) относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ камскія костеносныя городища, хотя также заключаютъ въ себѣ много издѣлій изъ кости. Принадлежность костищъ къ иному времени доказывается присутствіемъ въ нихъ въ значительномъ количествѣ искусной отдѣлки стеклянныхъ бусъ, издѣлій изъ желѣза и даже бронзовыхъ идоловъ чудскаго типа. Костяные наконечники стрѣлъ при общемъ сходствѣ съ наконечниками костеносныхъ городищъ кой въ чемъ отличаются отъ послѣднихъ, напр. имѣютъ характерный срѣзъ на ребрахъ.

Въ Вятской губерніи пока извѣстно 7 костеносныхъ городищъ: тихо-горское, свино-горское, аргыжское, ройское, буйское, лебяжское и пижемское. Первыя два расположены еще по Камѣ, а остальныя въ нижнемъ теченіи Вятки: далѣе Пижмы они не идутъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ городищъ оказалось пижемское, давшее изумительно богатыя и разнообразныя находки; почти нѣтъ такихъ предметовъ изъ числа найденныхъ на костеносныхъ городищахъ, которые не встрѣтились бы и на пижемскомъ. Самыми бѣдными городищами оказались лебяжское и тихо-горское.

Кажется, что костеносныя городища имѣли почти исключительно религіозное значеніе.

Digitized by Google

III. Чудскія древности.

При недостатк надежныхъ письменныхъ источниковъ, при отсутствіи значительныхъ систематическихъ раскопокъ, мы вполнѣ безсильны рѣшить вопросъ объ основныхъ элементахъ чудской и болгарской культуръ, о времени ихъ развитія и процвѣтанія въ области Камы, о національности того и другого народа и о характерѣ ихъ политической жизни. Предположеній равно вѣроятныхъ можно сдѣлать сколько угодно, но не найдется между ними такого, на которомъ можно было бы остановиться съ довѣріемъ. Слѣдующее предположеніе по древнѣйшей исторіи Камской области предоставляется намъ пока наиболѣе заслуживающимъ вниманія.

Отыскивая новые рынки для закупки мѣховъ и сбыта своихъ товаровъ, восточные купцы нападаютъ на слѣды какихъ-то передвиженій сибирскихъ инородцевъ въ Европу черезъ сѣверный уральскій перевалъ, ближе знакомятся съ мѣстностью и чрезъ нѣкоторое время устраиваютъ на верховьяхъ Камы торговый мѣновой центръ. Съ теченіемъ времени выгодное положеніе избранной мѣстности для торговли не только по Камѣ, но и по Сѣв. Двинѣ и миролюбіе владѣющихъ страною чудскихъ народностей вызываютъ возникновеніе здѣсь постоянной торговой факторіи, ядромъ которой становятся сперва купцы—персіяне, а послѣ ихъ торговцы другихъ восточныхъ народовъ (не исключая сибирскихъ), преимущественно же арабскіе купцы. Факторія эта не замедлила оказать могущественное политическое и культурное вліяніе на окружающія звѣроловческія и частью пастушескія племена: стянула ихъ къ одному центру и ознакомила съ земледѣліемъ и разными удобствами и соблазнами высшей культуры. Однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта въ странѣ сѣверной чуди оказались бронзовыя шумящія привѣски, заимствованныя восточными купцами, вѣроятно, отъ сибирскихъ племенъ и быстро вошедшія во всеобщее употребленіе. Факторія современемъ обратилась въ колонію, и колонія эта съ теченіемъ времени неизбѣжно должна была перемѣнить свой главный центръ, спустившись съ верховьевъ Камы на ея низовье, ближе къ великому волжскому пути. Здѣсь возникла сперва временная ярмарка, а потомъ постоянное поселеніе (знаменитыя Болгары), вскорѣ затмившее славу чердынской факторіи. На Волгѣ восточная колонія усилилась новыми элементами, нашла новые пути на во-

Digitized by Google

стокъ и вошла въ сношенія съ новыми народами. Болгары сплотили вокругъ себя оригинальный, хотя и слабый союзъ сосѣднихъ инородцевъ, подчинивъ ихъ особому торгово-аристократическому устройству, давъ имъ общее управленіе и судъ. Дальнѣйшему процвѣтанію области весьма много содѣйствовало принятіе болгарами мусульманства. Восточные мастера, ремесленники и ученые сдѣлали Болгары вполнѣ уголкомъ востока. Почти восьмивѣковое (V—XIII в.) болѣе или менѣе спокойное существованіе въ камской области незначительной торговой колоніи объясняется единственно только слабостью сосѣдей. Неудивительно, что она пала при первомъ серьезномъ столкновеніи съ народомъ, сильнымъ идеею національности, пала такъ, что ничего не оставила послѣ себя кромѣ имени. Подручныя болгарамъ племена равнодушно подчинились новымъ властителямъ страны, сохранившимъ тоже политическое устройство и ставшимъ къ нимъ въ тоже отношеніе.

Въ Вятской губерніи чудскія поселенія расположены по верховьямъ Камы, по Чепцѣ до ея средняго теченія и по Ижмѣ. Первыя двѣ мѣстности заселялись, можно думать, съ притоковъ Камы, Обвы и Инвы, а послѣдняя, вѣроятно, съ Чепцы. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, именно по находкамъ монетъ и спеціально болгарскихъ вещей, верхне-камскія и чепецкія чудскія поселенія основаны, вѣроятно, уже въ болгарскій періодъ исторіи восточной камской колоніи. Такъ какъ здѣсь не найдено болѣе древнихъ поселеній, то можно думать, что оболгаренная чудь заняла эти мѣстности первою; можно также предположить, что заселеніе верховьевъ Камы и Чепцы было дѣломъ болгарскихъ торговцевъ-владѣтелей. Судя по находкамъ монетъ, время процвѣтанія верхне-камскихъ и чепецкихъ чудскихъ поселеній относится къ VII—X вв. и, слѣдовательно, совпадаетъ съ расцвѣтомъ болгарской культуры вообще.

Раскопки показываютъ, что вещи совершенно одинаковаго типа безразлично попадаются и въ болгарскихъ городахъ, и на чудскихъ городищахъ. Вся разница между находками состоитъ въ томъ, что въ первыхъ встрѣчается значительно болѣе издѣлій восточнаго типа, а во вторыхъ—мѣдныхъ подвѣсокъ и идоловъ, вслѣдствіе чего пока нѣтъ никакой возможности выдѣлить вещи спеціально-болгарскія и спеціально-чудскія. Среди чепецкихъ находокъ вещами болгарскими и вообще восточнаго происхожденія

Digitized by Google

можно бы, кажется, считать слѣдующія: монеты, блюда, серебряные перстни, серьги, разноцвѣтныя бусы, глиняные тонкой работы сосуды и проч.; мѣстными или расчитанными на вкусъ чуди-потребителей можно бы, кажется, признать изъ находокъ слѣдующіе предметы: грубыя костяныя стрѣлы, кодочиги и болѣе изящныя вещи и украшенія изъ кости (гребни, уховертки, ложки, пуговицы), мѣдные литые идолы обще-чудского типа (чаще въ видѣ хищной птицы, иногда въ видѣ человѣка), столь любимыя всѣми финскими племенами привѣски въ видѣ пронизокъ, птицъ и коньковъ съ шумящими лапчатыми и бубенчико-образными подвѣсками, орнаментированныя спиральными и гроздеобразными украшеніями, крѣпкая глиняная посуда, каменныя пряслица, точильные камни и разныя подѣлки изъ желѣза въ видѣ ральниковъ, замковъ, стрѣлъ, ножиковъ, колецъ и проч. Самыми характерными чудскими вещами намъ представляются идолы и металлическія украшенія.

Какъ полуземледѣльческій, полузвѣроловческій народъ, не сплоченный стройнымъ политическимъ устройствомъ, интересами торговли и промышленности, чудь селилась отдѣльными родовыми группами, и потому нигдѣ на Камѣ мы не находимъ признаковъ такихъ большихъ городовъ, какіе мы знаемъ въ ея низовьѣ и на Волгѣ. Чудь раскинула по берегамъ заселенныхъ ею рѣкъ и рѣчекъ сѣть небольшихъ городищъ, служившихъ, вѣроятно, не столько укрѣпленіями, сколько центрами административными, торговыми и судебными. Весьма возможно, что даже самое искусство построенія такихъ городищъ перенято чудью отъ другихъ народностей, напр. отъ тѣхъ же болгаръ; быть можетъ они принадлежали даже не самой чуди, а поселившимся среди нихъ болгарскимъ князьямъ или намѣстникамъ. Хотя сѣверо-восточныя финскія народности съ глубокой древности умѣли строить городища, очевидно нуждались въ нихъ и вѣроятно по Камѣ найдутся городища той же чуди, относящіяся къ отдаленному времени, но постройка верхо-камскихъ и чепецкихъ городищъ вполнѣ своеобразна и обличаетъ болѣе искусную и болѣе культурную руку строителей. Ко времени заселенія Чепцы, чудь уже усвоила этотъ типъ укрѣпленій и перенесла его сюда въ такой чистотѣ, что чепецкія городища по устройству вполнѣ аналогичны съ камско-чудскими, и только нѣкоторыя изъ нихъ, по своеобразнымъ условіямъ мѣстности, отступаютъ отъ этого, ставшаго

Digitized by Google

традиціоннымъ типа. Чудское городище почти всегда помѣщается на остромъ высокомъ мысу, огражденномъ съ доступной стороны однимъ, двумя, иногда тремя массивными валами. Между этими валами нерѣдко находится столь значительное разстояніе, что невольно приходитъ въ голову возможность провести аналогію ихъ сооруженія съ общеизвѣстной исторіей расширенія древне-русскихъ городовъ путемъ образованія новыхъ посадовъ. Площадка чудскихъ городищъ имѣетъ всегда значительно большіе размѣры, чѣмъ площадки извѣстныхъ намъ старыхъ финскихъ городищъ. Среднею длиною ея принимаемъ 50 саж.; это составитъ площадь, на которой можетъ раскинуться довольно сложное административно-промышленное поселеніе, помѣститься нѣсколько избранныхъ семей и въ случаѣ надобности здѣсь можетъ укрыться на время нѣсколько сотъ человѣкъ. Самая характерная черта чудского городища—это его уступы (одинъ, два или три, смотря по высотѣ мыса), которыми скаты городища оберегались отъ осыпанія. Изъ извѣстныхъ намъ чепецкихъ городищъ такой типъ имѣютъ напр. Балезинское, Учка-карское и Игна-карское. Нѣкоторыя другія, напр. Донды-карское и Поркарское, расположены по сравнительно низкой мѣстности, и слѣды укрѣпленія ихъ валами слабы, искусственныхъ уступовъ не замѣтно. Чепецкія чудскія городища тянутся вдоль теченія рѣки и нѣсколько отступая отъ него, главнымъ образомъ по ея правому берегу между устьями рѣчекъ Лозы и Лемы, слѣдовательно, на довольно ограниченномъ районѣ. Далѣе р. Косы несомнѣнно чудскихъ городищъ и вообще чудскихъ древностей пока не найдено.

Намъ извѣстны слѣдующія 17 чепецкихъ городищъ: два поломскихъ, балезинское, Сабанчи-каръ близъ Глазова, Игна каръ, Утэмъ, Учка-каръ, Донды-каръ, два Поркарскихъ, Сепычъ-каръ, Парзинскій Пор-каръ, Уканскій Пор-каръ, Зятцинскій Кара-вай, Мухинское, Ошланское, но мѣстные изслѣдователи знаютъ ихъ до 64. Изъ этихъ городищъ самыя богатыя по находкамъ—Игна-карское и Донды-карское, а самое любопытное по внѣшнему устройству—Учка-карское. Мѣстъ старинныхъ поселеній въ Глазовскомъ уѣздѣ г. Первухинъ насчитываетъ 84. Болѣе систематическія и цѣнныя находки чудскихъ вещей дѣлаются не столько на городищахъ, сколько на чудскихъ могильникахъ, которые представляютъ собою не что иное какъ старинныя кладбища и которыхъ

Digitized by Google

ъ границахъ Глазовскаго уѣзда, вмѣстѣ съ позднѣйшими кладищами, открыто уже 157. Ближайшій къ Глазову чудской могильникъ носитъ названіе Чемшай; онъ расположенъ на одной изъ окрестныхъ высотъ и далъ очень любопытныя вещи.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ не мало находокъ чудскихъ и восточныхъ вещей дѣлается совершенно случайнымъ образомъ, особенно при распахиваніи новыхъ полей. Изъ случайныхъ находокъ самыя замѣчательныя слѣдующія: находка въ кестымской волости кувшина съ 1500 арабскими монетами VI—IX в. (1867 г.), 06 арабскихъ монетъ въ тыловайской волости (1884 г.), двухъ серебряныхъ блюдъ съ изображеніемъ оленя, змѣи и собаки близъ уканскаго городища, двухъ замѣчательныхъ серебряныхъ блюдъ въ окрестностяхъ Глазова (одно съ изображеніемъ геральдической птицы, другое съ изображеніемъ Діаны и различныхъ тропическихъ животныхъ). Большихъ серебряныхъ ожерельевъ, перстней, отдѣльныхъ монетъ и проч. находимо было множество. Самыми позднѣйшими по времени монетами оказываются золотоордынскія XIV в. Всего болѣе находокъ извѣстно изъ окрестностей Глазова.

На верховьяхъ Камы городищъ въ собственномъ смыслѣ мы пока не знаемъ, но здѣсь уже отмѣчено довольно много чудскихъ пепелищъ и весьма интересныхъ могильниковъ той же поры. Всего болѣе чудскихъ древностей открыто въ зюздинскомъ краѣ, особенно по теченію впадающей въ Каму рч. Колыча, гдѣ найденъ цѣлый рядъ чудскихъ могилъ, частью уже изслѣдованныхъ г. Первухинымъ и Шатровымъ. Самая важная находка, сдѣланная въ зюздинскомъ краю—небольшая плита съ чудскими письменами (?) Такъ какъ многія мѣстности на верховьяхъ Камы распахиваются нынѣ, то здѣсь болѣе, чѣмъ по Чепцѣ, находятъ мелкихъ мѣдныхъ чудскихъ издѣлій; самую крупную изъ числа отдѣльныхъ находокъ составляетъ серебряное блюдо съ изображеніемъ дракона, найденое въ Харинской волости.

Конечно, чепецкія древности еще не настолько намъ извѣстны, чтобы можно было утверждать, что среди нихъ нѣтъ городищъ и древностей иной поры, болѣе поздней, или даже болѣе ранней.

О чудскихъ пижемскихъ городищахъ скажемъ ниже.

Digitized by Google

IV. Болгарскія древности и каменія елабужскія городища.

Собственно болгарскими городищами въ Вятской губерніи мы рѣшаемся признать только два, елабужское и граканское.

Весьма извѣстное на Камѣ елабужское городище находится близъ г. Елабуги и расположено на весьма высокомъ выходящемъ на р. Каму мысу, между берегомъ и глубокимъ оврагомъ. Видъ отсюда на теченіе Камы обширнѣйшій. Городище занимаетъ удлиненную площадку и должно быть отнесено къ числу самыхъ значительныхъ камскихъ городищъ, такъ какъ одна ширина этой площадки доходитъ до 55 саж., а длина ея, взятая вмѣстѣ съ укрѣпленіями, почти втрое больше. Укрѣпленія городища такъ основательны, что занимаютъ не многимъ менѣе половины всей площади городища. Они состоятъ изъ трехъ массивныхъ валовъ: двухъ прямыхъ и одного согнутаго подъ угломъ; другъ отъ друга валы отстоятъ болѣе чѣмъ на 25 саж., и представляется вѣроятнымъ, что подъ защитою ихъ нѣкогда существовали небольшіе посады.

Раскопка городища показала, что оно было занято въ разное время племенами разныхъ культуръ, о чемъ, по недостатку болѣе характерныхъ находокъ, приходится судить по находкамъ черепковъ, которыхъ найдено здѣсь четыре типа: древніе съ раковинною примѣсью и городчатымъ узоромъ, не встрѣченные на другихъ вятскихъ городищахъ, болгарскіе черной и красной глины, грубые черепки котловскаго типа и наконецъ позднѣйшіе русскіе. Находки черепковъ, а также другихъ предметовъ позволяютъ сдѣлать предположеніе, что елабужское городище принадлежало болгарамъ, составляя, вѣроятно, самый сѣверный пунктъ ихъ владѣній въ низовьяхъ Камы; кто занималъ это мѣсто до болгаръ, мы не знаемъ, но трудно допустить, чтобы столь удобная мѣстность не была никѣмъ занята ранѣе. Болгары любили селиться большими городами, и потому сравнительно маленькое елабужское городище едва ли не было сооружено какимъ нибудь народомъ еще до появленія ихъ на Камѣ, но вполнѣ опредѣленно этого мы, конечно, не можемъ утверждать.

Широкую извѣстность свою елабужское городище пріобрѣло благодаря находившемуся на немъ загадочному каменному сооруженію. Теперь отъ него осталась весьма незначительная часть

Digitized by Google

ъ видѣ одинокo стоящей круглой башни (притомъ не сильно подновленной), а въ прежнемъ своемъ видѣ это сооруженіе представляло высокій, почти квадратный каменный четыреугольникъ, укрѣпленный восемью выступающими изъ него круглыми и полукруглыми башнями, и было весьма своеобразно. Одна башня, южная, была треугольная. Все сооруженіе имѣетъ небольшіе размѣры: каждая изъ четырехъ стѣнъ имѣла въ длину немного болѣе 8 саж., въ вышину до 2 саж.; первоначальная высота башенъ была не выше 3 саж., а діаметръ ихъ внутри имѣетъ 2 саж.; башни имѣли, кажется, два этажа, прикрытіе ихъ было деревянное. Входъ былъ, можно думать, одинъ, очень узкій, между двумя близко стоящими другъ къ другу башнями, со стороны Тоймы. Стѣна четыреугольника и башенъ имѣла всюду одинаковую толщину (1 арш.) и сложена изъ довольно крупныхъ круглыхъ камней, скрѣпленныхъ отличнымъ известковымъ цементомъ. Кому принадлежитъ это сооруженіе и каково его первоначальное назначеніе? Принадлежитъ оно, конечно, болгарамъ или татарамъ, а назначеніе его мы пока не рѣшаемся опредѣлить, но во всякомъ случаѣ это не цитадель, такъ какъ размѣры его для такой цѣли слишкомъ незначительны. Вѣроятно, это или что-нибудь въ родѣ караванъ-сарая, или, что всего вѣрнѣе, гробница какого-нибудь хана или святого. Послѣднее предположеніе можно основать между прочимъ на томъ обстоятельствѣ, что сооруженіе наиболѣе характерною своею частью (тою стороною, гдѣ расположена треугольная башня) обращено на югъ. Не есть ли это гробница Амлянъ-ходжи и другихъ послѣдователей пророка, которую, по словамъ Шерефъ-эддина, посѣтилъ на устьѣ Тоймы Тимуръ? Или можетъ быть это подражаніе какой-нибудь знаменитой мусульманской постройки, вродѣ Каабы?

Пр. Невоструевъ древнѣйшее упоминаніе объ елабужскомъ городищѣ нашелъ у Шерефъ-эддина (XVI в.), который называетъ его Суддумомъ (Содумъ). Лѣтописи наши не упоминаютъ этого городища, если не пріурочивать къ нему извѣстнаго по лѣтописямъ города Брякимова на Камѣ, что представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Въ 1614 г. на городищѣ основанъ былъ православный монастырь, существовавшій здѣсь ровно 150 лѣтъ, до 1764 года.

Грахамское городище находится на самомъ устьѣ р. Вятки близъ дер. Грахань и назначалось, можно думать, для наблюде-

Digitized by Google

нія за этою рѣкою. Ни внѣшнимъ видомъ, ни находками оно не замѣчательно.

Близъ устья р. Вятки находятся еще два городища, которыя мы не знаемъ къ какой группѣ причислить, и описываемъ ихъ въ числѣ болгарскихъ городищъ только потому, что они не походятъ на другія камскія укрѣпленія этого рода. Одно изъ нихъ занимаетъ вершину замѣчательной по высотѣ и оригинальному виду такъ называемой «Котловской Шишки», а другое расположено на мысу межъ двумя оврагами близъ с. Котловки. Котловская Шишка защищена въ равныхъ мѣстахъ нѣсколькими валами, изъ которыхъ главный, ограждающій площадку со стороны поля, имѣетъ до 90 саж. длины и очень массивенъ, въ двухъ мѣстахъ имѣетъ проходы, прямъ. Культурный слой слабъ. Котловское городище имѣетъ два вала и по внѣшнему виду ничѣмъ не замѣчательно, но находимые на немъ черепки весьма отличны отъ черепковъ всѣхъ другихъ камскихъ городищъ: они грубы, толсты, не имѣютъ раковинной примѣси и украшеній; сосуды этого городища имѣютъ прямое дно.

V. Вотскія древности.

Камскія сарапульскія городища. Городищъ этой группы намъ извѣстно пока 27. Они расположены по правому высокому берегу р. Камы и тянутся между устьями впадающихъ въ нее справа же рѣкъ Сивы и Ижа, на разстояніи по линіи берега до 300 вер., т. е. на пространствѣ сравнительно небольшомъ. Ни гдѣ въ губерніи (кромѣ Чепцы) городища не расположены такъ часто, особенно если принять во вниманіе то несомнѣнное обстоятельство, что городища этой мѣстности намъ извѣстны не всѣ. Интересно также то, что городища описываемой группы не перебиваются городищами другихъ типовъ.

Лѣвый берегъ Камы отъ рѣки Сивы до Ижа представляетъ обширную низменность, далеко заливаемую весеннею водой и занятую значительнымъ количествомъ рѣкъ, изъ которыхъ иныя такъ велики, что по нимъ совершается правильное пароходное сообщеніе. Правый же берегъ Камы на этомъ протяженіи весьма высокъ и перерѣзывается только незначительными ручейками. Онъ представляетъ собою страну очень отлогихъ холмовъ, сливающихся другъ съ другомъ и выходящихъ на берегъ безпорядочными обрывами, отрогами, складками, а мѣстами крутой стѣ-

Digitized by Google

ной. Нерѣдко высокій берегъ отдѣленъ отъ рѣки огромными косами. Кромѣ устья самой значительной здѣсь рѣчки Сарапулки, наиболѣе удобныя для поселенія мѣста находятся на оригинальныхъ камскихъ береговыхъ складкахъ, на отрогахъ, на значительныхъ оползняхъ берега и близъ ущелій. Почти всѣ наиболѣе удобныя изъ такихъ мѣстъ оказываются занятыми старинными городищами. Складки выходятъ на берегъ Камы въ слѣдующихъ пунктахъ: выше Гольянъ, д. Макарова, с. Нечкино, д. Дулесово, с. Яромазъ, д. Непряхина, д. Можная, с. Мазунино, с. Галаново, д. Сухаровка, с. Юньга, с. Колесниково, с. Чеганда; почти всѣ они заняты городищами. Городищами заняты также мысы, расположенные ниже по теченію Камы, начиная отъ устья Бѣлой до устья р. Ижа (зуевское, малиновское и др. городища). Наиболѣе удобныя для поселенія береговые оползни заняты с. Усть-Рѣчкой, с. Гольяны и с. Пьяный Боръ, но городищъ здѣсь мы не знаемъ: вѣроятно, они сооружались исключительно на мѣстностяхъ господствующихъ. Надъ ущельемъ расположено городище чегандинское. Нѣсколько городищъ расположено по теченію впадающихъ въ Каму рѣчекъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея берега (дуванакское и ныргидинское). Въ мѣстахъ, особенно удобныхъ для поселенія, находимъ наибольшее количество городищъ; такими мѣстами оказывается теченіе Камы отъ Нечкина до Сарапула, берегъ противъ устья р. Бѣлой и окрестности с. Пьяный Боръ.

Всѣ сарапульскія городища расположены на выдающихся по высотѣ пунктахъ; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно мѣстоположеніе городищъ непряхинскаго, машкарскаго, каракулинскаго и юньгинскаго, съ которыхъ окрестности и теченіе Камы видны на огромныя разстоянія.

Почти всѣ городища этой группы имѣютъ значительные размѣры—они не меньше чудскихъ чепецкихъ и значительно больше костеносныхъ и средне-вятскихъ. Особенно велики по площади городища воткинское, Чупиха, ныргидинское, малиновское (свыше полудесятины); самыя небольшія городища—второе малиновское и непряхинское.

Въ пріемахъ укрѣпленія сарапульскихъ городищъ замѣчается значительное разнообразіе, доказывающее съ одной стороны опытность строителей, а съ другой—отсутствіе традиціонныхъ, условныхъ формъ (какія могли бы сложиться напр. въ томъ слу-

Digitized by Google

чаѣ, если бы городища имѣли религіозное значеніе). Городища воткинское, нечкинское, Чуниха укрѣплены тремя валами и рвами, причемъ валы перваго на своемъ протяженіи дважды сгибаются почти подъ прямымъ угломъ, а валы нечкинскаго спускаются на много саженъ по одному изъ склоновъ. Городище усть-нечкинское состоитъ изъ двухъ лежащихъ другъ къ другу тыломъ городищъ, два юньгинскихъ расположены подъ угломъ. Одно изъ юньгинскихъ городищъ защищено двумя валами, а чегандинское и ныргидинское кромѣ одного основного вала имѣютъ еще по другому, проходящему по срединѣ площадки, какъ на елабужскомъ болгарскомъ городищѣ. Въ остальныхъ городищахъ по одному валу; одинокіе валы имѣютъ вообще внушительный видъ, но иногда они отъ времени почти уже сгладились съ почвой. Валы рѣдко отличаются извѣстной формою, такъ какъ очевидно были посыпаны для дѣйствительной защиты, а не для украшенія. Они вообще прямы и рѣдко имѣютъ концы нѣсколько загибающіеся.

Въ укрѣпленіи нѣсколькихъ сарапульскихъ городищъ замѣчена особенность, сближающая ихъ съ чепецкими—именно уступы. Слѣды уступа, тянувшагося по лѣвому склону площадки, можно видѣть на непряхинскомъ городищѣ; уступы существуютъ также на двухъ каравулинскихъ городищахъ, изъ которыхъ на одномъ они спускаются внизъ какъ дороги. Однако не видно, чтобы устройство уступовъ у описываемыхъ городищъ было общимъ.

Всѣ сарапульскія городища сходны между собою въ томъ отношеніи, что культурный слой на нихъ весьма незначителенъ; даже тамъ, гдѣ онъ массивнѣе, онъ почти не даетъ никакихъ другихъ находокъ кромѣ черепковъ и расколотыхъ костей. По своей безсодержательности эта группа городищъ можетъ быть поставлена на ряду съ яранскими и средне-вятскими. Болѣе другихъ богаты находками городища чегандинское и ныргидинское, но быть можетъ они находились подъ посторонннимъ вліяніемъ или прямо принадлежали другой народности (выше было указано, что оба эти городища имѣютъ своеобразную систему укрѣпленія, отличную отъ укрѣпленій другихъ сарапульскихъ городищъ).

Металлическихъ находокъ съ сарапульскихъ городищъ мы, можно сказать, не знаемъ, и соединяемъ эти городища въ одну

Digitized by Google

группу лишь благодаря внимательному анализу другихъ сдѣланныхъ на нихъ находокъ, главнымъ же образомъ—глиняныхъ черепковъ, которые въ подобныхъ случаяхъ становятся для археолога неоцѣненнымъ пособіемъ.

Сосуды сарапульскихъ городищъ вообще сработаны изъ темной глины съ мелкою раковинною примѣсью; на нѣкоторыхъ городищахъ преобладаютъ черепки изъ красной, сѣрой или желтой глины, на другихъ (яромазское, непряхинское, межнинское, ветькинское, сухаревское) попадаются черепки безъ примѣси, на нѣкоторыхъ—съ крупною раковинною примѣсью (зуевское, пьяноборское). По составу выдѣляются только черепки съ верхне-малиновскаго городища, сѣрые съ крупной раковинною примѣсью, очень крѣпкіе и звонкіе, вообще же черепки слабы, рыхлы и потому рѣдко попадаются въ большихъ фрагментахъ. Сосудовъ съ прямымъ днемъ нигдѣ не встрѣчено, край ихъ всегда прямой и только у сосудовъ малыхъ размѣровъ онъ сгибается; на городищахъ муновскомъ и нижне-малиновскомъ встрѣчены сосуды съ внѣшними поясами на краю, а на зуевскомъ, нечкинскомъ и верхне-малиновскомъ—съ внутренними. Большинство черепковъ лишено орнамента. Украшенія встрѣчены только трехъ типовъ: веревчатый, ногтевой и кружковый. Случается, что на разныхъ городищахъ преобладаетъ разный орнаментъ: на муновскомъ, юньгинскомъ, межнинскомъ, сухаровскомъ, каравулинскомъ преобладаетъ веревчатый, на непряхинскомъ и межнинскомъ встрѣченъ только кружковый, въ сухаровскомъ исключительно ногтевой, въ зуевскомъ, яромазскомъ одинаково употребительны всѣ формы орнамента, въ усть-нечкинскомъ почти нѣтъ черепковъ съ узорами. Только на чегандинскомъ и юньгинскомъ городищахъ встрѣчены сосуды грубой работы. Вообще же нашъ внимательный и самый кропотливый разборъ добытыхъ съ описываемой группы городищъ черепковъ показалъ, что они всюду очень сходны по составу, формѣ и орнаменту и что различіе между ними не существенно.

Вмѣстѣ съ черепками на сарапульскихъ городищахъ часто попадается галька (цѣлая и въ кускахъ) и расколотыя кости (свиньи, птицъ, медвѣдя, кабана, осетра). Кости встрѣчаются въ измельченномъ видѣ, и ихъ всегда бываетъ мало. На городищахъ яромазскомъ, непряхинскомъ, машкарскомъ и нѣкоторыхъ другихъ встрѣчены обломки раковины unio. Находкой,

Digitized by Google

въ значительной степени объединяющей сарапульскія городища, служатъ обломки жернововъ изъ мелкаго краснаго песчаника, съ сглаженными поверхностями, встрѣченные на многихъ городищахъ, начиная отъ воткинскаго и кончая нижне-малиповскимъ, т. е. на всемъ протяженіи изучаемыхъ городищъ. На городищахъ зуевскомъ и ныргидинскомъ встрѣчены обломки жернововъ известковыхъ (какъ на елабужскомъ). На городищахъ усть-нечкинскомъ, ромазскомъ и муновскомъ найдены плавильные тигли и даже формы для литья, на нѣкоторыхъ другихъ—желѣзный и мѣдный шлаки. На городищахъ муновскомъ, зуевскомъ и чегандинскомъ найдены одинаковой формы оригинальныя маленькія напрясла, а на послѣднемъ сверхъ того напрясла обыкновенной болгарской формы.

Любопытно, что племя, оставившее сарапульскія городища, не всегда ограждало свои поселенія валами. Нами встрѣчены мѣста, покрытыя тѣмъ же черепками и совершенно не защищенныя.

Какому народу могли принадлежать описываемыя городища? Внимательное сравненіе сарапульскихъ и средне-вятскихъ, т. е. вотскихъ городищъ даетъ намъ возможность сдѣлать предположеніе, что тѣ и другія принадлежали одному племени. Городища обѣихъ указанныхъ группъ одинаково малосодержательны, а находки, на нихъ встрѣченныя, тождественны: тѣ же черепки, тѣ же жернова, голыши и битая галька. Единственное несходство заключается въ томъ, что камскія городища значительно больше вятскихъ и укрѣпленія ихъ сложнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Такъ какъ у одного и того же народа назначеніе укрѣпленныхъ пунктовъ въ разныхъ мѣстностяхъ могло быть различное, то различіе въ этомъ отношеніи городищъ той и другой группы можно считать несущественнымъ, и потому мы рѣшаемся городища сарапульской группы признавать также вотскими, пока не найдутся достовѣрныя доказательства принадлежности ихъ другому народу. Есть историческія свидѣтельства XVI, XVII и даже XV в. (довольно, впрочемъ, неопредѣленныя), подтверждающія наше предположеніе, что сарапульскій берегъ Камы въ это время заселяли вотяки. Откуда и когда явились вотяки въ этомъ край, какое общеніе имѣли они съ вятскими вотяками—на эти вопросы мы не можемъ дать надежнаго отвѣта. Не можемъ сказать и того, въ какомъ отношеніи сарапульскіе вотяки стояли къ

Digitized by Google

болгарамъ и ихъ культурѣ. Отсутствіе на камскихъ городищахъ предметовъ чудской и болгарской культуры повидимому показываетъ, что они возникли послѣ паденія болгарскаго царства, быть можетъ въ то время, когда Болгары уже утратили свое значеніе, а татары еще не обратили вниманія на эту область, и вотяки были предоставлены самимъ себѣ въ защитѣ отъ новыхъ появившихся по ту сторону Камы враговъ, (башкирцевъ), т. е. между XIII и XV в. Улу-Махметъ сдѣлалъ ихъ своими данниками и въ то же время сталъ для нихъ лучшимъ защитникомъ, такъ что имъ уже не предстояло болѣе нужды въ возведеніи новыхъ или болѣе сильныхъ городковъ. Принимая это предположеніе, приходимъ къ другому, что періодъ процвѣтанія сарапульскихъ городковъ былъ не продолжителенъ, быть можетъ всего 200—250 лѣтъ.

Къ группѣ сарапульскихъ вотскихъ городищъ мы причисляемъ слѣдующія: воткинское, паздерское, дуванакское, нечкинское, усть-нечкинское, яромазское, Чупиху, непряхинское, межпинское, сухаровское, машкарское, два каракулинскихъ, два юнгинскихъ, колесниковское, два чегандинскихъ, ныргидинское, два зуевскихъ, два малиновскихъ, два муковскихъ и пьяноборское, всего 27.

Городища по рч. Ижу и Тойму. По затѣйливому разнообразію въ укрѣпленіи и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ городища этой группы похожи на сарапульскія, но различіе находимыхъ на нихъ черепковъ такъ значительно, что до новыхъ изслѣдованій мы рѣшаемся выдѣлить ихъ въ особую группу, хотя всетаки надо сознаться, что основанія для этого довольно шатки. Черепки этихъ городищъ очень разнообразны по составу (сѣрые, красные, желтые, свѣтло-бурые и черные), слабы, весьма рѣдко имѣютъ раковинную примѣсь, притомъ же самую легкую, грубо обработаны и почти лишены орнамента. Встрѣченъ узоръ ногтевой и кружковый; краи сосудовъ иногда украшены рубчиками. Изъ жернововъ встрѣченъ лишь обломокъ известковаго, битой гальки не встрѣчено, напрялъ тоже.

Если признать, что различіе въ черепкахъ между городищами сарапульскими и ижевскими объясняется свойствомъ мѣстной глины и болѣе поздней постройкой городищъ, то близость ихъ и другихъ городищъ, сходство ихъ въ различныхъ отношеніяхъ отсутствіе существеннаго различія даютъ нѣкоторое право отнести ихъ къ одной культурѣ и народу, если и не къ одному

Digitized by Google

времени. На р. Икѣ могло поселиться тоже самое племя, которое выставило по Камѣ первую линію городковъ, а впослѣдствіи принуждено было оставить ее и убраться далѣе въ лѣса.

Вѣроятно, рядъ этихъ городищъ продолжается по теченію р. Валы и уходитъ къ Вяткѣ, но археологическіе памятники этой мѣстности остаются еще неизвѣстными. Быть можетъ, со временемъ окажется, что сарапульскіе вотяки по Валѣ имѣли общеніе съ вятскими.

Городищъ этой группы извѣстно мало: бобья-учинское, варзи-ятчинское, кузебаевское и утчанское. Бобья-учинское городище представляетъ длинный, узкій и низкій отрогъ, укрѣпленный по срединѣ тремя кольцеобразными валами—укрѣпленіе единственное въ своемъ родѣ; валъ варзи-ятчинскаго городища пересѣкаетъ мысъ въ поперечномъ направленіи, затѣмъ перегибается подъ прямымъ угломъ и вмѣстѣ съ площадкой спускается внизъ еще на 20 саж. (укрѣпленіе этого городища оригинально еще тѣмъ, что кромѣ внѣшняго рва вдоль всего вала идетъ еще внутренній); утчанское городище кромѣ одного массивнаго вала укрѣплено двумя небольшими вспомогательными, которые идутъ въ одну линію сейчасъ за рвомъ и рвами сопровождаются, но не соприкасаются между собою и даютъ широкій проходъ къ главному валу; по лѣвой сторонѣ того же городища идетъ небольшой уступъ.

Могильники, старыя поселенія и отдѣльныя находки въ районѣ камскихъ городищъ.—Изъ древностей этого рода наше вниманіе привлекаютъ прежде всего два древніе могильника, пьяноборскій и муновскій, расположенные близъ другъ друга на высокой верхней террасѣ у с. Пьяный Боръ. Оба могильника уже совершенно разрушены временемъ, но еще дали значительное количество находокъ, по которымъ можно заключать, что они относятся къ довольно отдаленному времени. Многія изъ находокъ такъ характерны, что рѣзко выдѣляются изъ другихъ камско-вятскихъ древностей, каковы особенно: накольчужники, ручки отъ ножа, пряжки, сережки и поясной наборъ. Накольчужники представляютъ собою большія круглыя выпуклыя бляхи съ прикрѣпленными къ нимъ большими же пластинками; въ общемъ они имѣютъ видъ эполетообразныхъ щитковъ и снабжены веревчатыми украшеніями. Ручки отъ ножа или кинжала постепенно суживаются къ тому концу, въ который вставлялось лезвіе; они

Digitized by Google

также украшены шнуровымъ орнаментомъ, сплющены и на одной сторонѣ имѣютъ большія вырѣзки. Пряжки значительныхъ размѣровъ и въ общемъ походятъ на подобныя же чудскія и современныя черемисскія; онѣ состоятъ изъ широкихъ и тонкихъ круглыхъ пластинокъ, снабженныхъ язычкомъ для застегиванія. Сережки встрѣчаются совершенно конусообразныя съ тонкимъ колечкомъ на концѣ и еще другого типа—витыя изъ проволоки въ видѣ спирали. Поясной наборъ очень характеренъ, такъ что его тотчасъ легко отличить: онъ состоитъ или изъ круглыхъ выпуклыхъ пластинчатыхъ пуговокъ, или изъ выпуклыхъ же продолговатыхъ съ зубчатымъ украшеніемъ пластинокъ, или изъ сложныхъ пластинокъ съ обращенными въ разныя стороны рожками на концахъ. Очень обыкновенныя находки на могильникахъ представляютъ большія, круглыя, совершенно гладкія бляшки до 3 вер. въ діаметрѣ. Любопытны также стеклянныя дынеобразныя бусы и такія же вылитыя въ подражаніе имъ изъ бронзы; цвѣтныхъ бусъ болгарскаго типа не найдено. Кромѣ того на могильникахъ были найдены: небольшія плоскія подвѣски къ ожерелью, маленькія мѣдныя стрѣлки обычнаго типа, обломки желѣзныхъ предметовъ, а также черепки типа сарапульскихъ городищъ, глиняные кружки и напрясла, обломки костяныхъ вещей, точильные камни изъ мелкаго краснаго песчаника, куски мѣднаго и желѣзнаго шлаку, фрагменты формъ для отливки.

Внимательное изученіе предметовъ, добытыхъ на указанныхъ двухъ могильникахъ и на аналогичномъ малмыжскомъ, позволяетъ, намъ кажется, высказать сомнѣніе въ принадлежности ихъ къ бронзовому вѣку. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что среди всѣхъ найденныхъ на нихъ вещей вовсе не оказалось бронзоваго или мѣднаго оружія: ни кельтовъ, ни молотовъ, ни кинжаловъ, ни копій; сдѣланными изъ бронзы, или точнѣе изъ мѣди, оказываются только украшенія и частыя предметы вооруженія: накольчужники, пряжки, поясной наборъ, бляхи, серьги, шейные обручи и пр. Къ предметамъ ананьинскаго могильника пьяно-борскіе не имѣютъ никакого отношенія. Вѣсьма вѣроятно, что оригинальные пьяноборскіе накольчужники представляютъ собою одну изъ международныхъ формъ, данныхъ камскому краю вмѣстѣ съ другими подобными предметами Сибирью. Накольчужники самаго изысканнаго пьяно-борскаго рисунка найдены на Вынегдѣ около

Digitized by Google

Яренска, въ мѣстности, съ которою низовья Камы и Вятки не могли имѣть никакого непосредственнаго сообщенія, откуда ясно, что подобные предметы получались гдѣ-то на верховьяхъ Камы и отсюда шли черезъ Сысолу и Вычегду на Двину и черезъ Каму до Волги.

Оба могильника отнесены нами къ группѣ камскихъ городищъ, можно сказать, безъ всякаго основанія. Конечно, не невозможно, что и могилы, и городища оставлены однимъ народомъ (можетъ быть въ разное время исторической жизни), но въ пользу этого предположенія мы пока можемъ привести лишь то обстоятельство, что на могильникахъ встрѣчены совершенно такіе же черепки, напрясла и обломки жернововъ, какъ и на сосѣднихъ городищахъ; ясно, что это доказательство теряетъ всякую цѣну, если предположить, что указанные предметы остались отъ поселенія, расположившагося на могильникѣ много позднѣе, чѣмъ онъ былъ насыпанъ. Въ малмыжскомъ могильникѣ черепковъ, на сколько извѣстно, не встрѣчено.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о мѣстахъ старинныхъ поселеній и кладбищъ въ районѣ сарапульскихъ городищъ. Мѣста старинныхъ жилищъ указываютъ на рч. Бисарихѣ, близъ д. Бисарки, около д. Котовой и въ поч. Заборьѣ. У послѣдняго подъ часовней предполагаютъ старинное чудское кладбище. Два старыя поселенія указываютъ близъ с. Александровскаго у д. Карашуръ и Потицымъ. Инородческое старинное чудское кладбище находится рядомъ съ православнымъ кладбищемъ въ с. Пьяный Боръ. Отдѣльныя находки желѣзныхъ предметовъ и мѣдныхъ бляхъ извѣстны изъ слѣдующихъ мѣстностей: д. Ятцы асановской вол., д. Кичкутантъ, поч. Русскій Ахтіалъ, д. Лагунова, с. Грахово, д. Бима елабужскаго уѣзда.

Пижемскія чудскія городища и другія древности. Прежде чѣмъ заняться описаніемъ западныхъ вотскихъ городищъ вятскаго края, считаемъ удобнымъ передать нѣкоторыя свѣдѣнія о чудскихъ древностяхъ, откуда-то проникшихъ въ эту часть губерніи и смѣшавшихся здѣсь съ древностями чисто вотскими. Мѣста чудскихъ поселеній расположены главнымъ образомъ по р. Пижмѣ, гдѣ мы въ настоящее время знаемъ три чудскія городища: бурыгинское, ижевское и еманаевское, но въ дѣйствительности ихъ здѣсь, вѣроятно, болѣе. Два послѣднія городища по множеству находимыхъ на нихъ тиглей и лычковъ слѣдуетъ признать

Digitized by Google

мастерскими. Кромѣ этихъ предметовъ на пижемскихъ городищахъ найдены: костяныя стрѣлы, ложки, вязальныя иглы и особенныя лопаточки, стеклянныя бусы, каменныя напрясла, бронзовыя лапчатыя подвѣски и бляшки чудского типа, желѣзные ножи, стрѣлы, молотки и проч., нѣкоторыя серебряныя вещи (колечки, бляшки). Сосуды пижемскихъ городищъ сработаны изъ красной или чаще темной глины съ какою-нибудь растительною и весьма рѣдко раковинною примѣсью и почти всегда снабжены по краю рубчиками; другой орнаментъ рѣдокъ, но зато на лучшихъ сосудахъ онъ очень сложенъ и изященъ: онъ состоитъ изъ сплошной полосы въ 8—20 тонкихъ шнуровыхъ линій, украшенной снизу красивыми елкообразными свѣсами или звѣздообразными кружками.

Въ районѣ пижемскихъ городищъ найдены также различныя серебряныя и мѣдныя вещи, обычныя для чудскихъ чепецкихъ древностей: серебряныя блюда, витыя ожерелья, мѣдные браслеты съ кружковымъ орнаментомъ, лапчатыя подвѣски, пряжки, пронизки и проч. Такія вещи находятъ не только по Пижмѣ, но также въ глубинѣ яранскаго и уржумскаго уѣздовъ, гдѣ можно указать городища, аналогичныя по черепкамъ съ пижемскими (напр. шуйское и шевнинское). Есть основанія думать, что въ разныхъ мѣстахъ указаннаго района существуютъ чудскія кладбища.

Откуда и въ какое время чудская культура проникла на Пижму, въ какомъ отношеніи находилась она къ культурѣ собственно вотской—всѣ эти вопросы найдутъ точное рѣшеніе лишь современемъ. Мы могли только подмѣтить, что пижемскія чудскія древности имѣютъ сравнительно съ чепецкими позднѣйшее происхожденіе (такъ что, бронзовыя подвѣски почти не успѣли окислиться, нѣкоторыя серебряныя вещи, напр. ожерелья, стали вырабатываться нѣсколько иначе) и не вполнѣ съ ними совпадаютъ (среди пижемскихъ древностей до сихъ поръ найдено мало чудскихъ подвѣсокъ и болгарскихъ бусъ), затѣмъ намъ ясно, что чудскія пижемскія городища существовали одновременно съ вотскими средне-вятскими и съ яранскими одо-лемами. Еще нѣтъ вполнѣ достаточныхъ основаній утверждать, что по Пижмѣ разселилась часть чудского племени, изгнаннаго или вытѣсненнаго экономическими условіями изъ какого-нибудь стариннаго центра чудской народности: можетъ быть городища этой

Digitized by Google

мѣстности есть не болѣе какъ своего рода фабрики чудскихъ мастеровъ. Съ Чепцы или Волги проникла на Пижму чудская культура, мы не можемъ сказать, такъ какъ вовсе не знакомы съ волжскими и ветлужскими древностями. Въ бассейнѣ Пижмы, какъ и на Чепцѣ, найдены ордынскія монеты XIV в., но дѣлать отсюда какой-нибудь выводъ мы не рѣшаемся; находокъ арабскихъ монетъ изъ этой мѣстности пока неизвѣстно.

Одо-лемы. Въ глубинѣ яранскаго и уржумскаго уѣздовъ, гдѣ, какъ оказывается по новѣйшимъ изысканіямъ, жили нѣкогда вотяки, открыто нѣсколько (пока 5—7) городищъ, которымъ мѣстные черемисы даютъ названіе «одо-лемъ», т. е. вотское жилье. Всѣ эти городища не велики, слабо укрѣплены и почти лишены находокъ. Найденные на нихъ черепки позволяютъ провести аналогію ихъ съ вотскими средне-вятскими городищами, съ которыми они сходны также и по своей безсодержательности. Мы думаемъ, что современемъ будетъ открыто значительно болѣе городищъ этого типа, чѣмъ извѣстно ихъ теперь, и тогда будетъ можно дать болѣе опредѣленную характеристику ихъ, а также рѣшить, въ какомъ отношеніи находятся они къ чудскимъ пижемскимъ городищамъ, чего мы, по недостатку свѣдѣній, не можемъ сдѣлать теперь. Извѣстные въ настоящее время одолемы разсѣяны отъ Царевосанчурска до Уржума; вотъ ихъ перечень: шуйское, ернурское, кормановское, шевнинское и кузнецовское.

Отдѣльные предметы чудского типа и вещи болѣе поздняго происхожденія найдены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ яранскаго и уржумскаго уѣздовъ: д. Малые Ключи (близъ устья Пижмы), дер. Бурытина на Немдѣ, д. Б. Тумануръ, с. Тужи, поч. Речважъ (близъ с. Шаранги), поч. Лоскутовъ, с. Уста, поч. Высокогривскій, поч. Казанскій, д. Кожи (близъ Яранска), д. Килимары, с. Кувшинское, г. Царевосанчурскъ, с. Ковпага, д. Куглянуръ, д. Чумбари, д. Бажина, с. Черемисскій Малмыжъ, поч. Тарасовскій, с. Лопьялъ.

Старыя кладбища отмѣчены при слѣдующихъ поселеніяхъ той же мѣстности: д. Юронга, с. Соболевское, с. Уста, с. Шаптинское, с. Сметанино, с. Черемисскій Малмыжъ, с. Биляморское. Весьма любопытною древностью является утесъ, находящійся въ въ долинѣ р. Немды и посвященный черемисами ихъ богу Чимбулату, на которомъ нѣкогда было сооружено изъ каменныхъ глыбъ что то въ родѣ храма.

Въ той же мѣстности, именно на Вяткѣ близъ с. Черемис-

Digitized by Google

ский Малмыжъ, найденъ очень любопытный древній могильникъ («Атамановы кости»), вполнѣ аналогичный по находкамъ съ обоими пьяно-борскими могильниками. Могильникъ расположенъ на оползнѣ крутого праваго берега р. Вятки. Онъ уже почти смытъ водою, но вовремя произведенныя раскопки обнаружили здѣсь нѣсколько еще сохранившихся костяковъ и при нихъ различныя вещи: наколъчужники, бляхи, бронзовыя пряжки, поясной наборъ, желѣзные ножи, стрѣлы, шилья, браслеты, подвѣски, стеклянныя бусы и проч. Подобный же могильникъ, по слухамъ, существовалъ ниже по теченію р. Вятки близъ поч. Воробьевскаго.

Аналогія между находками въ малмыжскихъ и пьяно-борскихъ могильникахъ, конечно, еще не доказываетъ, что они оставлены непремѣнно однимъ и тѣмъ же племенемъ, такъ какъ находки эти въ большинствѣ случаевъ имѣютъ характеръ международныхъ издѣлій. Кому могильникъ «Атамановы кости» могъ принадлежать? Вопросъ этотъ для насъ въ настоящее время не разрѣшимъ, и мы относимъ этотъ могильникъ механически къ группѣ вотскихъ одолемовъ, какъ пьяноборскіе могильники отнесли къ группѣ вотскихъ сарапульскихъ городищъ.

Средне-вятскія городища. Между устьемъ Пижмы и Моломы не сохранилось ни одного городища; если они и были здѣсь, то теперь совершенно смыты рѣкою. Впрочемъ есть основанія думать, что до поздняго времени, напр. до XVII в., прилегающая къ этой части берега р. Вятки мѣстность была занята дремучими лѣсами и почти не была обитаема, слѣдовательно возможно, что здѣсь никогда и не было городищъ. Городища идутъ уже далѣе вверхъ по теченію Вятки, между устьемъ Моломы и Чепцы и частью заходятъ на нижнее теченіе послѣдней. Въ этой мѣстности ихъ насчитывается 12 или 13: котельническое, два моломскихъ, истобенское, орловское, два подрельскихъ, два вятскихъ, никулицкое, подчуршинское и кріоборское.

Внѣшній видъ средне-вятскихъ городищъ самый обычный для этого рода укрѣпленій: они занимаютъ площадку на вершинѣ мыса, образованнаго берегомъ рѣки и какимъ-нибудь оврагомъ, и ограждены съ доступной стороны валомъ и рвомъ. Размѣры ихъ незначительные; самое малое городище (одно изъ вятскихъ) имѣетъ столь ничтожную площадь, что на ней съ трудомъ могла бы умѣститься самая убогая хижина съ небольшимъ дворовымъ мѣстомъ. Въ устройствѣ укрѣпленій оригинально то, что

Digitized by Google

валы нѣкоторыхъ городищъ, кажется, насыпались не вразъ, а постепенно и состоятъ главнымъ образомъ изъ земли, оказавшейся излишнею на площадкѣ; вообще укрѣпленія городищъ слабы, вслѣдствіе чего они дошли до нашего времени въ очень разрушенномъ видѣ. Оригинальнѣе другихъ валъ вятскаго наговицынскаго городища, небольшой и изящно выгнутый въ видѣ полумѣсяца.

Изъ всѣхъ средне-вятскихъ городищъ самое своеобразное по внѣшнему устройству—подчуршинское; оно расположено на вершинѣ высокого холма и не имѣетъ никакого укрѣпленія, но зато бока этого холма прорѣзаны нѣсколькими уступами, какъ на мухинскомъ и нѣкоторыхъ чудскихъ и камскихъ городищахъ.

Культурный слой на средне-вятскихъ городищахъ очень незначителенъ, иногда почти вовсе отсутствуетъ. Находки на нихъ попадаются весьма скудныя: кромѣ черепковъ здѣсь встрѣчаются только раздробленныя кости, обломки жернововъ и битая галька, изрѣдка какой-нибудь самый обыкновенный предметъ изъ желѣза или мѣди, напр. стрѣлы, ножички, разные обломки. Жернова встрѣчены двухъ родовъ: изъ мелкаго краснаго песчаника, какъ на камскихъ городищахъ, и изъ пористаго краснаго известковаго камня, какъ на шуйскомъ одо-лемѣ.

Сосуды обработаны изъ слабой темной глины, обыкновенно съ раковинною примѣсью; самый употребительный орнаментъ на нихъ—шнуровой, часто встрѣчается также зубчатый и ногтевой. Черепки котельническаго и истобенскаго городищъ особенно близко походятъ на черепки нижемскихъ чудскихъ городищъ, такъ что очевидно, что вліяніе послѣднихъ распространялось и на сѣверъ отъ Пижмы. Болѣе всѣхъ другихъ напоминаетъ ихъ котельническое городище, такъ какъ на немъ встрѣтились даже тѣ льячки, которые составляютъ столь характерную черту расположенныхъ на Пижмѣ чудскихъ мастерскихъ.

По находкамъ средне-вятскія городища ближе всего стоятъ къ сарапульскимъ камскимъ и, вѣроятно, принадлежали тому же народу. Всего скорѣе мы признали бы эти городища позднѣйшими въ губерніи и приписали бы ихъ вотякамъ, которые нѣкогда имѣли здѣсь одинъ изъ своихъ историческихъ центровъ. Судя по невнимательности, съ какою городища укрѣплялись, по ихъ малой величинѣ, по бѣдности находокъ и характеру культурныхъ остатковъ, можно думать, что они основывались уже въ то время, когда подобнаго рода укрѣпленія стали утрачивать

Digitized by Google

свой прежній смыслъ и начали пріобрѣтать болѣе формальное, чѣмъ жизненное значеніе, что населеніе ихъ жило главнымъ образомъ земледѣліемъ, было бѣдно и не находилось въ сношеніяхъ съ болѣе культурными сосѣдями. Воображеніе рисуетъ намъ въ обитателяхъ этихъ городищъ племя угнетенное, забитое, рѣшившееся уйти съ исторической сцены въ самую глубь дремучихъ лѣсовъ только для того, чтобы сохранить остатки жалкой независимости, сберечь въ цѣлости подъ щитомъ убожества самое дорогое для себя—свою любовь къ созерцательной и вольной жизни.

Нѣтъ основаній думать, что вотскія средне-вятскія городища относятся къ очень отдаленному времени. Они сооружены, вѣроятно, въ ту пору исторической жизни вотяковъ, когда ихъ стали вытѣснять изъ области Пижмы пришедшіе сюда съ Волги черемиса, и не могутъ идти далѣе конца XIV в., когда они были вытѣснены и изъ новаго мѣста своего поселенія появившимся съ сѣвера русскими ушкуйниками.

Изъ перечисленныхъ нами 12 средне-вятскихъ городищъ три принадлежитъ, по всей вѣроятности, уже русскимъ: орловское, одно моломское (быть можетъ первое мѣсто г. Котельнича) и никулицкое. Послѣднее состоитъ собственно изъ двухъ городищъ: одного вотяцкаго, маленькаго, и большого, русскаго. Можно думать, что здѣсь находится первое мѣстоположеніе древняго Хлынова.

Древнихъ могилъ, кладбищъ и отдѣльныхъ находокъ изъ района средне-вятскихъ городищъ, можно сказать, вовсе неизвѣстно. Изъ находокъ всѣхъ интереснѣе небольшой мѣдный идолъ, быть можетъ, изображеніе бога грома: почти обнаженная фигура бога представлена несущеюся на облакѣ, изъ котораго точится дождь, въ одной рукѣ пукъ пламени, въ другой—труба.

Мы пока не имѣемъ никакихъ твердыхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, въ какомъ отношеніи чудская чепецкая культура находится къ древностямъ камскихъ, пижемскихъ и вятскихъ городищъ. Если бы оказалось, что древности всѣхъ этихъ мѣстностей представляютъ одну и ту же культуру на разныхъ ступеняхъ исторической жизни одного народа, то археологія вятскаго края и исторія древнѣйшихъ его обитателей могли бы быть изложены въ одной стройной картинѣ. Тогда можно было бы

Digitized by Google

утверждать, что нынѣшніе вотяки составляютъ (вмѣстѣ съ пермяками и зырянами) остатокъ древней чуди, жившей въ нашемъ краю прежде на верховьяхъ Чепцы и Камы, а потомъ, подъ вліяніемъ историческихъ событій (разоренія Булгаръ и Камы татарами), обѣднѣвшей и разошедшейся отсюда по окраинамъ великаго камскаго лѣса: на берегъ Камы, на Пижму и на среднее теченіе Вятки. Это объясненіе той исторической загадки, какую доселѣ представляетъ собою камская чудь, привлекательно, что дальнѣйшіе труды мѣстныхъ археологовъ должны бы повидимому направиться главнымъ образомъ на добываніе новыхъ фактовъ именно въ указанномъ направленіи. Тѣ очень немногія данныя, которыя мы уже имѣемъ, говорятъ повидимому за возможность тѣснаго соотношенія между тѣми и другими древностями. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны чудскія пижемскія древности, столь тѣсно смѣшавшіяся съ вятскими и быть можетъ дѣйствительно перешедшія одни въ другія. На камскихъ городищахъ мы не нашли древностей, аналогичныхъ съ чудскими, но это обстоятельство можетъ быть объяснено тѣмъ, что чудь двинулась сюда въ сравнительно позднѣйшее время, уже утративъ многія особенности своей недолговѣчной, расцвѣтшей подъ чужимъ вліяніемъ культуры. При нашей постановкѣ вопроса о чуди, самою интересною мѣстностью вятскаго края для археологическихъ изслѣдованій, кромѣ костеностныхъ городищъ, являются чепецкія древности, особенно тѣ, которыя представляютъ постепенное вымираніе чудской культуры или переходъ къ древностямъ иного характера.

А. Спицынъ.

Digitized by Google

ДРЕВНѢЙШАЯ СУДЬБА ВЯТСКОЙ ОБЛАСТИ [1]).

Въ концѣ XIV в., т. е. къ тому времени, къ которому есть основанія относить начало заселенія вятскаго края русскими, нынѣшняя вятская область представляла собою глухую лѣсистую мѣстность, скудно заселенную самымъ бѣднымъ и безсильнымъ изъ финскихъ племенъ—вотяками и отчасти черемисами. Нѣкогда вотяки, можно думать, входили въ составъ болгарскаго царства, и это было лучшее время ихъ историческаго существованія; послѣ распаденія царства они утратили многія усвоенныя ими особенности болгарской культуры (кромѣ земледѣлія) и вслѣдствіе нападеній новыхъ воинственныхъ сосѣдей (татаръ, башкиръ и вогуловъ) должны были разбрестись изъ своего историческаго центра въ болѣе глухія мѣстности края. Такимъ образомъ они разселились частью по теченію Камы, частью по Пижмѣ и частью по Вяткѣ, близъ устья Чепцы. На Камѣ ихъ постоянно безпокоили, съ Пижмы ихъ стали вытѣснять появившіеся со стороны Волги черемисы, и вотъ вотяки начинаютъ отвсюду стягиваться на среднемъ теченіи Вятки и по Чепцѣ, въ самомъ глухомъ до той поры углу вятской области; далѣе этой мѣстности шли вѣковые лѣса, стоявшіе сплошной стѣной и защищавшіе ее со стороны р. Двины и Ветлуги. Здѣсь вотякамъ жилось сравнительно безопасно, пока ихъ область не стала на дорогѣ предпріимчивыхъ двинскихъ ушкуйниковъ, которые свои хищническія нападенія на Болгары и на Сарай дѣлали обыкновенно со стороны Волги, особенно по Ветлугѣ, а съ конца XIV в. стали неожиданно выходить на Волгу черезъ Каму, куда они научились проникать по р. Вяткѣ. Въ 1374 г. значительная партія ушкуйниковъ проникла на верховья Вятки (вѣроятно на Молому или Летьку), построила здѣсь 90 ушкуевъ и двинулась на Волгу. Ограбивъ по дорогѣ жившихъ въ низовьяхъ Вятки инородцевъ, ушкуйники добрались до г. Булгаръ, взяли его и вынудили жителей дать имъ значитель-

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ лишь на основаніи имѣющагося подъ руками автора матеріала и не претендуетъ на совершенную полноту свѣдѣній.

Digitized by Google

ный денежный откупъ (300 р.). Послѣ этого ушкуйники раздѣлились во мнѣніяхъ: одни, довольные исходомъ набѣга, требовали возвращенія, другіе настаивали на продолженіи его, вслѣдствіе чего 40 ушкуевъ отправились на Сарай, а 50 поднялись выше по Волгѣ, пограбили жившую за Сурою мордву или черемису, вышли къ устью Ветлуги, здѣсь потопили свои суда и отправились вдоль рѣки на коняхъ къ Вяткѣ, гдѣ быть можетъ и остались. По пути они пограбили ветлужскихъ черемисъ и вышли на Пижму, чрезъ которую уже не трудно было пробраться на устье Моломы или Чепцы. Въ этотъ или другой разъ новгородскіе ушкуйники свили себѣ гнѣздо среди миролюбивыхъ вотяковъ, раньше или послѣ—этого мы не можемъ сказать, но лѣтописи нѣсколько лѣтъ спустя упоминаютъ уже о постоянномъ русскомъ поселеніи на Вяткѣ, именно подъ 1379 г. говорятъ, что въ этомъ году вятчане принуждены были зимою идти ратью на разбойниковъ, нашедшихъ вольное или невольное гостепріимство въ арской, т. е. вотяцкой землѣ [1]). Разбредшіеся въ разныя стороны и предавшіеся зимнему отдыху разбойники были захвачены врасплохъ и избиты; пойманъ былъ и ихъ атаманъ, какой-то Иванъ, сынъ Станислава, быть можетъ какого-нибудь извѣстнаго боярина, судя по тому, что лѣтопись со вниманіемъ отмѣчаетъ имя его отца. Иванъ Станиславовичъ былъ убитъ. Довольно долгое время послѣ этихъ событій лѣтописи ничего не сообщаютъ о Вяткѣ, но ясно, что здѣсь продолжала складываться своеобразная русская колонія, довольно быстро пополнявшаяся ушкуйниками и бѣглецами. Къ самому концу XIV в. относятся два событія,о котовыхъ мы имѣемъ впрочемъ очень скудныя свѣдѣнія, при томъ же неопредѣленныя даже въ хронологическомъ отношеніи. Въ 1391 или 1392 г. черезъ Вятку повторился значительный ушкуйничій набѣгъ на Казань; въ этомъ году новгородцы и устюжане («а къ нимъ совокупишася и прочіи», быть можетъ вятчане), построивъ здѣсь насады и ушкуи, спустились по Вяткѣ на Каму, взяли г. Жукотинъ и Казань, а потомъ вышли на Волгу и, пограбивъ здѣсь встрѣтившихся купцовъ, воротились тѣмъ же путемъ обратно. Не задолго до этого или послѣ этого (въ 1391 или 1393 г) Вятка была страшно разорена царевичемъ Бекту-

[1]) Не знаемъ, гдѣ находилась эта арская земля: на Чепцѣ, Камѣ или Пижмѣ. Конечно, нельзя съ полною увѣренностію утверждать, что упоминаемые въ лѣтописи вятчане—люди русскіе.

Digitized by Google

томъ, котораго сюда послалъ царь Тохтамыша, въ то время воевавшій Болгары (1391 г.). Многихъ Бектутъ посѣкъ, многихъ отвелъ полономъ въ Орду. Нельзя сказать опредѣленно, какая мѣстность была главною цѣлью его похода, собственно Вятка или другая, напр. Чепца. Во всякомъ случаѣ не видно, чтобы великій князь Василій Дмитріевичъ изъявилъ претензію на татаръ за этотъ разгромъ.

Первая серьезная попытка русской колонизаціи вятскаго края была сдѣлана, можно думать, только въ началѣ XV в., именно суздальскимъ княземъ Семеномъ Дмитріевичемъ, такъ усердно и такъ неудачно добывавшимъ свою вотчину Нижній Новгородъ. Борьба этого несчастнаго князя съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ кончилась тѣмъ, что онъ отдался въ полную волю побѣдителя, и тотъ условіемъ примиренія поставилъ совершенный отказъ отъ вотчины и удаленіе изъ его великаго княженія, а быть можетъ и изъ русскихъ владѣній: «и дастъ ему княгиню и отпусти его, рекъ: нѣтъ ти въ моемъ княженіи мѣста». Князь Симеонъ рѣшился выбрать Вятку, какъ свободную, еще не причисленную къ русскимъ областямъ землю, и отправился туда устраивать новый удѣлъ. Лѣтомъ 1405 г. выѣхалъ онъ въ свой далекій путь изъ Москвы со всѣмъ своимъ семействомъ и преданными—людьми, въ августѣ прибылъ на мѣсто и принялся устраиваться. Но онъ ѣхалъ уже больнымъ; пробывъ на Вяткѣ только пять мѣсяцевъ, онъ снова заболѣлъ и въ концѣ декабря умеръ. Гдѣ князь Симеонъ былъ похороненъ, гдѣ потомъ привелось жить его женѣ и дѣтямъ, остается неизвѣстнымъ. Быть можетъ, они нѣкоторое время оставались на Вяткѣ. Послѣ смерти Семена Дмитріевича великій князь считаетъ себя вправѣ распоряжаться его вотчиною и передаетъ ее (послѣ 1417 г.) ближайшему князю, Юрію Галицкому, въ родѣ котораго она и оставалась продолжительное время, раздѣляя во всемъ судьбу галицкаго княженія. Великій князь, а послѣ него князья галицкіе охотно принимали въ свою новую далекую вотчину всѣхъ приходящихъ и предоставляли имъ различныя льготы. Даже въ 1428 г. поселенія на Вяткѣ носили названіе слободъ, т. е. городовъ, освобожденныхъ отъ обязательныхъ взносовъ дани [1]).

---

[1]) Вятскіе города въ актахъ впервые упоминаются подъ 1434 г., а въ лѣтописяхъ подъ 1459 г.

Digitized by Google

Еще до передачи Хлыновской области Юрію Дмитріевичу Вятка выступила въ той своеобразной роли, которая проходитъ черезъ всю ея древнѣйшую исторію и сдѣлала вопросъ объ обладаніи ею далеко немаловажнымъ для сосѣдей. Находясь на водораздѣлѣ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, въ Двину, и рѣкъ, текущихъ на югъ, въ Каму и Волгу, Вятка не замѣтно сдѣлалась важнымъ пунктомъ, гдѣ въ тишинѣ, незамѣтно, могли собраться войска и совершить самый неожиданный набѣгъ на Казань или на двинскія владѣнія новгородцевъ. Въ 1409 г. на Вяткѣ собралъ 100 насадовъ преданный великому князю двинской боярин Айфалъ и отправился съ ними на Болгары. Походъ этотъ былъ неудаченъ, такъ какъ къ Айфалу не подоспѣла во время судовая рать, шедшая одновременно по Волгѣ (150 насадовъ); на Волгѣ его переняли татары, избили всю рать и самого Айфала увели въ орду, откуда онъ, повидимому, вышелъ уже нѣсколько лѣтъ спустя. Кромѣ Айфала, на Вяткѣ поселились и другіе именитые новгородскіе бѣглецы, напр. Михаилъ Разсохинъ, который здѣсь, кажется, былъ назначенъ намѣстникомъ. Въ 1417 г. великій князь приказалъ князю галицкому Юрію снарядить съ Вятки походъ на Двину. Юрій Дмитріевичъ послалъ сюда съ галицкимъ отрядомъ своего воеводу Глѣба Семеновича, который, собравъ вятчанъ и присоединивъ къ себѣ на пути устюжанъ, сдѣлалъ неожиданное нападеніе на Заволоцкую землю. Вятчанъ велъ Разсохинъ, а устюжанъ Семенъ Жадовскій, тоже новгородскій бѣглецъ. Походъ въ началѣ былъ удаченъ, но кончился пораженіемъ великокняжескаго войска. Годъ спустя, въ 1418 г., Разсохинъ, повздоривъ изъ-за чего-то съ воротившимся изъ орды Айфаломъ Никитичемъ и его сыномъ Нестеромъ, убилъ ихъ обоихъ «съ дружиною ихъ» [1]).

Долгое время послѣ этого на Вяткѣ не происходитъ событій, достойныхъ быть занесенными въ лѣтописи. Хлыновская область продолжала заселяться подъ покровительствомъ галицкихъ

[1]) Нѣкоторые источники прибавляютъ, что тогда побито было 4000 человѣкъ. Синодикъ Вятской Пятницкой церкви пріурочиваетъ къ этому событію бывшее по преданію подъ Хлыновомъ избіеніе вятчанами устюжанъ, но повидимому здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе. Мы склонны думать, что это преданіе есть не болѣе, какъ предположеніе какого-то книжника, знакомаго съ мѣстными лѣтописями (напр. Юферевскимъ Временникомъ) и имѣвшаго въ рукахъ синодикъ древней редакціи, гдѣ очень неопредѣленно упоминается о какихъ-то побіенныхъ 4000 воинахъ.

Digitized by Google

князей пришельцами со всѣхъ сторонъ. Домъ Юрья Дмитріевича успѣваетъ настолько упрочить свое вліяніе въ Вяткѣ, что вятчане вмѣстѣ съ галичанами являются неизмѣнными пособниками его дѣтей въ многолѣтней борьбѣ ихъ съ Москвою. Въ 1428 г. великій князь договоромъ еще разъ торжественно признаетъ права Юрія Дмитріевича на Вятку (при чемъ даже не требуетъ за нее дани и ямa), а этотъ духовнымъ завѣщаніемъ, написаннымъ около 1434 г., передаетъ ее, вмѣстѣ съ Галичемъ, младшему сыну своему, знаменитому послѣ Дмитрію Шемякѣ. Въ это время на Вяткѣ уже существовали города и волости.

Въ борьбѣ юрьевичей за великокняжескій столъ вятчане принимаютъ далеко непослѣднее участіе. Они, вмѣстѣ съ галичанами и сами собою, охотно идутъ съ галицкими князьями, который бы ихъ ни позвалъ. Вѣрныхъ московскому князю устюжанъ юрьевичи никакими уговорами и даже насиліями не могли склонить на свою сторону, а вятчане идутъ къ нимъ по первому зову, между прочимъ можетъ быть потому, что ихъ привлекала перспектива легкой наживы, на которую легко было разсчитывать во время этого ожесточеннаго междоусобія; быть можетъ также, что юрьевичи умѣли склонять къ себѣ вятчанъ льготами и обѣщаніями. Въ 1434 г. великій князь Василій Васильевичъ послалъ на юрьевичей большую рать со своимъ воеводой Юрьемъ Патрикѣевичемъ; тѣ встрѣтили московское войско на Куси съ одними вятчанами и галичанами и такъ разбили его, что даже успѣли взять въ плѣнъ самого воеводу. Послѣ этого они скрылись въ Галичъ и, кажется, отпустили вятчанъ. Вскорѣ великій князь самъ отправился на Галичъ и опустошилъ землю, но города не могъ взять и ушелъ безъ успѣха. Слѣдующею же весною Юрій Дмитріевичъ явился въ Галичъ къ дѣтямъ, собралъ вои многи, посла по вятчанъ и съ помощью этого войска безъ труда занялъ великое княженіе. Послѣ его смерти, случившейся въ томъ же году, вновь неурядица продолжалась. Василій Косой отправился съ галичанами къ Костромѣ, вызвалъ сюда вятчанъ и двинулся на Москву, гдѣ великій князь встрѣтилъ его и разбилъ. Князь Василій убѣжалъ въ Кашинъ и, успѣвъ собрать тамъ отрядъ, пошелъ изгономъ на Вологду, а отсюда на Кострому, гдѣ сталъ ждать вятчанъ, чтобы идти на Москву, но вятчане почему-то на этотъ разъ не явились. Василій Юрьевичъ ограничился тѣмъ, что послалъ отсюда великому князю разметныя, а самъ

Digitized by Google

пошелъ въ Галичъ. Затѣявъ силою привлечь къ себѣ устюжанъ, онъ послалъ по вятчанъ и самъ глубокою зимою отправился на Устюгъ. Здѣсь онъ долго ждалъ вятчанъ подъ Гледѣнемъ (9 недѣль), наконецъ съ ихъ помощью взялъ городъ на цѣлованье и весною съ Устюга вмѣстѣ съ вятчанами и дворомъ Дмитрія Шемяки пошелъ на Вологду, а оттуда на Москву, но въ Ростовской области былъ взятъ въ въ плѣнъ. Какъ извѣстно, вятчане оказались невольною причиною того, что Василій Юрьевичъ въ плѣну былъ ослѣпленъ. Предполагая, что князь Василій ведетъ много судовой силы по Волгѣ, великій князь приказалъ ярославскому князю Александру Ѳедоровичу собрать судовую рать и стать съ нею подъ Ярославлемъ. Силы у князя Александра собралось 7000 чел. Дѣйствительно, по Волгѣ вверхъ пробирались на судахъ вятчане, но ихъ было всего 400. Услышавъ о близости ярославскаго войска, они, недоходя до города за 15 вер., покинули въ одной рѣчкѣ свои суда, а сами пѣшкомъ «поскочили» къ войску Василья Юрьевича, но не поспѣли во время и должны были бѣжать назадъ къ своимъ судамъ. Проходя на зарѣ мимо Ярославля, вятчане узнали отъ чернеца, что ярославскій князь стоитъ вблизи на устьѣ Которосли со всею силою. Былъ густой утренній туманъ. Чтобы обезпечить себѣ отступленіе, вятчане рѣшились на очень смѣлое дѣло. Изъ нихъ 40 отважныхъ ратниковъ бросились на шатеръ князя Александра, захватили его сонnаго съ княгинею, кинулись на ближайшія суда, оттолкнулись и поплыли внизъ. Княжескіе люди проснулись, схватили оружіе и хотѣли стрѣлять, но вятчане стали съ топорами надъ плѣнниками и угрожали ихъ погубить, если кто-нибудь спуститъ хоть одну стрѣлу. Самъ князь упрашивалъ не стрѣлять. Вятчане стали на другомъ берегу Волги и взяли съ князя большой окупъ (400 р.), но его всетаки не отпустили, а повели съ собою на Вятку мимо Казани; вѣроятно, они боялись погони, а быть можетъ ожидали еще большаго выкупа. Узнавъ объ этомъ событіи, великій князь «велѣлъ князю Василію Косому очи выняти».

Еще по договору 1434 г. Дмитрій Шемяка долженъ былъ отказаться отъ Вятки, и она перешла во владѣніе московскаго князя. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1440 г., послѣдній снова передаетъ ее юрьевичамъ «по отца вашего послѣднему доконанію», и окончательно присоединяетъ ее къ своимъ владѣніямъ только послѣ 1450 г. Любопытно, что около 1446 г. Дмитрій Ше-

Digitized by Google

мяка, тогда великій князь, отдаетъ Вятку суздальскимъ князьямъ, ближайшимъ родственникамъ умершаго на Вяткѣ въ 1405 г. Симеона Дмитріевича, въ числѣ ихъ прадѣдины, дѣдины и отчины (вмѣстѣ съ Суздалемъ, Нижнимъ-Новгородомъ и Городцемъ). Очевидно, суздальскіе князья не забывали, что Вятка нѣкогда принадлежала ихъ роду, а не галицкимъ и московскимъ князьямъ.

Переходъ Хлыновской области во власть московскихъ князей долгое время остается лишь номинальнымъ. Во время продолжительныхъ и безпрерывныхъ междоусобицъ, въ которыхъ она должна была принимать участіе, Вятка деморализировалась и стала вырабатывать новую схему для своей дальнѣйшей исторической жизни. Начинается эта ожесточенная борьба за московское великое княженіе, Вятка остается безъ господина, въ ней нуждаются, заискиваютъ, она дѣятельно выступаетъ въ войскѣ юрьевичей и проникается духомъ ихъ борьбы съ Москвою. Эта борьба не была борьбою за политическую идею, а имѣла совершенно личный характеръ, и развила въ сѣверныхъ областяхъ духъ своеволія и хищничества, съ которыми московскому князю пришлось бороться послѣ того долгое время. Во время долгой и тяжкой борьбы Московскихъ князей съ Новгородомъ и Казанью вятчане были предоставлены самимъ себѣ, и благодаря этому Хлыновъ дѣлается убѣжищемъ безпокойныхъ скитальцевъ, бѣглецовъ, авантюристовъ всякаго рода, всѣхъ, кто былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, чего-нибудь опасался или что-нибудь предпринималъ. Судьбами вятской области начинаютъ руководить предпріимчивые и честолюбивые проходимцы, люди въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ политическихъ стремленій и имѣющіе въ виду одни личные интересы. Они безъ труда пріобрѣтаютъ въ деморализированной землѣ вліяніе, и вотъ Вятка на нѣкоторое время становится хищническимъ гнѣздомъ, небезопаснымъ для сосѣдей, кто бы они ни были. Цѣлое поколѣніе подросло на Вяткѣ, прежде чѣмъ московскіе князья могли обуздать своеволіе своей далекой вотчины. За это время вятчане не разъ совершенно открыто выходили изъ повиновенія и даже передавались во власть Казанскихъ царей.

Своеволіе вятчанъ начинается еще до того времени, какъ Шемяка былъ окончательно смиренъ. Такъ намъ извѣстно, что въ 1436 г. они неожиданно явились на Устюгъ подъ стѣнами Гледѣна и сожгли его. Два года спустя они снова идутъ сюда же. Жители Гледѣна, испуганные недавнимъ разгромомъ, скрылись

Digitized by Google

въ лѣсахъ. Вятчане такъ разорили городъ, что устюжане послѣ того рѣшились поставить его на новомъ мѣстѣ. Въ исторіи послѣдней отчаянной попытки Шемяки добыть московскій столъ (1450 г.) имени вятчанъ не упоминается, быть можетъ потому, что они были удержаны вліяніемъ намѣстника или другими, болѣе дѣйствительными средствами. Наиболѣе сильное своеволіе Вятка проявляетъ въ срединѣ и въ концѣ XV в., т. е. тотчасъ послѣ окончанія борьбы съ Москвою юрьевичей и затѣмъ во время оживившейся борьбы съ Казанью.

Въ 1455 г вятчане соединились съ вогульскимъ княземъ Асыкой и вмѣстѣ съ нимъ совершили хищническій набѣгъ на сысольскихъ, вымскихъ и вычегодскихъ зырянъ, уже давно просвѣщенныхъ крещеніемъ. Одного полону они увели тогда болѣе 1500 человѣкъ. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи къ вятчанамъ, написанномъ по этому случаю, въ такихъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ проявленную ими при этомъ жестокость и кровожадность, что хотѣлось бы видѣть въ его словахъ большую долю условнаго риторизма. Упомянутое посланіе до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ управленіемъ Вятки за это время и выясняетъ характеръ ея своеволія. Митрополитъ упрекаетъ вятчанъ, что они ни во что ставятъ крестное цѣлованіе великому князю и постоянно нападаютъ на его вотчины; напоминаетъ, что они *издавна* соединяются съ врагами своего князя, что они приходили съ Шемякой на Галичъ, Устюгъ и Вологду, что цѣловали крестъ у Дм. Ряполовскаго, три раза у Глѣба Семенова, дважды у Александра Мякинина, и, нисколько не стѣсняясь измѣнять клятвѣ, тотчасъ же принимались за грабежъ сосѣднихъ земель: «да то крестное цѣлованіе забывъ, завсегда измѣняюще и христіянъство губите, и съ тѣми христіянъскыми губители и *сами собою* вотчину его воюете безпрестанно, христіянъство губите убійствомъ и полономъ и грабленіемъ, и церкви Божьи разоряете и грабите вся церковная приходія, кузънь и книгы и колоколы, и вся творите злая и богомерзкая дѣла, якоже погании» [1]). Кажется, къ этимъ винамъ слѣдуетъ еще прибавить, что вятчане отказались платить дань великому князю и можетъ быть изгнали его намѣстника. Митрополитъ требуетъ, чтобы они добили челомъ великому князю за грубость, возвратили награбленное въ церквахъ и отпу-

[1]) Извѣстно, что Асыка въ 1455 г. убилъ Пермскаго епископа Питирима.

Digitized by Google

стили бы весь полонъ. Грамота митр. Іоны была отправлена съ кинешемскимъ игуменомъ Нафономъ, которому кромѣ того поручено увѣщевать вятчанъ къ послушанію изустною рѣчью; онъ же привезъ грамоту митрополита священству Вятской земли, которое по невѣдѣнію сильно отступало отъ церковныхъ установленій и не оказывало на своихъ духовныхъ дѣтей смягчающаго вліянія [1]).

Изъ посланій митрополита Іоны мы видимъ, что вятчане въ XV в. имѣли свою земскую власть, по крайней мѣрѣ военную: земскихъ воеводъ (ихъ въ срединѣ XV в. было три, вѣроятно, по числу тогдашнихъ вятскихъ городовъ: Яковъ Пугвинъ, Оникѣй и Юрій Алексѣевичи Мышкина), ватамановъ и подвойскихъ. Кромѣ нихъ на Вяткѣ отмѣчаются: бояре, купцы и житьи люди. Вятская область въ это время была очень не велика, такъ какъ ограничивалась только уѣздами трехъ городовъ (Хлынова, Орлова и Котельнича), отстоящихъ другъ отъ друга всего на сотню верстъ.

Проявивъ своеволіе въ набѣгѣ на Пермь въ 1455 г., вятчане не только не добили челомъ великому князю въ своей винѣ, но даже отказались платить ему дань и, вѣроятно, заставили удалиться намѣстника. За это непослушаніе великій князь въ 1458 г. послалъ на Хлыновъ большую рать съ кн. Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ и съ Иваномъ Ряполовскимъ, однимъ изъ самыхъ близкихъ и заслуженныхъ своихъ бояръ. Воеводы пришли подъ Хлыновъ и долго здѣсь стояли въ бездѣйствіи, «а городъ не взяли, занеже Григорей Перхушковъ (быть можетъ, вятскій намѣстникъ) у вятчанъ посулы ималъ, а имъ норовилъ». Вѣроятно, объ этомъ узнали въ Москвѣ, и въ слѣдующемъ 1459 г. великій князь снаряжаетъ на Вятку серьезный походъ, отправивъ туда на этотъ разъ нѣсколькихъ воеводъ (Ивана Юрьевича Патрикѣева, Ивана Ивановича и Дмитрія Ряполовскаго) и весь свой дворъ; къ московской силѣ по пути примкнули устюжане. Съ Устюга рать двинулась на Молому, взяла сперва Котельничъ, потомъ Орловъ и наконецъ осадила Хлыновъ. Воеводы, быть можетъ согласно данному приказанію, медлили приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ и долго стояли подъ городомъ, пока сами вятчане

[1]) Нѣсколько позднѣе митр. Іона послалъ на Вятку своего десятильника, которому поручилъ наблюдать здѣсь за правильнымъ исполненіемъ церковныхъ постановленій.

Digitized by Google

не добили великому князю «какъ надобѣ государю на всей его волѣ». Тогда они прекратили грабежъ земли, привели вятчанъ къ крестному цѣлованію и возвратились въ Москву.

Почти около того же времени татары, пользуясь благопріятными историческими условіями, стали твердою ногою на Камѣ и Волгѣ и, подчинивъ своей государственной и культурной власти окружающихъ инородцевъ, основали на развалинахъ болгарскаго княжества сильное казанское царство, которое уже однимъ своимъ возникновеніемъ вызвало сильное движеніе на сѣверовостокѣ; образовались новые союзы, возникъ цѣлый рядъ новыхъ столкновеній. Московскіе князья принуждены были напрячь всѣ свои силы для парализированія завоевательныхъ и хищническихъ стремленій вѣчно безпокойнаго сосѣда. Въ этой борьбѣ Вятка пріобрѣтаетъ для обѣихъ сторонъ большое значеніе, такъ какъ находилась въ тылу и русскихъ, и казанскихъ владѣній. Съ теченіемъ времени московскія войска избираютъ ее обычнымъ путемъ для внезапныхъ нападеній на Казань. Съ своей стороны, казанскіе цари не могли не видѣть, какое большое стратегическое значеніе имѣетъ для Москвы вятская область, и не могли оставить ее въ покоѣ; они всевозможными средствами стараются пріобрѣсти ея расположеніе или нейтралитетъ, держатъ здѣсь своихъ пословъ, а въ случаѣ особенной надобности покоряютъ ее себѣ силой. Въ ихъ же интересѣ было поддерживать на Вяткѣ духъ своеволія или даже мечту о независимости. Политика Казани имѣла успѣхъ. Случалось, что вятчане отказывались идти съ войскомъ великаго князя, ссылаясь на то, что «изневолилъ насъ царь, и право свое есмя дали ему, что намъ не помогати царю на великаго князя, ни великому князю на царя». Иногда черезъ Вятку, вѣроятно, при условіи ея нейтралитета, татары и черемисы дѣлали нападенія на великокняжескія области, особенно на Устюгъ.

Въ то же время великій князь ведетъ дѣятельную борьбу съ Новгородомъ. Вятская область и въ этой борьбѣ пріобрѣтаетъ важное значеніе. Она оказалась вклиненною между казанскими и новгородскими владѣніями, и съ которыми бы изъ двухъ сосѣдей великій князь ни воевалъ, приходилось посылать значительные отряды на Вятку. Благодаря тому, что изъ вятской области текутъ судоходныя рѣки въ Двину и въ Каму, отсюда можно было сдѣлать быстрый набѣгъ на ту и другую изъ враждебныхъ земель, и несравненно труднѣе было проникнуть на Вятку. Вотъ любопытная

Digitized by Google

особенность географическаго положенія хлыновской области, которая дѣлала ее весьма удобною въ стратегическомъ отношеніи.

Съ мѣстными инородцами, вотяками и черемисами, у вятчанъ бывали и враждебныя столкновенія, существовали между ними и дружелюбныя отношенія. Входя прежде въ составъ болгарскаго царства, вятскіе инородцы безъ труда подчинились татарамъ и не разъ выступали въ качествѣ вѣрныхъ союзниковъ ихъ противъ русскихъ, предпринимая иногда даже единоличныя нападенія на русскія земли. Но таковы по преимуществу были черемисы. Мирные вотяки, въ области которыхъ появились первыя русскія поселенія, стали постепенно уходить съ своихъ земель на Чепцу и по другимъ мѣстамъ. Уже сосѣдство незначительнаго сперва поселенія смѣлыхъ и предпріимчивыхъ русскихъ людей казалось имъ безпокойнымъ, но когда вотяки увидѣли быстрый ростъ колоніи, а особенно когда поражены были появленіемъ въ своей области многочисленныхъ русскихъ отрядовъ и даже войска, они массами и навсегда покинули старинныя земли, хотя вѣроятно среди нихъ многіе предпочли остаться въ русскихъ городахъ и постепенно изчезли въ общей массѣ своихъ гостей-хозяевъ. Вообще замѣтно, что хлыновцы не враждовали съ вотяками, а напротивъ находились съ ними въ мирныхъ отношеніяхъ и иногда пользовались со стороны ихъ кое-какими услугами.

При такихъ историческихъ условіяхъ мирный, спокойный ростъ хлыновской области сталъ невозможенъ. Поставленная между Казанью, Новгородомъ, великимъ княземъ, сосѣдями—инородцами и собственными стремленіями къ нѣкоторой независимости, Вятка въ теченіи 30 лѣтъ жила очень бойкою историческою жизнію, и лѣтописи не перестаютъ въ это время говорить о ней.

Въ 1462 году великій князь снаряжаетъ съ Вятки походъ на черемисъ. Въ походѣ приняли участіе вологжане, устюжане, галичане и вятчане (?). Воеводами были назначены Борисъ Кожуновъ и вятскій намѣстникъ (?) Борисъ Слѣпецъ. Воеводы спустились въ низовья Вятки, разорили здѣсь черемисскія земли, вышли на Каму и поднялись по ней на верховья въ Великую Пермь, вѣроятно, воюя земли попутныхъ инородцевъ, напр. тѣхъ же черемисъ и сарапульскихъ вотяковъ. Тѣмъ временемъ, воспользовавшись отсутствіемъ войска, казанскіе татары съ черемисами ходили на Устюгъ. Четыре года спустя (въ 1466 г.) вятчане, пользуясь тѣмъ, что великій князь снарядилъ большой

Digitized by Google

походъ на Казань по Волгѣ, дѣлаютъ самовольный набѣгъ на Двину. Шли они мимо Устюга на Кокшенгу и Вагу. Устюжскій намѣстникъ Сабуровъ отправилъ къ великому князю гонца съ запросомъ о вятчанахъ, и получилъ приказъ перенять ихъ на обратномъ пути. Вооруживъ устюжанъ, Сабуровъ успѣлъ исполнить данное ему порученіе, но вятчане нашлись: они дали намѣстнику посулъ, и тотъ черезъ три дня ихъ отпустилъ. Нѣтъ основанія думать, что въ походѣ этого года принимали участіе многіе вятчане; вѣроятнѣе, что это было небольшой ушкуйничій набѣгъ. Въ слѣдующемъ году небольшой отрядъ вятчанъ (120 ч.), по вызову пермяковъ, вмѣстѣ съ ними ходилъ на безпокойнаго вогульскаго князя Асыку. Походъ былъ удаченъ; самъ Асыка попалъ въ плѣнъ и былъ приведенъ на Вятку.

Въ 1468 году повторяется исторія похода 1462 г., только съ новыми лицами и съ инымъ исходомъ. Въ этомъ году великій князь назначилъ съ Вятки походъ на казанскихъ татаръ. Воеводы собрались подъ Котельничемъ, отсюда спустились на черемисъ, вышли на Каму и по ней добрались до извѣстнаго татарскаго перевоза, близъ котораго побили и ограбили много купцовъ; отсюда снова поднялись вверхъ, по дорогѣ зашли въ р. Бѣлую, прошли до Великой Перми и наконецъ благополучно добрались до Устюга, откуда возвратились въ Москву «всѣ по здорову». Не поздоровилось только вятчанамъ. Они приняли сперва большое участіе въ походѣ, но потомъ должны были отстать, такъ какъ казанскіе татары сдѣлали неожиданное нападеніе на Хлыновъ (черезъ Чепцу или Пижму?); только 300 вятчанъ остались съ воеводами. Оказалось, что казанская рать была очень сильна: «и не возмогоша вятчане противитися имъ, предашася за казанскаго царя Обреима». Кажется, въ то же время татары отправились на Устюгъ и сожгли Кичменгу. Въ слѣдующемъ 1469 году великій князь снарядилъ походъ на Казань. Одна рать должна была идти съ Вятки (воеводою былъ назначенъ кн. Данилъ Ярославскій), другая по Волгѣ (воевода кн. Беззубцевъ). Князь Данилъ пришелъ съ Москвы на Устюгъ, добрался на судахъ до Вятки и словомъ великаго князя потребовали отъ вятчанъ, чтобы они шли на Казань. Вятчане отвѣчали, что они не могутъ идти, такъ какъ царь Ибрагимъ взялъ съ нихъ клятву не помогать ни той, ни другой сторонѣ. Такъ они и остались при своемъ, а пока воевода продолжалъ настаивать.

Digitized by Google

бывшій на Вяткѣ казанскій посолъ успѣлъ вовремя извѣстить своихъ, что отсюда идетъ судовая рать великаго князя «а не во многѣхъ». Татары встрѣтили князя Данила подъ Казанью и страшно его разбили. Въ то же время Беззубцевъ дѣлаетъ неожиданное нападеніе на Казань и освобождаетъ русскихъ плѣнниковъ, между прочимъ и вятскихъ, затѣмъ останавливается подъ Казанью и ждетъ судовой рати. Узнавъ объ ея пораженіи, Беззубцевъ отправляетъ гонца къ вятчанамъ съ требованіемъ чрезъ мѣсяцъ стать подъ Казанью, но тѣ снова отвѣчаютъ отказомъ. Впрочемъ на этотъ разъ они сказали, что если на Казань пойдутъ братья великаго князя, т. е. если будетъ назначенъ рѣшительный походъ, тогда пойдутъ и они. Такъ, подождавъ еще мѣсяцъ и ничего не сдѣлавъ, Беззубцевъ воротился въ Нижній Новгородъ. Осенью того же года великій князь снаряжаетъ такой походъ на Казань, что царь Ибрагимъ долженъ былъ ему покориться «на всей его волѣ», и, конечно, съ этого времени вятчане снова являются въ московскомъ войскѣ. Потерпѣли ли они что-нибудь за свою вину, неизвѣстно.

Такъ какъ со времени покоренія Казани Вятка перестаетъ имѣть для московскаго князя прежнее значеніе, и онъ обращаетъ на нее уже менѣе вниманія, то при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ у вятчанъ вновь появляется своеволіе и даже мечта о независимости. Въ 1471 г., подъ предводительствомъ земскаго воеводы Кости Юрьева, значительный отрядъ вятчанъ отправляется въ судахъ на Сарай. Набѣгъ этотъ былъ полонъ приключеній. Опустошеніе въ Сараѣ они произвели страшное: кого только могли, изсѣкли, все, что можно было, разграбили, собрали «безчисленное множество» полону, въ томъ числѣ и княгинь сарайскихъ. Разгромъ былъ произведенъ съ лихорадочною поспѣшностью, потому что татары Большой Орды кочевали всего за день отъ Сарая, и можно было ожидать погони. Въ самомъ дѣлѣ, многое множество татаръ бросилось перенимать удальцовъ на Вяткѣ и заступили своими судами всю рѣку, но тѣ какъ то успѣли увернуться и ускользнуть, даже ничего неистерявъ. На дальнѣйшемъ пути вятчанъ хотѣли перенять казанскіе татары, но тоже неудачно, такъ какъ ихъ вѣроятно собралось мало. «Вятчане же бившеся съ ними и проидоша здравы со всѣмъ полономъ, и многіе отъ обоихъ падоша ту», говоритъ лѣтописецъ. На Вяткѣ имъ было уже готово новое дѣло. Въ это

Digitized by Google

время великій князь стоялъ подъ Новгородомъ, и новгородцы, желая отвлечь его, собрали большую силу на Двинѣ (12000 ч.), чтобы напасть на оставшіяся безъ прикрытія сѣверныя земли. Въ распоряженіи великаго князя оставались только устюжане и вятчане. Онъ тотчасъ отдалъ приказаніе устюжскому намѣстнику Василью Образцу и вятскому Борису Слѣпцу собрать ратниковъ и идти на встрѣчу новгородцамъ. Войска великаго князя собралось около 4000, т. е. втрое меньше новгородскаго: «И пріидоша противу ихъ и срѣтошася на Двинѣ въ судѣхъ, и выидоша обои изъ судовъ на берегъ, и бысть межи ими бой и сѣча зла, и погнаша устюжане и вятчане, а новгородцы побѣгоша; устюжане и вятчане идоша на двинскіе городки и погосты».

Въ 1477 и 1478 гг. великій князь былъ занятъ серьезною борьбою съ Новгородомъ. Ибрагимъ пользуется этимъ случаемъ и дѣлаетъ нѣсколько набѣговъ на Вятку и Устюгъ. Въ 1477 или 1478 г. онъ на масляницѣ явился на Вятку и стоялъ здѣсь 4 недѣли, причинивъ христіанамъ много зла; однако вятчане успѣли побить много татаръ подъ городами своими и послѣ, соединившись съ устюжанами, отправились на Каму. Здѣсь вятчане произвели такое опустошеніе, что Ибрагимъ умолялъ великаго князя унять ихъ, «и умиристася, коже, якоже угодно великому князю». Нѣкоторыя лѣтописи даютъ большія подробности о событіяхъ этого года. Прослыша, что великій князь убѣжалъ изъ подъ Новгорода самъ четверть, раненный, Ибрагимъ въ великій мясопустъ явился на Вятку, села и волости повоевалъ, а града не взялъ ни единаго. Пошелъ было на Устюгъ, ино Молома рѣка была водяна, нельзя итти, и онъ, шедъ одинъ день, да воротился. Пріиде царю правая вѣсть, что великій князь взялъ Новгородъ—толь скоро побѣгоша, елико варяху въ котлѣхъ ѣству, все опрометаша. Тотчасъ же великій князь посылаетъ на Ибрагима намѣстниковъ вятскаго (того же Бориса Слѣпца) и устюжскаго (Вас. Образца) съ судовою ратью. Воеводы подошли даже подъ Казань, но настала бурная и дождливая погода, такъ что они должны были оставить мысль о приступѣ къ городу и стали на Волгѣ. «Вятчане же и устюжане плѣниша по Камѣ, множество безчисленно изсѣкоша, а иныхъ и въ полонъ поимаша». И посла царь казанскій съ челобитьемъ къ великому князю, князь же великій пожаловалъ его.

Пришло время, когда Вяткѣ было суждено сдѣлать серьез-

Digitized by Google

ную попытку отложиться отъ Москвы. Какъ только великій князь сильно занятый борьбою съ Новгородомъ, пересталъ обращать вниманіе на Хлыновъ, здѣсь начинаются какіе-то безпорядки, приведшіе къ формальному отпаденію вятчанъ отъ московскаго князя и къ разгрому области. Какія соображенія, какія обстоятельства могли дать хлыновцамъ мысль о независимости? Изъ подробнаго разсказа лѣтописи о покореніи Вятки мы узнаемъ, что главными виновниками отпаденія ея было нѣсколько коромольниковъ, которыхъ мы даже знаемъ по именамъ. Кто это были: просто ли проходимцы, новгородскіе ли бѣглецы или патріоты вятчане, помышляющіе о новомъ политическомъ существованіи для Вятки, этого мы, конечно, не можемъ сказать съ увѣренностью. Всего вѣроятнѣе думать, что это были новгородскіе или двинскіе бояре, мечтавшіе продолжать борьбу съ московскимъ княземъ на Вяткѣ. Какъ бы то ни было, но великій князь, пославшій въ 1485 г. на Казань рать съ казанскимъ царевичемъ Махметъ-Аминемъ, получилъ вѣсть, что вятчане «отступили» отъ него. Въ мартѣ 1486 г. они пришли ратью на Устюгъ. У самаго города они не были, такъ какъ предупрежденные устюжане успѣли запереться, за то они простояли цѣлый день подъ Осиновскимъ городкомъ; видя, что его не взять, они пошли прочь и разграбили 3 волости. Устюжане отправились было въ погоню за вятчанами, но не настигли. Подъ Троицынъ день вятчане снова появились около Устюга, на судахъ, но подъ Осиновцемъ у нихъ сбѣжалъ земскій воевода Костя Юрьевъ, и они въ ту же ночь побѣжали обратно къ Вяткѣ. Юрьевъ вѣроятно шелъ неохотно или даже прямо противъ воли и, улучивъ удобный моментъ, рѣшился на побѣгъ. Для этого онъ воспользовался обѣденною порою. Сдѣлавъ видъ, что ему надо набрать для сына сосноваго соку противъ мучившей его лихорадки, онъ, взявъ топоръ, отправился съ сыномъ въ сосѣдній лѣсъ, да тамъ и пропалъ. «А вятчане хватилися, оже воеводы нѣтъ, утекъ, и они возмялись, начаша къ городу приступати, чаючи въ городѣ. Осиновляне же имъ правду сказаша, что воевода ихъ на конѣхъ и съ проводники къ великому князю побѣглъ; и они въ ту ночь побѣгоша къ Вяткѣ». Осиновляне поспѣшили дать Юрьеву лошадей и отпустили его къ Москвѣ со многими людьми, за что послѣ и были пожалованы. Костя Юрьевъ не могъ скрыть въ Москвѣ того, что зналъ о намѣреніяхъ вятчанъ, и великій князь по этимъ

Digitized by Google

вѣстямъ отправилъ на нихъ со многою силою воеводу Шестака Кутузова. Кутузовъ умирился съ вятчанами и представилъ князю дѣло отпаденія ихъ въ смягченномъ видѣ. Однако на самомъ дѣлѣ своеволіе ихъ продолжало сказываться. Пользуясь тѣмъ, что борьба московскаго князя съ Казанью продолжалась (1485—1487 г.), вятчане не только не принимаютъ участія въ его походахъ, но даже нападаютъ на его вотчины. Такъ въ 1488 г. ихъ ждали на Устюгѣ воеводы великаго князя Оболенскій и Кутузовъ, «берегли земли устюжскія отъ вятчанъ». Однако на этотъ разъ вятчане не явились, и воеводы, простоявъ до осени, пошли прочь.

Наконецъ «неисправленіе» вятчанъ вызвало совершенный разгромъ хлыновской области, подобный разгрому Новгорода. Весною слѣдующаго 1489 г. великій князь (тогда Иванъ III) снаряжаетъ такую силу, которая должна быть сразу и навсегда сломить самоволіе вятчанъ. По его слову, на Хлыновъ двинулись рати съ трехъ сторонъ: съ Москвы, съ Устюга и Казани. Московская рать, состоявшая преимущественно изъ москвичей, владимирцовъ и тверчанъ, шла на Хлыновъ конями со стороны Ветлуги, дошла до Котельнича 30 іюля и уже застала здѣсь сѣверную рать, составившуюся изъ устюжанъ, двинянъ, важанъ, картопольцевъ, бѣлозерцевъ, вологжанъ, вычегжанъ, вымычей и сысоличей. Эта рать подошла къ Котельничу по Моломѣ на судахъ и ждала здѣсь славныхъ воеводъ съ московскою силою почти недѣлю. Войско готовилось къ походу подъ Хлыновъ и между тѣмъ поджидало отрядъ казанскихъ татаръ, которыхъ по требованію великаго князя обязался прислать на Вятку царь Махметъ-Аминь. Ожидаемый отрядъ явился въ скоромъ времени, ко 2 августа; онъ состоялъ изъ 700 конныхъ татаръ подъ командой воеводы Урава. Лѣтопись говоритъ, что всего подъ Котельничемъ собралось тогда до 64 тысячъ московскаго войска; число это, конечно, сильно преувеличено, но самое преувеличеніе его показываетъ, что походъ на Вятку современники признавали весьма значительнымъ и что великому князю было необходимо покорить эту область чего бы то ни стоило. Въ большой полкъ воеводой былъ назначенъ князь Данило Щеня (впослѣдствіи прославившійся многими удачными походами) и князь Чернятинскій; на правой рукѣ стояли воеводы Никулинскій, Бороздинъ и Беззубцевъ, на лѣвой—Бокѣевъ, Семенъ Карповичъ и Ивашинъ, въ передовомъ полку—Морозовъ и Коробовъ. Въ судовой ратн главнымъ воево-

Digitized by Google

дой былъ Иванъ Салтыковъ-Травинъ, а подъ нимъ: кн. Кубенскій, Юрій Шестакъ, устюжскій намѣстникъ Иванъ Злоба и кн. Звенецъ. Отрядъ Травина и Звенца составилъ сторожевой полкъ. Такъ какъ вятчане успѣли привлечь на свою сторону вотяковъ, или вѣрнѣе владѣвшихъ вотяками татарскихъ князей, то великій князь послалъ на Каму кн. Бориса Горбатаго, поручивъ ему наблюдать за спокойствіемъ занятыхъ инородцами прикамскихъ земель.

6-го августа, въ Преображеньевъ день, вся сила великаго князя поднялась изъ подъ Котельнича и двинулась на Хлыновъ. Хотя отъ Котельнича до Хлынова разстоянія не болѣе 100 вер., но переправа черезъ двѣ рѣки (Молому и Вятку) такъ задержала войско на пути, что оно стянулось къ Хлынову только черезъ 10 дней, 16 августа, въ третьемъ часу дня. Вѣроятно, хлыновцы не разсчитали, что долготерпѣніе великаго князя могло совершенно истощиться, и появленіе на Вяткѣ столь многочисленныхъ гостей было для нихъ вполнѣ неожиданнымъ. Они захвачены были врасплохъ и не могли придумать никакого выхода изъ своего положенія. Главные крамольники не успѣли даже бѣжать. Какъ бы то ни было, хлыновцы съ мужествомъ отчаянія заперлись въ городѣ и, можетъ быть, замышляли дѣятельное сопротивленіе, пока ясно не убѣдились, что оно вполнѣ не возможно. Тогда они, вѣроятно послѣ долгихъ переговоровъ, отравили какого-то Ивана Осиповича Глазатово къ воеводамъ просить у нихъ опаса до завтра. Посланецъ былъ снабженъ добрыми поминками и съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе. На слѣдующій день городскія ворота отворились, и самые значительныя лица Вятской страны вышли со словомъ покорности и просьбой о пощадѣ. Они били челомъ воеводамъ, «чтобы рать земли вятскія не воевала, а мы великому князю челомъ бьемъ и покоряемся на всей волѣ великаго князя, а дань даемъ и службу служимъ». Воеводы принимали покорность, но не могли согласиться дать всѣмъ прощеніе и потребовали, чтобы имъ прежде всего были выданы головами три главные крамольника: Иванъ Аникіевъ, Пахомъ Лазаревъ и Павелъ Богадайщиковъ. Дороги были эти люди хлыновцамъ, которые не могли не знать, что ихъ ожидаетъ вѣрная и можетъ быть мучительная смерть, не могли они сразу рѣшиться и просили воеводъ дать имъ подумать до завтра. Но прошли два дня, вятчане не высылали желаемаго отвѣта и наконецъ сказали, что они этихъ трехъ человѣкъ не вы-

Digitized by Google

дадутъ. Тотчасъ въ московскомъ войскѣ поднялись сильныя хлопоты: воеводы назначили приступъ и приказали каждому человѣку приготовить по беремени береста и смолистыхъ веществъ да по 2 сажени плетня на 50 человѣкъ. Когда вятчане увидѣли поставленный кругомъ города сплошной плетень и поняли намѣреніе воеводъ, «видячи свою погибель», вышли изъ города всѣ большіе люди, вывели требуемыхъ лицъ и «добили челомъ воеводамъ на всей волѣ великого князя». Крамольники были немедленно скованы и переданы устюжанамъ, которые должны были поставить ихъ на Москвѣ предъ великимъ княземъ, а затѣмъ воеводы принялись «разводить» Вятку. 1-го сентября 1489 года огромный обозъ изгнанниковъ оставилъ Хлыновъ. Съ женами, дѣтьми и имуществомъ вятчане совершили длинный, тяжелый осенній путь чрезъ Устюгъ до Москвы, подъ надзоромъ строгаго пристава, и были разселены въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ и Дмитровѣ. «И писалися вятчаня въ слуги великому князю», а крамольники были биты кнутомъ и повѣшены. Въ Дмитровѣ были поселены вятчане торговые люди, а въ прочихъ городахъ земскіе люди [1]). Въ неисправленіи вятчанъ принимали также какое то участіе аряне, т. вотяки; они были приведены къ ротѣ, а арскіе князья были представлены въ Москву великому князю, который ихъ пожаловалъ—отпустилъ въ свою землю, вѣроятно разсчитывая, что черезъ нихъ будетъ нетрудно держать вотяковъ въ повиновеніи. Есть основанія думать, что эти аряне жили по Камѣ.

Своеволіе вятчанъ было сломлено навсегда. Новгородъ былъ покоренъ, Казань вполнѣ обезсилена—и имя Вятки сходитъ со страницъ лѣтописей. Начинается мирная колонизація страны пришельцами, стекавшимися отвсюду, особенно съ Устюга, постепенная ассимиляція съ покоренными инородцами и жизнь безъ всякой тѣни политической самостоятельности [2]).

А. Спицынъ.

[1]) Изъ одного документа 1499 г. мы знаемъ фамиліи нѣкоторыхъ переселенныхъ въ московскую землю вятчанъ, именно слѣдующихъ: Пугвина, Татаринова, Юшина, Бобровникова, Алексѣева, Копова, Сафонова.

[2]) Изложенныя свѣдѣнія передаются главнымъ образомъ на основаніи извлеченій изъ русскихъ лѣтописей, помѣщенныхъ въ Вятск. Епарх. Вѣдомост 1879 и 1880 гг. и перепечатанныхъ нами съ дополненіями (впрочемъ не вполнѣ безупречно) въ Вятскомъ Календарѣ на 1885 г. въ статьѣ «Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ».

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

M303217

M303217

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045541857

Digitized by Google

Digitized by Google